

БИБЛІОТЕКА

ТВОРЕНІЙ СВ. ОТЦЕВЪ И УЧИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ

ЗАПАДНЫХЪ,

ИЗДАВАЕМАЯ ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

КНИГА 22.

Твореній блаженнаго Августина,

ЕПИСКОПА ИСПОНІЙСКАГО,

ЧАСТЬ 8.

Цѣна 2 руб. съ перес.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4.

1895.

ТВОРЕНІЯ
БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА,

епископа Иппонійскаго.

ЧАСТЬ 8.

КІЕВЪ.

Типографія Р. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4.
1895.

Изъ журнала „Труды Кіевской духовной Академіи“ за
1893—95 гг.

6296-0

2007085862

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА,
ЕПИСКОПА ИППОНІЙСКАГО,
О КНИГѢ БЫТІЯ, БУКВАЛЬНО.

Книга 5.

Отъ словъ 2 главы Бытія: Сія книга бытія небесе и земли и проч. до словъ: Источникъ же исхождаше изъ земли и проч. включительно.

ГЛАВА I.

О томъ, что шесть или семь дней Бытія можно считать повтореніемъ одного дня.

Сія книга бытія небесе и земли, егда бысть день, сотвори Богъ небо и землю, и всякій злакъ селный, прежде даже быти на земли, и всякую траву селную, прежде даже прозябнути: не бо одожди Богъ на землю, и человекъ не баше дѣлати ю. Источникъ же исхождаше изъ земли и орошаше все лице земли (Быт. II, 4—6).—Безъ сомнѣнія, теперь получаетъ большую устойчивость то мнѣніе, что Богъ сотворилъ только одинъ день и что тѣ шесть или семь дней можно считать повтореніемъ одного этого дня; такъ какъ священное Писаніе говоритъ теперь яснѣе, подводя нѣкоторымъ образомъ итогъ всему сказанному съ начала до настоящаго мѣста и заканчивая: Сія книга бытія

или сотворенія *небесе и земли, егда бысть день*. Никто, въ самомъ дѣлѣ, не скажетъ, что небо и земля въ настоящемъ случаѣ поставлены въ томъ же смыслѣ, какъ было сказано о нихъ прежде, чѣмъ сдѣлано указаніе на сотворенный день, т. е. въ словахъ: *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. I, 1). Ибо если эти послѣднія слова понимать такъ, что Богъ сотворилъ нѣчто безъ дня, т. е. раньше, чѣмъ явился день, то въ какомъ именно смыслѣ они могутъ быть принимаемы, объ этомъ я, что считалъ нужнымъ сказать, сказалъ въ своемъ мѣстѣ, не отнимая ни у кого возможности понимать ихъ лучше. Теперь же [бытописатель] говоритъ: *Сія книга бытія небесе и земли, егда бысть день*, достаточно, мнѣ кажется, показывая, что о небѣ и землѣ онъ упоминаетъ здѣсь не въ томъ смыслѣ, какъ въ началѣ, до появленія дня, когда тьма еще была надъ бездною, а въ томъ, какъ сотворены небо и земля, когда явился уже день, т. е. по образованіи и разграниченіи частей и классовъ вещей, изъ коихъ составила вселенная и получила тотъ свой видъ, который называется міромъ.

Такимъ образомъ, въ настоящемъ случаѣ разумѣются то небо, которое Богъ, сотворивъ, назвалъ твердью, со всѣмъ, что на немъ находится, и та земля, которая вмѣстѣ съ бездною заняла низшее мѣсто, со всѣмъ, что на ней находится. Въ самомъ дѣлѣ, [бытописатель] присовокупляетъ дальше: *сотвори Богъ небо и землю*, чтобы названіемъ неба и земли прежде упоминанія о появившемся днѣ и прежде этого вторичнаго упоминанія [того же названія] устранить предположеніе, что теперь онъ называетъ небо и землю въ томъ же смыслѣ, какъ и въ началѣ, т. е. раньше, чѣмъ сотворенъ былъ день. Ибо слова свои онъ ставитъ въ такомъ вѣткостѣ: *Сія книга бытія небесе и земли, егда бысть день, сотвори Богъ небо и землю*; такъ что, если бы кто захотѣлъ первую половину ихъ: *Сія книга бытія небесе и земли* понимать такъ, какъ и изреченіе: *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*,

т. е. раньше, чѣмъ сотворенъ день, на томъ основаніи, что и въ нихъ сначала упоминаются небо и земля, а потомъ—появившійся день, тотъ долженъ исправить [свое пониманіе] сообразно съ словами второй ихъ половины, такъ какъ и послѣ упоминанія о явившемся днѣ названіе неба и земли повторяется снова.

Впрочемъ, уже и выраженіе *егда*, а также прибавленіе: *бысть день* всякому придирчивому [человѣку] показываютъ, что иное пониманіе и невозможно. Ибо если бы сказано было такъ: „сія книга бытія небесе и земли... бысть день, сотвори Богъ небо и землю“, то кто-нибудь могъ бы еще подумать, что въ выраженіи: *книга небесе и земли* небо и земля названы такъ же, какъ и въ началѣ, до сотворенія дня; затѣмъ, выраженіе *бысть день* прибавлено подобно тому, какъ и тамъ потомъ сказано, что Богъ сотворилъ день, почему вслѣдъ за тѣмъ сказано: *сотвори Богъ небо и землю* въ томъ уже смыслѣ, какъ явились они послѣ сотвореннаго дня. Но такъ какъ [бытописатель] вставляетъ выраженіе: *егда бысть день*, которое надобно относить или къ словамъ предыдущимъ, такъ чтобы выходило одно изреченіе: *Сія книга бытія небесе и земли, егда бысть день*, или къ словамъ послѣдующимъ, чтобы опять получалось одно цѣлостное изреченіе: *егда бысть день, сотвори Богъ небо и землю*, то упоминаемая въ этомъ случаѣ небо и землю, безъ сомнѣнія, необходимо понимать такъ, какъ явились они съ появленіемъ уже дня. Наконецъ, послѣ словъ: *сотвори Богъ небо и землю* прибавлено: *и всякій злакъ селный*, что, какъ извѣстно, произведено въ третій день. Изъ всего сказаннаго яснѣе становится, что Богъ сотворилъ одинъ только день, отъ повторенія котораго явились второй, третій и остальные до седьмаго дня включительно.

ГЛАВА II.

Почему прибавленъ полевой злакъ.

Но такъ какъ подъ именемъ неба и земли въ настоящемъ мѣстѣ [бытописатель], по принятому въ Писаніи словопотребленію, хотѣлъ обозначить все вообще твореніе, то можно спросить, почему сдѣлано прибавленіе: *и всякій злакъ селный?*—Мнѣ думается, что прибавленіе это сдѣлано имъ для того, чтобы яснѣе показать, какой именно день имѣеть онъ въ виду, когда говорить: *егда бысть день.* Легко подумать, что [въ настоящемъ случаѣ] имѣется въ виду день того тѣлеснаго свѣта, отъ обращенія котораго происходитъ смѣна дневнаго и ночнаго времени. Но, припоминая себѣ порядокъ творенія природы и находя полевой злакъ сотвореннымъ въ третій день, прежде чѣмъ появилось солнце, присутствіе котораго производитъ обыкновенный ежедневный день, мы, въ виду изреченія: *егда бысть день, сотвори Богъ небо и землю и всякій злакъ селный,* убѣждаемся, что въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ о днѣ, подъ которымъ мы должны разумѣть день или тѣлесный, [происходившій] отъ неизвѣстнаго намъ свѣта, или духовный, [имѣвшій мѣсто] въ обществѣ ангельскаго союза, но во всякомъ случаѣ не такой, какой извѣстенъ намъ теперь.

ГЛАВА III.

Порядокъ повѣствованія даетъ намъ понять, что все создано разомъ.

Не лишне обратить вниманіе и на то, что хотя [бытописатель] и могъ сказать: „сія книга бытія небесе и земли, егда... сотвори Богъ небо и землю“, такъ чтобы подъ небомъ и землей мы разумѣли все, что въ нихъ находится, какъ божественное Писаніе и имѣеть обычай выражаться,

обозначая весьма часто именемъ неба и земли, съ прибавленіемъ иногда моря, вообще все твореніе, а иногда прибавляя еще выраженіе: *и вся яже въ нихъ* (Псал. 105, 6), подѣмъ мы можемъ разумѣть и день или первоначально сотворенный, или же тотъ, который явился съ твореніемъ солнца; но онъ выразился не такъ, а вставилъ день, говоря: *егда бысть день*. Не выразился онъ и такъ: „вотъ происхожденіе дня, неба и земли“, какъ бы [слѣдуя] тому порядку, въ какомъ разсказывается о совершившихся дѣлахъ. И не такъ: „вотъ происхожденіе неба и земли, когда появились день, небо и земля, когда сотворилъ Богъ небо, землю и всякій полевой злакъ“; наконецъ, и не такъ: „вотъ происхожденіе неба и земли, когда Богъ сотворилъ день, небо и землю и всякій полевой злакъ“, хотя свойство языка требовало скорѣе именно такого способа выраженія. А говоритъ такъ: *Сія книга бытія небесе и земли, егда бысть день, сотвори Богъ небо и землю*, какъ бы давая понять, что Богъ сотворилъ небо и землю и всякій полевой злакъ, когда появился день.

Но предыдущее повѣствованіе¹⁾ указываетъ день, первоначально сотворенный, и принимаетъ его за первый день, а за нимъ ставитъ второй день, въ который сотворена твердь, и третій, въ который разграничены виды земли и моря и земля произвела деревья и травы. Развѣ, можетъ быть, повѣствованіе это, какъ мы старались показать въ предыдущей книгѣ, имѣеть то значеніе, что Богъ сотворилъ все разомъ; такъ какъ хотя тамъ и разсказывалось о совершеніи всего сотвореннаго въ порядкѣ шести дней, но теперь подѣмъ неба и земли, съ прибавленіемъ къ нимъ еще рода кустарниковъ, сводится все къ одному дню? Поэтому именно я и сказалъ выше, что если бы читатель понялъ день въ смыслѣ нынѣшняго дня, онъ долженъ исправить свое пони-

¹⁾ Т. е. повѣствованіе, представляемое 1 главою Бытія.

маніе, когда припомнить себѣ, что Богъ повелѣлъ землѣ произвести злакъ сельный раньше солнечнаго дня. Такимъ образомъ, свидѣтельство о томъ, что Богъ сотворилъ все разомъ, открывається уже не изъ другой книги священнаго Писанія (Евкл. VIII, 1), а убѣждаетъ насъ въ этомъ свидѣтельство ближайшее, находящееся на слѣдующей же страницѣ, въ словахъ: *егда бысть день, сотвори Богъ небо и землю, и всякій злакъ селный*. Отсюда, принимай этотъ [одинъ] день за семь разъ повторенный, отъ чего и явились семь дней, и, слыша, что все сотворено тогда, когда явился день, понимай, если можешь, это шестикратное или семикратное повтореніе такъ, что оно происходило помимо промежутковъ и разстояній времени, а если еще не можешь, предоставь такое разумѣніе могущимъ, самъ же преуспѣвай въ Писаніи, которое не оставляетъ тебя въ твоей слабости, а съ материнскою предупредительностью замедляетъ для тебя шаги свои, и говоритъ подобнымъ языкомъ для того, чтобы гордыхъ пристыдить высокою, внимательныхъ устрашить глупиною, взрослыхъ питать истиной, а малыхъ—ласбой.

ГЛАВА IV.

Почему сказано, что явилась трава, которая еще не росла.

А что значать слѣдующія за тѣмъ слова, ибо рѣчь [бытописателя] имѣетъ такую связь: *егда бысть день, . . сотвори Богъ небо и землю, и всякій злакъ селный, прежде даже быти на земли, и всякую траву селную, прежде даже прозябнути* (Быт. II, 4)? Что это значить? Не заслуживаетъ-ли изслѣдованія вопросъ, гдѣ Богъ сотворилъ [злакъ сельный и траву] прежде, чѣмъ они явились и выросли на землѣ? Ибо кто не подумаетъ скорѣе такъ, что Богъ сотворилъ ихъ тогда, когда они уже выросли, а не раньше, чѣмъ вышли изъ земли, если только это божественное слово не убѣждаетъ его, что Богъ сотворилъ ихъ раньше, чѣмъ они

вышли [изъ земли], такъ что благочестиво вѣрующій Писанію, хотя и не можетъ указать, гдѣ они были сотворены, однако вѣритъ, что они сотворены раньше, чѣмъ вышли [изъ земли], не вѣрующій же, конечно, не повѣритъ.

Итакъ, что же сказать намъ? Развѣ то, что все, прежде чѣмъ оно явилось на землѣ, сотворено, какъ думали нѣкоторые, въ самомъ Словѣ Бога? Но если оно сотворено такимъ образомъ, то сотворено уже не тогда, когда явился день, а раньше появленія дня; между тѣмъ, Писаніе ясно говоритъ: *егда бысть день, сотвори Богъ небо и землю, и всякій злакъ селный, прежде даже быти на земли, и всякую траву селную, прежде даже прозябнути*. А если [все это сотворено] *егда бысть день*, значитъ не раньше появленія дня, а слѣдовательно и не въ Словѣ, которое совѣчно Отцу раньше, чѣмъ явился день, раньше чѣмъ явилось что-нибудь, а тогда, когда явился уже день. Ибо то, что существуетъ въ Словѣ Бога раньше всякой твари, конечно, не сотворено, а [злакъ и трава] сотворены тогда, когда явился день, какъ показываютъ это слова Писанія; но, впрочемъ, раньше чѣмъ явились и произошли на землѣ, какъ это говорится о полевыхъ злакахъ и травахъ.

Гдѣ же [сотворены]? Не въ самой-ли землѣ причинно (causaliter), и идеально (rationaliter), подобно тому, какъ все заключается уже въ сѣменахъ, прежде чѣмъ они въ числовые сроки (per numeros temporum) раскрываютъ и вынаруживаютъ свои зародыши и виды? Но тѣ сѣмена, которыя мы видимъ теперь, существуютъ уже на землѣ, уже выросли; а не были-ли они [раньше] не на землѣ, но внутри земли, а потому и сотворены раньше, чѣмъ вышли изъ земли, потому что изъ земли они вышли уже тогда, когда сѣмена пустили ростки и пробились наружу, что, какъ мы это видимъ, совершается въ свойственные каждому роду сроки времени? А сотворены сѣмена не тогда-ли, когда явился день, и не заключались-ли въ нихъ полевой злакъ и поле-

вая трава не въ томъ своемъ видѣ, въ которомъ существуютъ они на землѣ уже вышедши изъ нея, а по той своей силѣ, по которой они существуютъ въ идеяхъ (rationes) сѣмянъ? Въ такомъ случаѣ, значить, сѣмена произвела первоначально земля? Но Писаніе передаетъ намъ не такъ, когда говоритъ: *и изнесе земля быліе травное, стьющее сѣмя по роду и по подобію, и древо плодовитое, творящее плодъ, емуже сѣмя его въ немъ по роду на земли.* Изъ этихъ словъ явствуетъ, что сѣмена произошли изъ травъ и деревьевъ, травы же и деревья [произошли] не изъ сѣмянъ, а изъ земли; да и слова самого Бога имѣютъ тотъ же смыслъ. Ибо Онъ не говоритъ: „да произрастятъ въ землѣ сѣмена быліе травное, и древо плодовитое“, но: *да прораститъ земля быліе травное, стьющее сѣмя*, указывая тѣмъ, что сѣмя [явилось] изъ травы, а не трава изъ сѣмени. *И бысть тако, и изведе земля*, т. е. сначала явилось такъ въ познаніи того дня, а потомъ уже произвела все это земля, такъ что оно произошло и въ самой той твари, которая была создана.

Но какимъ образомъ [травы и деревья сотворены] раньше, чѣмъ они явились и произошли изъ земли, какъ будто иное было для нихъ—явиться вмѣстѣ съ небомъ и землей, когда явился и тотъ необыкновенный и неизвѣстный для насъ день, который сотворенъ былъ Богомъ первоначально, и иное—выйти изъ земли, что могло случиться только въ тѣ дни, которые происходятъ вслѣдствіе обращенія солнца, въ опредѣленные каждому роду промежутки времени? А если такъ и если день тотъ есть общество и союзъ пренебесныхъ Ангеловъ и Силъ, то тварь Божія, безъ сомнѣнія, извѣстна имъ гораздо иначе, нежели намъ: не говоря уже о томъ, что Ангелы знаютъ ее въ Словѣ Бога, которымъ сотворено все, они и въ самой себѣ знаютъ ее гораздо иначе, нежели мы. Ибо имъ она извѣстна, какъ выразился бы я, первоначально или въ самомъ происхожденіи (originaliter), въ томъ видѣ, какъ впервые создалъ ее Богъ и послѣ этого созданія почилъ отъ

дѣлъ Своихъ, переставъ творить что-либо больше, а намъ— такъ, какъ управляются Имъ раньше сотворенныя вещи, въ порядкѣ уже времени, согласно съ которымъ Богъ дѣйствуетъ и доселѣ, закончивъ твореніе вещей по шестеричному совершенству.

Такимъ образомъ, земля произвела тогда траву и деревья причинно (causaliter), т. е. получила производительную силу. Ибо въ ней произведено было какъ бы въ своихъ, такъ сказать, корняхъ все временное, что долженствовало явиться во времени. Рай на востокѣ Богъ, безъ сомнѣнія, насадилъ уже послѣ, и произрастилъ въ немъ всякое дерево пріятное на видъ и хорошее для пищи, однако нельзя сказать, что Онъ прибавилъ теперь къ творенію что-нибудь такое, чего не сотворилъ раньше и что захотѣлъ прибавить послѣ къ тому совершенству, по которому въ шестой день нашелъ все *добро зло*; но такъ какъ всё природы кустарниковъ и деревьевъ произведены были въ первомъ твореніи, отъ котораго Богъ почилъ, приводя потомъ въ движеніе и управляя въ теченіе времени всѣмъ, что сотворилъ и отъ сотворенія чего почилъ, то тогда Онъ насадилъ не только рай, но и все то, что рождается теперь. Ибо кто другой творить все это и нынѣ, какъ не Тотъ, кто *досель дѣлаетъ*? Но теперь Онъ творить изъ того, что уже существуетъ; тогда же еще ничего не было и все сотворено въ то время, когда явился день, который не существовалъ и самъ, т. е. духовная или разумная тварь.

ГЛАВА V.

Порядокъ творенія вещей втеченіе шести дней не по промежуткамъ времени, а по связи причинъ.

Итакъ, сотворенныя вещи начали проходить время своими движеніями; отсюда, напрасно исвать времени раньше твари: какъ будто можно находить время раньше времени!

Ибо если бы не было никакого движенія духовной-ли или тѣлесной твари, благодаря которому будущее чрезъ настоящее слѣдуетъ за прошедшимъ, то не было бы никакого и времени. А само собою понятно, что тварь не могла двигаться, когда ея еще не было. Отсюда, скорѣе время началось отъ твари, чѣмъ—тварь отъ времени, а то и другая—отъ Бога. Ибо *изъ Того, и Тьмъ и въ Немъ всяческая* (Рим. XI, 36). Сказанное нами, что время началось отъ твари, не слѣдуетъ понимать такъ, будто само время не тварь, разъ твари принадлежитъ движеніе отъ одного къ другому, а вещи, въ свою очередь, слѣдуютъ одна за другою по распоряженію Бога, управляющаго всею, что сотворено Имъ. Вотъ почему, обращаясь своею мыслью къ первому творенію, отъ котораго Богъ почилъ въ седьмой день, мы должны представлять себѣ тѣ дни не какъ нынѣшніе солнечные дни, а самое [творческое] дѣйствіе—не въ томъ смыслѣ, какъ дѣйствуетъ Богъ теперь, во времени, а въ томъ, какъ дѣйствовалъ Онъ въ тотъ моментъ, съ котораго началось время, какъ сотворилъ Онъ все разомъ, сообщивъ ему и самый порядокъ въ смыслѣ не промежутковъ времени, а связи причинъ, такъ чтобы все, сотворенное Имъ разомъ, совершалось и втеченіе шестеричнаго числа того дня.

Такимъ образомъ, безобразная, но способная къ образованію матерія сотворена не во временномъ, а причинномъ порядкѣ,—та духовная и тѣлесная матерія, изъ которой сотворено все, что надлежало сотворить, хотя сама она не существовала раньше, чѣмъ основоположена,—основоположена не кѣмъ инымъ, какъ высочайшимъ и истиннымъ Богомъ, отъ котораго произошло все. Эта матерія называется или именемъ неба и земли, которыя сотворены Богомъ въ началѣ, раньше первоначально созданнаго дня (а названа она такъ потому, что изъ нея сотворены небо и земля), или именемъ невидимой и неустроенной земли и темной бездны, какъ нами уже сказано объ этомъ въ первой книгѣ.

Въ ряду же того, что произошло изъ этой безформенной матеріи и яснѣе называется сотвореннымъ, или совершеннымъ, или созданнымъ, прежде всего сотворенъ день. Ибо надобно было, чтобы первенство получила та природа, которая могла бы познавать тварь чрезъ Творца, а не Творца чрезъ тварь. Во-вторыхъ—твердь, съ которой начинается матеріальный міръ. Въ-третьихъ—виды моря и земли, и въ землѣ въ возможности (какъ сказано)—природа деревьевъ и травъ. Ибо такъ именно земля по слову Божію произвела ихъ прежде, чѣмъ они вышли изъ нея, принявъ на себя всѣ ихъ числа, которыя она втеченіе времени приводитъ въ движеніе по роду ихъ. Затѣмъ, послѣ того, какъ создано было это, такъ сказать, вещественное обиталище, въ четвертый день сотворены свѣтила и звѣзды, чтобы высшая часть міра раньше украсилась такими видимыми предметами, которые внутри міра обладаютъ движеніемъ. Въ-пятыхъ природа водъ произвела, по слову Божію, своихъ обитателей, т. е. всѣхъ плавающихъ и летающихъ (такъ какъ природа водъ родственна съ небомъ и воздухомъ), и опять—въ возможности, т. е. въ тѣхъ числахъ, которыя въ соотвѣтственное время приводятся въ движеніе. Въ-шестыхъ [произведены] какъ бы изъ послѣдняго элемента міра и тоже опять въ возможности земныя животныя, числа которыхъ въ свое время приводятся видимымъ образомъ въ движеніе.

Этотъ-то рядъ упорядочиваемой твари и познаетъ тотъ день и, нѣкоторымъ образомъ присутствуя при ней этимъ познаниемъ шесть разъ, далъ мѣсто какъ бы шести днямъ (хотя это былъ одинъ день), познавая ее первоначально въ Творцѣ, а потомъ постепенно въ твари, и не оставаясь въ ней, а отъ позднѣйшаго познанія ея возвращаясь къ любви къ Богу, полагалъ въ ней вечеръ, утро и полдень, въ смыслѣ моментовъ времени, а порядка создаваемыхъ вещей. Наконецъ, представляя познаніе покоя, которымъ Творецъ почилъ отъ

всѣхъ дѣлъ Своихъ, — познаніе, въ коемъ уже нѣтъ вечера, онъ удостоенъ за это благословенія и освященія. Отсюда и самое седемичное число нѣкоторымъ образомъ посвящено Духу Святому — мысль, которая одобряется Писаніемъ и известна Церкви.

Таково происхожденіе неба и земли, потому что въ началѣ Богъ сотворилъ небо и землю по нѣкоторой, какъ назвалъ бы я, способной къ образованію матеріи, которая по слову Его должна была получить образованіе, предшествуя своему образованію не временемъ, а порядкомъ. И вотъ когда она начала получать образованіе, прежде всего явился день, а когда явился день, Богъ сотворилъ небо и землю и всякій полевой злакъ, прежде чѣмъ явился онъ на землѣ, и всякую полевую траву, прежде чѣмъ она выросла изъ земли, въ томъ уже смыслѣ, какъ мы объяснили, или, можетъ быть, можно было объяснить какимъ-нибудь другимъ, болѣе соответствующимъ, образомъ.

ГЛАВА VI.

О 5 стихъ 2 главы Бытія, гдѣ читается: не бо одожди и проч. Не понятны-ли и отсюда, что все сотворено разомъ.

А къ чему относятся и что означаютъ слѣдующія за тѣмъ слова: *не бо одожди Богъ на землю и человекъ не баше дѣлати ю*, не легко доискаться. [Выходитъ] какъ будто, что Богъ сотворилъ траву полевую прежде, чѣмъ она выросла изъ земли, потому, что не было дождя на землѣ, ибо если бы Онъ сотворилъ ее послѣ дождя, то казалось бы, что она скорѣе выросла благодаря дождю, чѣмъ сотворена Богомъ. Но что же и изъ вырастающаго послѣ дождя происходитъ отъ чего либо другаго, какъ не отъ Бога? — А почему не было человѣка, который бы воздѣлывалъ землю? Не сотворилъ-ли Богъ человѣка еще въ шестой день, а въ седьмой почилъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ? Развѣ, можетъ быть,

[бытописатель] говоритъ теперь объ этомъ въ видѣ краткаго повторенія, такъ какъ въ то время, когда Богъ сотворилъ всякій полевой злакъ и траву, дѣйствительно не было еще на землѣ ни дождя, ни человѣка. Ибо злакъ и траву Онъ сотворилъ въ третій день, а человѣка въ шестой. Но когда Богъ сотворилъ всякій полевой злакъ и всякую полевую траву, прежде чѣмъ они выросли на землѣ, то не было не только человѣка, который бы обрабатывалъ землю, но не было даже на землѣ и самой травы, которая сотворена раньше, чѣмъ произроста. Развѣ, можетъ быть, въ третій день Богъ сотворилъ [траву и злакъ] потому, что не было еще человѣка, который бы произвелъ ихъ путемъ обработыванія земли? А будто очень многія деревья и роды травъ не рождаются безъ всякаго старанія человѣка?

Развѣ не сказано-ли такъ по обѣимъ этимъ причинамъ, т. е. съ одной стороны потому, что еще не было дождя на землѣ, а съ другой потому, что не было и человѣка, который бы воздѣлывалъ землю? Ибо гдѣ нѣтъ труда человѣка, тамъ [злакъ и трава] рождаются благодаря дождю. Съ другой стороны, есть и такіе изъ нихъ, которые не рождаются отъ дождя, если при этомъ не прилагается и старанія со стороны человѣка. Въ настоящее время, поэтому, необходимы оба эти [условія], чтобы рождалось все; тогда же они оба отсутствовали, почему Богъ и сотворилъ [траву и злакъ] силою Своего Слова, помимо дождя и труда человѣка. Онъ же производитъ ихъ и нынѣ, но при посредствѣ дождя и рукъ человѣка: *тѣмъ же ни насаждаяй есть что, ни напаяй, но возвращаяй Богъ* (1 Кор. II, 7).

Что же значитъ прибавленіе: *Источникъ же исхождаше изъ земли и орошаше все лице земли* (Быт. II, 6)? Ибо источникъ, изливавшійся съ такимъ изобиліемъ, какъ Нилъ въ Египтѣ, могъ бы служить для всей земли вмѣсто дождя. Зачѣмъ же нужно было говорить, что Богъ произвелъ тѣ растенія раньше дождя, когда источникъ, орошающій землю,

могъ оказать столько же помощи, сколько и дождь? Пусть что-нибудь меньшее, можетъ быть—меньшіе [злаки и травы], но все же могли рождаться. Развѣ и здѣсь, по своему обыкновенію, Писаніе говоритъ какъ бы языкомъ слабымъ для слабыхъ, дѣлая въ тоже время указаніе на нѣчто такое, что долженъ разумѣть, кто можетъ? Именно, какъ нѣсколько выше упомянутымъ днемъ оно обозначило, что Богъ сотворилъ одинъ день и что небо и землю Онъ создалъ тогда, когда явился день, дабы мы, по мѣрѣ возможности, поняли, что Богъ создалъ все разомъ, хотя сдѣланное раньше исчисленіе дней, по видимому, указываетъ на промежутки времени; такъ точно, сказавъ, что вмѣстѣ съ небомъ и землей Богъ сотворилъ всякій полевой злакъ, прежде чѣмъ онъ явился на землѣ, и всякую полевую траву, прежде чѣмъ она выросла, оно прибавляетъ: *не бо одожди Богъ на землю и человекъ не баше дѣлати ю*, какъ бы такъ говоря: „все это Богъ сотворилъ не такъ, какъ дѣлаетъ теперь, когда бываетъ дождь и когда дѣйствуетъ человекъ“. Все это теперь происходитъ въ теченіе времени, котораго тогда еще не было, когда Онъ сотворилъ все разомъ, съ чего началось и самое время.

ГЛАВА VII.

Объ источникѣ, который орошалъ землю.—Сѣмена вещей.

Что касается словъ: *Источникъ же исхождаше изъ земли и орошаше все лице земли*, то въ нихъ, думаю, указывается на то, что, на протяженіи времени, происходитъ уже изъ того перваго творенія, когда было все создано разомъ. И [бытописатель] правильно начинается съ той стихіи, изъ которой рождаются всѣ роды какъ животныхъ, такъ травъ и деревьевъ, проходя при этомъ назначенные имъ числовые сроки. Ибо всѣ основанія начала (*primordia*) сѣмянъ, изъ воихъ рождаются какъ животное, такъ и растенія, влажны и развиваются изъ влаги. А этимъ началамъ, въ

свою очередь, присущи весьма сильныя (efficacissimi) числа, заключающія въ себѣ потенціи, полученныя ими отъ тѣхъ совершенныхъ Богомъ дѣлъ, отъ которыхъ Онъ почилъ въ седьмой день.

Но стоитъ спросить, что это за источникъ, который могъ орошать лицо всей земли? Если онъ существовалъ, но исчезъ или высохъ, то спрашивается, какая тому причина? Въ настоящее время мы не видимъ такого источника, которымъ бы орошалось лицо всей земли. Можетъ быть, поэтому, что грѣхъ людей повлекъ за собою и такое наказаніе, что съ ограниченіемъ прежняго изобилія этого источника, прекратилось и прежнее плодородіе земли, чтобы чрезъ то увеличился трудъ ея обитателей. Хотя Писаніе не говоритъ объ этомъ нигдѣ, но человѣческая догадка могла бы утверждать такую мысль, если бы тутъ не встрѣчалось возраженіе, что грѣхъ людей, въ наказаніе за который наложенъ на нихъ трудъ, открылся послѣ утѣхъ рай; въ раю же былъ свой великій источникъ, отъ котораго, какъ повѣствуется, текутъ четыре большихъ и извѣстныхъ народамъ рѣки (о немъ въ своемъ мѣстѣ мы скажемъ подробнѣе). Гдѣ же былъ этотъ источникъ или эти рѣки, когда тотъ величайшій [источникъ] одинъ исходилъ изъ земли и орошалъ все лицо земли? Само собою понятно, что не Геонъ же, называемый Ниломъ и представляющій собою одну изъ этихъ четырехъ рѣкъ, орошалъ Египетъ въ то время, когда источникъ выходилъ изъ земли и напоялъ не только Египетъ, но и все лицо земли.

Развѣ, можетъ быть, надобно думать такъ, что Богу было угодно орошать всю землю сначала однимъ величайшимъ источникомъ, чтобы первоначально сотворенныя Имъ на ней созданія рождались потомъ при помощи влаги, чрезъ временныя промежутки, сообразно съ различіемъ своихъ родовъ и различнымъ числомъ дней; затѣмъ, насадивъ рай, Онъ ограничилъ этотъ источникъ и наполнилъ землю уже многими источниками, какъ это видимъ мы теперь, райскій же одинъ источникъ раздѣлялъ на четыре великихъ рѣки; такъ что

какъ осталъная земля, наполненная родами своихъ тварей, приводившими въ дѣйствіе соотвѣтственные числа своихъ сроковъ, имѣла свои источники и рѣки, такъ въ свою очередь и рай, насажденный на болѣе высокомъ мѣстѣ, изливалъ изъ русла своего источника четыре тѣ рѣки? или же сначала Онъ орошалъ всю землю изъ одного райскаго, гораздо болѣе обилувавшаго водою, источника и оплодотворялъ ее для произведенія въ числовые сроки тѣхъ родовъ, которые были сотворены на ней помимо промежутковъ времени; затѣмъ ограничилъ здѣсь чрезмѣрное изліаніе водъ, чтобы онѣ истекали уже по всей землѣ изъ различныхъ началъ источниковъ и рѣкъ; а наконецъ, въ странѣ этого источника, омывавшаго уже не всю землю, а изливавшаго только извѣстныя тѣ четыре рѣки, насадилъ рай, гдѣ и помѣстилъ человѣка, котораго сотворилъ?

ГЛАВА VIII.

О томъ, о чемъ Писаніе умалчиваетъ, помогая намъ открывать путемъ догадокъ.

Ибо какъ проходили времена послѣ перваго созданія вещей и какъ происходило управленіе тварями, созданными первоначально и законченными въ шестой день, описано не все, а лишь настолько, насколько считалъ это достаточнымъ Духъ, который былъ присущъ описывавшему то, что имѣло значеніе не только для познанія существующихъ вещей, но и для предъизображенія вещей будущихъ. Отсюда, не зная этого, мы должны только догадываться о томъ, что могло быть и что писатель опустилъ, впрочемъ не по незнанію, стараясь только дѣлать эти догадки сообразно съ своимъ состояніемъ, поскольку для насъ это полезно, дабы не подумать, что въ священныхъ Писаніяхъ есть нѣкая несообразность или противорѣчіе, которое оскорбляетъ мнѣніе читателя и, показывая, будто того не могло быть, о чемъ упоминаетъ Писаніе, или отклоняетъ отъ вѣры, или несогласно съ вѣрою.

ГЛАВА ІХ.

Затрудненія касательно источника, орошавшаго всю землю.

Поэтому, если соображенія, высказанныя нами при рѣшеніи вопроса, какимъ образомъ связанное: *Источникъ же исхождаше изъ земли и напаяше все лице земли* можетъ быть возможнымъ,—если эти соображенія кому-либо покажутся несостоятельными, тотъ пусть ищетъ другого объясненія, которое бы, однако, не шло въ разрѣзъ съ этимъ истиннымъ Писаніемъ (а оно, безспорно, истинно, хотя бы [такимъ] и не казалось). Ибо если онъ станетъ доказывать, что оно ложно, то или самъ не скажетъ ничего истиннаго о созданіи тварей и управленіи ими, или если скажетъ что-нибудь истинное, будетъ считать Писаніе ложнымъ по непониманію, если напр. станетъ настаивать на мысли, что одинъ какой-либо источникъ не могъ орошать всего лица земли потому, что если онъ не покрывалъ и горы, то не орошалъ всего лица земли, а если покрывалъ и горы, то былъ, уже не сообщеніемъ землѣ тучности, но наводненіемъ потопа; а если земля тогда была въ такомъ видѣ, то на ней было сплошное море и суши еще не было.

ГЛАВА Х.

Какъ понимаетъ этотъ, орошавшій всю землю, источникъ.

Такому надобно сказать въ отвѣтъ, что это могло быть временами подобно тому, какъ въ извѣстное время Ниль разливается по всей равнинѣ Египта, а въ другое входитъ въ свои берега; или, если Ниль дѣлается полноводнымъ благодаря водамъ и зимнимъ свѣгамъ какой-то невѣдомой и отдаленной части свѣта, то что же можно сказать о періодическихъ приливахъ океана, о нѣкоторыхъ морскихъ берегахъ, которые то широко обнажаются отъ волнъ, то снова ими

покрываются? Опускаю при этомъ рассказы объ удивительной періодичности нѣкоторыхъ источниковъ, что они чрезъ известный промежутокъ лѣтъ такъ переполняются водою, что заливаютъ всю страну, въ которой въ другое время едва даютъ, и то изъ глубокихъ колодцевъ, достаточное для питья количество воды. Что же невѣроятнаго, если благодаря періодическимъ, то прибывавшимъ, то убывавшимъ, наводненіямъ изъ одного русла бездны орошалась тогда вся земля? А если эту великую бездну, за исключеніемъ той ея части, которая называется моремъ и видимою массою [воды] съ солеными волнами окружаетъ землю, Писаніе, имѣя въ виду только ту ея часть, которую содержитъ земля въ своихъ современныхъ нѣдрахъ, откуда разными теченіями и жилами берутъ свое начало всѣ источники и рѣки и въ своихъ мѣстахъ выходятъ наружу, называется, ради единства природы, источникомъ, а не источниками,—источникомъ, который безчисленными пустотами и трещинами выходилъ изъ земли и подобно расходящимся лучамъ (scinibus) орошалъ все лице земли, не въ видѣ постоянного моря или озера, а въ томъ видѣ, какъ текутъ воды по русламъ рѣкъ и изгибамъ ручьевъ и выступаютъ изъ нихъ періодическими разливами: то это же не пойметъ этого, кромѣ развѣ чловѣка, одержимаго духомъ противорѣчія? Ибо сказаніе, что орошалось все лице земли, можно понимать и такъ, какъ говоримъ мы о платьѣ, что оно все цвѣтное, хотя бы цвѣтнымъ было не сплошь, а только пятнами; тѣмъ болѣе, что въ то время, при молодости земли, если не вся она, то наибольшая часть ея была, вѣроятно, равниной, отъ чего выходящія наружу воды тѣмъ шире могли распространяться и разливаться.

Поэтому мы превращаемъ рѣчь о величинѣ или множественности этого источника, который или одно имѣлъ для себя начало, или же однимъ источникомъ, всѣми своими развѣтвленіями выходившимъ изъ земли, названъ ради нѣ-

котораго единства въ сокровенныхъ нѣдрахъ земли, откуда выходятъ на поверхность земли воды всѣхъ большихъ и малыхъ источниковъ; или, наконецъ, что вѣроятно, [бытопитатель], сказавъ не: „одинъ источникъ выходилъ“, а: *источникъ же исхождаше изъ земли*, поставилъ единственное число вмѣсто множественнаго, такъ чтобы мы разумѣли многіе источники, орошавшіе каждый свое мѣсто или свою страну на земномъ шарѣ подобно тому какъ мы говоримъ *солдатъ*, а разумѣемъ *многихъ* солдатъ, или какъ въ числѣ язвъ, которыми поражены были египтяне, названы саранча и жаба, хотя этой саранчѣ и жабамъ не было числа (Псал. 104, 34).

ГЛАВА XI.

О томъ, что первое твореніе совершено безъ промедленія времени; управленіе же [происходитъ] не такъ.

Но посмотримъ еще разъ, можетъ ли быть во всѣхъ отношеніяхъ вѣрнымъ то наше мнѣніе, съ точки зрѣнія коего мы сказали, что Богъ иначе произвелъ всѣ твари въ первомъ твореніи, отъ котораго почилъ въ седьмой день, и иначе производитъ управленіе ими, по которому *досель дѣлаетъ*, т. е. тогда—разомъ, безъ всякихъ промежутковъ времени, а теперь—во времени, въ теченіе котораго, какъ мы видимъ, движутся свѣтила съ востока на западъ; температура (coelum) измѣняется съ весны на зиму, растенія (germina) чрезъ извѣстные сроки времени пускаютъ ростки, увеличиваются, зеленѣютъ, засыхаютъ. Равнымъ образомъ и животныя, а также и остальное этого рода временное, зачинаются, развиваются, рождаются и движутся отъ молодости къ старости и смерти въ предѣлахъ установленныхъ для нихъ сроковъ времени. А все это кто другой производитъ, какъ не Богъ, самъ не испытывая никакого движенія, ибо для Него не существуетъ времени? Такимъ образомъ, Писаніе,

провода между дѣлами, отъ коихъ Богъ почилъ въ седьмой день, и дѣлами, которыя Онъ *доселъ дѣлаетъ*, нѣкоторую черту въ своемъ о нихъ повѣствованіи, даетъ понять, что оно покончило съ первыми и начинается рассказъ о послѣднихъ. Предувѣдомленіе объ оконченныхъ [дѣлахъ] дѣлается такъ: *Сія книга бытія небесе и земли, егда бысть день, сотвори Господь Богъ небо и землю и всякій злакъ селный, прежде даже не быти на земли и всякую траву селную, прежде даже прозябнути: не бо одожди Господь Богъ на землю и человекъ не баше дѣлати ю.* Рассказъ же о послѣднихъ [дѣлахъ] начинается такъ: *Источникъ же исхождаше изъ земли и напаше все лице земли.* Все, о чемъ повѣствуется, начиная съ упоминанія объ этомъ источникѣ, производилось уже въ теченіе времени, а не однимъ разомъ.

ГЛАВА XII.

Дѣла Божіи подѣ троякой точкой зрѣнія.

А такъ какъ иначе существуютъ непреложныя идеи всѣхъ тварей въ Словѣ Бога, иначе—дѣла, отъ коихъ Богъ почилъ въ седьмой день, и иначе—тѣ дѣла, которыя Онъ съ того времени *доселъ дѣлаетъ*, то поставленное мною въ ряду этихъ трехъ на послѣднемъ мѣстѣ извѣстно намъ такъ или иначе при помощи тѣлесныхъ чувствъ и изъ опыта (*consuetudo*) настоящей жизни. Первые же два, недоступныя для нашихъ чувствъ и обыкновеннаго человѣческаго мышленія, должны быть сначала предметомъ вѣры на основаніи божественнаго авторитета, а затѣмъ познаваемы изъ того, чтò намъ такъ или иначе извѣстно, насколько каждый, въ мѣру своей способности, свыше вспомоствуемый внутренними и вѣчными идеями, болѣе или менѣе можетъ познавать ихъ.

ГЛАВА XIII.

Все, раньше чѣмъ сотворено, было въ Премудрости Божіей.

О первыхъ божественныхъ, непреложныхъ и вѣчныхъ идеяхъ, по той причинѣ, что Премудрость Божія, чрезъ которую все сотворено, знала все это раньше, чѣмъ оно сотворено, Писаніе свидѣтельствуетъ такъ: *Въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово. Сей бѣ искони къ Богу. Вся Тьмъ быша и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. I, 1). Кто же будетъ настолько безуменъ, дабы сказать, что Богъ сотворилъ не то, что зналъ? А если Онъ зналъ, то гдѣ [зналъ], какъ не въ Себѣ самомъ, у Кого было Слово, которымъ все сотворено? Ибо если Онъ зналъ внѣ Себя, то кто же научилъ Его? *Кто бо разумъ умъ Господень? или кто совѣтникъ Ему бысть? или кто прежде даде Ему и воздастся ему? Яко изъ Того, и Тьмъ, и въ Немъ всяческая* (Филип. XI, 34—36).

Впрочемъ, эту мысль достаточно подтверждаютъ и слѣдующія затѣмъ слова Евангелія, ибо оно дальше говоритъ: *еже бысть. Въ Томъ животѣ есть и животъ бѣ всѣмъ чловѣкомъ* (Іоан. I, 4), потому, конечно, что разумные умы, съ какими люди созданы по образу Божію, не имѣютъ свѣта, если [не имѣютъ] Слова Бога, которымъ сотворено все, а причастными Его они могутъ быть только очистившись отъ всякой неправды и заблужденія.

ГЛАВА XIV.

Какую разстановку надобно дѣлать словамъ Іоанна: еже бысть, и пр.

Такимъ образомъ, слова: *еже бысть... въ Томъ животѣ есть* не слѣдуетъ произносить съ такою разстановкой; *еже*

быть въ Темъ, а затъмъ: животъ есть. Ибо что же создано не въ Немъ, когда, перечисливъ многія даже и земныя твари, псаломъ говоритъ: *вся премудростію сотворилъ еси* (Псал. 103, 24); подобнымъ образомъ говорить и Апостолъ: *яко Темъ создана быша всяческая, на небеси и на земли, видимая и невидимая* (Кол. 1, 16)? Отсюда, если мы слѣдуемъ указанную разстановку, будетъ слѣдовать, что и сама земля со всѣмъ, что на ней находится, есть жизнь. Но если нельзя сказать, что все живетъ, то во сколько же разъ будетъ нецѣпѣе сказать, что оно есть и жизнь, темъ болѣе потому, что самъ [Евангелистъ] различаетъ, о какой жизни говорить онъ, прибавляя: *и животъ бѣ свѣтъ чловѣкомъ?* Отсюда, разстановку надобно дѣлать такъ, чтобы, сказавъ: *еже бытъ*, прибавить потомъ: *въ Темъ животъ* есть, т. е. не въ самой твари, въ ея собственной природѣ, по которой она сотворена, чтобы быть созданиемъ и тварію, а въ Немъ—животъ, такъ какъ все, что сотворено, Оно знало, раньше чѣмъ все это сотворено, а потому и этотъ животъ—не тварь, которую Оно создало, а жизнь и свѣтъ людей, что и есть сама Премудрость, само Слово, едиnorodный Сынъ Божій. Поэтому въ Немъ заключается жизнь всего, что сотворено, какъ сказано: *Якоже Отецъ имать животъ въ Себѣ, тако даде и Сынови животъ имати въ Себѣ.*

Не слѣдуетъ забывать, что въ лучшихъ кодексахъ стоитъ: *еже бытъ, въ Темъ животъ бѣ*, такъ что выраженіе: *животъ бѣ* надобно понимать такъ же, какъ и выраженія: *въ началѣ бѣ Слово и, Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово.* Итакъ, все, что создано, было въ Немъ уже жизнію, и жизнію не какою-нибудь, ибо и о скотахъ мы говоримъ, что они живутъ, хотя и не могутъ пользоваться участіемъ въ премудрости, но—жизнію, которая была свѣтомъ для людей. Ибо разумные умы, очищенные Его благодатью, мо-

гутъ достигать до такого вѣдѣнія, выше и блаженнѣе котораго нѣтъ ничего.

ГЛАВА XV.

Какую жизнь имѣетъ все въ Богѣ.

Но хотя мы читаемъ и понимаемъ слова: *еже бысть, въ Томъ животѣ* есть [указаннымъ образомъ], однако остается и такое мнѣніе, съ точки зрѣнія котораго все, сотворенное Словомъ, есть въ Немъ жизнь; въ этой жизни Оно созерцало все, когда творило, а какъ созерцало, такъ все и сотворило, *видя* все сотворенное не въ самого Себя, а въ самомъ Себѣ *такъ сочте*. И это созерцаніе не было однимъ у Него, и другимъ у Отца, но однимъ и тѣмъ же у обоихъ, какъ одна у Нихъ сущность. Такъ именно о Премудрости, которою все сотворено, и говорится въ книгѣ Іова: *Премудрость же откуда обратится и кое мѣсто есть разуму? Не въсть человѣкъ пути ея, ниже обратится въ челоуцѣхъ* (XXVIII, 12, 13). И нѣсколько ниже: *Слышахомъ ея славу, Богъ благо позна ея путь: самъ бо въсть мѣсто ея. Ибо самъ поднебесную всю назираетъ, въдый, яже на земли, вся, яже сотвори. Вътрюмъ въсз и водъ мѣру егда сотвори. Тако видяй сочте* (22—27). Этими и подобными свидѣтельствами доказывается, что все, прежде чѣмъ было сотворено, находилось въ познаніи Творящаго. И конечно тамъ оно было лучше, гдѣ было болѣе истиннымъ, вѣчнымъ и неизмѣннымъ. Впрочемъ, достаточно сказать, чтобы каждый зналъ или вѣровалъ, что все это сотворилъ Богъ; не думаю, чтобы нашелся настолько безумный человѣкъ, который бы помыслилъ, что Богъ сотворилъ то, чего не зналъ. А если Онъ зналъ все это раньше, чѣмъ оно сотворено, то раньше своего сотворенія оно, конечно, было Ему вѣдомо въ томъ видѣ, какъ оно живетъ вѣчно и неизмѣнно и составляетъ жизнь, по сотвореніи же—въ томъ, какъ каждая тварь существуетъ въ своемъ родѣ.

ГЛАВА XVI.

Мы легче постигаемъ своимъ умомъ Бога, нежели тварь.

Итакъ, хотя эта вѣчная и неизмѣнная Природа, которая есть Богъ, имѣющей въ Себѣ самомъ причину бытія, какъ и сказано Моисею: *Азъ есмь сый* (Исх. III, 14), т. е. [существующій] совершенно иначе, чѣмъ какъ существуетъ все, Имъ сотворенное; ибо существуетъ истинно и первоначально, потому что всегда таковъ же, не только не измѣняется, но и совершенно не можетъ измѣняться, не переходить ни во что, Имъ сотворенное, и все имѣетъ въ Себѣ первоначально, какъ самосущій; Онъ не сотворилъ бы ничего, если бы не созерцалъ, ни созерцалъ бы, если бы не имѣлъ, ни имѣлъ бы всего этого, когда оно еще не было сотворено, если [не имѣлъ] такъ, какъ существуетъ Онъ самъ не сотворенный,—хотя, говорю, эта вѣчная и неизмѣнная природа есть субстанція неизреченная и не можетъ быть выражена человѣкомъ человѣку иначе, какъ при помощи нѣкоторыхъ словъ, обозначающихъ время и пространство (хотя она и существуетъ раньше всякаго времени и пространства): однако [Богъ], сотворившій все, въ намъ ближе, чѣмъ многое сотворенное. *О Немъ бо живемъ, и движемся, и есмь* (Дѣян. XVII, 28), тогда какъ весьма многое изъ сотвореннаго, будучи тѣлеснымъ, удалено отъ нашего ума по причинѣ своего рода несходства съ нимъ; съ другой стороны, и самый умъ нашъ не способенъ созерцать [многое сотворенное] у Бога въ тѣхъ идеяхъ, по которымъ оно сотворено, чтобы, и не видя тѣлесными чувствами, знать его число (quot), величину (quanta) и качество (qualia). Удалено оно бываетъ и отъ нашихъ тѣлесныхъ чувствъ, потому что или находится вдали отъ насъ, или же отдѣлено отъ нашего возрѣвнiя и ощущенiя стоящею между нами и имъ, либо заграждающею, средою. Отсюда происходитъ то, что познаниe

твари труднѣе, чѣмъ познаніе Творца, хотя чувствовать Его благоговѣйнымъ умомъ даже и въ самадѣйшей степени безконечно блаженнѣе, чѣмъ знать всю вселенную. Поэтому изслѣдователи вѣка сего справедливо обвиняются въ книгѣ Премудрости: *Аще бо толико возмогша видѣти, да возмогутъ уразумѣти вѣкъ, сихъ же Владыку како скорѣе не обрѣтоша* (Прем. XIII, 9)? Ибо основанія земли неизвѣстны для нашихъ глазъ, а Основавшій землю близокъ уму нашему.

ГЛАВА XVII.

До вѣка, отъ вѣка, въ вѣкъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ дѣлъ, которыя Богъ сотворилъ разомъ и, закончивъ ихъ въ шестой день, почилъ отъ нихъ въ седьмой, а затѣмъ разсмотримъ тѣ дѣла, которыя Онъ *досель дѣлаетъ*. Ибо самъ Богъ [существуетъ] до вѣка; то же, съ чего начался вѣкъ, какъ нашъ настоящій міръ, мы называемъ сущимъ отъ вѣка, а то, что рождается въ міръ, называемъ существующимъ въ вѣкѣ. Отсюда Писаніе, сказавъ: *вся Тьма была и безъ Него ничтоже бысть*, нѣсколько ниже говоритъ: *Въ міръ бы и міръ Тьма бысть* (Іоан. I, 3). Объ этотъ дѣлъ Бога въ другомъ мѣстѣ написано такъ: „Ты сотворилъ міръ отъ безобразнаго вещества“ (Прем. XI, 18). Міръ этотъ, какъ уже нами было упомянуто, весьма часто называется именемъ неба и земли, которыя, какъ говоритъ Писаніе, Богъ соговорилъ тогда, *егда бысть день*; о словахъ *небо* и *земля* мы сказали, мнѣ кажется, такъ, какъ соотвѣтствуетъ это сотворенію сего міра, именно — что онъ со всѣмъ, въ немъ находящимся, съ одной стороны сотворенъ въ шесть дней, а съ другой — тогда, *егда бысть день*, въ соотвѣтствіе словамъ [Писанія], что Богъ *созда вся обще* (Сир. XVIII, 1).

ГЛАВА XVIII.

Многія твари неизвѣстны.—Въ какомъ смыслѣ онѣ познаются Богомъ и Ангелами.—Познаніе утреннее и вечернее.

Многихъ тварей настоящаго міра мы не знаемъ, — тѣхъ тварей, которыя находятся или на небѣ, т. е. выше, чѣмъ наше чувство можетъ простираться до нихъ, или на землѣ въ странахъ, можетъ быть, необитаемыхъ, или скрыты внизу, въ глубокой ли пропасти или же въ сокровенныхъ земныхъ нѣдрахъ. Прежде чѣмъ были сотворены, онѣ, конечно, не существовали. Какимъ же образомъ было извѣстно Богу то, что еще не существовало? Съ другой стороны, какимъ бы образомъ Онъ сотворилъ то, что Ему было не извѣстно? Ибо Онъ не сотворилъ ничего, чего не зналъ. Следовательно, Онъ сотворилъ то, что зналъ, и зналъ то, что еще не было сотворено. Отсюда, раньше своего сотворенія, все и существовало, и не существовало, — существовало въ познаніи Бога, не существовало въ своей природѣ. Вотъ для чего и сотворенъ былъ тотъ день, которому оно было извѣстно обоими этими способами, т. е. и въ Богѣ и въ собственной природѣ: въ Богѣ — посредствомъ познанія какъ бы утренняго или дневнаго, а въ собственной природѣ — посредствомъ познанія какъ бы вечерняго. Что же касается самого Бога, то я осмѣлюсь сказать, что, когда творилъ, Онъ зналъ [творимое] не иначе, а именно такъ, какъ вѣдалъ его сотворить Тотъ, у Него же нѣсть претмненіе или преложенія ствнъ (Іак. I, 17).

ГЛАВА XIX.

Ангелы, вѣстники Божіи, знаютъ царство небесное отъ вѣка.

Само собою понятно, что для знанія низшихъ предметовъ Богъ не нуждается въ вѣстникахъ, какъ бы становит-

ся чрезъ нихъ болѣе знающимъ; но простымъ и удивительнымъ образомъ Онъ знаетъ все твердо и непреложно. Вѣстниковъ Онъ имѣетъ для насъ и для нихъ самихъ, ибо служить и предстоять Ему, дабы получать отъ Него наставленія о низшихъ [предметахъ] и повиноваться Его высшимъ заповѣдямъ и велѣніямъ составляетъ для нихъ благо въ порядкѣ собственной ихъ природы и субстанціи. По-гречески эти вѣстники называются ἄγγελοι; этимъ общимъ именемъ обозначается все то горнее общество, подъ которымъ мы разумѣемъ первоначально сотворенный день.

Отъ нихъ не сокрыта и тайна царства небеснаго, которая въ потребное время открылась ради нашего спасенія; такъ какъ, освобождаясь отъ настоящаго странствованія, мы соединяемся съ ихъ обществомъ. Они объ этомъ знали потому, что самое Сѣмя, которое явилось въ потребное время, было ими вчинено рукою Ходатая (Гал. III, 19), т. е. властью Того, Кто для нихъ Господь какъ въ образѣ Божіемъ, такъ и въ образѣ раба. И Апостоль говоритъ: *Мнѣ меньшему всѣхъ святыхъ дана бысть благодать сія во языцехъ благовѣстити неизслѣдованное богатство Христова и просвѣтити всѣхъ, что есть смотрѣніе тайны сокровенныя отъ вѣковъ въ Бозѣ создавшемъ всяческая Иисусъ Христомъ, да скажется нынѣ началомъ, и властемъ на небесныхъ церковію многообразная премудрость Божія, по предложенію вѣкъ, еже сотвори о Христвъ Иисусъ Господь нашемъ* (Еф. III, 8—10). Отсюда [эта тайна] была сокрыта въ Богѣ такъ, что многообразная премудрость Божія извѣстна была чрезъ Церковь начальствамъ и властямъ на небесахъ, потому что тамъ именно первоначально [существовала] Церковь, гдѣ по воскресеніи должна собраться и нынѣшняя Церковь, такъ что и мы будемъ подобны Ангеламъ (Мѣ. XXII, 30). Такимъ образомъ [тайна эта] была извѣстна имъ отъ вѣка; потому что всякая тварь [существуетъ] не до вѣка, а отъ вѣка. Ибо отъ нея уже произошли вѣка а не она отъ вѣка, такъ какъ начало ея было и началомъ вѣковъ; до вѣка же

[существовалъ] одинъ Единородный, которымъ и вѣка сотворены (Евр. 1, 2). Посему отъ лица Премудрости говорится: *прежде вѣкъ основа Мя* (Прем. VIII, 27), такъ что въ Ней сотворилъ все Тотъ, о Комъ сказано: *вся премудростию сотворилъ еси* (Псал. 103, 24).

А что Ангеламъ не только извѣстна была сокровенная тайна въ Богѣ, но и сама Она является имъ, когда Она открывается и проповѣдуется, объ этомъ свидѣтельствуется тотъ же Апостолъ: „И исповѣдуемо, говорить онъ, велія благочестія тайна, которая явилась во плоти, оправдана въ Духѣ, показалаь Ангеламъ, проповѣдана въ языкахъ, вѣровася въ мѣрѣ, вознесена въ славѣ“ (I Тим. III, 16). И если не ошибаюсь, представляется удивительнымъ, что Богъ не все знаетъ, что говорится о Немъ какъ бы въ настоящемъ времени,—говорится потому, что Онъ дастъ познавать Себя Ангеламъ или людямъ. Ибо въ свящ. Писаніи не рѣдко встрѣчается такой способъ слововыраженія, когда лицомъ совершающимъ обозначается то, что совершается [имъ], въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда говорится о Богѣ нѣчто такое, о несоотвѣтствіи чего съ Нимъ въ буквальный смыслъ громко говорить сама, присущая нашему уму, истина.

ГЛАВА XX.

О томъ, что Богъ доселъ дѣлаетъ.

Отдѣлимъ теперь дѣла, которыя Богъ *доселъ дѣлаетъ*, отъ тѣхъ дѣлъ Его, отъ коихъ Онъ почилъ въ седьмой день. Ибо есть люди, которые думаютъ, что только мѣръ сотворенъ Богомъ, а все остальное совершается уже самимъ мѣромъ, какъ учредилъ и повелѣлъ Богъ; самъ же Богъ не дѣлаетъ ничего.—Противъ такихъ говорить слѣдующее изреченіе Господа: *Отецъ мой доселъ дѣлаетъ*. И чтобы кто-нибудь не подумалъ, что Богъ дѣлаетъ нѣчто въ Себѣ самомъ, а не въ мѣрѣ, [Спаситель] говоритъ: Отецъ, во Мнѣ

пребывающій, творить дѣла Свои, и *яко же Отецъ воскресшаетъ мертвыхъ и живитъ, тако и Сынъ ихже хочетъ живитъ* (Іоан. V, 17). А что, наконецъ, Богъ совершаетъ дѣла не только великія и чрезвычайныя, но и настоящія земныя и вѣщныя, объ этомъ говоритъ Апостолъ: *безумне, ты еже съеши, не оживетъ, иже не умрешъ. И еже съеши, не тѣло будущее съеши, но голо зерно, иже случится пшеницы или иного отъ прочихъ: Богъ же даетъ ему тѣло, якоже восхоцетъ и коемуждо съмени свое тѣло* (1 Кор. XV, 37, 38). Поэтому, въ виду изреченія, что Богъ *доселъ дѣлаетъ*, мы должны думать, или, если можемъ, и понимать такъ, что если Онъ это дѣйствіе отъ созданныхъ Имъ вещей отниметь, онѣ погибнутъ.

Но если мы будемъ думать, что Богъ создаетъ нынѣ бабую-нибудь тварь такую, родъ которой не заключается въ первомъ твореніи, то станемъ въ явное противорѣчіе съ словами Писанія, что Богъ все дѣла Свои закончилъ въ шестой день (Быт. II, 2). Поэтому если Онъ теперь и производитъ много новаго, чего тогда не сотворилъ, то—сообразно съ тѣми родами вещей, которыя созданы первоначально. Но чтобы Онъ вводилъ новые роды, нельзя этого думать, потому что тогда были закончены все дѣла. Итакъ, сокровенною силою Богъ движетъ всю тварь и, претерпѣвая это движеніе, когда и Ангелы исполняютъ данныя имъ повелѣнія, и свѣтила совершаютъ свои круговращенія, и вѣтры чередуются, и бездна влобочетъ водопадами и воздушными тучами, и зелень пускаетъ ростки и разбрасываетъ свои сѣмена, и животныя рождаются и проводятъ свою жизнь сообразно своимъ инстинктамъ, и праведники подвергаются испытанію со стороны порочныхъ,—она протекаетъ вѣка, которые опредѣлены ей при первоначальномъ твореніи, но которые она не могла бы проходить, если бы Творецъ превратилъ Свое промыслительное о ней управленіе.

ГЛАВА XXI.

О томъ, что все управляется божественнымъ промысломъ.

Но надобно намъ остановиться своею мыслью на томъ, что образуется и рождается во времени: какъ должны мы смотрѣть на все это? Ибо не даромъ сказано о Премудрости, что она любителямъ своимъ *на стезяхъ показываетъ благопріятно, и во всемъ провидѣніе срѣщаетъ ихъ* (Прем. VI, 16). И тѣхъ рѣшительно не слѣдуетъ слушать, которые думаютъ, что промысломъ управляются только высшія области міра, т. е. примыкающія къ слою нашего болѣе плотнаго воздуха и выше лежація; низшая же, земная и влажная, область, а также слой ближайшаго къ намъ воздуха, который насыщенъ испареніями земли и воды и въ которомъ носятся вѣтры и туманы, предоставлены скорѣе случаю и случайнымъ движеніямъ. Противъ нихъ говорить псаломъ, который, выразивъ хвалу со стороны небесныхъ [предметовъ], обращается къ низшимъ и говоритъ: *Хвалите Господа отъ земли, змѣе и вси бездны, оны, градъ, стлгъ, голоть, духъ бурень, творящая слово Его* (148, 7, 8). Повидимому, ничто не предоставлено въ такой степени случаю, какъ эти беспокойныя и бурныя явленія, которыми измѣняется и нарушается видъ видимаго нами неба, называемаго не несправедливо и именемъ земли. Но прибавивъ: *творящая слово Его*, [псалмопѣвецъ] достаточно ясно показавъ, что зависящій отъ божественной власти порядокъ и этихъ предметовъ скорѣе скрытъ отъ насъ, нежели отсутствуетъ изъ вселенной. А самъ Спаситель, говоря, что ни одинъ воробей не падаетъ на землю безъ воли Божіей (Мѡ. X, 29) и что траву полевую, чрезъ короткое время бросаемую въ печь, Богъ одѣваетъ (Мѡ. VI, 30), не утверждаетъ ли насъ собственными устами въ томъ, что божественнымъ промысломъ управляется не только вся эта область міра, предна-

значенная смертнымъ и тлѣннымъ предметамъ, но и самыя ничтожныя и послѣдніе ея предметы?

ГЛАВА XXII.

Доказательства божественнаго промысла.

И если бы люди, это отрицающіе и не признающіе никакого авторитета за свящ. Писаніями, въ обитаемой ими части міра, которую они считаютъ скорѣе предоставленною случайнымъ движеніемъ, чѣмъ управляемой божественною премудростью, и для подтвержденія своей мысли приводятъ двоякое доказательство, или, какъ мы упоминали, изъ непостоянства атмосферическихъ явленій, или же изъ незаслуженнаго счастья и несчастья людей,—если бы въ этой области они обратили вниманіе на тотъ порядокъ, какой въ тѣлесныхъ членахъ любаго животнаго открывается, не скажу для медиковъ, которые по необходимости своей профессіи занимаются тщательными розысканіями и вычисленіями, а даже и для людей съ посредственнымъ смысломъ и соображеніемъ, то не заговорили-ли бы они о томъ, чтобы Богъ, отъ котораго происходитъ всякій масштабъ мѣры, всякое равенство числъ, всякій порядокъ вѣса, не превращалъ Своего управленія даже и на мгновеніе? Что же можетъ быть нелѣпѣе и бессмысленнѣе представленія, что лишена промыслительнаго мановенія и управленія вся эта область, ничтожный и послѣдній предметъ которой мы видимъ столь планообразно устроеннымъ, что внимательнѣйшее разсмотрѣніе его внушаетъ иногда невыразимое чувство удивленія? И если природа души превосходитъ природу тѣла, то что можетъ быть безумнѣе мысли, что не существуетъ никакого божественнаго промыслительнаго суда надъ нравственностью людей, если уже и тѣло ихъ представляетъ такія указанія на премудрый промыселъ? Но такъ какъ тѣла доступны на-

шимъ чувствамъ и легко ихъ изслѣдовать, то въ нихъ порядокъ вещей ясенъ; между тѣмъ, нравственныя явленія, порядка боихъ мы видѣть не можемъ, являются безпорядочными на взглядъ тѣхъ, которые не считаютъ ихъ упорядоченными именно потому, что не могутъ ихъ видѣть, а если и считаютъ, то считаютъ за нѣчто такое, что привыкли видѣть.

ГЛАВА XXIII.

Какимъ образомъ Богъ и сотворилъ все разомъ, и досель дѣлаетъ.

Мы же, путемъ которыхъ управляетъ чрезъ свящ. Писаніе божественный промыслъ, дабы мы не впали въ подобную же превратность [мыслей], постараемся, при помощи Божіей, по самымъ дѣламъ Божиимъ подняться туда, гдѣ сотворилъ ихъ Богъ разомъ, когда почилъ отъ совершенныхъ дѣлъ Своихъ, виды которыхъ въ порядкѣ времени Онъ производитъ и доселѣ. Возьмемъ въ разсмотрѣніе красоту любого дерева, съ его стволомъ, вѣтвями, листьями и плодами. Въ этомъ своемъ видѣ дерево возникло, конечно, не вдругъ, но мы знаемъ, въ какомъ порядкѣ [оно возникло]. Именно, оно поднялось изъ корня, ростокъ котораго прикрѣпляется первоначально къ землѣ, и отсюда уже вырастаетъ дерево въ полномъ своемъ образованіи и разнообразіи. Самый ростокъ является изъ сѣмени: слѣдовательно, все это первоначально заключается въ сѣмени, не по матеріальной величинѣ, а по силѣ и причинной возможности. Величина дерева есть слѣдствіе совмѣстнаго дѣйствія земли и влаги. Но въ маленькомъ зернѣ заключается болѣе удивительная и превосходная сила, которою прилегающая влага въ соединеніи съ землей, эта какъ бы матерія [дерева], превращается въ качество древесины, развѣсистость вѣтвей, зелень и фигуру листьевъ, форму и обиліе плодовъ, словомъ—въ весьма стройное разнообразіе цѣлаго дерева.

Что же вырастаетъ на этомъ деревѣ или обременяетъ его такое, что не возникало бы изъ нѣкоей невидимой сокровищницы сѣмени? А само сѣмя является отъ дерева, не этого, а другого, которое, въ свою очередь, вырастаетъ изъ другого сѣмени. Иногда же [является] дерево и отъ дерева, когда отнимаютъ и сажаютъ побѣгъ. Такимъ образомъ, и сѣмя—отъ дерева, и дерево—отъ сѣмени, и дерево—отъ дерева. Но сѣмя [не явится] отъ сѣмени ни въ какомъ случаѣ, если не посредствуетъ при этомъ дерево. Дерево же [является] отъ дерева, хотя бы сѣмя и не посредствовало. Итакъ, путемъ преемственныхъ чередованій одно [является] отъ другого, но оба они—изъ земли, а не земля—отъ нихъ: слѣдовательно, раньше нихъ—земля рождающая. Точно также и относительно животныхъ еще можетъ быть неизвѣстнымъ, отъ нихъ-ли сѣмя, или они изъ сѣмени, но они-ли или сѣмя раньше, несомнѣнно, что какъ они, такъ и сѣмя—изъ земли.

Но какъ въ зернѣ невидимо заключается разомъ все, что съ теченіемъ времени вырастаетъ въ дерево, такъ точно и о самомъ мірѣ, когда Богъ сотворилъ все разомъ, мы должны мыслить, что онъ имѣлъ все, что въ немъ и съ нимъ было сотворено, когда явился день, не только небо съ солнцемъ, луною и свѣтилами, видъ которыхъ остается при круговомъ движеніи, землю и бездны, которыя претерпѣваютъ какъ бы непостоянныя движенія и представляютъ другую, низшую, часть міра, но и все то, что въ возможности и причинно производятъ изъ себя вода и земля, раньше чѣмъ оно съ теченіемъ времени выходитъ наружу, какъ это намъ извѣстно уже изъ тѣхъ дѣлъ, которыя Богъ *доселъ дѣлаетъ*.

А если это такъ, то слова: *Сія книга бытія небесе и земли, егда бысть день, сотвори Богъ небо и землю и всякій злакъ селный, прежде даже быти на земли, и всякую траву селную, прежде даже прозябнути* (Быт. II, 4) [надобно понимать] не въ томъ смыслѣ, какъ Богъ творитъ дѣла, которыя Онъ совершаетъ и теперь при посредствѣ

дождя и земледѣлія людей, ибо прибавлено: *не бо одожди Богъ на землю и человекъ не бѣше длатию* (Быт. II, 5), но въ томъ, какъ все Богъ сотворилъ разомъ и завершилъ въ седмичное число дней, когда сотворенный день шесть разъ присутствовалъ при дѣлахъ творенія не временнымъ образомъ, въ преемственно сѣбявпихся моментахъ, а причинно, своимъ познаніемъ. Отъ этихъ дѣлъ Богъ почилъ въ седьмой день, предоставивъ познанію и радости этого дня и покой Свой, а потому благословилъ и освятилъ его не въ какомъ-либо Своемъ творческомъ дѣйствіи, а въ Своемъ покое. Отсюда, не вводя уже никакой новой твари, но разомъ сотворенное направляя и приводя въ движеніе своимъ промыслительнымъ дѣйствіемъ, Онъ дѣйствуетъ непрестанно, въ одно и тоже время и покая и дѣйствуя, какъ объ этомъ уже сказано. И вотъ, какъ бы начиная рассказъ о дѣлахъ, которыя Богъ въ теченіе временъ доселѣ дѣлаеть, Писаніе говоритъ: *Источникъ же исходилъ изъ земли и наполни все лице земли* (Быт. II, 6). — Такъ какъ объ этомъ источникѣ, что считали нужнымъ сказать, мы уже сказали, то обзорніе дальнѣйшихъ дѣлъ Божіихъ мы начнемъ съ другаго пункта.

КНИГА ШЕСТАЯ.

*О словахъ 7 стиха 2 главы Бытія: И созда Богъ чело-
вѣка, персть [вземъ] отъ земли, и проч. Изслѣдуется, какъ
или когда образованъ человекъ изъ земли; оставляя пока
речь о душѣ, говорится о тѣлѣ Адама.*

ГЛАВА I.

*Надобно-ли слова: И созда Богъ, и проч. разумѣть
о первичномъ образованіи человекъ, произведенномъ въ ше-
стой день, или же о вторичномъ, произведенномъ позднѣе
и уже въ теченіи временъ.*

*И созда Богъ человекъ, персть [вземъ] отъ земли,
и вдуну въ лице его дыханіе жизни: и бысть человекъ въ
душу живу.—Здѣсь, прежде всего, надобно рѣшить, имѣемъ-
ли мы тутъ дѣло съ краткимъ повтореніемъ [прежде сказан-
наго], такъ что въ настоящемъ случаѣ говорится о томъ,
какъ былъ сотворенъ человекъ, созданный, какъ читаемъ,
въ шестой день; или же, въ то время, когда Богъ сотворилъ
все разомъ, Онъ сокровеннымъ образомъ сотворилъ и чело-
вѣка, подобно тому, какъ [сотворилъ] полевой злакъ, прежде
чѣмъ этотъ злакъ вышелъ изъ земли, такъ что хотя чело-
вѣкъ и былъ уже созданъ въ иномъ видѣ гдѣ-либо въ сокро-
венномъ мѣстѣ природы такъ же, какъ и все, что Богъ,
егда бысть день, сотворилъ разомъ, но съ теченіемъ време-*

ни онъ явился въ томъ уже видѣ, въ какомъ хорошо или дурно проводить жизнь въ своемъ настоящемъ видѣ, подобно тому, какъ и злакъ, сотворенный раньше, чѣмъ явился на землѣ, съ теченіемъ времени и съ разлитіемъ упомянутого выше источника, вышелъ наружу и явился уже на поверхности земли.

Попробуемъ сначала принять [эти слова] въ смыслѣ краткаго повторенія. Ибо можетъ быть, что человекъ сотворенъ въ шестой день такъ же, какъ сотворенъ первоначально и самый день, какъ сотворены твердь, земля и море. А нельзя сказать, чтобы все это, уже сотворенное въ нѣкоторыхъ первоосновахъ, сначала было сокрыто, а потомъ съ теченіемъ времени, какъ бы вновь возникнувъ, явилось въ томъ видѣ, въ какомъ устроенъ міръ; но міръ сотворенъ съ начала вѣка, *егда бысть день*, и въ его элементахъ создано разомъ все то, что потомъ происходитъ въ немъ съ теченіемъ времени по роду своему какъ въ растительномъ, такъ и животномъ царствѣ. Нельзя думать, чтобы и самыя свѣтила сначала сотворены были въ элементахъ міра, а потомъ съ теченіемъ времени появились и начали блистать въ тѣхъ своихъ формахъ, въ какихъ они свѣтятъ съ неба; но всѣ они сотворены въ шестеричное совершенное число разомъ, *егда бысть день*. Итакъ, такъ же ли [сотворенъ] и человекъ, т. е. въ томъ уже своемъ видѣ, въ какомъ онъ живетъ по своей природѣ и поступаетъ хорошо или дурно, или же и онъ [сотворенъ сначала] современно (подобно тому, какъ [сотворенъ] злакъ полевой, прежде чѣмъ явился на землѣ), чтобы, съ теченіемъ времени, стать видимымъ; что и было сотвореніемъ его изъ земли.

ГЛАВА II.

Объясненіе этого предмета изъ контекста Писанія, именно 28 стиха I главы Бытія.

Допустимъ, что человекъ сотворенъ изъ земли въ своей настоящей, видимой вами, формѣ въ шестой день, только

тогда не упомянуто было о томъ, что дается видѣть теперь при повтореніи, и посмотримъ, согласно-ли съ нами само Писаніе. Здѣсь, еще при повѣствованіи о дѣлахъ шестаго дня, пишется: *И рече Богъ: сотворимъ челоуѣка по образу нашему и по подобію: и да обладаетъ рыбами морскими, и птицами небесными, и (звѣрами) и скотами, и всею землею, и всѣми гады пресмыкающимися по землѣ. И сотвори Богъ челоуѣка, по образу Божію сотвори его: мужа и жену сотвори ихъ. И благослови ихъ Богъ, глаголя: раститеся и множитесь, и наполните землю, и господствуйте ей, и обладайте рыбами морскими и звѣрами, и птицами небесными, и всѣми скотами, и всею землею, и всѣми гады пресмыкающимися по землѣ* (Быт. I, 26—28). Итакъ, челоуѣкъ былъ образованъ изъ земли и изъ ребра его была создана жена уже въ шестой день; но тогда не упомянуто было объ этомъ, что упоминается теперь при повтореніи. А въ шестой день не мужчина только сначала былъ сотворенъ, а потомъ, съ теченіемъ времени, создана женщина, но, говоритъ Писаніе, *сотвори его, мужа и жену сотвори ихъ, и благослови ихъ*. Какимъ же образомъ женщина была сотворена въ то время, когда челоуѣкъ уже былъ введенъ въ рай? Развѣ, можетъ быть, Писаніе восполнило теперь пропущенное тогда? Ибо въ самый же шестой день и рай былъ насажденъ, и челоуѣкъ былъ введенъ туда, и былъ онъ усыпленъ, чтобы создана была Ева, и пробудился, когда была образована Ева, и нарекъ ей имя. Но все это могло совершиться не иначе, какъ втеченіе промежутковъ времени. Отсюда, все это произошло не такъ, какъ сотворено было все разомъ.

ГЛАВА III.

Тотъ же самый вопросъ разрѣшается изъ другихъ мѣстъ Писанія.

Ибо какого бы возвышеннаго представленія челоуѣкъ ни былъ о той легкости, съ какою Богъ могъ совершить разомъ

вмѣстѣ съ остальнымъ и это; по крайней мѣрѣ, о человѣческихъ словахъ намъ извѣстно, что они не могутъ быть произносимы голосомъ иначе, какъ втеченіе промежутковъ времени. Отсюда, когда мы слышимъ слова человѣка, или когда онъ нарекалъ имена животнымъ, или когда давалъ имя женѣ, или когда вслѣдъ затѣмъ говорилъ: *сего ради оставитъ человекъ отца своего и мать, и прильпится къ женѣ своей: и будутъ два въ плоть едину* (Быт. II, 24), то изъ сколькихъ бы слоговъ его слова ни состояли, разомъ не могли быть произнесены два слога, тѣмъ менѣе могли разомъ совершиться всѣ эти событія, вмѣстѣ съ тѣмъ, что было сотворено разомъ. Отсюда, или все это не разомъ явилось, а втеченіе промежутковъ времени, и день тотъ, первоначально сотворенный субстанціей не духовною, а тѣлесною, производилъ утро и вечеръ или какимъ-то, не знаю, бруго-вращеніемъ свѣта, или его сокращеніемъ и расширеніемъ. Или же, буде приведенные нами при разсмотрѣніи всего, чего мы касались въ предыдущей рѣчи, вѣроятные доводы оказались убѣдительными, что днемъ названъ нѣкоторый, въ высшей области и первоначально созданный, разумный свѣтъ, т. е. день духовный, присутствіе котораго имѣло мѣсто при созданіи вещей въ шестеричное число подъ формою упорядоченнаго познанія; а съ такимъ возрѣніемъ согласны и слова Писанія, которое говоритъ: *егда бысть день, сотвори Богъ небо и землю, и всякій злакъ селный, прежде даже быти на земли, и всякую траву селную, прежде даже прозябнути* (Быт. II, 5), и въ другомъ мѣстѣ: *Живый во вѣки созда вся обще* (Сир. XVІІІ, 1): то несомнѣнно, что сказанное о сотвореніи человѣка изъ земной иерети и образованіи жены изъ его ребра относится не къ творческому дѣйствию, которымъ сотворено все разомъ и по совершеніи котораго Богъ почилъ, а къ тому дѣйствию, которое совершается уже въ теченіе вѣковъ и которое Богъ производитъ доселѣ.

Бъ тому же, и самыя слова, въ которыхъ повѣствуется, какъ Богъ насадилъ рай, какъ помѣстилъ въ немъ человѣка, котораго создалъ, какъ привелъ къ нему животныхъ, чтобы онъ нарекъ имъ имена, и, когда среди нихъ не нашлось помощника, подобнаго ему, изъ вынутаго у него ребра образовалъ ему жену, достаточно убѣждаютъ насъ, что все это относится не къ тому дѣйствию, отъ котораго Богъ почилъ въ седьмой день, а скорѣе къ тому, которое втеченіе времени Онъ совершаетъ доселѣ. Въ самомъ дѣлѣ, когда насаждался рай, объ этомъ повѣствуется такъ: *И насади Господь Богъ рай во Едемъ на востоцѣхъ и введе тамо человека, егоже созда. И прозябе Богъ еще отъ земли всякое древо красное въ видѣніе и доброе съ смѣдъ* (Быт. II, 8). И такъ, разъ говорится: *прозябе еще отъ земли древо красное въ видѣніе и доброе въ смѣдъ*, ясно, что Богъ иначе произвелъ изъ земли дерево теперь, и иначе тогда, когда земля въ третій день произвела *быліе травное, стьющее стмя по роду своему, и древо плодовитое по роду*. Выраженіе: *прозябе еще* означаетъ: „сверхъ того, что уже Онъ произвелъ“, тогда—въ возможности и причинно, въ дѣйстви, имѣющемъ отношеніе къ сотворенію разомъ всего, по совершеніи чего Богъ почилъ въ седьмой день, теперь—же видимымъ образомъ, въ дѣйстви, имѣющемъ отношеніе къ теченію времени, къ тому, какъ Онъ *доселѣ дѣлаетъ*.

ГЛАВА IV.

Развивается тотъ же самый аргументъ.

Но, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ, что не всякаго рода дерева сотворены въ третій день, а нѣкоторыя отложены до шестаго, когда сотворенъ и введенъ въ рай человѣкъ. Но Писаніе весьма ясно говоритъ, что сотворено въ шестой день: это—живая душа по роду каждой изъ тварей, т. е. душа четвероногихъ, пресмыкающихся и звѣрей, и наконецъ—самъ человѣкъ по образу Божію, мужчиной и женщи-

ной. Поэтому, оно могло не коснуться вопроса, какъ былъ сотворенъ человѣкъ, хотя и повѣствуетъ, что онъ былъ созданъ въ этотъ день, дабы потомъ, при повтореніи, вставить и то, какъ именно былъ онъ сотворенъ, т. е. изъ персти земной, а жена изъ ребра его; но не могло оно пропустить какого-либо рода твари [подразумѣвая его] либо въ словахъ: *да будетъ!* или: *сотворимъ*, либо въ словахъ: *и бысть тако*, или: *сотвори Богъ*. Въ противномъ случаѣ напрасно все распределено по отдѣльнымъ днямъ съ такою тщательностію, если возможно какое-либо опасеніе смѣшенія дней и остается мѣсто для мысли, что хотя трава и деревья приписаны третьему дню, однако нѣкоторыя деревья сотворены и въ шестой день, только Писаніе въ шестой день о нихъ умалчиваетъ.

ГЛАВА V.

О томъ же самомъ.

Что же теперь отвѣтить намъ на счетъ полевыхъ звѣрей и птицъ небесныхъ, которыхъ Богъ привелъ къ Адаму, чтобы видѣть, какъ онъ назоветъ ихъ? Объ этомъ пишется такъ: *И рече Господь Богъ: не добро быти человеку единому: сотворимъ ему помощники по нему. И созда Богъ еще отъ земли вся звѣри селмыя, и вся птицы небесныя, и приведе я ко Адаму, видѣти, что наречетъ я: и всяко еже аще нарече Адамъ душу живу, сіе имя ему. И нарече Адамъ имена всѣмъ скотомъ, и всѣмъ птицамъ небеснымъ, и всѣмъ звѣремъ земнымъ: Адаму же не обрѣтесе помощникъ подобный ему. И наложи Богъ изступленіе на Адама, и усне: и взя едино отъ ребръ его, и исполни плотію вмѣсто его. И созда Господь Богъ ребро, еже взя отъ Адама, въ жену (Быт. II, 18—22).* И такъ, если Богъ между полевыми скотами и звѣрями и птицами небесными не нашелъ для человѣка подобнаго ему помощника, и потому;

сотворилъ подобнаго ему помощника изъ ребра его, а это произошло тогда, когда Богъ *созда еще отъ земли вся звѣри селныя и вся птицы небесныя и приведе я ко Адаму, видѣти, что наречетъ я*, то какимъ же образомъ можно думать, что случилось это въ шестой день, такъ какъ въ шестой день земля, по слову Божию, произвела живую душу, птицъ же небесныхъ произвели воды, и также по слову Божию, въ пятый день? Отсюда, слова: *И созда Богъ еще отъ земли вся звѣри селныя и вся птицы небесныя* сказаны здѣсь, надобно думать, не почему-либо иному, какъ потому, что земля произвела уже полевыхъ звѣрей въ шестой день, а воды птицъ небесныхъ—въ пятый; слѣдовательно, иначе тогда, и иначе теперь: тогда—въ возможности и причинно, какъ приличествовало тому дѣйствию, которымъ сотворено все разомъ и отъ котораго Богъ почилъ въ седьмой день; а теперь—такъ, какъ видимъ мы то, что Онъ творитъ въ теченіе времени, т. е. какъ *досель дѣлаетъ*. Поэтому, Ева сотворена изъ ребра своего мужа въ тѣ извѣстнѣйшіе намъ дни матеріальнаго свѣта, которые происходятъ отъ обращенія солнца. Ибо тогда именно *созда Богъ еще отъ земли вся звѣри и птицы небесныя*, и, когда между ними не нашлось для Адама подобнаго ему помощника, сотворилъ Еву. Въ эти же дни, слѣдовательно, Онъ создалъ изъ земли и самого Адама.

Ибо нельзя сказать, что въ шестой день созданъ былъ только мужчина, а женщина въ послѣдующее время, такъ какъ о шестомъ днѣ весьма ясно сказано: *мужа и жену сотвори ихъ и благослови ихъ* и проч.; а это говорится о нихъ обѣихъ. Отсюда, оба они иначе [сотворены] тогда, и иначе теперь: тогда—въ возможности, вложенной въ міръ по слову Божию какъ бы въ сѣмени, еще тогда, когда Богъ разомъ сотворилъ все, отъ чего почилъ въ седьмой день и изъ чего въ порядкѣ вѣковъ возникаетъ все въ свойственное каждому время; а теперь—въ дѣйстви, приличествую-

щемъ времени, — въ томъ дѣйстви, которое Богъ совершаетъ доселѣ, когда въ свое время надлежало произойти Адаму изъ персти земной, а женѣ — изъ ребра мужа.

ГЛАВА VI.

Раскрываетъ свое мнѣнiе яснѣе, чтобы не быть худо понятымъ.

Если въ этомъ раздѣленіи дѣль Божіихъ, относящихся, съ одной стороны, къ тѣмъ невидимымъ днямъ, въ которые Богъ сотворилъ все разомъ, съ другой стороны, къ нашимъ обыкновеннымъ днямъ, въ которые Онъ ежедневно совершаетъ все, что только изъ этого всего, какъ изъ первоосновъ, развивается во времени, мы не совѣмъ не кстати и не къ дѣлу слѣдовали словамъ Писанія, которыя привели насъ къ такому различію; тѣмъ не менѣе надобно опасаться, чтобы въ виду довольно труднаго умопредставленія самыхъ этихъ предметовъ, котораго не способны усвоить люди менѣе сообразительные, не подумали о насъ, что мы думаемъ и говоримъ о чемъ-то такомъ, о чемъ не можемъ ни думать, ни говорить. Ибо хотя я въ предыдущей рѣчи, насколько могъ, и предварялъ читателя, однако, думается мнѣ, очень многіе въ области подобныхъ предметовъ остаются въ потемкахъ и полагаютъ, что въ томъ дѣйстви Божіемъ, которымъ сотворено все разомъ, человѣкъ явился въ такомъ видѣ, что имѣлъ уже нѣкоторую жизнь; такъ что могъ различать и понимать обращенную къ нему рѣчь Бога: *се дахъ вамъ всякую траву стьменную*. Пусть же, кто такъ думаетъ, знаетъ, что этого я ни думалъ, ни говорилъ.

Но такой, если, съ другой стороны, я скажу ему, что въ первомъ созданіи вещей, въ которомъ Богъ сотворилъ все разомъ, человѣкъ былъ не такимъ, какъ онъ является не только человѣкомъ совершеннолѣтнимъ, а даже и ребенкомъ, и не только ребенкомъ, а даже и младенцемъ во чревѣ ма-

тери, да и не только имъ, а даже и видимымъ сѣменемъ человѣка, подумаетъ, что человѣка тогда совсѣмъ не было. Пусть же обратится къ Писанію: тамъ онъ найдетъ, что въ шестой день человѣкъ сотворенъ по образу Божию (Быт. I, 27), и что сотворены мужъ и жена. Равнымъ образомъ, если онъ спроситъ, когда сотворена жена, найдетъ, что она сотворена послѣ шести дней; ибо она сотворена тогда, когда Богъ *созда еще отъ земли вся звѣри селныя и вся птицы небесныя*, а не тогда, когда воды произвели птицъ, а земля живую душу, какая есть и у звѣрей.¹ Но и теперь сотворены мужъ и жена. Слѣдовательно, они [сотворены] и тогда, и теперь, но не тогда только, а и не теперь, или же не теперь только, а и не тогда: ибо и теперь [сотворены] не другіе, а тѣже самыя, но только иначе тогда, и иначе теперь. Если онъ спроситъ у меня, какимъ это образомъ, я отвѣчу: теперь—видимо, въ той формѣ, въ какой извѣстенъ намъ составъ человѣка, впрочемъ—не по происхожденію отъ родителей, а мужъ изъ земли, а жена отъ кости его. Если спроситъ, какъ же тогда, отвѣчу—невидимо, въ возможности, причинно, какъ возникаетъ будущее, но еще не совершившееся.

Но онъ не пойметъ, пожалуй, и этого. Ибо въ данномъ случаѣ онъ отвлекается отъ всего, что ему извѣстно, даже отъ тѣлесности сѣмянъ; потому что человѣкъ не былъ даже и чѣмъ-либо подобнымъ, когда созданъ былъ въ первомъ, шестидневномъ твореніи. Правда, сѣмена даютъ нѣкоторое сходство съ этимъ предметомъ, въ виду того, что въ нихъ содержится какъ нѣчто будущее, однако раньше всѣхъ видимыхъ сѣмянъ существуютъ тѣ [творческія] причины; но онъ этого не понимаетъ. Что же мнѣ дѣлать съ нимъ, какъ не убѣждать его, насколько возможно, вѣровать божественному Писанію, что человѣкъ созданъ, съ одной стороны, тогда, когда Богъ, *егда бысть день*, сотворилъ небо и землю, о чемъ Писаніе въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *Живый во вѣки созда вся обще*, а съ другой тогда, когда творилъ

Онъ не разомъ все, а каждый видъ бытія въ свойственное ему время, при чемъ человекъ создалъ изъ земли и изъ его ребра жену, ибо Писаніе не дозволяетъ намъ ни такого пониманія, что мужъ и жена въ такомъ видѣ сотворены уже въ шестой день, ни того, что въ шестой день они не сотворены вовсе.

ГЛАВА VII.

О томъ, что Богъ не могъ сотворить души раньше тѣла.

Но, быть можетъ, въ шестой день сотворены были ихъ души, въ разумномъ умѣ которыхъ справедливо мыслится и самый образъ Божій, такъ что тѣло образовалось послѣ? Писаніе не дозволяетъ намъ думать такимъ образомъ, во-первыхъ, по причинѣ окончанія [творческихъ] дѣлъ, которое не знаю, какъ можетъ быть понимаемо, если тогда причинно не создано было что-нибудь такое, что создано потомъ видимымъ образомъ; затѣмъ потому, что самый мужескій и женскій полъ можетъ состоять не въ чемъ иномъ, какъ въ тѣлахъ. Если же кто-нибудь подумаетъ, что тотъ и другой полъ надобно понимать въ смыслѣ разумнѣя и дѣйствія въ одной душѣ, въ такомъ случаѣ какъ же онъ будетъ понимать то, что сказано въ этотъ день относительно вкушенія отъ плодовъ древесныхъ (Быт. I, 29) и что, конечно, причисляется только человекъ, имѣющему тѣло? Ибо если и это вкушеніе онъ захочетъ понимать иносказательно, въ такомъ случаѣ отступить отъ собственного смысла совершавшихся событій, который въ повѣствованіяхъ подобнаго рода долженъ быть прежде всего выдерживаемъ со всею тщательностью.

ГЛАВА VIII.

*Запрудненіе со стороны голоса Божія къ человеку
въ шестой день.*

А какимъ образомъ, возразить онъ, говорилъ Богъ тѣмъ, которые еще не слышали и не понимали, такъ какъ еще не были въ состояніи воспринимать слова? Я отвѣтилъ бы на это такъ, что Богъ говорилъ имъ такимъ же образомъ, какъ говорилъ Христосъ намъ, еще не родившимся и чрезъ долгое время имѣвшимъ явиться на свѣтъ, да и не намъ только, а и всѣмъ, которые имѣютъ быть послѣ насъ, ибо всѣмъ, которые, какъ Онъ предвидѣлъ, будутъ Его послѣдователями, Онъ сказалъ: *се азъ съ вами есмь до скончанія вѣка* (Мѣ. XXVIII, 20),—какъ вѣдомъ былъ Богу пророкъ, которому Онъ сказалъ: *прежде неже мнѣ создати тя во чреву, познахъ тя* (Іер. 1, 5), или какъ Левій былъ пріемляй десятины, находясь еще въ чреслахъ Авраама (Евр. II, 9). Почему же не могло быть того же и съ самимъ Авраамомъ въ Адамъ, а съ Адамомъ въ первыхъ дѣлахъ міра, которыя Богъ сотворилъ всё разомъ? Но слова Господа были произнесены плотскими Его устами, а слова Бога—временнымъ тѣлеснымъ голосомъ чрезъ уста пророковъ и для своихъ слоговъ требовали соотвѣтствующихъ промежутковъ времени; между тѣмъ, когда Богъ говорилъ: *Сотворимъ человека по образу нашему и по подобію: и да обладаетъ рыбами морскими и птицами небесными и звѣрми, и скотами и всею землею, и всѣми гады пресмыкающимися по земли... и раститеся и множитесь, и наполните землю, и господствуйте ея, и обладайте рыбами морскими, и звѣрми, и птицами небесными, и всѣми скотами и всею землею, и всѣми гады пресмыкающимися по земли, и: се дахъ вамъ всякую траву съющую сѣмь, еже есть верху земли всяя, и всякое древо, еже имать въ себѣ плодъ сѣмене сѣмен-*

наго, *вамъ будетъ въ снѣдь* (Быт. I, 27—29), то эта рѣчь Его, раньше всякаго воздушнаго звука, раньше всякаго плотскаго и облачнаго голоса, какъ бы звучала въ Его высочайшей Премудрости, которою сотворено все,—звучала не для слуха человѣческаго, а въ вещахъ уже сотворенныхъ полагала причины вещей, долженствовавшихъ быть сотворенными, и всемогущею силою производила будущее и какъ бы въ сѣмени или корнѣ времени создавала человѣка, долженствовавшего въ свое время получить образованіе,—создавала тогда, когда еще полагалось начало вѣковъ, сотворенныхъ Тѣмъ, Кто самъ существуетъ раньше вѣковъ. Ибо однѣ твари предшествуютъ другимъ—нѣкоторыя по времени, а нѣкоторыя по причинамъ; Онъ же, все сотворившій, предшествуетъ всему не только тѣмъ Своимъ совершенствомъ, по которому Онъ есть производитель и самыхъ причинъ, но и вѣчностью. Объ этомъ предметѣ, впрочемъ, по поводу болѣе подходящихъ мѣстъ Писанія намъ, можетъ быть, придется сказать подробнѣе.

ГЛАВА ІХ.

Какимъ образомъ Іеремія былъ извѣстенъ Богу раньше своего образованія [во чревь матери]. Заслуги еще не родившихся.

Теперь же поведемъ до конца начатую о человѣкѣ рѣчь, сохраняя при этомъ умѣренность и предпочитая тщательность изысканія глубокаго смысла Писанія дерзости утвержденія. Ибо нельзя сомнѣваться, что Богъ зналъ Іеремію раньше, чѣмъ образовалъ его въ утробѣ [матери]; объ этомъ Онъ говоритъ весьма ясно: *прежде неже мнѣ создати тя во чревь, познахъ тя*. Гдѣ же Онъ позналъ его, прежде чѣмъ образовалъ въ утробѣ матери (хотя постиженіе этого для нашей слабости или трудно, или невозможно)—въ нѣко-

торыхъ-ли ближайшихъ причинахъ, подобно тому, какъ Левій въ чреслахъ Авраама былъ *пріемляй десятины*, или же въ самомъ Адамѣ, въ которомъ родъ человѣческій заключался, какъ въ корнѣ, и притомъ въ самомъ Адамѣ—тогда-ли, когда онъ уже образованъ былъ изъ земли, или тогда, когда онъ причинно сотворенъ былъ въ дѣлахъ, которыя Богъ сотворилъ все разомъ, или же скорѣе—раньше всякаго творенія, подобно тому, какъ Богъ избралъ и предопредѣлилъ святыхъ своихъ до сложенія міра (Еф. I, 4), или, наконецъ, во всѣхъ этихъ причинахъ: во всякомъ случаѣ, будутъ-ли это—причины, которыя я перечислилъ, или же тѣ, о которыхъ я не упомянулъ, Богъ зналъ его раньше, чѣмъ образованъ онъ былъ въ утробѣ матери; не думаю, чтобы надобно было доискиваться этого съ большею тщательностью, лишь бы было извѣстно, что Іеремія только съ того времени, какъ явился на свѣтъ отъ родителей, получилъ жизнь въ собственномъ смыслѣ и, возрастая съ теченіемъ времени, могъ жить хорошо или худо, а ни въ какомъ случаѣ не раньше, не только прежде чѣмъ образованъ былъ въ утробѣ матери, но даже и тогда, когда уже получилъ образованіе, но еще не родился. Ибо не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію апостольское изреченіе о близнецахъ, въ утробѣ Ревекки еще не сдѣлавшихъ чего-либо добраго или худаго (Рим. X, 11).

Однако, не напрасно написано, что „не чистъ отъ грѣха и младенецъ, хотя бы одинъ только день жилъ на землѣ“ (Іов. XI, 4), и въ псалмѣ: „се бо въ беззаконіихъ зачатъ есмь и во грѣсѣхъ вскормила меня мать во чревѣ“ (50, 7); а также и то, что въ Адамѣ все умираютъ, въ которомъ все согрѣшили (Рим. 12). Но, съ другой стороны, какія бы заслуги (*merita*) родителей ни переходили на потомство и какая бы благодать Божія ни освящала cadaго, прежде чѣмъ онъ рождается, будемъ твердо держаться, что нѣтъ лицепріятія у Бога и никто, прежде чѣмъ рождается, не дѣ-

лаеть ни худаго ни добраго, что относилось бы къ его собственному лицу. И то мнѣніе, съ точки зрѣнія котораго нѣкоторые полагаютъ, что нѣкогда души болѣе или менѣе согрѣшили и по мѣрѣ своихъ грѣховъ ниспосылаются въ разныя тѣла, не согласно съ изреченіемъ Апостола, такъ какъ онъ весьма ясно говоритъ, что еще не родившіеся не дѣлаютъ ничего ни добраго, ни худаго.

Отсюда, мы снова въ своемъ мѣстѣ возвратимся къ вопросу, чѣмъ грѣхъ прародителей отразился на всемъ родѣ человѣческомъ; но относительно того, что человѣкъ, прежде чѣмъ сотворенъ былъ изъ земли, т. е. прежде чѣмъ явился въ свое время къ жизни, не могъ наследовать никакой подобной вины (*merita*), никакого вопроса быть не можетъ. Ибо какъ объ Исавѣ и Іаковѣ, которые, по словамъ Апостола, еще не родившись, не сдѣлали ничего ни худаго, ни добраго, мы не могли бы сказать, что они наследовали какую-нибудь заслугу своихъ родителей, если бы сами родители не сдѣлали ничего ни худаго, ни добраго, и—о всемъ родѣ человѣческомъ, что онъ согрѣшилъ въ Адамѣ, если бы не согрѣшилъ самъ Адамъ, а Адамъ могъ согрѣшить не иначе, какъ явившись уже къ жизни, когда только и могъ сдѣлать что-нибудь худое или доброе: такъ точно напрасно поднимать вопросъ о грѣхѣ или точнѣе дѣяніи Адама, когда онъ, будучи созданъ вмѣстѣ съ прочими вещами разомъ, не жилъ ни собственной жизнью, ни въ своихъ, жившихъ такою жизнью, родителяхъ. Ибо въ томъ первомъ твореніи міра, когда Богъ сотворилъ все разомъ, человѣкъ созданъ былъ такимъ, какимъ онъ имѣлъ быть, т. е. въ идеѣ (*ratio*) творенія, а не въ самомъ дѣйствиіи сотворенія.

ГЛАВА X.

Предметы, существующіе разными способами.

Но [идеи] существуютъ иначе въ Словѣ Бога, въ которомъ онѣ не сотворены, а вѣчны, иначе—въ элементахъ міра, гдѣ все, имѣвшее явиться къ бытію, сотворено разомъ, иначе—въ вещахъ, которыя, будучи причинно (*secundum causas*) сотворены разомъ, творятся уже не разомъ, но каждая въ свое время, а въ томъ числѣ и Адамъ, уже образованный изъ земли и одушевленный дыханіемъ Божиимъ, какъ и полевой злакъ, вышедшій на поверхность земли, наконецъ — иначе въ сѣменахъ, въ коихъ первоосновныя причины снова какъ бы повторяются, происшедши отъ тѣхъ вещей, которыя уже существуютъ сообразно съ сотворенными первоначально причинами, какъ напр. трава—изъ земли, сѣмя—изъ травы. Во всѣхъ этихъ [случаяхъ] получаетъ свои временныя обнаруженія и дѣйствія то сотворенное, которое изъ скрытыхъ и невидимыхъ началъ (*rationibus*), причинно заключенныхъ въ твари, является уже въ видимыхъ формахъ и природахъ, какъ напр. трава, выходящая на поверхность земли, человѣкъ, созданный въ душу живу, и все прочее какъ въ растительномъ, такъ и въ животномъ царствѣ, относящееся къ тому дѣйствию, которое Богъ совершаетъ и доселя. Но и эти формы и природы какъ бы снова содержатъ самихъ себя въ нѣкоторой скрытой производительной силѣ, которую онѣ заимствуютъ изъ тѣхъ первоосновныхъ своихъ причинъ, въ которыхъ онѣ заключены были при созданіи міра, *егда бысть день*, прежде чѣмъ получили обнаруженіе въ видимой своего рода формѣ.

ГЛАВА XI.

Какимъ образомъ дѣла творенія и уже окончены въ шестой день и досель начинаются.

Ибо если бы [первоначальныя] дѣла, которыя Богъ сотворилъ всѣ разомъ, были въ своемъ родѣ несовершенными, Творенія бл. Августина.

то въ нимъ должны бы были впослѣдствіи прибавлены и тѣ, коихъ недоставало для ихъ совершенства; такъ что совершенство вселенной должно бы было состоять изъ тѣхъ и другихъ, взятыхъ по половинѣ, точно бы это были части одного цѣлаго, изъ соединенія коихъ и составилось бы цѣлое, частями котораго онѣ служили. Съ другой стороны, если бы они были совершенными, какъ становятся совершенными, когда каждое изъ нихъ является отъ времени до времени въ своихъ видимыхъ для насъ формахъ и дѣйствіяхъ; въ такомъ случаѣ, очевидно, отъ нихъ или ничего бы потомъ не происходило, или же происходило такое, что Богъ не перестаетъ производить отъ вещей, уже происшедшихъ въ свое время. Между тѣмъ, такъ какъ [дѣла], которыя при твореніи міра сотворены Богомъ всѣ разомъ и должны были въ послѣдующее время раскрыться, съ одной стороны, въ нѣкоторомъ родѣ уже закончены, а съ другой въ нѣкоторомъ родѣ начинаются,—закончены въ томъ отношеніи, что въ своихъ природахъ, которыми [вещи] проходятъ соотвѣтствующее имъ теченіе времени, не заключаютъ ничего такого, чего не было дано въ нихъ при [первоначальномъ] твореніи, а начинаются въ томъ, что [дѣла первоначальнаго творенія] были какъ бы нѣкоторыми сѣменами будущихъ вещей, долженствовавшими въ теченіе вѣковъ изъ скрытаго состоянія достигнуть своего въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ обнаруженія, то для убѣжденія насъ въ этомъ вполне достаточно слова самого Писанія, если только мы въ нихъ вникнемъ. А Писаніе называетъ ихъ и законченными и начинающимися: ибо если бы они не были закончены, то не было бы написано: *И совершишася небо и земля и все украшеніе ихъ. И соверши Богъ въ день шестый дѣла своя, яже сотвори: и почи въ день седмый отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, яже сотвори. И благослови Богъ день седмый и освяти его.* Съ другой стороны, если бы они не начинались, не стояло бы дальнѣйшихъ словъ, такъ какъ въ тотъ день Богъ *почи отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, яже начатъ творити.*

Если теперь спросить кто-нибудь, какимъ образомъ Богъ ихъ и закончилъ, и начинаетъ (а Онъ не иныя закончилъ и иныя начинаетъ, а тѣ самыя, отъ коихъ почилъ въ седьмой день), то вопросъ этотъ разрѣшается ясно изъ сказаннаго выше. Именно—закончилъ Онъ ихъ, по нашему представленію, тогда, когда сотворилъ все разомъ и съ такимъ совершенствомъ, что ничего уже не надобно творить такого, чего не было бы сотворено тогда причинно; а начинаетъ такъ, что положенное въ этихъ причинахъ производитъ въ дѣйствіи. Ибо *созда Богъ чловѣка, персть или грязь вземъ отъ земли*, т. е. изъ персти или грязи земной, и *вдуну* или *вдохнулъ въ лице его дыханіе жизни, и бысть чловѣкъ въ душу живу*. Не предназначенъ только теперь чловѣкъ [къ бытію], ибо къ бытію онъ предназначенъ въ предвѣдѣніи Создателя до вѣка, ни причинно начать въ совершительномъ смыслѣ (consumate), или начинательно (inchoate) законченъ, ибо въ такомъ видѣ онъ [существовалъ] отъ вѣка въ первоосновныхъ началахъ (rationibus), когда все творилось разомъ; а сотворенъ въ свое время—видимо по тѣлу, невидимо по душѣ, состоя изъ души и тѣла.

ГЛАВА XII.

Особеннымъ-ли образомъ устроено Богомъ тѣло чловѣка.

Посмотримъ же теперь, какъ сотворилъ Богъ сначала изъ земли тѣло чловѣка, а потомъ, насколько будемъ въ состояніи, скажемъ и о душѣ его.—Было бы представленіемъ совершенно дѣтскимъ, что Богъ образовалъ чловѣка изъ земной персти тѣлесными руками; если бы даже Писаніе подобнымъ образомъ и выразилось, мы должны бы думать, что скорѣе писатель въ этомъ случаѣ употребилъ переносное выраженіе, нежели Богъ ограниченъ такими же членами, какіе мы видимъ въ своихъ тѣлахъ. Правда, оно говоритъ: *Рука твоя языки потреби* (псал. 43, 3) и: „Ты извелъ народъ твой *рукою крѣпкою и мышцею висо-*

кою (пс. 135, 11), но кто же настолько безуменъ, чтобы не понять, что названіе этого члена поставлено здѣсь въ смыслѣ власти и силы Бога?

Не слѣдуетъ придавать значенія и той, высказываемой нѣкоторыми, мысли, что человѣкъ представляетъ собою особенное твореніе Божіе потому, что обо всемъ прочемъ Богъ *рече и быша*, а его Онъ самъ сотворилъ; скорѣе человѣкъ [особенное твореніе] потому, что Богъ сотворилъ его по образу Своему. Ибо слова: *рече и быша* (пс. 148, 5) сказаны потому, что все сотворено Словомъ Бога, какъ только это и могло быть выражено людямъ чрезъ человѣка словами, которыя мыслятся временнымъ образомъ и произносятся голосомъ. А такъ говорить Богъ въ томъ только случаѣ, когда Онъ говоритъ чрезъ посредство тѣлесной твари, какъ напр. съ Авраамомъ, Моисеемъ, или чрезъ облако о Сынѣ Своемъ. Но раньше всякой твари, чтобы она явилась къ бытію, Онъ говорилъ тѣмъ Словомъ, которое *въ началѣ бы къ Богу*; а такъ какъ *вся Тьма быша и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. 1, 3), то чрезъ Него, конечно, созданъ и человѣкъ. Безъ сомнѣнія, словомъ сотворилъ Богъ и небо, потому что *рече и—оно бысть*; однако написано: *и дѣла руку твою суть небеса* (пс. 101, 26). Даже и о самомъ, такъ сказать, исподѣ нашего міра написано: *яко того есть море, и Той сотвори е, и сушу рущу Его создасть* (пс. 94, 5). И такъ, не то должны мы ставить въ честь человѣку, что обо всемъ прочемъ Богъ *рече и быша*, а его сотворилъ, или—все прочее [сотворилъ] словомъ, а его руками. Но превосходство человѣка состоитъ въ томъ, что Богъ сотворилъ его по образу Своему, даровавъ ему разумный умъ, которымъ онъ превосходитъ скотовъ; о чемъ выше мы уже вели рѣчь. Поставленный въ такой чести, онъ, буде не разумѣетъ, что долженъ вести себя хорошо, угодится тѣмъ самымъ скотамъ, надъ которыми превознесенъ. А такъ и написано: *человѣкъ, въ чести сый, не разумъ, приложися скотомъ несмыслен-*

нымъ и уподобися имъ (ис. 48, 13. 21). Ибо Богъ сотворилъ и свотовъ, но не по образу Своему.

Не слѣдуетъ говорить и такъ, что человѣка Богъ сотворилъ, а скотамъ повелѣлъ [быть], и они явились; но какъ его, такъ и ихъ Онъ сотворилъ Словомъ Своимъ, *имже вся бысть* (Юан. I, 3). Но такъ какъ это Слово есть Его премудрость и сила, то оно называется и Его рукою, но не членомъ видимымъ, а силою созидающею. Ибо то самое Писаніе, которое говоритъ, что Богъ создалъ человѣка изъ персти земной (Быт. II, 7), говоритъ въ то же время, что Онъ создалъ изъ земли и полевыхъ звѣрей, когда вмѣстѣ съ птицами небесными привелъ ихъ къ Адаму *видѣти, что наречетъ я*. Объ этомъ написано такъ: *И созда Богъ еще отъ земли вся звѣри селныя* (Быт. II, 19). А если Онъ образовалъ изъ земли и человѣка и звѣрей, то какое же человѣкъ имѣеть превосходство, какъ не то, что сотворенъ по образу Божію? Но такимъ онъ сотворенъ не по тѣлу, а по разумному уму, о чемъ скажемъ мы послѣ. Впрочемъ, и въ самомъ тѣлѣ своемъ онъ имѣеть нѣкоторую, указывающую на это, особенность, ту именно, что сотворенъ съ поднятымъ кверху станомъ, а это должно внушать ему, что онъ не долженъ тяготѣть къ земному, подобно животнымъ, все удовольствіе которыхъ получается отъ земли, почему всѣ они наклонены и распростерты на брюхо. Такимъ образомъ, и тѣло человѣка соответствуетъ его разумной душѣ, но не чертами и фигурой членовъ, а тѣмъ, что оно поднято прямо къ небу, для созерцанія тѣхъ предметовъ, которые въ системѣ видимаго міра занимаютъ высшее мѣсто, какъ и разумная душа должна направляться къ тому, что въ области духовныхъ предметовъ наиболѣе превосходитъ своею природою, дабы услаждаться горнимъ, а не тѣмъ, что на землѣ.

ГЛАВА XIII.

Въ какомъ возрастѣ, или съ какимъ ростомъ созданъ Адамъ.

Но какъ Богъ создалъ человѣка изъ земной персти, вдругъ-ли въ совершенномъ, т. е. мужескомъ или юношескомъ, возрастѣ, или же такъ, какъ и теперь образуетъ [насъ] въ утробѣ матери? Ибо не другой кто дѣлаетъ и это, а Онъ же, который сказалъ: *прежде неже Мнѣ образовати тя во чревь, познахъ тя* (Иерем. I, 5), такъ что Адамъ имѣлъ только ту особенность, что не отъ родителей рожденъ, а сотворенъ изъ земли; причемъ, однако, тѣ числовые сроки, которые, какъ мы видимъ, усвоены человѣческой природѣ, восполнялись и въ немъ путемъ совершенствованія и восхожденія по возрастамъ. Но, можетъ быть, и совсѣмъ не слѣдуетъ входить въ изслѣдованіе этого предмета? Ибо подъ какимъ бы изъ этихъ двухъ видовъ Богъ ни сотворилъ человѣка, во всякомъ случаѣ Онъ сотворилъ его такъ, какъ прилично было сотворить его всемогущему и премудрому Богу. Правда, родамъ и качествамъ вещей, которыя должны изъ скрытаго состоянія стать видимыми, Онъ сообщилъ извѣстные временные законы, но такъ, что воля Его остается выше этихъ законовъ. Своимъ всемогуществомъ Онъ доровалъ твари числовые сроки, но не соединилъ съ этими сроками самаго всемогущества. Ибо если Духъ его носился надъ міромъ при сотвореніи (Быт. I, 2), то носится Онъ и надъ міромъ, уже сотвореннымъ,—носится не пространственно, а превосходствомъ власти.

Въ самомъ дѣлѣ, кто же не знаетъ, что вода, сотворенная вмѣстѣ съ землей, подходя къ корнямъ винограда, поступаетъ въ питаніе этого дерева и получаетъ въ немъ такое качество, которое обращается въ постепенно развивающійся гроздь, становится, при увеличеніи грозда, виномъ, при созрѣваніи получаетъ сладкій вкусъ, выжатое [изъ

ягодъ] подвергается броженію (*fervescat*) и, наконецъ, выдержанное до извѣстной старости дѣлается болѣе полезнымъ и пріятнымъ для питья? Но развѣ Господь имѣлъ нужду въ землѣ, или въ водѣ, или въ подобныхъ промежуткахъ времени, когда съ такою удивительною быстротою претворилъ воду въ вино, и притомъ вино такое, которое похвалилъ даже и пьяный гость? Развѣ Создатель времени нуждался въ помощи времени? Не въ опредѣленное-ли, каждому роду предназначенное, число дней зачинается, образуется, рождается и достигаетъ силы каждая порода змѣй? Но развѣ не было такихъ дней, когда въ ругѣ Моисея и Аарона превращень былъ посохъ въ змія? А разъ подобныя [явленія] происходятъ, они происходятъ вопреки природѣ только для насъ, для которыхъ порядокъ естества извѣстенъ въ иномъ видѣ, но не для Бога, для котораго естество [вещи] состоитъ въ томъ, что Онъ творитъ.

ГЛАВА XIV.

Какого рода были причинныя начала, первоначально сообщенныя міру.

Спрашивается теперь, въ какомъ же видѣ были учреждены самыя тѣ причинныя начала, которыя Богъ первоначально сообщилъ міру, когда сотворилъ все разомъ: такъ-ли, что, смотря по различію своихъ видовъ, они подлежали различнымъ періодамъ времени, подобно тому, какъ все, возникающее въ растительномъ и животномъ царствѣ, мы видимъ въ свойственномъ ему образованіи и возростаніи, или же такъ, что они образовались разомъ, подобно тому, какъ и Адамъ, можно думать, сотворенъ прямо въ мужескомъ возрастѣ, помимо постепенности возростанія?—Но почему же не думать намъ, что въ этихъ началахъ заключалось разомъ и то и другое, дабы получило осуществленіе то, что будетъ угодно Создателю? Ибо если мы скажемъ, что они установ-

лены въ первомъ видѣ, то будетъ очевиднымъ, что не только вино изъ воды, но и всѣ, совершающіяся противъ обыкновеннаго порядка природы, чудеса совершены вопреки имъ. А если—въ послѣднемъ видѣ, то выводъ будетъ еще нелѣпѣе, именно—что всѣ обыденные формы и виды природы проходятъ свойственные имъ періоды времени вопреки первичнымъ началамъ всего рождающагося. Остается, такимъ образомъ, предположить, что эти начала сотворены способными къ тому и другому виду, т. е. и къ тому, въ какомъ наиболѣе обыкновенно проходитъ свое существованіе все временное, и къ тому, въ какомъ совершается все рѣдкое и чудесное, какъ угодно бываетъ Богу производить то, что свойственно времени.

ГЛАВА XV.

Первый человекъ образованъ не иначе, а такъ, какъ это заключалось въ первичныхъ причинахъ.

И однако, человекъ созданъ такъ именно, какъ заключалось въ первичныхъ причинахъ сотвореніе перваго человека, которому надлежало не родиться отъ родителей, какихъ у него не было, а быть образовану изъ персти земной, согласно съ тѣмъ причиннымъ началомъ, въ какомъ онъ былъ первоначально созданъ. Ибо, если онъ созданъ иначе, то Богъ [очевидно] сотворилъ его не въ ряду дѣлъ шести дней; если же мы говоримъ, что онъ сотворенъ въ ряду дѣлъ шести дней, очевидно—Богъ сотворилъ [тогда] самую причину, по которой человекъ въ свое время имѣлъ быть и согласно съ которою долженъ былъ быть сотворенъ. Тѣмъ, Кто въ одно и тоже время и начатое совершилъ въ разсужденіи совершенства причинныхъ началъ, и долженствовавшее быть совершеннымъ закончилъ въ разсужденіи временнаго порядка. Отсюда, если въ тѣхъ первичныхъ причинахъ, которыя сообщили Создатель міру, Богъ положилъ не только

создать человѣка изъ персти земной, но и—какъ создать, т. е. такъ-ли, какъ въ утробѣ матери, или же въ юношеской формѣ, то, несомнѣнно, Онъ сотворилъ его такъ, какъ предначерталъ тогда, ибо сотворилъ его, конечно, не вопреки Своему намѣренію. Если же въ этихъ причинахъ Богъ положилъ только силу возможности, чтобы человѣкъ явился какимъ бы тамъ ни было образомъ, могъ быть и такъ и эдакъ, т. е. если въ первичныхъ причинахъ заключалась лишь причина, чтобы человѣкъ могъ быть такъ и эдакъ, тотъ же опредѣленный образъ, въ какомъ онъ имѣлъ [дѣйствительно] явиться, Богъ сохранилъ въ Своей волѣ, но не сочеталъ съ созданиемъ міра, то ясно, что даже и въ настоящемъ своемъ видѣ человѣкъ созданъ не вопреки тому, какъ заключался онъ въ первичномъ созданіи причинъ; ибо тамъ заключалась причина и того, чтобы онъ могъ быть въ этомъ своемъ видѣ, хотя и не было тамъ причины, чтобы онъ явился въ такомъ видѣ необходимо; послѣднее заключалось уже не въ созданіи твари, а въ волѣ Творца, которая представляетъ собою необходимость для вещей.

ГЛАВА XVI.

Что вещь члвкъ-либо можетъ быть, это заключается въ ея природѣ, но что тлмъ она и будетъ, это зависитъ только отъ воли Бога.

Ибо и мы, сообразно съ свойственнымъ человѣческой слабости пониманіемъ, можемъ еще въ области предметовъ, являющихся во времени, знать на основаніи опыта, что принадлежитъ природѣ каждаго изъ нихъ; но будетъ-ли оно и принадлежать ему, этого мы не знаемъ. Природѣ вотъ этого, напр., юноши свойственно, безъ сомнѣнія, достигнуть старости, но положено-ли въ волѣ Божіей, чтобы онъ и достигъ старости, этого мы не знаемъ. Да и природѣ его не было бы это свойственно, если бы раньше не положено

было въ волѣ Того, Кто сотворилъ все. И дѣйствительно, есть скрытая причина старости въ юношескомъ тѣлѣ, или юности—въ дѣтскомъ тѣлѣ; но мы не глазами это видимъ, какъ самое дѣтство въ дитяти, или юность въ юношѣ, а доходимъ нѣкоторымъ уже другимъ познаніемъ до заключенія, что есть въ природѣ [того и другого] нѣчто сокровенное, изъ чего въ наличности возникаютъ скрытыя числа юности-ли изъ дѣтства, или старости изъ юности. Такимъ образомъ, существуетъ скрытая, впрочемъ для глазъ, а не для ума, причина, вслѣдствіе которой это можетъ быть; но необходимо-ли оно и должно быть, этого рѣшительно мы не знаемъ. Мы знаемъ, что причина, вслѣдствіе которой это можетъ быть, существуетъ въ природѣ самаго тѣла, но причина, вслѣдствіе которой оно необходимо и должно быть, заключается, очевидно, не тамъ.

ГЛАВА XVII.

Что именно изъ будущаго дѣйствительно будущее.

Но, можетъ быть, причина, чтобы человѣкъ могъ достигнуть старости необходимо, заключается въ мірѣ; а если не въ мірѣ, то въ Богѣ. Ибо то только необходимо сбудется, чего хочетъ Богъ, и истинно будущее только то, что Онъ предвидѣлъ. Многое можетъ быть будущимъ по низшимъ причинамъ; но истинно будущимъ оно становится въ томъ только случаѣ, если существуетъ какъ будущее и въ предвѣдѣніи Божіемъ, и если [по низшимъ причинамъ] сбывается иначе, то скорѣе сбывается именно такъ, какъ положено ему быть тамъ, гдѣ не можетъ ошибаться Предвидящій. Такъ, будущимъ называемъ мы и старость въ юношѣ, но, однако, этого можетъ и не быть, если юноша умретъ раньше; а это послѣднее будетъ такъ, какъ требуютъ того другія причины, или вложенныя въ мірѣ, или остающіяся въ предвѣдѣніи Божіемъ. Согласно съ нѣкоторыми причинами

будущихъ [событій], Езекии надлежало умереть; но Богъ прибавилъ ему еще пятнадцать лѣтъ къ жизни (Иса. XXXVIII, 5), сдѣлавъ въ этомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, то, что сдѣлать предвидѣлъ до сложения міра, но оставлялъ въ Своей волѣ. Поэтому, въ настоящемъ случаѣ не то Онъ сдѣлалъ, чему не слѣдовало быть, а скорѣе тому надлежало сбыться, что Онъ предвидѣлъ. И эти [пятнадцать] лѣтъ не могли бы въ сущности и называться прибавленными, если бы не прибавлялось нѣчто такое, что по другимъ причинамъ бывалось иначе. Отсюда, по нѣкоторымъ низшимъ причинамъ жизнь [Езекии] уже оканчивалась, но по причинамъ, заключающимся въ волѣ и предвѣдѣніи Бога, который отъ вѣчности зналъ, что имѣло случиться въ это время, Езекии надлежало окончить жизнь тогда, когда онъ [дѣйствительно] ее и окончилъ. Ибо хотя, въ этомъ случаѣ, было сдѣлано снисхожденіе Езекии ради его молитвы, но даже и то, что онъ будетъ молиться и притомъ такъ молиться, чтобы обязательно было снисхожденіе къ этой его молитвѣ, зналъ, безъ сомнѣнія, Тотъ, Чье предвѣдѣніе не можетъ ошибаться; а потому что Онъ предвидѣлъ, тому и надлежало быть необходимо.

ГЛАВА XVIII.

Выводится заключеніе, что Адамъ былъ образованъ не вопреки тому, какъ установленъ былъ въ первичныхъ причинахъ.

Поэтому, если причины всего будущаго заложены въ міръ въ то время, *егда бысть день*, въ который Богъ сотворилъ все разомъ, то, при своемъ образованіи изъ персти земной, вѣроятнѣе всего—уже въ совершенно-мужескомъ возрастѣ, Адамъ былъ сотворенъ не иначе, а именно такъ, какъ заключалось это въ тѣхъ причинахъ, въ какихъ Богъ создалъ человѣка въ ряду дѣлъ шести дней. Въ этихъ

причинау заключалось не только то, чтобы онъ могъ быть такимъ, но и то, чтобы онъ былъ такимъ необходимо. Ибо Богъ сотворилъ [его] настолько же не вопреки той причинѣ, которую, безъ сомнѣнія, предоставилъ по Своему хотѣнію, насколько и не вопреки Своей волѣ. Если же въ первоначальную созданную тварь Онъ вложилъ не всѣ причины, а нѣкоторыя изъ нихъ оставилъ въ Своей волѣ, то хотя причины, которыя Онъ оставилъ въ Своей волѣ, и не зависятъ отъ необходимости тѣхъ, которыя Онъ сотворилъ, однако [причины], сохраненныя Имъ въ Своей волѣ, не могутъ быть противоположны причинамъ, установленнымъ Его же волею, потому что воля Бога не можетъ быть сама себѣ противоположна. Отсюда, эти послѣднія причины Онъ сотворилъ такъ, чтобы отъ нихъ могло происходить, но не необходимо, то, причинами чего онѣ служатъ; первыя же сокрылъ такъ, чтобы это могущее быть происходило отъ нихъ необходимо.

ГЛАВА XIX.

О томъ, что Адаму Богъ образовалъ тѣло не духовное, а душевное.

Спрашиваютъ обыкновенно и о томъ, душевное-ли сначала образовано изъ земли для человѣка тѣло, какое мы имѣемъ теперь, или же духовное, какое мы будемъ имѣть въ воскресеніи.—Хотя душевное тѣло измѣнится въ духовное, ибо *съется тѣло душевное, возстаетъ тѣло духовное*, однако вопросъ, съ какимъ раньше тѣломъ сотворенъ человѣкъ, заслуживаетъ разсмотрѣнія потому, что если онъ былъ созданъ съ тѣломъ душевнымъ, то мы получимъ не то тѣло, которое потеряли въ Адамѣ, а настолько лучшее, насколько духовное тѣло выше душевнаго, когда будемъ подобны Ангеламъ Божиимъ (Мѣ. XXII, 30). Но развѣ Ангелы могутъ быть поставлены выше и Господа правосудіемъ и другими [свойствами]? Между тѣмъ, о Немъ сказано:

*умалилъ еси Его малымъ чимъ отъ Ангель (пс. 8, 6). Чѣмъ же [умаленъ Онъ], какъ не слабостью плоти, которую Онъ получилъ отъ Дѣвы, принявъ зракъ раба (Фил. II, 7), и, въ немъ умерши, искунилъ насъ отъ рабства? Но къ чему, впрочемъ разсуждать здѣсь долго? Есть относительно этого предмета ясное изреченіе Апостола, который, желая привести свидѣтельство въ подтвержденіе, что есть душевное тѣло, не столько имѣеть въ виду свое тѣло, или тѣло какого-бы то ни было, находившагося тогда на лицо, человѣка, сколько принимаетъ и имѣеть въ виду слова самого Писанія, говоря: *есть тѣло душевное и есть тѣло духовное. Тако и писано есть: бысть первый человекъ Адамъ въ душу живу, послѣдній Адамъ въ духъ животворящъ. Но не прежде духовное, но душевное, потомъ же духовное. Первый человекъ отъ земли, перстень, второй человекъ, Господь съ небесе. Яковъ перстный, таковы и перстни, и яковъ небесный, таковы же и небесни* (I Кор. XV, 44—48). Что можно прибавить къ этому? Образъ небснаго человѣка мы носимъ вѣрою, уповая облечься въ него въ воскресеніи, котораго чаемъ, а въ образъ земнаго человѣка одеваемся по самому началу человѣческаго рожденія.*

ГЛАВА XX.

Затрудненія въ виду вышеприведеннаго изреченія.— Мнѣніе, что тѣло Адама сначала создано было душевнымъ, а потомъ, въ раю, духовнымъ.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ другимъ вопросомъ, именно: какимъ образомъ мы можемъ обновиться, если не будемъ призваны чрезъ Христа къ тому, чѣмъ были прежде въ Адамъ? Ибо хотя многое обновляется не въ прежнее, а въ лучшее, однако обновляется изъ состоянія низшаго, чѣмъ въ какомъ оно было раньше. Почему бы сынъ оный *мертвъ бы и оживе, изблѣ бы и обрѣтесе* (Лув. XV, 32), по-

чему бы предлагалась ему первая одежда, разъ онъ не получаетъ безсмертія, которое потерялъ въ Адамѣ? А какимъ образомъ Адамъ потерялъ безсмертіе, если имѣлъ душевное тѣло? Ибо не душевнымъ, а духовнымъ будетъ тѣло, когда *тлѣнное сіе облечется въ нетлѣнное и мертвенное сіе облечется въ безсмертіе* (I Кор. XV, 53)? Поставленные въ затрудненіе, чтобы, съ одной стороны, сохранялось вышеприведенное изреченіе, которымъ дается примѣръ душевнаго тѣла, т. е. слова: *первый человекъ въ душу живу, послѣдній Адамъ въ духъ животворящъ*, а съ другой стороны, упомянутое обновленіе и полученіе безсмертія называлось не безъ основанія обновленіемъ въ прежнее, т. е. въ то, что потерялъ Адамъ, нѣкоторые полагали, что человекъ, дѣйствительно, сначала былъ созданъ съ душевнымъ тѣломъ, но когда былъ помѣщенъ въ рай, былъ измѣненъ, подобно тому, какъ и мы измѣнимся въ воскресеніи. Правда, говорятъ они, книга Бытія объ этомъ умалчиваетъ, но какъ бы уже само собою слѣдуетъ, чтобы оба эти свидѣтельства Писаній могли быть между собою въ согласіи, т. е. какъ изреченіе о душевномъ тѣлѣ, такъ и то весьма многое, что находится въ свящ. книгахъ о нашемъ обновленіи.

ГЛАВА XXI.

Опроверженіе предыдущаго мнѣнія.

Но если такъ, то напрасны будутъ наши старанія принимать рай и его дерева съ плодами, сверхъ иносказательнаго, прежде всего въ собственномъ смыслѣ. Ибо кто же будетъ думать, что пища изъ древесныхъ яблоковъ могла быть необходима для безсмертныхъ и духовныхъ тѣлъ? И однако, если ужъ иначе не можетъ быть, будемъ лучше понимать рай въ духовномъ смыслѣ, чѣмъ думать, что человекъ не обновляется, какъ скоро объ этомъ столько разъ свидѣтельствуетъ Писаніе, или думать, что онъ полу-

часть то, чего не потерялъ. Къ тому же, и самая смерть чловѣка, которую, какъ говорятъ многія божественныя свидѣтельства, онъ навлекъ на себя своимъ грѣхомъ, указываетъ на то, что онъ имѣлъ быть свободенъ отъ смерти, если бы не согрѣшилъ. Какимъ же образомъ смертный былъ свободенъ отъ смерти, или какимъ образомъ онъ былъ безсмертенъ, если имѣлъ тѣло душевное?

ГЛАВА XXII.

Неправильное мнѣніе нѣкоторыхъ, что Адамъ своимъ грѣхомъ навлекъ на себя не тѣлесную смерть, а смерть души.

Отсюда, нѣкоторые думаютъ, что своимъ грѣхомъ Адамъ навлекъ на себя не тѣлесную смерть, а смерть души, которую составила порочность (iniquitas). По ихъ мнѣнію, вслѣдствіе именно душевнаго тѣла, Адамъ имѣлъ перейти изъ этого тѣла къ тому побю, какой имѣютъ теперь святыя, уже почившія, и въ концѣ вѣковъ получить тѣже самыя члены безсмертно; такъ что тѣлесная смерть явилась, по видимому, не вслѣдствіе грѣха, а естественно, какъ и смерть остальныхъ животныхъ.—Но тутъ мы снова встрѣчаемся съ Апостоломъ, который говоритъ: *плоть убо мертва грѣха ради, духъ же живетъ правды ради. Аще ли же Духъ воскресившаго Иисуса отъ мертвыхъ живетъ въ васъ, воздвигій Христа изъ мертвыхъ оживотворитъ и мертвенная тѣлеса ваша живущимъ Духомъ его въ васъ* (Рим. VIII, 10, 11). Такимъ образомъ, смерть и тѣлесная—отъ грѣха. Отсюда, если бы Адамъ не согрѣшилъ, то не умеръ бы и тѣломъ, а потому имѣлъ бы и тѣло безсмертное. Какимъ же образомъ безсмертное, если душевное?

ГЛАВА XXIII.

О тѣхъ, которые говорятъ, что тѣло Адама въ раю измѣнено было изъ душевнаго въ духовное.

Съ другой стороны, тѣ, по мнѣнію которыхъ тѣло Адама въ раю было измѣнено, чтобы изъ душевнаго стать духовнымъ, опускаютъ изъ вида, что если бы онъ не согрѣшилъ, ничто не препятствовало бы ему, послѣ райской жизни, которую въ такомъ случаѣ онъ провелъ бы праведно и послушно, получить это измѣненіе тѣла въ вѣчной жизни, гдѣ оно уже не нуждалось бы въ тѣлесной нищѣ. Какая же необходимость понимать рай въ иносказательномъ, а не собственномъ смыслѣ изъ-за того, что тѣло могло умереть только вслѣдствіе грѣха? То правда, что Адамъ не умеръ бы и тѣломъ, если бы не согрѣшилъ, ибо Апостоль ясно говорить, что *тѣло мертво грѣха ради*; но раньше грѣха оно могло бы быть душевнымъ, а послѣ праведной жизни, по волѣ Божіей, могло бы стать духовнымъ.

ГЛАВА XXIV.

Какимъ образомъ въ обновленіи мы получаемъ то, что Адамъ потерялъ.

Какимъ же образомъ, говорятъ, мы обновляемся, если не получаемъ того, что потерялъ первый человѣкъ, въ которомъ все согрѣшаютъ? Нѣкоторымъ образомъ, конечно, мы это получаемъ, а нѣкоторымъ не получаемъ. Именно, безсмертія духовнаго тѣла, котораго первый человѣкъ еще не имѣлъ, мы не получаемъ. но праведность, отъ которой онъ вслѣдствіе грѣха отпалъ, получаемъ. Поэтому отъ ветхости грѣха мы обновимся не въ прежнее душевное тѣло, въ какомъ находился Адамъ, а въ лучшее, т. е. духовное тѣло, когда будемъ подобными Ангеламъ Божиимъ, способными къ небесному жилищу, гдѣ уже не будемъ нуждаться въ тѣльной нищѣ.

Отсюда, мы обновляемся *духомъ ума нашего по образу Создавшаго насъ* (Еф. IV, 23),—образу, который Адамъ вслѣдствіе грѣха потерялъ. Но мы обновимся и плотію, когда *тлѣнное [тѣло] сіе облечется въ нетлѣнное*, чтобы стать духовнымъ тѣломъ, въ которое тѣло Адама еще не было, но должно было быть измѣнено, если бы вслѣдствіе грѣха онъ не заслужилъ смерти и душевнаго тѣла.

ГЛАВА XXV.

Тѣло Адама было заразъ смертнымъ и безсмертнымъ.

Наконецъ, Апостолъ говоритъ не: „тѣло смертно грѣха ради“, а *тѣло мертво грѣха ради*. Раньше грѣха тѣло могло быть названо въ одномъ отношеніи смертнымъ, а въ другомъ безсмертнымъ,— смертнымъ потому, что оно могло умереть, а безсмертнымъ потому, что могло и не умереть. Ибо иное дѣло имѣть возможность умереть, какъ создалъ Богъ въкоторыя безсмертныя природы, и иное—имѣть возможность не умереть, какъ безсмертнымъ созданъ первый человѣкъ; его безсмертіе происходило не отъ устройства природы, а отъ древа жизни, отъ коего послѣ грѣха онъ былъ отлученъ, дабы могъ умереть,—онъ, который, если бы не согрѣшилъ, могъ бы и не умереть. Такимъ образомъ, по устройству душевнаго тѣла онъ былъ смертенъ, а по милости Создателя безсмертенъ. Ибо разъ тѣло его было душевное, оно непремѣнно было и смертно, такъ какъ могло умереть, хотя, съ другой стороны, оно было и безсмертно, потому что могло и не умереть. Безсмертнымъ, т. е. такимъ, которое ни въ какомъ уже случаѣ не можетъ умереть, тѣло будетъ только духовное, каковымъ, по обѣтованію, будетъ наше тѣло въ воскресеніи. Отсюда, душевное, а потому и смертное, тѣло, которое по правосудію было бы духовнымъ, а потому и безсмертнымъ, сдѣлалось вслѣдствіе грѣха не смертнымъ, каковымъ было и раньше, а мертвымъ, каковымъ оно могло бы не быть, если бы человѣкъ не согрѣшилъ.

ГЛАВА XXVI.

Тѣло Адамово и наше различны.

Какимъ же образомъ Апостолъ, говоря о насъ, какъ еще о живыхъ, называетъ наше тѣло мертвымъ, если [не имѣетъ при этомъ въ виду], что самое состояніе смертности отъ грѣха прародителей переходитъ на потомство? Ибо и наше тѣло душевно, какимъ было и тѣло перваго человѣка, но, даже и какъ душевное, оно гораздо ниже Адамова, потому что подвержено необходимости умереть, какой не имѣло тѣло Адама. Хотя Адамово тѣло оставалось еще душевнымъ, чтобы измѣниться и, ставши духовнымъ, получить полное безсмертіе, при которомъ уже не нуждалось бы въ тѣлесной пищѣ; однако, если бы человѣкъ жилъ праведно и его тѣло превратилось въ духовное, онъ не подвергся бы смерти. Между тѣмъ, если даже мы живемъ и праведно, тѣло наше будетъ мертво; вслѣдствіе этой, проистекающей отъ грѣха перваго человѣка, необходимости Апостолъ называетъ наше тѣло не смертнымъ, а мертвымъ, потому что мы всѣ въ Адамѣ умираемъ. *Есть, говорить онъ еще, истина о Иисусѣ отложить вамъ, по первому житію, ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотѣхъ прелестныхъ*; а такимъ Адамъ и сталъ вслѣдствіе грѣха. Смотри же, что слѣдуетъ дальше: обновляйтесь *духомъ ума вашего* и облекайтесь *въ новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины* (Еф. IV, 22—24): вотъ что вслѣдствіе грѣха потерялъ Адамъ! Отсюда, мы обновляемся по тому, что потерялъ Адамъ, т. е. по духу ума нашего, по тѣлу же, которое сѣется душевнымъ, а возстаетъ духовнымъ, мы обновимся въ лучшее, каковаго Адамъ еще не имѣлъ.

ГЛАВА XXVII.

Какъ обновляемся мы умомъ и тѣломъ по тому, что Адамъ потерялъ.

Апостолъ говоритъ еще: *совлекшися ветхаго чловѣка съ дѣяньми его и облекшися въ новаго, обновляемаго въ раз-*

умъ по образу Создавшаго его (Кол. III, 9). Тотъ, начертанный въ разумъ ума, образъ Адамъ вслѣдствіе грѣха потерялъ, и его — то именно мы получаемъ снова по благодати оправданія, а не духовное тѣло, котораго Адамъ еще не имѣлъ, но которое будутъ имѣть всѣ святые, возставшіе изъ мертвыхъ. Это составить уже награду за то благо, котораго Адамъ лишился. Отсюда, оная первая одежда (Лук. XV, 22) или означаетъ ту праведность, отъ которой Адамъ отпалъ, или же если она означаетъ одежду тѣлеснаго безсмертія, то онъ лишился и безсмертія въ томъ смыслѣ, что вслѣдствіе грѣха не могъ уже достигнуть его. Ибо и мы говоримъ, что лишается жены или чести человѣкъ, который не получаетъ желаемого, разъ имъ оскорбленъ тотъ, отъ кого онъ желалъ [получить то или другое].

ГЛАВА XXVIII.

Хотя въ раю Адамъ по уму былъ духовнымъ, но по тѣлу душевнымъ.

Итакъ, согласно съ этимъ мнѣніемъ, Адамъ имѣлъ душевное тѣло не только раньше, но и во время жизни въ раю, хотя во внутреннемъ человѣкѣ былъ духовнымъ, по образу Создавшаго его, что вслѣдствіе грѣха онъ утратилъ и заслужилъ тѣлесную смерть; не согрѣшивъ же, заслужилъ бы измѣненіе въ духовное тѣло. А если онъ и внутренне жилъ душевнымъ образомъ, то мы не можемъ уже быть названы обновляющимися по нему. Ибо кому сказано: обновляйтесь *духомъ ума вашего*, тѣмъ сказано это для того, чтобы они стали духовными; но разъ въ своемъ умѣ онъ такимъ не былъ, то какъ можемъ мы обновиться по тому, чѣмъ человѣкъ никогда не былъ? Между тѣмъ, Апостолы и всѣ святые праведники хотя имѣли тѣло душевное, но внутренне жили духовнымъ образомъ, обновляясь въ познаніе Бога, по образу Создавшаго ихъ; однако, они не были еще въ состояніи не грѣшить, если

сочувствовали неправдѣ. А что и духовные могутъ впадать въ искушеніе грѣха, объ этомъ свидѣтельствуеть Апостолъ, говоря: *Братіе, аще впадетъ человекъ въ нѣкое прегрѣшеніе, вы духовнии исправляйте такового духомъ кротости, блудый себе, да не и ты искушенъ будеши* (Гал. VI, 1). Я говорю это къ тому, чтобы кому-нибудь не показалось невозможнымъ, какъ согрѣшилъ Адамъ, разъ онъ по уму былъ духовнымъ, хотя по тѣлу и душевнымъ, человѣкомъ. Но если все это и такъ, не будемъ, однако, ничего утверждать съ поспѣшностью, а лучше подождемъ, не встрѣтитъ-ли такое пониманіе препятствія со стороны остаальнаго Писанія

ГЛАВА XXIX.

Въ слѣдующей книгѣ предстоитъ рѣчь о душахъ.

На очереди теперь стоитъ весьма трудный вопросъ о душахъ,—вопросъ, надъ которымъ трудились многіе, оставивъ довольно мѣста потрудиться и намъ. Потому-ли, что я не могъ перечитать всего и у всѣхъ, которые относительно этого предмета могли, согласно съ истиною нашихъ Писаній, достигнуть яснаго и совершенно несомнѣннаго, или же самый вопросъ этотъ таковъ, что людямъ, подобнымъ мнѣ, не легко понимать тѣхъ, которые рѣшаютъ его вѣрно, но признаюсь, что доселѣ никто еще не убѣдилъ меня, что въ вопросѣ о душахъ не предстоитъ для меня надобности ни въ какихъ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Достигну-ли я и теперь чего-либо несомнѣннаго, не знаю. Но что могу, то, если Господь поможетъ моему усилію, постараюсь изложить въ слѣдующей книгѣ.

КНИГА 7,

въ которой путемъ подробнѣйшаго разсужденія о душѣ изъясняются слова 7 стиха 2 главы Бытія: И вдушу въ лице его дыханіе жизни, и проч.

ГЛАВА I.

Начинается разсужденіе о душѣ.

И созда Богъ человека, персть [вземъ] отъ земли и вдушу въ лице его дыханіе жизни, и бысть человекъ въ душу живу (Быт. II, 7). — Разсмотрѣніемъ этихъ словъ Писанія мы начали предыдущую книгу и о самомъ сотворенномъ человѣкѣ, преимущественно же о тѣлѣ его, сказали, что представлялось намъ сообразнымъ съ Писаніями, столько, сколько считали это достаточнымъ. Но такъ какъ вопросъ о душѣ человѣческой — вопросъ сложный, то мы предпочли отложить его до настоящей книги, не зная, насколько Господь поможетъ нашему желанію говорить о немъ правильно, но зная, что правильно будемъ говорить настолько лишь, насколько Онъ поможетъ. А *правильно* значитъ правдиво и соответствующимъ образомъ, ничего дерзко не отвергая и ничего безразсудно не утверждая, пока остается для вѣры или христіанской науки сомнѣніе, истинно-ли оно или ложно, то же, что можно знать или изъ очевиднѣйшаго порядка вещей или на основаніи несомнѣннѣйшаго авторитета Писаній, безъ отлагательства принимая

Но, прежде всего, обратимъ вниманіе на самое изреченіе: *вдушу или вдушуль въ лице его дыханіе жизни*. Ибо

въ нѣкоторыхъ кодексахъ стоитъ: „дохнулъ“ или „испустилъ дыханіе на лице его“. Но такъ какъ у грековъ имѣется *ἐνεφύσησεν*, то несомнѣнно надобно сказать „дунулъ“ или „вдунулъ“. Въ предыдущей рѣчи мы уже имѣли дѣло съ вопросомъ о рукахъ Божіихъ, когда обсуждали образованіе человѣка изъ персти [земной]: что же надобно сказать и относительно изреченія „вдунулъ Богъ“, если не то, что какъ человѣка Онъ создалъ не руками, такъ и дунулъ не гортанью и губами?

ГЛАВА II.

Доказывается, что душа не одной и той же природы съ Богомъ.

При всемъ томъ, этимъ выраженіемъ Писаніе, по моему мнѣнію, весьма много помогаетъ намъ въ настоящемъ чрезвычайно трудномъ вопросѣ. Нѣкоторые на основаніи этого выраженія полагали, что душа—нѣкая часть самой субстанціи божественной или—одной природы съ Богомъ, думая такъ потому, что, когда дышетъ человѣкъ, онъ испускаетъ нѣчто изъ самого себя. Напротивъ, это-то именно и должно побуждать насъ отвергать подобное, враждебное каволической вѣрѣ, мнѣніе. Мы вѣруемъ, что природа или субстанція Божія, которую многіе признаютъ въ Троицѣ, но немногіе разумѣютъ, совершенно неизмѣняема. А что же сомнѣвается, что душа можетъ измѣняться къ лучшему или худшему? Поэтому, мнѣніе, что душа и Богъ одной субстанціи, мнѣніе нечестивое. Ибо чѣмъ другимъ будетъ оно, какъ не возрѣніемъ, что и Богъ измѣняемъ? Отсюда, надобно вѣровать и мыслить такъ и нисколько не сомнѣваться въ томъ, какъ и что содержитъ правая вѣра, именно—что душа [имѣетъ бытіе] отъ Бога, какъ нѣчто Имъ сотворенное, а не какъ нѣчто рожденное или какимъ бы то ни было образомъ происшедшее отъ самой Его природы.

ГЛАВА III.

Продолжается тоже доказательство.

Но, возражаютъ, какимъ образомъ написано: *вдуну въ лице его дыханіе жизни, и бысть человекъ въ душу живу*, если душа—не часть или даже не субстанція Бога? Напротивъ, изъ этого изреченія явствуетъ, что она—не то. Ибо когда дышетъ человекъ, то, несомнѣнно, его душа движетъ подчиненную ей природу тѣла и производитъ дыханіе изъ ней, а не изъ себя самой; если ужъ этого рода возражатели настолько тупы, что не знаютъ, что дыханіе, когда мы дышемъ добровольно, происходитъ отъ того періодическаго вдыханія и выдыханія, которое мы то вбираемъ изъ обружающаго насъ воздуха, то въ него выпускаемъ. Да если [дыханіе наше происходитъ] и не отъ внѣ насъ находящагося воздуха, вдыхаемаго и выдыхаемаго, а при дыханіи мы выпускаемъ нѣчто изъ самой природы нашего тѣла, всеже природа тѣла и души не одна и таже, въ чемъ, конечно, и они согласны. Поэтому, даже и въ такомъ случаѣ, иное—субстанція души, которая управляетъ и движетъ тѣломъ, и иное—дыханіе, которое управляющая и движущая душа производитъ изъ подчиненнаго ей тѣла, а не изъ самой себя, которой тѣло подчинено. Отсюда, если—хотя и не одинаковымъ образомъ—душа управляетъ подчиненнымъ ей тѣломъ, а Богъ подчиненною Ему тварью, то почему же не принимать выраженія *вдуну* скорѣе такъ, что Богъ создалъ душу изъ подчиненной Ему твари, потому что хотя душа господствуетъ надъ своимъ тѣломъ и не такъ, какъ Богъ надъ вселенной, которую Онъ сотворилъ, однако и она производитъ дыханіе движеніемъ тѣла, а не изъ своей субстанціи?

Но хотя и можно сказать, что душа человекъ не самое дыханіе Божіе, а что Богъ сотворилъ душу въ человекѣ дыханіемъ, однако не слѣдуетъ считать сотвореннаго Имъ при посредствѣ слова лучше сотвореннаго при посредствѣ дыханія на томъ основаніи, что и въ насъ слово луч-

ше дыханія. Впрочемъ, на вышесказанномъ основаніи нѣтъ причины, почему бы мы стали сомнѣваться называть душу и дыханіемъ Божиимъ, разумѣя при этомъ не то, что душа — самая природа и сущестанція Бога, а то, что дунуть [у Бога] значить тоже, что сотворить дыханіе, а сотворить дыханіе тоже, что сотворить душу. Такому мнѣнію соотвѣтствуетъ и то, что говоритъ Богъ чрезъ Исаію: *духъ бо отъ Мене изыдетъ, и всякое дыханіе Азъ сотворихъ* (LVII, 16). А что Онъ говоритъ не о какомъ-либо тѣлесномъ дыханіи, показываютъ дальнѣйшія слова. Ибо, сказавъ: *и всякое дыханіе Азъ сотворихъ*, говоритъ за тѣмъ: *за грѣхъ мало что опечалихъ его, и поразихъ его*. Что же называетъ Онъ дыханіемъ, какъ не душу, которая опечалена и поражена по причинѣ грѣха? Въ такомъ случаѣ что значать слова: *всякое дыханіе Азъ сотворихъ*, какъ „не всякую душу Я сотворилъ“?

ГЛАВА IV.

Дуновеніемъ Богъ сотворилъ душу не изъ Себя самого и не изъ элементовъ.

Если бы, поэтому, мы назвали Бога какъ бы душою нашего міра, для которой самый міръ служить какъ бы тѣломъ одного живаго существа, то тѣмъ самымъ сказали бы, что Богъ дыханіемъ сотворилъ душу человѣка не иную, какъ тѣлесную, изъ подчиненнаго Ему воздуха, т. е. изъ Своего тѣла; однако, то, что Онъ въ такомъ случаѣ сотворилъ и далъ бы Своимъ дыханіемъ, мы должны бы были считать давнымъ не изъ Него самого, а изъ подчиненнаго Ему воздуха тѣла Его, такимъ же образомъ, какъ и наша душа производитъ дыханіе изъ подчиненнаго же ей предмета, т. е. изъ своего тѣла, а не изъ самой себя. Но такъ какъ Богу не только подчинено тѣло міра, но Онъ превыше всякой, какъ тѣлесной, такъ и духовной твари, то мы должны

думать, что Онъ дыханіемъ Своимъ сотворилъ душу ни изъ Себя самого, ни изъ тѣлесныхъ элементовъ.

ГЛАВА V.

Изъ ничего-ли душа.

Но спрашивается, изъ того-ли, чего совсѣмъ не было, или же изъ чего-либо такого, что уже было сотворено Имъ духовно, но еще не было душою?—Если мы не думаемъ, что Богъ продолжаетъ еще творить что-нибудь изъ ничего послѣ того, какъ сотворилъ все разомъ, а вѣруемъ, что Онъ почилъ отъ всѣхъ дѣлъ, *яже начатъ творити*, такъ что все, что потомъ творить, творить уже изъ тѣхъ [дѣлъ], то я не знаю, какимъ образомъ возможна мысль, что Онъ творить души изъ ничего. Развѣ, можетъ быть, не слѣдуетъ-ли думать такъ, что въ дѣлахъ первыхъ шести дней Богъ сотворилъ оный сокровенный день, или лучше сказать—духовно-разумную природу, т. е. природу ангельскаго союза, и міръ, т. е. небо и землю, и въ этихъ уже существовавшихъ природахъ Онъ сотворилъ начала другихъ, будущихъ [природъ], но не самыя эти природы; въ противномъ случаѣ, т. е. если бы онѣ уже тогда были сотворены такъ, какъ имѣли быть [въ дѣйствительности], онѣ не были бы будущими? А если такъ, то въ созданныхъ вещахъ еще не существовало никакой природы человѣческой души, а начала она свое бытіе тогда, когда Богъ ее сотворилъ Своимъ дыханіемъ и вложилъ въ человѣка.

Но этимъ еще не разрѣшается вопросъ, сотворилъ-ли Богъ природу, которая называется душою и которой раньше не было, изъ ничего, какъ если бы дыханіе Его явилось не изъ какой-нибудь подчиненной Ему субстанции, какъ это говорили мы о дыханіи, производимомъ душою изъ своего тѣла, а совершенно изъ ничего, въ то время, когда благоволилъ дохнуть и это дыханіе стало душою человѣка? Или же было

уже нѣчто духовное, хотя оно, чѣмъ бы тамъ ни было, природою души не было, но изъ него явилось дыханіе Божіе, которое стало природою души, какъ и природы человѣческаго тѣла еще не было ирежде, чѣмъ Богъ образовалъ ее изъ пыли или персти земной, ибо ниль или персть эта не была плотью человѣка, однако была нѣчто такое, изъ чего явилась плоть, которой еще не было?

ГЛАВА VI.

Была-ли впередъ какая-нибудь матерія для души, какъ- для тѣла.

Но вѣроятное-ли дѣло, чтобы въ первыхъ дѣлахъ шести дней Богъ создалъ не только причинное начало будущаго человѣческаго тѣла, но и самую матерію, изъ коей оно явилось, т. е. землю, изъ пыли или персти которой оно образовано; между тѣмъ, создалъ тогда только начало души, а и не нѣкую своего рода матерію, изъ которой бы она явилась? Ибо если бы душа была нѣчто неизмѣняемое, въ такомъ случаѣ мы не должны бы были поднимать и вопроса о ея какъ бы матеріи; между тѣмъ, измѣняемость души достаточно ясно показываетъ, что иногда пороками и ложью она обезображивается, а добродѣтелью и наставленіемъ въ истинѣ образуется. Но [такою она является] уже въ своей природѣ, по которой она есть душа, какъ, въ свою очередь, и плоть въ той своей природѣ, по которой она—уже плоть, и здоровьемъ украшается и обезображивается болѣзнями и ранами. А какъ эта послѣдняя, кромѣ того, что она есть плоть и въ этой природѣ или усовершенствуется, являясь красивою, или же приходитъ въ упадокъ и становится безобразною, имѣетъ еще и матерію, т. е. землю, изъ которой она должна была явиться, чтобы стать вполне плотью, табу, можетъ быть, и душа, прежде чѣмъ стать природою, которая называется уже душою или прекрасною отъ добродѣтели, или безобразною отъ поро-

ка, могла имѣть нѣкую сообразно своему роду духовную матерію, которая не была еще душею, подобно тому, какъ и земля, изъ которой сотворена плоть, была уже нѣчто, хотя еще и не плоть.

ГЛАВА VII.

Нельзя сказать, какого рода была эта матерія души.

Но земля, прежде чѣмъ явилось изъ нея тѣло человѣка, уже наполняла собою низшую часть міра, сообщая вселенной цѣлостность, такъ что, если бы даже изъ нея и не явилось плоти какого-нибудь животнаго, всеже своимъ видомъ она восполняла бы тотъ міровой строй и ту міровую массу, по которымъ міръ называется небомъ и землей; но если была или существуетъ какая-нибудь духовная матерія, изъ которой явилась душа, или являются души, то что она такое? Какое имя, какой видъ, какую пользу имѣетъ она въ ряду сотворенныхъ вещей? Живая-ли она или нѣтъ? Если живая, чѣмъ занимается и что приносить въ жизнь вселенной? Блаженною-ли жизнью живетъ или бѣдственною, или же ни тою, ни другою? Оживляетъ-ли что-нибудь, или же свободна даже и отъ такого дѣла и остается праздною въ какомъ-нибудь сокровенномъ мѣстѣ вселенной, лишенная бодрствующаго чувства и жизненнаго движенія? Если она совершенно лишена жизни, какимъ образомъ матеріей будущей жизни могла быть нѣкая безтѣлесная, но не живая матерія? Это или ложно, или въ высшей степени сокровенно. Съ другой стороны, если она жила ни блаженно, ни бѣдственно, какимъ образомъ была разумна? А если разумною стала тогда, когда изъ этой матеріи сотворена природа человѣка, значитъ матеріей разумной, т. е. человѣческой, души была неразумная жизнь. Какое же, въ такомъ случаѣ, различіе между ею и [душею] животнаго? Или, можетъ быть, она была уже разумною, но въ возможности, а еще не самою

способностью? Ибо если мы видимъ, что дѣтская, конечно уже человѣческая, душа еще не начала пользоваться разумомъ, и однако называемъ ее разумною, то почему же не думать, что и въ той матеріи, изъ которой сотворена душа, способность (motus) мыслить была въ спокойномъ состояніи также, какъ и въ дѣтской душѣ, которая конечно есть душа уже человѣческая, способность (motus) разсуждать остается еще въ спокойномъ состояніи?

ГЛАВА VIII.

Нельзя допустить, чтобы эта матерія была блаженна.

Въ самомъ дѣлѣ, если существовала уже блаженная жизнь, изъ которой создана человѣческая душа, то, очевидно, она стала хуже и потому она уже не матерія души, а душа ея вытеченіе (defluxio). Ибо когда какая-либо матерія обрабатывается, въ особенности Богомъ, то обрабатывается безъ сомнѣнія въ лучшее. Но если бы даже человѣческая душа и могла быть принимаема за вытеченіе какой-нибудь жизни, сотворенной Богомъ въ нѣкоемъ блаженномъ состояніи, во всякомъ случаѣ мы должны представлять себѣ, что она начала проявлять себя въ какомъ-либо актѣ своихъ заслугъ только съ того момента, съ какого начала свою собственную жизнь, т. е. стала душею, оживляющею плоть, пользующеюся ея органами, какъ своими вѣстниками, и сознающею, что она живетъ въ себѣ самой, своею волею, разумомъ и памятью. Ибо если существуетъ нѣчто такое, изъ чего Богъ вдунулъ въ образованную Имъ плоть это вытеченіе, какъ бы дуновеніемъ сотворивъ душу, и если это нѣчто было блаженно, оно ни въ какомъ случаѣ не движется, не измѣняется и не теряетъ ничего, когда изъ него вытекаетъ то, изъ чего является душа. Оно вѣдь не тѣло, чтобы могло измѣняться, какъ бы испаряясь.

ГЛАВА ІХ.

Не есть также эта матерія и какая - нибудь неразумная душа.

Если же своего рода матеріей, изъ которой является разумная, т. е. человѣческая, душа служить душа неразумная, то спрашивается, откуда является сама эта неразумная душа, такъ какъ и ее творить на другой кто, какъ Творецъ всѣхъ природъ? Можетъ быть, изъ тѣлесной матеріи? Почему же, въ такомъ случаѣ, не изъ ней и разумная душа? Вѣдь никто же не станетъ отрицать, что Богъ можетъ творить сокращеннымъ образомъ (compendio) то, что мы представляемъ себѣ приходящимъ какъ бы постепенно. Да и какіе бы промежутки мы тутъ ни допускали, но разъ тѣло—матерія неразумной души, а неразумная душа—матерія души разумной, ясно, что тѣло—матерія разумной души. А такъ мыслить не знаю, кто осмѣлится, кромѣ развѣ человѣка, который и самую душу ставить уже въ разрядъ какого-нибудь тѣла.

Надобно, затѣмъ, опасаться и того, какъ бы не подумалъ кто-нибудь, что возможно перемѣщеніе души изъ животнаго въ человѣка (что каѳолической вѣрѣ и истинѣ совершенно противно), если мы допустимъ, что неразумная душа служитъ какъ бы матеріей, изъ которой является разумная душа; при чемъ, измѣнившись къ лучшему, она будетъ душею человѣка, а измѣнившись къ худшему, становится душею животнаго. Этой, измышленной нѣкоторыми философами, басни стыдятся даже ихъ потомки и говорятъ, что - де они не думали такъ, а были не вѣрно поняты И мнѣ кажется, это похоже на то, какъ если бы кто-нибудь сталъ выводить подобную мысль и изъ нашихъ Писавій, въ которыхъ говорится: *человѣкъ въ чести сый не разумъ, приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (псал. 48, 12 и 21), или читается: *не предаждь звѣремъ душу исповѣдающуюся тебѣ* (псал. 73, 19). Вѣдь и всѣ еретики читаютъ

каеолическія Писанія и еретиками являются только потому, что, не правильно понимая Писанія, утверждают вопреки ихъ истинѣ свои ложныя мнѣнія. Но каково бы ни было мнѣніе философовъ о превращеніяхъ душъ, во всякомъ случаѣ каеолической вѣрѣ противно думать, что души животныхъ переселяются въ людей, или души людей въ животныхъ.

ГЛАВА X.

Изъ сходства нравовъ не вытекаетъ, что душа человека переходитъ въ животное.

Нѣтъ сомнѣнія, что люди по образу своей жизни бываютъ подобны животнымъ; объ этомъ и опытъ человѣческой жизни громко говоритъ, и свидѣтельствуетъ Писаніе. Сюда относится упомянутое мною мѣсто: *человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ*; но, конечно, въ настоящей жизни, а не послѣ смерти. Потому, говорившій: *не предаждь зѣтремъ душу исповѣдающуюся тебѣ* не хотѣлъ предавать свою душу во власть или такимъ звѣрямъ, отъ которыхъ предостерегаетъ Господь, говоря, что они одѣты въ овечью шкуру, а внутри суть хищныя волки (Мѣ. VII, 15), или самому діаволу и аггеламъ его, ибо и онъ называется львомъ и зміемъ (Пс. 90, 13).

Въ самомъ дѣлѣ, какой аргументъ приводятъ философы, когда полагаютъ, что души людей переселяются по смерти въ скотовъ, или души скотовъ въ людей?—тотъ, безъ сомнѣнія, что къ такому переселенію влечетъ ихъ сходство нравовъ, напр. скупыхъ—въ муравьевъ, хищниковъ—въ воршунцовъ, жестокихъ и гордыхъ—въ львовъ, поклонниковъ нечистаго удовольствія—въ свиней, и т. под. Это именно основаніе они и приводятъ, но не замѣчаютъ, что подобнымъ аргументомъ ни въ какомъ случаѣ нельзя доказать возмож-

ность посмертнаго перехода души животнаго въ человѣка. Ибо боровъ никогда не будетъ больше похожъ на человѣка, чѣмъ на борова, и когда приручаютъ львовъ, они являются больше похожими на собакъ или даже на овецъ, чѣмъ на человѣка. Отсюда, если животныя не отстаютъ отъ нравовъ животныхъ, и даже тѣ изъ нихъ, которыя иногда бываютъ не похожи на остальныхъ, всеже больше похожи на свой родъ, чѣмъ на человѣческій, и гораздо дальше отстоятъ отъ людей, чѣмъ отъ животныхъ: то человѣческія души никогда не будутъ душами животныхъ, хотя и усвояютъ нравы, дѣлающія ихъ больше похожими на животныхъ. А если этотъ аргументъ ложный, какимъ образомъ будетъ истиннымъ самое мнѣніе, разъ не приводится ничего другого, что дѣлало бы это мнѣніе если не истиннымъ, то, по крайней мѣрѣ, правдоподобнымъ? Поэтому, съ своей стороны и я самъ скорѣе готовъ думать такъ, что люди, которые впервые высказались подобнымъ образомъ въ своихъ сочиненіяхъ, были, какъ хотятъ понимать ихъ позднѣйшіе ихъ послѣдователи, того мнѣнія, что подобными животнымъ люди становятся въ настоящей жизни нѣкоторою извращенностью и постыдностью своихъ нравовъ и до известной степени превращаются въ скотовъ, но такъ, что, сбросивъ съ себя этотъ позоръ, они могутъ отстать отъ своихъ превратныхъ пожеланій.

ГЛАВА XI.

Вымышленныя переселенія нѣкоторыхъ душъ.—Мнѣніе манихеевъ хуже мнѣнія философовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если, какъ рассказываютъ, случается, что нѣкоторые будто бы припоминаютъ, въ тѣлахъ какихъ животныхъ они были, то или подобные рассказы ложны, или это припоминаніе въ ихъ душахъ — плодъ издѣвательства демоновъ. Ибо если случается во снѣ, что человѣкъ припоминаетъ себѣ, будто бы онъ былъ тѣмъ, чѣмъ не былъ, сдѣлалъ то, чего не дѣлалъ: что же удивительнаго,

если, по справедливому суду Божию, демоны могут производить нечто подобное въ сердцахъ и бодрствующихъ?

Но манихеи, мнящіе или желающіе мнить себя христианами, въ своемъ мнѣніи о переселеніи или превращеніи душъ гораздо хуже и возмутительнѣе языческихъ философовъ и другихъ, думающихъ подобнымъ образомъ, людей: послѣдніе отличаютъ природу души отъ природы Бога, а они, проповѣдуя, что душа—не что иное, какъ сама сущность Бога и совершенно тоже, что и Богъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не боятся называть ее столь постыдно измѣняемою, что нѣтъ такого рода травы или червя, къ которому она, по ихъ мнѣнію, не была бы примѣшана или въ который не могла бы по непостижимому неразумію превратиться. Однако, если бы, отвлекшись своимъ умомъ отъ вопросовъ о предметахъ таинственныхъ, предаваясь которымъ плотскимъ сердцемъ, манихеи неизбѣжно впадаютъ въ ложныя, вредныя и нелѣпыя мнѣнія, они крѣпко держались той одной, всякой разумной душѣ естественно и истинно присущей, мысли, что Богъ совершенно неизмѣняемъ и безтѣлесенъ: въ такомъ случаѣ мгновенно рушилась бы вся эта, на тысячу ладовъ повторяемая, ихъ сказба, которую они измыслили не о чемъ другомъ, какъ о недостойной измѣняемости Бога.

ГЛАВА XII.

Душа не изъ тѣлеснаго элемента.

Итакъ, неразумная душа не служитъ матеріей человеческой души. Что же оно такое, изъ чего сотворена душа дыханіемъ Божиимъ? Можетъ быть, это было какое-нибудь земное и влажное тѣло? Никакимъ образомъ; напротивъ, отсюда сотворена плоть. Ибо что другое—грязь, какъ не влажная земля? Не слѣдуетъ также думать, что душа сотворена изъ одной только влаги, какъ бы такъ, что плоть изъ земли, а душа изъ воды. Ибо крайне нелѣпо думать, что душа че-

ловѣка сотворена изъ того же, изъ чего и плоть рыбы и птицы.

Такъ, можетъ быть, изъ воздуха? Правда, къ этому элементу близко подходитъ и дыханіе; но наше, а не Божіе. Отсюда, выше мы и сказали, что можно бы такъ думать, если бы мы представляли себѣ Бога міровою душою, какъ бы душою одного величайшаго живаго существа: въ такомъ случаѣ Онъ произвелъ бы душу дыханіемъ изъ воздуха тѣла Своего, какъ наша [душа] производитъ дыханіе изъ своего тѣла. Но разъ рѣшено, что Богъ выше всякаго тѣла въ мірѣ и всякаго, сотвореннаго Имъ, духа на несравнимое разстояніе, то какъ возможно сказать такимъ образомъ? Развѣ, можетъ быть, чѣмъ болѣе непостижимымъ вездѣсущіемъ Онъ присутствуетъ во всей твари, тѣмъ больше Онъ могъ произвести изъ воздуха дыханіе, которое бы стало душою человѣка? Но такъ какъ душа безтѣлесна, а между тѣмъ все, что происходитъ изъ тѣлесныхъ элементовъ міра, необходимо тѣлесно, а въ числу элементовъ міра относится и воздухъ, то не слѣдуетъ вѣрять, если бы даже стали говорить намъ, что душа сотворена изъ элемента чистаго и небеснаго огня. Правда, не мало было такихъ, которые утверждали, что всякое тѣло можетъ превращаться во всякое тѣло. Но я не знаю никого, кто думалъ бы, что какое нибудь, земное или небесное, тѣло превращается въ душу и становится безтѣлеснымъ; да и вѣра не содержитъ того.

ГЛАВА XIII и XIV.

Мнѣніе врачей о человѣческомъ тѣлѣ. — Души не изъ элементовъ.

Не слѣдуетъ, наконецъ, опускать изъ виду и того, что говорятъ врачи, и не только говорятъ, но и считаютъ доказаннымъ. По ихъ словамъ, хотя всякая плоть представляетъ собою массу земли, однако она имѣетъ въ себѣ и нѣкоторую часть, съ одной стороны, воздуха, который содержится въ

легкихъ и расходится отъ сердца чрезъ вены, называемыя артеріями, съ другой—огня, и не только тепловое его свойство, сѣдалище котораго находится въ печени, но и свойство свѣтовое, которе, говорятъ, поднимается въ верхнюю часть мозга, какъ бы къ небу нашего тѣла, откуда выходятъ лучи зрѣнія. Отъ этого мозга, какъ изъ своего рода центра, идутъ тонкія трубочки не только къ глазамъ, но и къ остальнымъ органамъ, т. е. ушамъ, ноздрямъ, нѣбу, для слуха, обонянія и вкуса; самый органъ ощущенія, который принадлежитъ всему тѣлу, управляется, говорятъ, тѣмъ же мозгомъ при помощи шейнаго мозга и мозга, содержамаго костями, переплетающимися спинной хребетъ, такъ что отсюда по всѣмъ членамъ расходятся тончайшіе каналыцы, которые и составляютъ органы ощущенія.—Такимъ образомъ, при посредствѣ этихъ какъ бы своихъ вѣстниковъ душа воспринимаетъ все, что только становится ей извѣстнымъ изъ области тѣлесныхъ предметовъ, а между тѣмъ сама—нѣчто въ такой степени иное, что когда хочетъ имѣть познаніе о божественномъ, или о Богѣ, или о самой себѣ и сосредоточить свои силы на постиженіи чего-либо истиннаго и несомнѣннаго, она отвлекается даже отъ свѣта глазъ и, чувствуя, что онъ въ этомъ случаѣ не только для нея не представляетъ никакой помощи, но служить даже помѣхой, устремляется къ умственному созерцанію. А если такъ, то какимъ же образомъ она—что-либо принадлежащее къ тому же разряду, когда самымъ высшимъ въ этомъ кругѣ является свѣтъ, который исходитъ изъ глазъ и которымъ она пользуется для воспріятія только тѣлесныхъ формъ и цвѣтовъ, сама же она безконечно отлична отъ всякаго рода тѣлъ, которыя ею созерцаются исключительно при помощи разума и до которыхъ не достигаетъ ни одно тѣлесное чувство?

ГЛАВА XV.

Душа безтѣлесна.

Поэтому, хотя природа человѣческой души не состоитъ ни изъ земли, ни изъ воды, ни изъ воздуха, ни изъ огня, однако матеріей своего грубаго тѣла, т. е. нѣкоей влажной земли, которая обращена въ свойство плоти, она управляетъ при помощи природы болѣе тонкаго тѣла, т. е. свѣта и воздуха. Ибо безъ этихъ двухъ [элементовъ] не бываетъ со стороны души ни ощущенія, ни произвольнаго движенія въ тѣлѣ. А какъ знаніе должно быть раньше дѣйствія, такъ ощущеніе—раньше движенія. Отсюда, душа, будучи безтѣлесна, дѣйствуетъ сначала на тѣло, близкое къ безтѣлесному, т. е. на огонь, или лучше—на свѣтъ и воздухъ, а чрезъ нихъ уже и на другіе болѣе грубые [элементы] тѣла, т. е. влагу и землю, изъ которыхъ состоитъ плотная масса нашей тѣлесности и которыя подвержены болѣе страданію, какъ первые—дѣйствію.

ГЛАВА XVI.

Почему сказано: и бысть человекъ въ душу живу.

Такимъ образомъ, слова: *и бысть человекъ въ душу живу* (Быт. I, 7) сказаны, мнѣ кажется, не въ другомъ какомъ смыслѣ, а въ томъ, что онъ началъ въ своемъ тѣлѣ ощущать; что служитъ несомнѣннѣйшимъ признакомъ живой и одушевленной плоти. Ибо движутся и деревья, и движутся не только силою, извнѣ дѣйствующею, напр., когда качаются отъ вѣтра, но и движеніемъ внутреннимъ, которымъ совершается все, что только относится къ произрастанію и формѣ дерева, и благодаря которому къ корню направляется влага и превращается въ то, изъ чего состоитъ природа травы или дерева: все это не можетъ быть безъ внутренняго движенія. Но это движеніе—не движеніе произвольное, каково движеніе, которое соединяется съ ощущеніемъ

емъ для управленія тѣломъ, какъ это бываетъ въ классѣ всѣхъ животныхъ, и которое въ Писаніи называется живою душою (Быт. I, 21). Ибо если бы и намъ не было присуще движеніе перваго рода, то не увеличивались бы въ ростѣ наши тѣла и не отростали бы ногти и волосы. Но если бы намъ свойственно было одно только это движеніе, безъ ощущенія и произвольнаго движенія, то о человѣкѣ не было бы сказано, что онъ *бысть въ душу живу*.

ГЛАВА XVII.

Почему сказано, что Богъ дунулъ въ лице человека.

Вотъ почему, — такъ какъ передняя часть мозга, откуда распредѣляются всѣ чувства, помѣщается во лбу и самые какъ бы органы чувствъ находятся въ лицѣ, за исключеніемъ чувства осязанія, которое, будучи распространено по всему тѣлу, свой путь однако начинаетъ съ той же передней части мозга и идетъ чрезъ макушку и шею назадъ къ мозгу становаго хребта (о чемъ сказано нами нѣсколько выше), вслѣдствіе чего чувствомъ осязанія владѣетъ и лицо, какъ владѣетъ имъ все тѣло за исключеніемъ чувствъ зрѣнія, слуха, обонянія и вкуса, помѣщающихся только въ лицѣ, — вотъ почему, думаю, и написано, что Богъ вдунулъ въ лице человѣка дыханіе жизни, когда онъ *бысть въ душу живу*. Поэтому передняя часть справедливо предпочитается задней: она идетъ впереди, а эта уже слѣдуетъ за ней, отъ той ощущеніе, а отъ этой — движеніе, какъ равно и обдумываніе предшествуетъ дѣйствию.

ГЛАВА XVIII.

Три полости мозга.

А такъ какъ тѣлеснаго движенія, которое слѣдуетъ за ощущеніемъ, не бываетъ безъ промежутковъ времени, проходитъ же промежутки времени произвольнымъ движеніемъ

мы можемъ только при помощи памяти, то различаются три какъ бы полости мозга: передняя у лица, отъ которой происходитъ всякое ощущеніе, задняя у шеи, отъ которой происходитъ всякое движеніе, и третья промежуточная, въ которой, говорятъ, дѣйствуетъ память, чтобы, когда за ощущеніемъ слѣдуетъ движеніе, человѣкъ не перепуталъ того, что онъ сдѣлалъ, если бы забылъ уже сдѣланное. Все это, говорятъ, доказывается несомнѣнными признаками, когда самыя эти части тѣла, пораженныя какою-нибудь болѣзнью или поврежденіемъ, вслѣдствіе чего приходятъ въ разстройство или дѣятельность ощущенія, или органы движенія, или движеніе тѣла къ припоминанію, ясно указываютъ на то, какое значеніе имѣеть каждая изъ нихъ, и уже дознано, какое лѣченіе исправленію каждой изъ нихъ помогаетъ. Но душа, хотя и дѣйствуетъ въ нихъ какъ бы въ органахъ, сама однако не принадлежитъ къ числу ихъ: она оживляетъ все и всеѣмъ управляетъ, а чрезъ то заботится о тѣлѣ и о той жизни, въ которой человѣкъ явился въ душу живу.

ГЛАВА XIX.

Превосходство души предъ тѣлесными предметами.

Итакъ, когда спрашивается, откуда душа, т. е. изъ какой всего рода матеріи Богъ произвелъ дыханіе, которое называется душою, не должно при этомъ представлять себѣ ничего тѣлеснаго. Ибо какъ Богъ превосходитъ всю тварь, такъ и душа достоинствомъ своей природы превосходитъ всю тѣлесную тварь. Однакожь, она управляетъ тѣломъ, но управляетъ чрезъ посредство свѣта и воздуха, которые, въ свою очередь, суть наилучшія тѣла въ нашемъ мірѣ и отличаются болѣе преимуществомъ дѣйствія, чѣмъ страдательной массою, какъ влага и земля, т. е. — какъ чрезъ такія [тѣла], которыя болѣе подобны духу. Тѣлесный свѣтъ служить для нея въ нѣкоторомъ отношеніи вѣстникомъ, но она, которой

онъ служить вѣстникомъ, не то, что онъ: она именно—душа, которой служить онъ вѣстникомъ, а не онъ, вѣстникъ. И когда она чувствуетъ страданія тѣла, то беспокоится тѣмъ, что, съ разстройствомъ равновѣсія въ тѣлѣ, затрудняется ея дѣятельность, которою она присутствуетъ въ тѣлѣ, управляя имъ, и это безновойство называется скорбію. Равнымъ образомъ и воздухъ, разлитый въ нервахъ, служить къ тому, чтобы воля двигала членами [тѣла], но самъ онъ—не воля. Точно также и средняя часть даетъ знать о движеніи членовъ, чтобы оно содержалось памятью, но сама она—не память. Наконецъ, когда эти, такъ сказать, ея служители отъ какого-либо поврежденія или разстройства приходятъ въ совершенный упадокъ, то съ остановкою вѣстниковъ ощущенія и служителей движенія, какъ бы не имѣя уже причины присутствовать долше [въ тѣлѣ], она оставляетъ его. Если же они приходятъ не въ такой упадокъ, какъ это бываетъ въ смерти; въ такомъ случаѣ разстраивается только ея напряженіе: она какъ бы старается, но не можетъ исправить пришедшаго въ упадокъ. И въ какой области предметовъ является это разстройство, судя по тому догадываются, какая часть тому причиной, чтобы, если можетъ, на помощь явилась уже медицина.

ГЛАВА XX.

Иное—душа и иное—органы тѣла.

А что иное—душа, и иное—ея тѣлесные служители, или сосуды, или органы, или буде можно назвать ихъ какъ-нибудь иначе, это ясно видно изъ того, что весьма часто при сильномъ напряженіи мысли она отвлекается отъ всего, такъ что не знаетъ многого, находящагося предъ открытыми и совершенно здоровыми глазами. Если же напряженіе бываетъ еще сильнѣе, то гуляя [человѣкъ] вдругъ останавливается, безъ сомнѣнія, потому, что душа его перестаетъ заправлять

органами движенія, которымъ заняты его ноги; а если напряженіе мысли не настолько сильно, чтобы приковать гуляющаго къ одному мѣсту, однако таково, что онъ не свободенъ прислушиваться къ средней части мозга, служащей вѣстникомъ движенія тѣла, то онъ иногда забываетъ, откуда и куда идетъ, и машинально проходитъ мимо дачи, къ которой направлялся, хотя по природѣ своего тѣла здоровъ, но только отвлеченъ отъ нея къ другому. Поэтому, бесполезно и спрашивать, изъ неба-ли, распростертаго надъ нами, примѣшалъ или присоединилъ Богъ къ тѣлу уже живаго [человѣка] нѣкоторыя матеріальныя частицы нашего тѣлеснаго неба, т. е. [частицы] свѣта и воздуха, которыя, будучи къ безтѣлесной природѣ ближе, чѣмъ влага и земля, раньше поэтому воспринимаютъ внушенія оживляющей тѣло души, такъ что подъ ихъ ближайшимъ воздѣйствіемъ управляется вся масса нашего тѣла, или же и ихъ Богъ сотворилъ, какъ и тѣло, изъ персти земной. Ибо, что всякое тѣло можетъ измѣняться во всякое тѣло, это еще вѣроятно, но недѣло думать, что какое-либо тѣло можетъ превратиться въ душу.

ГЛАВА XXI.

Душа ни изъ тѣла какого-либо, ни сама тѣло.

По этой причинѣ не слѣдуетъ обращать вниманія и на то мнѣніе нѣкоторыхъ¹⁾, что есть нѣкое пятое тѣло, изъ котораго происходитъ душа и которое не есть ни земля, ни вода, ни воздухъ, ни огонь, какъ нашъ болѣе мутный, такъ и небесный чистый и свѣтлый, а не знаю что-то иное, не имѣющее употребительнаго названія, но во всякомъ случаѣ тѣло.—Если такъ думающіе тѣломъ называютъ то же, что и мы, т. е. всякую природу, долгою, широтою и высотою занимающую мѣсто въ пространствѣ, это уже не

¹⁾ Цимер., lib. I. Tusc., g. ἐντελέχεια.

будеть ни душа, ни то, изъ чего, нужно бы думать, она сотворена. Ибо все, что есть такого, все это, не говоря много, можетъ въ каждой своей части быть дѣлимо и ограничено предѣлами; а если бы этому была подвержена и душа, она никоимъ образомъ не знала бы такихъ границъ, которыя не могутъ долго пресѣкаться; однако она знаетъ, что такихъ границъ къ тѣлѣ не можетъ быть.

Въ себѣ самой душа не встрѣчаетъ ничего подобнаго даже и тогда, когда въ цѣлѣхъ самопознаванія она изслѣдуетъ саму себя. Въ самомъ дѣлѣ, когда она изслѣдуетъ саму себя, она знаетъ, что себя изслѣдуетъ; а этого она не могла бы знать, если бы не знала самой себя. Ибо она изслѣдуетъ себя не откуда-либо со стороны, а отъ [лица] самой себя. Отсюда, разъ она знаетъ себя какъ изслѣдующую себя, она знаетъ себя несомнѣнно; а все, что она знаетъ, она знаетъ вся: слѣдовательно, разъ она знаетъ себя какъ изслѣдующую себя, она знаетъ себя вся и, слѣдовательно, всю себя, ибо она знаетъ не что-нибудь иное, а саму себя. Къ чему же она еще изслѣдуетъ себя, если уже знаетъ себя какъ изслѣдующую себя? Конечно, если бы она не знала себя, то не могла бы знать себя и какъ изслѣдующую себя. Но она знаетъ себя въ настоящемъ; изслѣдуетъ же себя со стороны того, чѣмъ она была прежде, или чѣмъ будетъ впередъ. Пусть же она и не считаетъ себя тѣломъ, потому что если бы она была чѣмъ-либо подобнымъ, то такимъ бы и знала себя, а она себя знаетъ больше, чѣмъ небо и землю, которыя знаетъ при помощи глазъ своего тѣла.

Я не говорю уже о томъ, что та [способность] ея, которую, какъ думаютъ, обладают и животныя или птицы небесныя, снова возвращаясь въ свои жилища или гнѣзда, и которую воспринимаютъ образы всѣхъ тѣлесныхъ вещей, ни въ какомъ случаѣ не похожа на какое-либо тѣло; а само собою понятно, что способность, въ которой сохраняются образы тѣлесныхъ вещей, всего скорѣе должна бы быть

похожею на тѣло. Но если и она не тѣло, такъ какъ извѣстно, что тѣлесные образы въ душѣ не только удерживаются памятью, но безчисленное множество ихъ возникаетъ по произволу: то во сколько же разъ менѣе душа похожа на тѣло какою-либо другою своею способностью?

Если же по какому-либо иному понятію тѣломъ назовутъ все существующее, т. е. всякую природу и субстанцію, то хотя подобнаго слововыраженія и не слѣдуетъ допускать, чтобы не утратить способа выраженія, которымъ бы мы могли отличать отъ тѣлъ все то, что не тѣло, однако не слѣдуетъ слишкомъ и хлопотать изъ-за названія. Ибо и мы говоримъ, что душа не принадлежитъ къ числу четырехъ общеизвѣстныхъ элементовъ, которые суть несомнѣнные тѣла, но, съ другой стороны, она и не то, что Богъ. А что она такое, нельзя лучше назвать ее, какъ душею, или дыханіемъ (spiritus) жизни. Прибавляю *жизни* потому, что и воздухъ называютъ дыханіемъ. Впрочемъ, воздухъ называли и душею, такъ что нельзя и подобрать имени, какимъ можно бы было обозначить ту природу, которая не есть ни тѣло, ни Богъ, ни жизнь безъ ощущенія, какою можно предполагать въ деревьяхъ, ни жизнь безъ разумнаго ума, какая имѣется въ животныхъ, но жизнь въ настоящее время низшая, чѣмъ жизнь Ангеловъ, а въ будущемъ такая же, какъ и ихъ, если только мы будемъ жить на землѣ по заповѣди Творца Своего.

Но хотя и остается дѣломъ еще сомнительнымъ и открытымъ вопросомъ, откуда, т. е. изъ какой своего рода матеріи сотворена душа—изъ совершенной-ли и блаженной какой-нибудь природы, или же изъ ничего, однако не должно быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что какъ Богомъ она сотворена, если была чѣмъ-либо раньше, такъ Богомъ же сотворена она и теперь, чтобы быть живою душею, ибо она или была ничѣмъ, или не была тѣмъ, чѣмъ стала теперь. Впрочемъ, о той сторонѣ [вопроса], съ которой мы изслѣдовали своего

рода матерію, изъ коей душа сотворена, сказано нами уже достаточно.

ГЛАВА XXII.

Было-ли причинное начало души создано втеченіе дней Бытія.

Спрашивается теперь: если души не было совсѣмъ, то какъ понимать высказанную нами выше мысль, что причинное начало ея существовало уже въ первыхъ шестидневныхъ дѣлахъ Божіихъ, когда Богъ сотворилъ человѣка по образу Своему, а такимъ Онъ сотворилъ его только по душѣ? Не слѣдуетъ-ли опасаться, какъ бы, высказывая мысль, что Богъ, когда создалъ все разомъ, сотворилъ тогда не самыя природы и субстанціи, которыя имѣли потомъ явиться, а нѣкоторыя причинныя ихъ начала, мы не показали кому-нибудь высказывающими нѣчто безсодержательное? Ибо какія это были причинныя начала, по коимъ, можно бы связать, Богъ сотворилъ человѣка по образу Своему, когда еще не было создано изъ земной персти тѣло его и не была сотворена дуновеніемъ его душа? И если существовала матерія, изъ которой должно было образоваться тѣло, т. е. земля, въ коей, какъ въ сѣмени, могло быть сокрыто его начало, то какое первоначально существовало причинное начало созданія души, т. е. созданія того дыханія, которое бы потомъ стало душою человѣка, въ то время, когда Богъ сказалъ: *сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію* (а это правильно разумѣется только о душѣ), если тогда не было никакой природы, въ которой бы это начало было заложено?

Ибо если это начало было въ Богѣ, а не въ твари, то, стало быть, оно еще не было создано: какъ же сказано, что Богъ сотворилъ человѣка по образу Божію? А если оно было въ твари, т. е. въ томъ, что Богъ сотворилъ разомъ, то въ какой твари—духовной или тѣлесной? Если въ духовной, то

принимало-ли оно какое-нибудь дѣятельное участіе въ тѣлахъ міра небесныхъ или земныхъ, или же прежде чѣмъ человѣкъ созданъ былъ въ своей собственной природѣ, оно оставалось празднымъ, подобно тому, какъ и въ самомъ человѣкѣ, живущемъ уже своею собственною жизнью, остается скрытою и праздною сила дѣторожденія, которая дѣйствуетъ только при посредствѣ сожитія или соитія? Или, можетъ быть, и самая та природа духовной твари, въ которой скрыто существовало это начало, не была занята никакимъ своимъ дѣломъ? Въ такомъ случаѣ, для чего же она была сотворена? Развѣ, можетъ быть, для того, чтобы содержала въ себѣ начало будущей души, или будущихъ душъ человѣческихъ, какъ если бы онѣ не могли существовать въ самихъ себѣ, а въ какой-либо, уже живущей своею собственною жизнью, твари, подобно тому, какъ сила рожденія можетъ быть только въ какихъ-нибудь уже существующихъ и совершенныхъ, природахъ? Отсюда, родоначальницей (parens) души назначена вѣвая духовная тварь, въ коей заключалось начало (ratio) будущей души, но душа получаетъ свое бытіе отъ этого начала только тогда, когда производитъ ее въ человѣкѣ Богъ Своимъ дыханіемъ. Ибо и произведеніе изъ человѣка сѣмени или и самаго уже потомства творить и образуетъ не кто другой, какъ Богъ же Своею Премудростію, которая *досязаетъ сквозь всяческая ради своей чистоты* (Прем. VII, 24), такъ что въ Ней не пристаётъ ничего нечистаго въ то время, какъ Она *досязаетъ отъ конца даже до конца крѣпко и управляетъ вся благо* (Прем. VIII, 1). Но я не знаю, какъ можно объяснить теперь, что съ этою именно цѣлью создана была кавая-то, не знаю, духовная тварь, которая однако въ ряду созданій, произведенныхъ втеченіе шести дней, не упоминается, между тѣмъ какъ говорится, что Богъ въ шестой день сотворилъ человѣка, но сотворилъ не въ собственной его природѣ, а только еще причинно въ нѣкоей, еще не упомянутой, твари. Скорѣе дежна была быть упомянута

именно эта тварь, которая была уже совершена, а не должна была еще твориться по предшествовавшему причинному началу.

ГЛАВА XXIII.

Не вложено-ли причинное начало души въ природѣ ангельской.

Развѣ, можетъ быть, причинное начало сотворенія души Богъ заложилъ въ природѣ того дня, который онъ сотворилъ первоначально (буде подъ именемъ этого дня мы правильно разумѣемъ разумный духъ),—заложилъ тогда, когда въ шестой день сотворилъ человѣка по образу Своему, т. е. по той природѣ и тому началу, по коимъ создалъ его, потомъ, послѣ шести дней; такъ что, можно думать, причинное начало его тѣла Богъ сотворилъ тогда въ природѣ земли, а причинное начало души—въ природѣ этого дня? А такъ сказать что другое значить, какъ не то, что ангельскій Духъ есть какъ бы родоначальникъ (agens) человѣческой души, развѣ въ немъ заложена была причина созданія человѣческой души, подобно тому, какъ въ человѣкѣ заложена причина его будущаго потомства? Отсюда, люди суть родоначальники (parentes) человѣческихъ тѣлъ, а ангелы—родоначальники душъ, творецъ же и душъ и тѣлъ—Богъ, но—тѣлъ отъ людей, а душъ отъ Ангеловъ, или—перваго тѣла изъ земли, а первой души отъ ангельской природы, гдѣ предшествовали ихъ причинныя начала, когда Богъ первоначально сотворилъ человѣка въ томъ, что создалъ разомъ; впоследствии же люди [происходятъ] уже отъ людей, тѣло—отъ тѣла, а душа—отъ душъ. Конечно, называть душу дочерью Ангела или Ангеловъ грубо, но болѣе грубо называть ее дочерью небеснаго тѣла; во сколько же разъ болѣе грубо называть ее дочерью моря и земли? Поэтому, если нелѣпо думать, что Богъ создалъ души причинно изъ ангельской

природы, то гораздо большею нелѣпостью будетъ думать, что причинное начало души заложено было въ какой-нибудь тѣлесной природѣ, когда Богъ сотворилъ человѣка по образу Своему, прежде чѣмъ, образовавъ его въ свое время изъ персти земной, Онъ одушевилъ его Своимъ дыханіемъ.

ГЛАВА XXIV.

Раньше-ли создана душа, чѣмъ вложена въ тѣло.

Посмотримъ же теперь, можетъ-ли быть истиннымъ такое воззрѣніе (а оно на человѣческій взглядъ болѣе терпимо), что въ первыхъ, разомъ сотворенныхъ, дѣлахъ Богъ сотворилъ и человѣческую душу, которую въ свое время вдохнулъ въ члены образованнаго изъ земной персти тѣла, для котораго въ ряду разомъ созданныхъ предметовъ Онъ создалъ начало, по волеу, когда надлежало, образовалъ человѣческое тѣло. Ибо слова: *по образу Своему* правильно можно разумѣть не иначе, какъ въ приложеніи къ душѣ, слова же: *мужа и жену* — въ приложеніи къ тѣлу. Откуда, если только этому не будетъ противорѣчить авторитетъ Писаній, или показаніе истины, можно думать, что человѣкъ въ шестой день сотворенъ такъ, что причинное начало его тѣла было сотворено въ міровыхъ элементахъ, душа же его сотворена также, какъ созданъ первоначально и день, и, сотворенная, скрыто находилась въ дѣлахъ Божіихъ, доколѣ въ свое время Богъ не вложилъ ее Своимъ дыханіемъ, т. е. вдуновеніемъ, въ образованное изъ персти земной тѣло.

ГЛАВА XXV.

Если душа существовала внѣ тѣла, то по собственному-ли желанію вошла она въ тѣло.

Но здѣсь возникаетъ вопросъ, котораго нельзя обойти, именно: если душа была уже сотворена и оставалась сокрытою,

то гдѣ же ей можно было быть лучше, какъ не тамъ? Какая же была причина, что живя невинно, она введена въ жизнь этой плоти, въ которой согрѣшивъ, она оскорбила Творца, вслѣдствіе чего ее постигли тягости труда и казни осужденія? Развѣ, можетъ быть, надобно думать такъ, что она склонилась къ управленію тѣломъ по собственной волѣ, и въ этой жизни тѣла, при возможности жить праведно и неправедно, снискиваетъ то, чего заслуживаетъ, т. е. или награду за праведность, или наказаніе за неправедность, такъ что это не будетъ противорѣчіемъ апостольскому изреченію, что еще не родившіеся не совершаютъ ничего худаго или добраго (Рим. IX, 11)? И дѣйствительно, склонность къ тѣлу не есть еще дѣйствіе праведное или неправедное, отчетъ за которое долженъ быть отданъ на судъ Божию, когда *каждо приметъ, яже съ тѣломъ содѣла или блага или зла* (2 Кор. V, 10). Почему же не думать уже и такъ, что душа вошла въ тѣло по мановенію Бога, и если живетъ здѣсь по заповѣди Его, заслуживаетъ награду вѣчной жизни, или ангельскаго союза, а если сею заповѣдью пренебрегаетъ, претерпѣваетъ правосуднѣйшія наказанія продолжительнаго труда, или огня вѣчнаго? Развѣ, можетъ быть, подобное предположеніе будетъ противорѣчіемъ [апостольскому изреченію], что еще не родившіеся не совершаютъ ничего добраго или худаго, такъ какъ самое уже повиновеніе [души] волѣ Божіей есть, конечно, дѣйствіе хорошее?

ГЛАВА XXVI.

Если душа вступила въ тѣло по собственному желанію, то она не предвидѣла будущаго.— Свободная воля.

А если это такъ, то мы должны будемъ признать, что душа первоначально сотворена не въ такомъ порядкѣ предметовъ, чтобы предвидѣла свое будущее, праведное или неправедное, дѣяніе. Ибо крайне невѣроятно, чтобы она по собственной волѣ могла склониться къ жизни въ тѣлѣ, если

бы предвидѣла, что въ нѣкоторыхъ она будетъ такою грѣшницею, что подвергнется заслуженно вѣчному наказанію. Творецъ справедливо прославляется за то, что сотворилъ *вся добра зло*. И Онъ долженъ быть прославляемъ не за тѣхъ только, кому даровалъ предвѣдѣніе, а и за то, что сотворилъ скотовъ, надъ которыми человѣческая природа имѣетъ превосходство даже и въ согрѣшающихъ. Правда, отъ Бога природа человѣка, а не порочность, въ которую онъ впалъ, сдѣлавъ худое употребленіе изъ своей свободы; однако, если бы онъ свободы не имѣлъ, то былъ бы менѣе въ мірѣ превосходенъ. Вѣдь и праведно живущаго человѣка слѣдуетъ мыслить такимъ, что онъ не обладаетъ предвѣдѣніемъ будущаго, и превосходство доброй воли надобно видѣть въ томъ, насколько она не препятствуетъ жить праведно и благоугождать Богу, потому что, не зная будущаго, онъ живетъ вѣрою. Отсюда, всякій, кому не хотѣлось бы, чтобы въ мірѣ существовало подобное созданіе, противорѣчитъ благодати Божіей. А кто не хочетъ, чтобы оно терпѣло наказанія за грѣхи, является противникомъ правосудія.

ГЛАВА XXVII.

Душа стремится къ тѣлу силою собственнаго влеченія.

Но если душа творится для того, чтобы быть посланною въ тѣло, то можно спросить, влечется-ли она сюда силою въ случаѣ, если бы того не хотѣла?—Лучше будемъ думать такъ, что она желаетъ того естественно, т. е. творится уже съ такою природою, что желаетъ того, подобно тому, какъ для пчелъ естественно хотѣть жить; а жить худо—это уже дѣло не природы, а извращенной воли, которую заслуженно ожидаетъ наказаніе.

Поэтому, напрасно и спрашивать, изъ какой своего рода матеріи сотворена душа, разъ мы будемъ представлять себѣ, что она сотворена въ первыхъ дѣлахъ, когда созданъ

первоначальный день, Ибо какъ произведены эти дѣла, которыхъ не было, такъ въ ряду ихъ произведена и она. Если же существовала нѣкая способная къ образованію матерія, тѣлесная-ли или духовная, но во всякомъ случаѣ произведенная не кѣмъ другимъ, а Богомъ, отъ коего произошло все,—матерія, которая предшествовала своему образованію не по времени, а по происхожденію, какъ голосъ [предшествуетъ] пѣнію: то не сообразнѣе-ли думать, что душа сотворена изъ матеріи духовной?

ГЛАВА XXVIII.

Затрудненія, возникающія при предположеніи, что душа Адама сотворена не раньше, чѣмъ какъ введена была въ его тѣло.

А если кому-либо угодно думать, что душа сотворена только тогда, когда была вдунута въ образованное уже тѣло, тотъ пусть подумаетъ, какъ отвѣтить на вопросъ, изъ чего же она сотворена. Въ самомъ дѣлѣ, онъ скажетъ или такъ, что Богъ нѣчто сотворилъ или творитъ изъ ничего по завершеніи уже [творческихъ] дѣлъ Своихъ, и долженъ будетъ, въ такомъ случаѣ, подумать, какъ объяснить [сказанное], что въ шестой день сотворенъ человекъ по образу Божію (а это можно правильно понимать только въ приложеніи къ душѣ), т. е. въ той природѣ, въ которой сотворено было причинное начало того предмета, котораго еще не существовало; или же такъ, что душа сотворена изъ чего-либо, уже существовавшего, и въ такомъ случаѣ принужденъ будетъ трудиться надъ изслѣдованіемъ вопроса, что это была за природа—тѣлесная или духовная, т. е. вопроса, который изслѣдывали и мы выше, такъ какъ и ему будетъ предстоять трудная задача разрѣшить, въ какой субстанціи созданныхъ втеченіе шести дней тварей Богъ сотворилъ причинное начало души, которой Онъ еще не сотворилъ самой ни изъ ничего, ни изъ чего-либо.

Если онъ захочетъ обойти этотъ вопросъ, сказавъ, что и изъ персти земной человѣкъ сотворенъ уже въ шестой день, но объ этомъ упоминается потомъ снова въ видѣ повторенія, то пусть обратитъ вниманіе на то, что сказано о женѣ: *мужа и жену*, говорить, *сотвори ихъ и благослови ихъ*. Если же онъ отвѣтитъ такъ, что и жена сотворена изъ кости мужа въ тотъ же день, то пусть подумаетъ о томъ, какимъ образомъ [бытописатель] утверждаетъ, что въ шестой день сотворены птицы, которыя приведены были къ Адаму, тогда какъ, по сообщенію Писанія, весь родъ пернатыхъ сотворенъ изъ воды въ пятый день, а также — что въ шестой же день [сотворены] и деревья, насажденные даже въ раю, тогда какъ тоже самое Писаніе этотъ родъ твореній приписываетъ третьему дню. Пусть подумаетъ онъ и о томъ, что значатъ самыя слова: *И прозябе Богъ еще отъ земли всякое древо красное въ видѣніе и доброе въ смѣдъ*: какъ будто тѣ дерева, которыя произрастилъ Онъ въ третій день, не были красными въ видѣніе и добрыми въ смѣдъ, хотя и находились въ ряду дѣлъ, которыя Богъ сотворилъ вся добра зѣло! Что значатъ и слова: *И созда Богъ еще отъ земли вся звѣри селныя и вся птицы небесныя*: какъ будто раньше произведены они не всѣ или лучше — не были произведены совсѣмъ! Да и сказано не: „созда Богъ еще отъ земли остальныхъ полевыхъ звѣрей и остальныхъ птицъ небесныхъ“, т. е. какъ бы тѣхъ, которыхъ Онъ еще не произвелъ въ шестой день, или изъ воды въ пятый, но: *вся*, говорить, *звѣри селныя и вся птицы небесныя*. Пусть подумаетъ и о томъ, какимъ образомъ, съ одной стороны, все Богъ создалъ втеченіе шести дней, именно: въ первый день — самый этотъ день, во второй — твердь, въ третій — видъ земли и моря и изъ земли — траву и деревья, въ четвертый — свѣтила и звѣзды, въ пятый — водныхъ животныхъ, въ шестой — животныхъ земныхъ, а съ другой, потомъ, говорится: *Егда бысть день, сотвори Богъ небо и землю, и всякій злакъ селный*, когда

Онъ въ то время, *егда бысть день*, сотворилъ не что иное, какъ самый этотъ день. Какимъ образомъ Богъ сотворилъ и самый этотъ злакъ полевой раньше, чѣмъ онъ вышелъ на поверхность земли, а также всякую полевую траву раньше, чѣмъ произроста она, ибо, если бы Писанія не говорили намъ того, кто не сказалъ бы, что трава сотворена тогда, когда она выросла? Пусть припомнитъ и написанное: *Живый во вѣки созда вся обще* (Сир. XVІІІ, I), и подумаетъ о томъ, какимъ образомъ можно назвать то сотвореннымъ заразъ, твореніе чего раздѣляется разстояніями времени не только часовъ, но и дней. Пусть покажетъ намъ, какимъ образомъ истинно одно и другое, другъ другу по видимому противорѣчащее, т. е. и то, что въ седьмой день Богъ почилъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, какъ говоритъ книга Бытія (II, 2), и то, что Онъ *досель дѣлаетъ*, какъ говоритъ Господь (Іоан. V, 17). Пусть обратитъ вниманіе и на то, какимъ образомъ названное совершившимся называется и начавшимся.

Всѣ эти свидѣтельства божественнаго Писанія, въ истинности котораго можетъ сомнѣваться развѣ только челоувѣкъ не вѣрующій или нечестивый, привели насъ къ тому, высказанному нами, мнѣнію, что Богъ отъ начала вѣка сотворилъ все разомъ, одни предметы въ ихъ собственной, уже законченной, природѣ, а другіе—въ ихъ предуготовительныхъ причинахъ, т. е. сотворилъ Онъ, всемогущій, не только какъ настоящее, но и какъ будущее, и отъ совершенныхъ дѣлъ почилъ, устроая потомъ Своимъ управленіемъ и промысленіемъ уже самые порядки временъ и всего временнаго, а потому, съ одной стороны, закончилъ [твореніе], положивъ предѣлъ всѣмъ его родамъ, а съ другой началъ его, открывъ рядъ вѣковъ; такъ что со стороны законченнаго почилъ, а со стороны начатаго *досель дѣлаетъ*. Но если все это можно понимать лучше, я тому не только не препятствую, а напротивъ благопріятствую.

О душѣ же, которую Богъ вдунулъ въ человѣка дыханіемъ въ лице его, я утверждаю только, что она отъ Бога, но не субстанція Его, — что она безтѣлесна, т. е. не тѣло, а духъ, не изъ субстанціи Его происходящій, а сотворенный Богомъ, но сотворенный не такъ, чтобы въ его природу превратилась какая-либо природа тѣла или неразумной души, и, отсюда, сотворенный изъ ничего, — что она бессмертна по нѣкоторому образу своей жизни, которой не можетъ потерять ни въ какомъ случаѣ, по нѣкоторой же измѣняемости, по которой можетъ быть и лучше и хуже, она справедливо можетъ быть названа и смертной, такъ какъ истинное безсмертіе имѣетъ только Тотъ, о комъ сказано: *единъ имѣяй безсмертіе* (I Тим. 1, 16). Остальное, о чемъ я рассуждалъ въ настоящей книгѣ, пусть будетъ пригоднымъ читателю или для того, чтобы онъ зналъ, какъ надобно безъ дерзкаго утвержденія изслѣдовать предметы, о которыхъ ясно не говоритъ Писаніе, или же, буде подобный способъ изслѣдованія ему не понравится, для того, чтобы онъ зналъ, какъ я самъ изслѣдовалъ ихъ, дабы онъ, если можетъ, не отказался научить меня, а если не можетъ, поискалъ человѣка, который бы научилъ насъ обоихъ.

КНИГА 8.

Отъ словъ 8 стиха 2 главы Бытія: И насади Богъ рай во едемѣ, и проч., *до словъ:* Отъ древа же, еже разумѣти доброе и лукавое, не снѣсте отъ него, и проч.

ГЛАВА I.

Рай, насажденный во едемѣ, надобно понимать въ собственномъ и иносказательномъ смыслѣ.

И насади Богъ рай во едемѣ на востоцѣхъ и введе тамо челоуѣка, егоже созда.—Мнѣ не безызвѣстно, что о раѣ говорилось многими и многое, но существуетъ относительно этого предмета три, такъ сказать, общихъ мнѣнія. Одно изъ нихъ принадлежитъ тѣмъ, которые рай хотятъ понимать только въ тѣлесномъ смыслѣ, другое—тѣмъ, которые разумѣютъ его исключительно въ духовномъ значеніи; третье—тѣмъ, которые принимаютъ рай въ томъ и другомъ смыслѣ—иногда тѣлесномъ, а иногда духовномъ. Чтобы быть краткимъ, признаюсь, что мнѣ представляется лучшимъ послѣднее мнѣніе. Въ смыслѣ этого мнѣнія я, насколько удостоить меня Господь, и намѣренъ теперь говорить о раѣ, полагая, что челоуѣкъ, созданный изъ персти земной (что, безъ сомнѣнія, означаетъ челоуѣческое тѣло), былъ помѣщенъ въ раю тѣлесномъ,—что какъ самъ Адамъ, хотя онъ и знаменуетъ собою нѣчто другое согласно съ словами Апостола, назвавшего его образомъ будущаго (Рим. V, 14), былъ однако челоуѣкомъ, который былъ видимъ въ сво-

ей собственной природѣ, который жилъ известное число лѣтъ и, оставивъ многочисленное потомство, умеръ точно такъ же, какъ умираютъ и остальные люди, хотя и не былъ, какъ другіе, рожденъ отъ родителей, а былъ сотворенъ изъ земли, какъ это и должно было быть первоначально: такъ и рай, въ которомъ помѣстилъ его Богъ, былъ не что иное, какъ известная мѣстность, т. е. страна, гдѣ могъ бы обитать земной человѣкъ.

Въ самомъ дѣлѣ, повѣствованіе въ сихъ книгахъ ведется въ формѣ рѣчи о предметахъ не иносказательныхъ, какъ въ Пѣсни Пѣсней, а совершенно историческихъ, какъ въ книгахъ Царствъ и другихъ подобныхъ книгахъ. А такъ какъ здѣсь разсказывается о такихъ вещахъ, которыя вполне известны изъ опыта человѣческой жизни, то не трудно, а напротивъ весьма легко принимать ихъ сначала въ буквальномъ смыслѣ, чтобы потомъ выводить изъ нихъ и то, что могутъ онѣ знаменовать въ будущемъ. Но такъ какъ, съ другой стороны, здѣсь же говорится и о томъ, чего наблюдающіе обычный ходъ природы не встрѣчаютъ, то нѣкоторые хотѣли бы принимать разсказъ объ этомъ не въ буквальномъ, а иносказательномъ смыслѣ, и исторію, т. е. повѣствованіе о предметахъ историческихъ, начинать съ того пункта, когда Адамъ и Ева, изгнанные изъ рая, вступили въ соитіе и начали рождать. Какъ будто для насъ обычное дѣло, что они столько лѣтъ прожили, или что Энохъ взятъ на небо, или что престарѣлая и безплодная стала рождающею, и проч. т. под.!

Но, говорятъ, иное дѣло—повѣствованіе о чудесныхъ событіяхъ, и иное—о тваряхъ обыкновенныхъ: тамъ самая эта необычность указываетъ на то, что есть способы [существованія] вещей—одни, такъ сказать, естественные, а другіе чудесные, называемые чрезвычайными; здѣсь же имѣется въ виду обыкновенный порядокъ природѣ. На это надобно отвѣтить такъ, что вѣдь и необычныя событія необычны пото-

му, что они первыя. Въ самомъ дѣлѣ, что въ составѣ міровыхъ вещей можетъ быть въ такой степени безпримѣрнымъ и не имѣющимъ для себя аналогіи, какъ не самъ міръ? А развѣ можно думать, что Богъ не сотворилъ міра, потому что Онъ не творитъ больше міровъ, или—не сотворилъ солнца, потому что не творитъ больше солнць? Такъ надобно отвѣтить и тѣмъ, которыхъ беспокоятъ вопросы не только о раѣ, но и о самомъ человѣкѣ: развѣ они вѣрятъ, что человѣкъ былъ созданъ такъ, какъ никто уже другой, почему же не хотятъ вѣрить, что рай сотворенъ такъ, какъ происходятъ на ихъ глазахъ лѣса?

Само собою понятно, что это говорю я для тѣхъ, которые признаютъ авторитетъ Писаній, ибо нѣкоторые и изъ нашихъ хотятъ понимать рай не въ буквальномъ, а инносказательномъ значеніи. Что же касается тѣхъ, которые совершенно враждебны Писаніямъ, то съ ними мы вели рѣчь въ иное время и иначе; хотя и въ настоящемъ своемъ произведеніи мы, насколько можно, намѣрены защищать буквальное значеніе рая въ тѣхъ видахъ, чтобы эти люди, по причинѣ умственной извращенности или тупости отказывающіеся вѣрить подобнымъ предметамъ, не находили основанія къ убѣжденію другихъ въ ложности ихъ. Впрочемъ, я удивляюсь и тѣмъ изъ нашихъ, которые вѣрятъ божественнымъ Писаніямъ и не хотятъ принимать рай въ буквальномъ смыслѣ, т. е. какъ прекраснѣйшее мѣсто, покрытое плодоносными деревьями и орошаемое великимъ источникомъ, на томъ основаніи, что ни одно-де человѣческое земледовство не покрывается, по сокровенному дѣйствию Божию, столько и такою зеленью,—удивляюсь, какимъ образомъ вѣрятъ они и въ самого человѣка, сотвореннаго такъ, какъ они того никогда не видали. А если и онъ долженъ быть понимаемъ инносказательно, кто же въ такомъ случаѣ родилъ Каина и Сива? Или, можетъ быть, и они существовали только ино-

сказательно, а не были людьми, рожденными отъ людей? Пусть подобныя возраженія продолжать они до того пункта, до котораго можно простирать ихъ, и пусть вмѣстѣ съ нами попытаются все повѣствованіе принять свачала въ буквальный значеніи. Ибо кто же станетъ имъ мѣшать, если потому они будутъ понимать повѣствуемое еще и въ иносказательномъ смыслѣ, въ значеніи ли духовныхъ природъ и дѣйствій, или будущихъ предметовъ? Самъ собою понятно, что если называемое здѣсь тѣлесно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть здоровою вѣрою принято въ тѣлесномъ значеніи, то что другое можетъ оставаться намъ, какъ не разумѣть скорѣе все за сказанное въ иносказательномъ смыслѣ, нежели нечестиво порицать священное Писаніе? Если же все это, понимаемое и тѣлесно, не только не затрудняетъ, а напротивъ поддѣрпляетъ повѣствованіе божественнаго слова, то, думаю, никто не будетъ настолько упоренъ, что, видя все это какъ изъясняемое по правилу вѣры въ собственномъ смыслѣ, предпочтетъ оставаться при прежнемъ мнѣніи, буде раньше ему казалось, что оно можетъ быть понимаемо только въ иносказательномъ значеніи.

ГЛАВА II.

Почему книгу Бытія изъяснялъ противъ манихеевъ иносказательно.

Я и самъ, вскорѣ по своемъ обращеніи, написалъ двѣ книги противъ манихеевъ, которые не только заблуждаются, принимая эти ветхозавѣтныя книги не такъ, какъ должно, но богохульствуютъ, совсѣмъ ихъ не принимая и отвращаясь,—написалъ въ желаніи поскорѣй или опровергнуть ихъ болтовню, или возбудить вниманіе къ исканію въ сихъ, ими презираемыхъ, Писаніяхъ христіанской и евангельской вѣры. И такъ какъ въ то время мнѣ не представлялось,

какъ все въ нихъ можетъ быть принимаемо въ собственномъ смыслѣ, а скорѣе казалось, что оно въ такомъ смыслѣ не можетъ, или едва либо съ трудомъ можетъ быть принимаемо, то я безъ отлагательства, съ возможною краткостью и ясностью, изъяснилъ въ иносказательномъ смыслѣ то, чего не могъ принять въ буквальномъ значеніи, въ опасеніи, что напуганные пространностью-ли изложенія, или темнотою изслѣдованія, они пожалуй не захотятъ и въ руки взять [мое произведеніе]. Впрочемъ, не забывая, чего я особенно желалъ, но не могъ сдѣлать, именно—понимать все сначала въ буквальномъ, а не иносказательномъ смыслѣ, и не отчаяваясь окончательно, что оно можетъ быть принимаемо и въ такомъ смыслѣ, я въ первой части второй книги выразилъ эту мысль слѣдующимъ образомъ: „Само собою понятно, говорилъ я, всякій, кто хочетъ все сказанное принимать въ буквальномъ значеніи, т. е. такъ, какъ звучитъ буква, и при этомъ можетъ избѣгать богохульства и говорить все согласно съ каѳолическою вѣрою, не только не долженъ возбуждать наше неблаговоленіе, а долженъ считаться нами за славнаго и заслуживающаго особенной похвалы толкователя. Если же не представляется никакой возможности благочестивымъ и достойнымъ Бога образомъ понимать написанное иначе, нежели какъ сказанное иносказательно и въ загадкахъ, то, слѣдуя авторитету Апостоловъ, которые разрѣшаютъ столь многія загадки въ ветхозавѣтныхъ книгахъ, мы будемъ держаться способа, который себѣ намѣтили, при помощи Того, кто заповѣдуетъ намъ просить, искать и толкать (Мѳ. VII, 7), изъясняя всѣ эти образы вещей согласно съ каѳолическою вѣрою, какъ относящіяся или къ исторіи, или къ пророчеству, но при этомъ не предрѣшая лучшаго и болѣе достойнаго толкованія съ нашей-ли стороны, или со стороны тѣхъ, кому Господь открытъ удостоить“. Такъ я писалъ тогда. Въ настоящее время Господь благоизволилъ, чтобы, всмотрѣвшись въ дѣло

болѣе тщательно, я не напрасно, насколько мнѣ думается, былъ того мнѣнія, что могу и я написанное изъяснить въ собственномъ, а не иносказательномъ слововыраженіи; [въ такомъ смыслѣ] мы и ведемъ изслѣдованіе какъ о томъ, что хотѣли показать выше, такъ и о томъ, что слѣдуетъ дальше о раѣ.

ГЛАВА III.

Объясняются 8 и 9 стихи 2 гл. Бытія.

Итакъ, *насади Богъ рай сладости* (ибо это самое и означаетъ *во едемп на востоцѣхъ*) и *введе тамо человека, егже созда*. Табъ написано потому, что табъ оно и было. Затѣмъ [бытонисатель] останавливается на этомъ предметѣ снова, желая показать, какъ именно произошло то, о чемъ онъ сказалъ кратко, т. е. какъ именно Богъ насадилъ рай и ввелъ сюда человѣка, котораго создалъ. Ибо свою рѣчь онъ табъ продолжаетъ: *И прозябе Богъ еще отъ земли всякое древо красное въ виднїе и доброе въ смѣдь*. Не говорить: „И прозябе Богъ отъ земли другія дерева или прочія дерева“, но: *прозябе еще*, говорить, *отъ земли всякое древо красное въ виднїе и доброе въ смѣдь*. Слѣдовательно, тогда еще, т. е. въ третій день, земля произвела всякое дерево и на видъ прекрасное, и на вкусъ хорошее; ибо въ шестой день Богъ говорить: *Се дахъ вамъ всякую траву съменную, сѣющую сѣмя, еже естъ верху земли всел, и всякое древо плодовитое, еже иматъ въ себѣ плодъ съмене съменнаго, вамъ будетъ въ смѣдь* (Быт. I, 29). Итакъ, не даль-ли Онъ тогда одно, а теперь захотѣлъ дать другое? Не думаю. Но такъ какъ въ раю введены были деревья тѣхъ же породъ, которыя земля произвела раньше, еще въ третій день, то теперь она породила ихъ еще въ свое время, такъ какъ написанное [въ третій день], что земля произвела [растенія], тогда произведено бы-

ло въ землѣ причинно, т. е. тогда земля получила сокровенную силу производить [растенія], а отъ этой силы происходитъ уже и то, что она теперь рождаетъ ихъ видимымъ образомъ и въ свое время.

Отсюда видно, что слова Бога, изреченныя въ шестой день: *Се дахъ вамъ всяку траву съменную, съющую съмя, еже есть верху земли всяя*, и проч. произнесены были не чувственнымъ или временнымъ образомъ, а какъ творческая сила въ Его Слово. А что изрекаетъ Онъ безъ временныхъ звуковъ, людямъ Онъ могъ сказать не иначе, какъ при помощи именно временныхъ звуковъ. Ибо то было еще будущимъ событіемъ, чтобы человекъ, образованный изъ персти земной и одушевленный Его дыханіемъ, а затѣмъ и весь, происшедшій отъ него, человѣческій родъ употребляли въ пищу то, что выходитъ изъ земли, благодаря той производительной силѣ, которую она уже получила. О причинныхъ основахъ этого будущаго событія въ твари Создатель и говорилъ тогда, какъ бы уже о дѣлѣ существующемъ, — говорилъ съ тою внутреннею и присною Ему истинною, которой ни око не видѣло, ни ухо не слышало, но о которой писателю открылъ Духъ Его.

ГЛАВА IV.

О второй части 9 стиха. Древо жизни и дѣйствительно существовало, и изображало собою премудрость.

Само собою понятно, что слѣдующія затѣмъ слова: *И древо жизни посреди рая и древо еже видѣти разумительное добраго и лукаваго*, надобно разсмотрѣть съ большею тщательностью, чтобы не впасть въ аллегорію, будто это были не деревья, а подъ именемъ дерева означается нѣчто другое. Правда, о премудрости написано: *Древо живота есть всѣмъ держащимся ея* (Пртч. Ш, 18), однако хотя и существуетъ вѣчный Иерусалимъ на небѣ, тѣмъ не менѣе

Устроены были и на землѣ городъ, знаменовавшій собою тотъ; хотя Сарра и Агарь знаменовали собою два завѣта (Гал. IV, 24), однако это были и двѣ извѣстныя женщины; наконецъ, хотя Христось чрезъ Свои страданія наполяетъ насъ духовною водою, однако Онъ былъ и камнемъ, который отъ удара деревомъ источилъ жаждущему народу воду, какъ сказано: *камень же бы Христось* (1 Кор. X, 4). Всѣ эти предметы имѣли иное значеніе, нежели чѣмъ были сами по себѣ; и тѣмъ не менѣе, они существовали и тѣлесно. И въ то время, когда о нихъ рассказывалось бытописателемъ, это было не иносказательною только рѣчью, а точнымъ повѣствованіемъ о предметахъ, которые стояли впереди, какъ прообразовательные. Такимъ образомъ, существовало и древо жизни, какъ существовалъ и камень Христось; Богу угодно было, чтобы человекъ жилъ въ раю не безъ духовныхъ таинствъ, имѣвшихъ тѣлесную наружность. Поэтому прочія деревья служили для него питаніемъ, а древо жизни—таинствомъ, означавшимъ не что иное, какъ премудрость, какъ сказано: *Древо живота есть всѣмъ держащимся ея*, подобно тому, какъ можно бы сказать и о Христѣ: „Онъ есть камень, напаяющій всѣхъ піющихъ отъ Него“. Онъ справедливо называется тѣмъ, что раньше служило Его прообразомъ. Онъ—агнецъ, который закалался въ Пасхѣ; и однако, это было прообразомъ не въ рѣчи только, а въ дѣйствіи: ибо существовалъ дѣйствительно агнецъ, былъ закалаемъ и съѣдаемъ (Исх. XII, 5), и тѣмъ не менѣе этимъ истиннымъ происшествіемъ предызображалось вѣчто другое. Это не то, что телець упитанный, который заколотъ былъ для пира возвратившемуся младшему сыну (Лук. XV, 23). Тутъ самый рассказъ—иносказаніе, а не прообразовательное обозначеніе дѣйствительныхъ предметовъ. Объ этомъ рассказываетъ не Евангелистъ, а самъ Господь; Евангелистъ же передалъ только, что такъ рассказывалъ Господь. Поэтому, какъ Евангелистъ рассказываетъ, такъ оно и было, т. е. такъ гово-

рилъ Господь; разсказъ же самого Господа былъ приточнымъ, и къ нему ни въ какомъ случаѣ нельзя прилагать буквального пониманія тѣхъ событій, которыя служили предметомъ рѣчи Господа. Христось есть и камень, помазанный Иаковомъ (XVIII, 18), и камень, *егоже небрегоша зиждущии, сей бысть во главу угла* (Псал. 158, 22); но первое было дѣйствительнымъ событiемъ, а послѣднее только образнымъ предсказанiемъ; о первомъ пишетъ повѣствователь прошедшаго, а о послѣдномъ предсказатель только будущаго.

ГЛАВА V.

О томъ же древѣ жизни, что оно было и образомъ, и въ то же время дѣйствительнымъ предметомъ.

Точно также и Премудрость, т. е. Христось, представляетъ собою древо живота въ раю духовномъ, куда былъ посланъ разбойникъ (Лук. XXIII, 43), но для обозначенія ея было сотворено древо жизни и въ раю тѣлесномъ: объ этомъ говорить то самое Писанiе, которое, повѣствуя о событiяхъ, въ свое время совершающихся, повѣствуетъ и о томъ, что въ раю былъ челоувѣкъ, тѣлесно сотворенный и въ тѣлѣ жившiй. А буде кто станетъ на этомъ основанiи думать, что души, по разлученiи съ тѣломъ, содержатся въ тѣлесно видимомъ мѣстѣ, хотя и находятся безъ тѣла, тотъ пусть отстаиваетъ свое мнѣнiе; найдутся такiе, которые къ этому мнѣнiю отнесутся съ одобренiемъ, утверждая, что оный жаждущiй богачъ (Лук. XVI, 24) находился несомнѣнно въ тѣлесномъ мѣстѣ, и даже не усумнялся провозгласить и самую душу совершенно тѣлесною, въ виду запекшагося языка богача и капли воды, которой онъ желалъ съ пальца Лазаря: о такомъ важномъ вопросѣ я не хочу вступать съ ними въ необдуманное пререванiе. Лучше сомнѣваться въ соброенномъ, нежели спорить о неизвѣстномъ. Я не сомнѣваюсь, что богачъ долженъ быть представляемъ въ мучи-

тельномъ, а бѣднякъ въ прохладно-радостномъ мѣстѣ. Но какъ надобно представлять себѣ это адское пламя и это до-но Авраамово, этотъ языкъ богатаго и этотъ палецъ бѣдняка, эту палящую жажду и эту прохладительную каплю,— все это едва ли можетъ быть открыто и путемъ спокойнаго изслѣдованія, путемъ же запальчиваго спора—никогда. Чтобы не останавливаться на этомъ глубокомъ и требующемъ продолжительной рѣчи вопросѣ, пока надобно отвѣтить на него такъ, что если души, по разлученіи отъ тѣла, находятся въ тѣлесномъ мѣстѣ, то оный разбойникъ могъ быть помѣщенъ въ рай, въ которомъ находилось тѣло перваго человѣка; при болѣе ясномъ мѣстѣ Писаній, если того требуетъ какая-нибудь надобность, мы такъ или иначе покажемъ, что должны мы знать или думать относительно этого предмета.

Въ настоящее же время я не сомнѣваюсь, да и не думаю, чтобы кто-нибудь сталъ сомнѣваться, что премудрость—не тѣло, а потому и не дерево; а что въ тѣлесномъ раю премудрость могла быть обозначена чрезъ дерево, т. е. тѣлесную тварь, какъ нѣкоторое таинство,—это пусть считаетъ невѣроятнымъ тотъ, кто или не видитъ въ Писаніи столь многихъ тѣлесныхъ таинствъ духовныхъ предметовъ, или утверждаетъ, что первый человѣкъ не долженъ былъ жить съ нѣкоторымъ подобнаго рода таинствомъ, хотя Апостоль слова Писанія и о женѣ (которая, какъ мы вѣримъ, создана была изъ ребра мужа): *сего ради оставитъ человекъ отца и мать и прильнется къ женѣ своей и будутъ два въ плоть одну*, называетъ великою тайною во Христѣ и Церкви (Еф. V, 31). Удивительно и съ трудомъ допустимо, какимъ образомъ люди хотятъ принимать рай за иносказательное повѣствованіе. и въ то же время не хотятъ принимать его и за иносказательное дѣйствіе. Если же они, какъ напр. объ Агари и Саррѣ, объ Измаилѣ и Исаакѣ, согласны, что это были дѣйствительныя лица и въ то же

время прообразы, то я не понимаю, почему же они не допускаютъ, что и древо жизни и дѣйствительно было нѣкоторымъ деревомъ, и изображало премудрость.

Прибавлю и то еще, что хотя это дерево и представляло тѣлесную пищу, но пищу такую, которая дѣлала тѣло человѣка постоянно здоровымъ не какъ отъ всякой другой пищи, а въ силу нѣкотораго современнаго вдохновенія здоровья. Ибо и обыкновенный хлѣбъ заключалъ въ себѣ нѣчто большее, когда однимъ опрѣснокомъ Богъ защищалъ человѣка отъ голода въ теченіе сорока дней (3 Цар. XIX, 8). Или, можетъ быть, мы усумнимся повѣрить, что Богъ посредствомъ пищи отъ нѣкагого дерева, благодаря его особенному значенію, давалъ человѣку возможность, чтобы его тѣло не испытывало какъ въ здоровьи, такъ и въ возрастѣ измѣненія въ худшую сторону, или чтобы даже и не умирало, — Онъ, который и самой человѣческой пищѣ могъ даровать такую чудесную устойчивость, что мука и масло, убывавшія въ глиняныхъ сосудахъ, снова восполнялись и не оскудѣвали (3 Цар. XVII, 61)? Но пожалуй я здѣсь окажется кто-нибудь изъ породы спорщиковъ и скажетъ, что Богъ долженъ былъ творить подобныя чудеса въ нашихъ странахъ, въ раю же не долженъ былъ: какъ будто, создавъ человѣка изъ персти земной и жену изъ ребра мужа, Онъ сотворилъ тамъ большее чудо, нежели здѣсь воскрешая мертвыхъ!

ГЛАВА VI.

Древо познанія добра и зла—истинное и безвредное древо.—Послушаніе.—Непослушаніе.

Перейдемъ теперь къ древу познанія добра и зла. Безъ сомнѣнія, и это дерево было видимымъ и тѣлеснымъ, какъ и прочія деревья. Итакъ, что оно было дерево, несомнѣнно; надобно только изслѣдовать, почему оно получило такое на-

званіе. Всматриваясь въ дѣло глубже, я не могу и выразить, до какой степени мнѣ пріятно мнѣніе, что это дерево не было вредно для пищи; ибо Создавшій все *добро зло* (Быт. I, 31) не ввелъ въ рай ничего злого, но зломъ для человѣка было преслушаніе заповѣди. А между тѣмъ, для человѣка, стоявшаго подъ властью Господа Бога, необходимо было какое-нибудь ограниченіе, чтобы послушаніе было для него добродѣтелью, которая бы вела его къ Господу; и могу сказать съ увѣренностью, что послушаніе—единственная добродѣтель для всякой разумной твари, дѣйствующей подъ властью Бога, первый же и величайшій порокъ гордости заключается въ желаніи пользоваться къ гибели своею властью; имя этому пороку непослушаніе. Такимъ образомъ, человѣку не отсюда было бы знать и чувствовать, что онъ имѣетъ Господа, если бы ему не было ничего приказано. Итакъ, дерево это не было дурное, но названо древомъ добра и зла потому, что въ немъ въ случаѣ, если человѣкъ вкуситъ отъ него послѣ запрещенія, заключалось будущее преступленіе заповѣди, а въ этомъ преступленіи, путемъ испытываемаго наказанія, человѣкъ могъ научиться, какое существуетъ различіе между благомъ послушанія и зломъ непослушанія. Вотъ почему и это дерево надобно принимать не за иносказаніе, а за нѣкоторое дѣйствительное дерево, которому дано названіе не отъ плода или яблока, на немъ рождавшагося, а отъ того, что имѣло случиться съ вкусившимъ это яблоко вопреки запрещенію.

ГЛАВА VII.

О 10, 11, 13 и 14 стихахъ 2 главы Бытія. Должны быть принимаемы за дѣйствительныя рѣки Тибръ, прежде Альбула, — Нилъ, раньше Геонъ, — Гангъ, раньше Физонъ.

Рѣка же исходитъ изъ Едема напаяти рай: оттуда разлучается въ четыре начала. Имя единой Фи-

сонъ: сія окружающая всю землю Евилатскую: тамо убо есть золото. Злато же оныя земли доброе: и тамо есть апераксъ и камень зеленый. И имя рѣкъ второй Геонъ: сія окружающая всю землю Евіопскую. И рѣка третія Тигръ: сія проходящая прямо Ассиріомъ. Рѣка же четвертая Евфратъ. — Объ этихъ рѣкахъ что больше могу я утверждать, какъ не то, что это — дѣйствительныя рѣки, а не иносказанія, которыхъ не существуетъ и которыя означаютъ какъ бы одни только имена, такъ какъ рѣки эти весьма извѣстны и странамъ, по которымъ протекаютъ, и почти всѣмъ народамъ? А уже изъ того, что онѣ, какъ извѣстно, несомнѣнно существуютъ (ибо двумъ изъ нихъ древность перемѣнила названія, подобно тому, какъ Тибромъ называется теперь та рѣка, которая раньше называлась Альбулой, именно: Геонъ нынѣ называется Ниломъ, а Физонъ — Гангомъ; двѣ же другія — Тигръ и Евфратъ сохранили свои старинныя названія), мы побуждаемся и все остальное принимать прежде всего въ буквальномъ значеніи, думать, что оно не иносказаніе, а то самое, о чемъ повѣствуется и что существуетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ означаетъ и нѣчто другое. И это не потому, чтобы и приточная рѣчь не могла заимствовать чего-либо изъ того, что, какъ извѣстно, существуетъ и въ собственномъ смыслѣ; такъ напр., поступаетъ Господь, говоря о томъ, кто слѣдовалъ изъ Іерусалима въ Іерихонъ и впалъ въ разбойники (Лук. X, 30). Кому не видно, что это — притча, рѣчь совершенно иносказательная, а между тѣмъ два города, о которыхъ здѣсь упоминается, существуютъ на своихъ мѣстахъ и по настоящее время? Подобнымъ образомъ мы приняли бы и четыре [райскія] рѣки, если бы все остальное, что повѣствуется о раѣ, какая-нибудь необходимость заставила насъ принимать не въ собственномъ, а иносказательномъ значеніи; но такъ какъ ничто не препятствуетъ намъ принимать эти рѣки въ собственномъ значеніи, то почему не

можемъ мы скорѣе прямо слѣдовать авторитету Писанія въ повѣствованіи о совершившихся событіяхъ, сначала понимая эти событія, какъ дѣйствительныя, а потомъ изслѣдуя, что означаютъ они собою еще и другое?

Но, можетъ быть, возбудить въ насъ сомнѣніе то, что говорятъ объ этихъ рѣкахъ, именно—что источники-де однихъ изъ нихъ [теперь] извѣстны, а другихъ совершенно неизвѣстны, а потому и нельзя-де приписать въ буквальномъ значеніи сказаніе, что онѣ раздѣлялись отъ одной райскѣй рѣки?—Скорѣе этому надобно вѣрить, потому что отъ человѣческаго познанія весьма удалено самое мѣсто рая, гдѣ раздѣлялись эти части водъ, какъ свидѣтельствуется несомнѣннѣйшее Писаніе; но тѣ рѣки, источники которыхъ, какъ говорятъ, извѣстны, пошли гдѣ-нибудь подъ землею и, протекши отдаленнѣйшія страны, вышли наружу въ другихъ мѣстахъ, гдѣ, какъ говорятъ, онѣ стали въ своихъ источникахъ теперь и извѣстны. Ибо кто не знаетъ, что нѣкоторыя воды обыкновенно дѣлаютъ такъ? Только объ этомъ знаютъ тамъ, гдѣ онѣ текутъ подъ землею недолго. Итакъ, изъ эдема, т. е. изъ мѣста сладости, выходила рѣка и орошала рай, т. е. всѣ тѣ прекрасныя и плодоносныя деревья, которыя покрывали всю землю этой страны.

ГЛАВА VIII.

О 15 стихѣ 2 главы Бытія. Введенъ-ли человекъ въ рай, чтобы заниматься земледѣліемъ.

И взя Господь Богъ человека, еяже созда, и поставилъ его въ рай, чтобы дѣлать и хранить. И заповѣди Господь Богъ Адаму, глаголя: отъ всякаго древа, еже въ раи, съядю съси: отъ древа же, еже разумѣти доброе и лукавое, не съесте отъ него: а въ онъже день съесте отъ него, смертію умрете.—Хотя выше кратко уже сказано, что Богъ насадилъ рай и ввелъ туда человека, ко-

торого создалъ, однако [бытописатель] повторилъ это снова, чтобы разсказать, какъ устроенъ былъ рай. Теперь онъ снова упоминаетъ о томъ, какъ помѣстилъ Богъ въ рай человѣка, котораго Онъ создалъ. Разсмотримъ же, что значитъ изреченіе: „чтобы дѣлать и хранить“. Что именно дѣлать и что хранить? Неужели Господу угодно было, чтобы первый человѣкъ занимался земледѣліемъ? Развѣ можно думать, что Онъ осудилъ его на трудъ раньше грѣха? Такъ конечно мы думали бы, если бы не видѣли, что нѣкоторые занимаются земледѣліемъ съ такимъ душевнымъ удовольствіемъ, что отвлеченіе ихъ отъ этого занятія является для нихъ великимъ наказаніемъ. А какъ бы много удовольствія ни доставляло земледѣліе теперь, тогда было его гораздо больше, когда ни отъ земли, ни съ неба это занятіе не встрѣчало ничего противнаго. Тогда оно было не мучительнымъ трудомъ, а отраднымъ наслажденіемъ, такъ какъ все, сотворенное Богомъ, произрастало тогда при посредствѣ человѣческой обработки гораздо обильнѣе и плодоноснѣе, отъ чего въ большой степени прославлялся и самъ Создатель, даровавшій душѣ, соединенной съ животнымъ тѣломъ, идею труда и способность къ нему настолько, насколько это служило удовлетвореніемъ духовнаго желанія, а не насколько требовали того нужды тѣла.

И въ самомъ дѣлѣ, какое можетъ быть еще болѣе удивительное зрѣлище, или гдѣ человѣческій разумъ можетъ еще, такъ сказать, бесѣдовать съ натурою, какъ не тамъ, когда, при посѣвѣ сѣмянъ, при выращиваніи отводковъ, при пересадкѣ молодыхъ деревьевъ, при прививкѣ виноградныхъ черенковъ, онъ какъ бы вопрошаетъ каждую силу сѣмени или корня, что она можетъ и чего не можетъ, отъ чего можетъ и отъ чего не можетъ, что значитъ при этомъ невидимая и внутренняя сила чиселъ и что — совнѣ прилагаемый трудъ [человѣка], и въ этомъ разсмотрѣніи приходитъ къ заключенію, что *ни насаждаяй есть что, ни*

напаяяй, но возвращаяй Богъ (1 Кор. III, 7), такъ какъ и то, что при этомъ привходитъ со стороны, привходитъ черезъ того, кого сотворилъ и кѣмъ невидимо управляетъ и распоряжается Богъ?

ГЛАВА ІХ.

Занятіе земледѣліемъ въ аллегорическомъ смыслѣ.

Если отсюда мы переведемъ мысленное око на самый міръ, какъ на нѣкоторое огромное вещественное дерево, то и въ немъ также отроемъ двоякое дѣйствіе Промысла—естественное и произвольное: естественное, совершающееся черезъ сопровенное управленіе, коимъ Богъ даетъ ростъ деревьямъ и травамъ, а произвольное—черезъ дѣйствіе Ангеловъ и людей. Согласно съ первымъ упорядочиваются вверху небесныя, а внизу земныя [явленія], сіяютъ свѣтила и звѣзды, плотная масса земли напаяется и омывается водами, а выше разливается воздухъ, зачинаются и рождаются, вырастаютъ, старѣютъ и умираютъ растенія и животныя и происходитъ все, что только совершается въ вещахъ въ силу внутренняго и естественнаго движенія. Во второмъ даются, объясняются и заучиваются примѣты (signa), воздѣлываются поля, управляются общества, развиваются науки и совершается все другое и въ высшемъ обществѣ, и въ обществѣ земномъ и смертномъ, такъ что попеченіемъ этого дѣйствія Промысла обнимаются и добродѣтельные и порочныя. Та же двоякая сила Промысла обнаруживается и въ человѣкѣ, и прежде всего по отношенію къ его тѣлу: естественная—въ томъ движеніи, какимъ оно происходитъ, вырастаетъ, старѣетъ, а произвольное—въ томъ, какимъ оно поддерживается пищею, одеждою, леченіемъ. Затѣмъ, по отношенію къ душѣ человѣкѣ управляется—естественно, чтобы жить и существовать, а произвольно, чтобы учиться и быть отзывчивымъ.

А какъ въ деревѣ тому, чтобы оно росло и что совершается внутренно, внѣшнимъ образомъ содѣйствуетъ земледѣліе, такъ въ человѣкѣ, по отношенію къ тѣлу, тому, что внутренно совершаетъ въ немъ натура, помогаетъ внѣшнимъ образомъ медицина, а по отношенію къ душѣ тому, чтобы она по природѣ внутренно была счастлива, внѣшнимъ образомъ содѣйствуетъ наука. Далѣе, что для дерева значить нерадѣніе объ уходѣ за нимъ, то же значить для тѣла нерадѣніе о его леченіи, а для души—небреженіе о ея образованіи. Наконецъ, что для дерева значить вредная влага, то же значить для тѣла гибельная пища, а для души—непотребное наставленіе. Такимъ образомъ, выше всего Богъ, который создалъ все и всѣмъ управляетъ, творить все природы какъ благій, управляетъ всѣми волями какъ правосудный. Къ чему же намъ отклоняться отъ истины, если мы вѣримъ, что человѣкъ въ раю находился въ такомъ состояніи, что занимался земледѣліемъ не съ рабскимъ трудомъ, а съ благородно-духовнымъ удовольствіемъ? Ибо что невиннѣе этой работы для занимающихся ею и что полнѣе всесторонняго обсужденія для благоразумныхъ?

ГЛАВА X.

Что значитъ: „чтобы дѣлать и хранить“.

А хранить что? Неужели самый рай? Отъ кого же? Ему не угрожалъ ни враждебный сосѣдь, ни нарушитель границъ, ни воръ, ни грабитель. Какъ же понимать, что тѣлесный рай могъ быть охраняемъ человѣкомъ тѣлесно? Но Писаніе и не говоритъ вѣдь: „чтобы дѣлать и хранить рай“, а: „чтобы дѣлать и хранить“. Хотя, впрочемъ, если перевести съ греческаго ближе къ буквѣ, то въ немъ сказано такъ: *И взя Господь Богъ человека, егоже созда, и поставилъ его въ раю дѣлати его и хранити*. Но „поставилъ... дѣлати“ самого-ли человѣка (а такъ именно и по-

нималъ переводчикъ, поставивъ: „чтобы дѣлать“), или же рай, т. е. чтобы человекъ рай воздѣлывалъ,—получается неясность, и согласно слововыраженію скорѣе, кажется, надобно было сказать: дѣлать не *рай*, а *въ раю*.

Но допустимъ, сказано: „чтобы дѣлать *рай*“, подобно тому, какъ выше сказано: *не баше человекъ дѣлать землю* (а воздѣлывать землю—то же слововыраженіе, что воздѣлывать рай),—въ такомъ случаѣ получается неясная мысль по отношенію къ обоимъ выраженіямъ. Ибо если надобно принять не: „*рай* хранить“, а: „*въ раю* хранить“, то что же хранить въ раю? Мы уже видѣли, что означаетъ выраженіе—„дѣлать въ раю“. Развѣ, можетъ быть, то, что человекъ производилъ въ землѣ при помощи земледѣлія, онъ долженъ былъ хранить въ себѣ самомъ при помощи науки, чтобы какъ поле повиновалось ему воздѣлывающему, такъ и самъ онъ повиновался своему заповѣдующему Господу, чтобы, вкушая плодъ повиновенія заповѣди, онъ не получилъ терній неповиновенія? Вотъ почему, не захотѣвъ сохранить въ себѣ подобіе воздѣлыванія рая, онъ послѣ осужденія и получилъ себѣ такое поле: *тернія*, говоритъ, *и волциы возраститъ тебѣ* (Быт. III, 18).

Если же мы поймемъ такъ, что человекъ долженъ былъ дѣлать именно рай и рай хранить, то воздѣлывать рай онъ могъ бы, какъ сказано выше, при помощи земледѣлія, а хранить его—не отъ дурныхъ и враждебныхъ людей, какихъ тогда и не было, а развѣ отъ звѣрей. Но какимъ образомъ, или зачѣмъ? Развѣ звѣри были уже свирѣпыми къ человеку, что произошло только вслѣдствіе грѣха? Ибо, человекъ, какъ потомъ упоминается, всѣмъ звѣрямъ, къ нему приведеннымъ, нарекъ имена, а въ шестой день, по закону слова Божія, получилъ со всѣми ими и общую пищу (Быт. I, 30). Или, если уже было чего бояться со стороны звѣрей, какимъ образомъ одинъ чело-

вѣкъ могъ защитить рай? Ибо то было мѣсто не малое, какъ скоро его орошала такая огромная рѣва. Конечно, ему слѣдовало бы, если бы было можно, оградить рай такую стѣною, чтобы туда не могъ проникнуть змій, но было бы удивительно, если бы раньше, чѣмъ человекъ оградилъ бы рай, онъ могъ выгнать оттуда всѣхъ змѣй.

Почему же, послѣ того, не воспользоваться намъ разумомъ раньше глазъ? Человекъ дѣйствительно былъ помѣщенъ въ рай для того, чтобы онъ воздѣлывалъ его, какъ выше выяснено, при посредствѣ не тягостнаго, а пріятнаго земледѣлія и предусмотрительнаго ума, изыскивающаго многое и полезное, и хранилъ тотъ же рай для самого себя, чтобы не допустить чего-либо таковаго, за что заслужилъ бы изъ него изгнанія. Для того онъ получилъ и заповѣдь, чтобы имѣть въ ней средство, при помощи котораго онъ сохранялъ бы для себя рай и съ удержаніемъ котораго не былъ бы изъ него изгнанъ. Ибо правильно говорятъ, что тотъ не сохранилъ извѣстной вещи, кто ею распоряжался такъ, что ее утратилъ, хотя она была бы спасительна другому, кто или нашелъ бы ее, или заслужилъ получить.

Есть въ этихъ словахъ и другой еще смыслъ, который я считаю неизлишнимъ предложить, именно—что дѣлалъ и хранилъ Богъ самого человека. Ибо какъ человекъ дѣлалъ землю не такъ, чтобы она стала землею, а чтобы была обработанною и плодоносною, такъ Богъ и человека, созданнаго для того, чтобы онъ былъ человекомъ, дѣлаетъ такимъ, чтобы онъ былъ праведнымъ, если самъ человекъ не отступаетъ отъ Бога по гордости; ибо отпаденіе отъ Бога и есть то, что Писаніе называетъ началомъ гордости: *начало, говорить, гордыни человеку отступленіе отъ Господа* (Сир. XI 4). А такъ какъ Богъ есть неизмѣняемое благо, а человекъ и по тѣлу и по душѣ—нѣчто измѣняемое, то онъ можетъ образоваться въ праведнаго и блаженнаго не иначе, какъ обратившись къ неизмѣнному благу, Богу. По-

этому Богъ, создавши человѣка, чтобы онъ былъ человѣкомъ, самъ и дѣлаетъ и хранитъ его, чтобы онъ былъ праведнымъ и блаженнымъ. Отсюда изреченіе, что человѣкъ дѣлалъ землю такою, чтобы она, уже будучи землею, стала обработанною и плодородною, равносильно изреченію, что Богъ дѣлалъ человѣка, чтобы онъ, уже будучи человѣкомъ, сталъ благочестивымъ и мудрымъ, и хранилъ его, потому что своею собственною властью человѣкъ, занятый ею сверхъ мѣры и пренебрегая владычествомъ Бога, не можетъ быть цѣлымъ.

ГЛАВА ХІ.

Почему здѣсь прибавлено слово Господь.—Истинный Господь.

Поэтому, думается мнѣ, то—дѣло не безразличное, а указывающее на вѣчто важное, что съ самаго начала этой божественной книги, съ самыхъ первыхъ ея словъ: *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*, и до настоящаго мѣста, нигдѣ не употреблено выраженіе *Господь Богъ*, а только лишь *Богъ*. Теперь же, когда рѣчь зашла о томъ, что Богъ ввелъ человѣка въ рай и при посредствѣ заповѣди воздѣлывалъ его и хранилъ, Писаніе говоритъ такъ: *И взя Господь Богъ человека, егоче созда, и введе его въ рай дѣлати его и хранити* (Быт. II, 15) не потому, чтобы Богъ не былъ Господомъ и вышепоименованныхъ тварей, а потому, что писано это не для Ангеловъ и не для другихъ тварей, а именно для человѣка, для напоминанія ему, насколько для него полезно имѣть Бога Господомъ, т. е. жить послушно подъ Его владычествомъ, а не пользоваться самовольно своею властью: съ этою цѣлью нигдѣ раньше оно и не захотѣло поставить этого выраженія, а только тамъ, гдѣ рѣчь дошла до разсказа, что Богъ помѣстилъ человѣка въ рай, воздѣлывалъ его и хранилъ. Вотъ почему

не сказано, какъ выше о всемъ прочемъ: *И взя Богъ чело-
вѣка, егоже созда, а: И взя Господь Богъ челоуѣка, егоже
созда и введе его въ рай дѣлати его, чтобы онъ былъ пра-
веденъ, и хранити, чтобы онъ былъ безопасенъ, находясь
именно подъ Его владычествомъ, которое полезно не для Не-
го, а для насъ. Не онъ нуждается въ нашемъ рабствѣ, а
мы—въ Его владычествѣ, чтобы Онъ воздѣлывалъ и хра-
нилъ насъ; потому именно только Онъ одинъ—истинный
Господь, что мы являемся Его рабами не для Его, а для
нашей собственной пользы и спасенія. Ибо если бы Онъ
нуждался въ насъ, то не былъ бы и истиннымъ Господомъ,
потому что, благодаря намъ, увеличивалась бы Его неволя,
рабомъ которой Онъ былъ бы: *рыхъ, справедливо говорить
псалмопѣвецъ, Господеви: Богъ мой еси Ты, яко благихъ
моихъ не потребуши* (Пс. 13, 2).—Не слѣдуетъ нашихъ
словъ понимать такъ, что мы служимъ Богу въ видахъ
нашей пользы и нашего спасенія, какъ бы надѣясь полу-
чить отъ Него что-нибудь другое, кромѣ Его самого, ко-
торый представляетъ собою для насъ высшую пользу и спа-
сеніе. Ибо мы любимъ Его даромъ, по словамъ псалмопѣвца:
мнѣ же прилеплятися Божови благо есть (Пс. 72, 28).*

ГЛАВА XII.

*Человѣкъ не можетъ дѣлатъ безъ Бога ничего добраго.
Отступленіе отъ Бога.*

И въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ отнюдь не нѣчто такое,
чтобы, отступивъ отъ своего Творца, могъ дѣлатъ что-ни-
будь доброе, какъ бы самъ отъ себя: вся добродѣтель его
состоитъ въ обращеніи къ Богу, который его сотворилъ и
отъ котораго онъ постоянно дѣлается праведнымъ, благо-
честивымъ и мудрымъ, а не дѣлается и потомъ оставляется,
какъ излечивается и потомъ оставляется врачомъ тѣлеснымъ;
потому что тѣлесный врачъ дѣйствуетъ вѣншимъ образомъ,

помогая натурѣ, внутренно дѣйствующей подѣ властью Бога, устрояющаго наше здравіе двоякимъ дѣйствіемъ Промысла, о которомъ мы выше говорили. Отсюда, человѣкъ долженъ обращаться къ Господу не такъ, чтобы, ставши праведнымъ, могъ отступить отъ Него, а такъ, чтобы Богъ постоянно дѣлалъ его [праведнымъ]. Поэтому, доколѣ человѣкъ не отступаетъ отъ Бога, Богъ своимъ присутствіемъ оправдываетъ его, освящаетъ и дѣлаетъ блаженнымъ, т. е. воздѣлываетъ его и охраняетъ, господствуя надъ нимъ, какъ послушнымъ и покорнымъ.

Это похоже не на то, что какъ человѣкъ обрабатываетъ землю, дабы, какъ мы сказали, она стала воздѣланною и плодородною, при чемъ земля, когда человѣкъ обработавъ уходить отъ нея, остается или вспаханною, или засѣянною, или орошенною, или еще какою-нибудь иною, сохраняя на себѣ ту работу, которая произведена надъ ней, хотя самъ работникъ уже отошелъ отъ ней, такъ дѣлаетъ человѣка праведнымъ и Богъ, т. е. такъ оправдываетъ его, что человѣкъ, если бы Богъ оставилъ его, можетъ и въ Его отсутствіе быть тѣмъ, чѣмъ сдѣлалъ его Богъ; а скорѣе на то, что какъ воздухъ не раньше свѣта уже свѣтель, а дѣлается свѣтлымъ отъ присутствія свѣта, потому что если бы онъ былъ уже свѣтлымъ до свѣта, а не дѣлался свѣтлымъ отъ присутствія свѣта, то оставался бы свѣтлымъ и при отсутствіи свѣта, такъ точно и человѣкъ въ присутствіи Бога освящается, а въ отсутствіи Его остается въ постоянномъ мракѣ, ибо отступаетъ отъ Бога не пространственнымъ разстояніемъ, а отвращеніемъ своей воли.

Итакъ, дѣлаетъ человѣка добрымъ и сохраняетъ его Тотъ, кто непреложно благъ. Мы должны постоянно быть [добрыми] и постоянно совершенствоваться, прилѣпляясь и пребывая обращенными въ Нему, о комъ говорится: *милъ же прилѣплится Богу благо есть* (Пс. 72, 18) и кому сказано: *державу мою къ тебѣ сохраню* (Пс. 57, 10).

Ибо мы—Его твореніе не только потому, что мы—люди, а и потому, что становимся добрыми. Такъ и Апостоль, напоминая обратившимся отъ нечестія вѣрнымъ о благодати, которую мы спасаемся, говоритъ: *благодатию бо есте спасени чрезъ вѣру, и сіе не отъ васъ, Божій даръ, не отъ дѣлъ, да никто же похвалится. Того бо есмь твореніе, создани во Христь Исусъ на дѣла благая, яже прежде уготови Богъ, да въ нихъ ходимъ* (Еф. II, 8—10). И въ другомъ мѣстѣ, сказавъ: *со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвайте* (Фил. II, 12), ояъ, чтобы мы не стали приписывать этого себѣ, какъ будто бы сами дѣлая себя праведными и добрыми, непосредственно прибавляеть: *Богъ бо есть дѣйствующій въ васъ, и еже хотѣти и еже дѣяти о благоволеніи* (Фил. II, 13). И такъ, взя Господь Богъ человека, егоже созда, и введе его въ рай дѣлати его, т. е. дѣйствовать въ немъ, и хранити его.

ГЛАВА XIII.

Почему запрещено было [вкушать] отъ дерева познанія добра и зла.—Непослушаніе.

И заповѣда Господь Богъ Адаму, глаголя: отъ всякаго дерева райскаго смѣдию съести, отъ дерева же познанія добра и зла не съѣсте отъ него: а въ оноеже день съѣсте отъ него смертію умрете (Быт. II, 16).—Если бы это дерево было что-либо злое, почему Богъ и воспретилъ его человѣку, то выходило бы, что человѣкъ отравленъ на смерть самою злою природою этого дерева. Но такъ какъ Создавшій все добро злого насадилъ въ раю дерева только добрыя и не было тамъ ни единой злой природы, такъ какъ и вообще въ мірѣ нѣтъ злой природы (объ этомъ, если Господь благоволитъ, мы скажемъ обстоятельнѣе, когда будемъ говорить о змѣѣ), то съ этого дерева, не бывшаго злымъ, воспрещено было [ѣсть] съ тою цѣлію, чтобы самое

уже соблюденіе заповѣди было для человѣка добромъ, а ея преступленіе—зломъ.

Лучше и точнѣе и нельзя было показать человѣку, до какой степени составляетъ зло самое уже непослушаніе, какъ скоро онъ сдѣлался повиннымъ пороку, потому что вопреки запрещенію дотронулся до предмета, прикоснувшись къ которому безъ запрещенія, онъ конечно бы не согрѣшилъ. Допустимъ, напр., кто-нибудь скажетъ: „не касайся этой травы“, буде она ядовита и предвѣщаетъ смерть,-- въ такомъ случаѣ хотя ослушникъ приказанія и подвергается смерти, если бы въ такой травѣ прикоснулся, но если бы даже и не запрещалъ никто, а онъ бы прикоснулся, то и въ такомъ случаѣ конечно бы умеръ. Эта трава была бы противна его здоровью и жизни, все равно, ограждена-ли она или не ограждена запрещеніемъ. Равнымъ образомъ, если кто-нибудь воспрещаетъ прикасаться къ предмету, который убыточенъ не касающемуся, а воспрещающему, какъ напр. если бы кто-нибудь протянулъ руку въ чужому имуществу, вопреки запрещенію того, кому принадлежитъ это имущество, то [нарушеніе] подобнаго воспрещенія было бы грѣхомъ, потому что могло бы быть убыточнымъ для воспретившаго. Но разъ прикасаются къ чему-либо такому, что не вредно ни касающемуся (если оно не ограждено запрещеніемъ), ни кому-либо другому, когда-нибудь касавшемуся, то для чего другого оно ограждается запрещеніемъ, какъ не для указанія, что повиновеніе само по себѣ есть благо, а неповиновеніе—зло?

Наконецъ, грѣшникъ желаетъ только того, чтобы не быть подъ владычествомъ Бога, разъ дозволяетъ себѣ нѣчто такое, въ недозволенности чего онъ долженъ руководствоваться единственно повелѣніемъ Господа. А если онъ долженъ руководствоваться только этимъ, то что другое это значить, какъ не руководствоваться волею Божіею? Что другое, какъ не любить воли Божіей? Что другое, какъ не предпочитать

человѣческой волѣ волю Божию? Господь, конечно, знаетъ, почему Онъ приказываетъ; слуга Его долженъ дѣлать то, что Онъ повелѣваетъ, а слуга выдающийся, можетъ быть, и видѣть, почему Онъ повелѣваетъ. Не станемъ, впрочемъ, долго останавливаться на изслѣдованіи причины этого повелѣнія, если для человѣка великая польза заключается уже въ томъ одномъ, чтобы онъ служилъ Богу; повелѣвая Богъ дѣлаетъ полезнымъ все, что ни повелѣваетъ, и ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ бояться, чтобы Онъ могъ повелѣть что-нибудь неполезное.

ГЛАВА XIV.

Испытаніе зла—отъ преслушанія божественной заповѣди.

Да и не можетъ быть, чтобы собственная воля [наша] не обрушивалась на человѣка великою тяжестью паденія, если онъ высокомерно предпочитаетъ ее волѣ вышней. Это человѣкъ и испыталъ, преслушавъ заповѣдь Божию, и путемъ этого опыта узналъ, какое существуетъ различіе между добромъ и зломъ, добромъ послушанія и зломъ непослушанія, т. е. гордости и упротства, превратнаго подражанія Богу и преступной свободы. А въ какомъ деревѣ могло это приключиться, отъ этого обстоятельства, какъ выше сказано, дерево и получило себѣ имя. Ибо оно не было бы злымъ, если бы мы не узнали этого по опыту, такъ какъ не было бы и зла, если бы мы его не совершили. Да и вообще какой-либо природы зла не существуетъ, а имя зла получила утрата добра. Безъ сомнѣнія, Богъ есть непреложное благо, человѣкъ же, по той своей природѣ въ какой его сотворилъ Богъ, хотя и есть благо, но благо не непреложное, какъ Богъ. Но преходящее благо, которое слѣдуетъ послѣ блага непреложнаго, дѣлается лучшимъ, какъ скоро оно предано непреложному благу, любя Его и служа Ему ра-

зумною и собственною волею. Отсюда, и такая природа представляет собою уже великое благо, потому что она одарена способностью быть преданною высшему благу. Если же она не хочет быть такою, то лишается блага, и это для нея составляет зло, влекущее за собою, по правосудію Божию, страданіе. Ибо что могло бы быть въ такой мѣрѣ несправедливымъ, какъ если бы измѣнникъ благу оставался въ благополучіи? Этого ни въ какомъ случаѣ и не можетъ быть; но только иногда не чувствуютъ зла отъ потери высшаго блага, любя благо низшее. Но по божественному правосудію кто потерялъ по своей волѣ благо, которое онъ долженъ былъ любить, тотъ, что любилъ, теряетъ со скорбію, лишь бы только прославлялся во всемъ Творецъ природъ. Хорошо и то, что онъ скорбитъ объ утраченномъ благѣ: если бы въ его природѣ не оставалось уже никакого блага, то не было бы никакой и скорби объ утраченномъ благѣ.

Но кому добро угодно помимо испытанія зла, т. е. кто раньше, чѣмъ восчувствуетъ потерю добра, уже рѣшился не терять его, того надлежитъ поставить выше всѣхъ людей. Ибо если бы это не ставилось никому въ особенную похвалу, то не приписывалось бы похвалы и тому Отроку, который, ставши изъ рода Израилева Эммануиломъ, т. е. съ нами Богомъ (Мф. I, 23), примирилъ насъ съ Богомъ, явился посредникомъ между людьми и Богомъ (I Тим. II, 5), Словомъ у Бога, плотію у насъ, Словомъ - плотію между Богомъ и нами. Ибо о Немъ именно пророкъ говоритъ: *прежде неже разумѣти отрочати благое или злое, отринетъ лукавое, еже избрати благое* (Иса. VI, 53). А такимъ образомъ оно могло пренебречь или избрать то, чего не знало, если не такъ, что добро и зло познаются иначе чрезъ предвѣдѣніе добра и иначе чрезъ испытаніе зла? Чрезъ предвѣдѣніе добра зло познается, но не ощущается; въ такомъ случаѣ добра держатся, чтобы вслѣдствіе его потери не ощущать зла. Въ свою очередь, чрезъ испытаніе

зла познается добро; такъ какъ тотъ, кому бываетъ худо отъ утраты добра, чувствуетъ, чего онъ лишился. Отсюда, Отрокъ тотъ прежде, чѣмъ по опыту узналъ или добро, котораго бы могъ лишиться, или зло, которое бы могъ ощущать съ потерю добра, пренебрегъ зло, дабы избрать добро, т. е. не захотѣлъ терять добра, которое имѣлъ, дабы не ощущать потери того, чего не долженъ былъ терять. Поэтому единственный примѣръ повиновенія представляетъ собою Тотъ, кто пришелъ творить не свою волю, а волю Пославшаго Его (Юан. VI, 38), въ противоположность тому, кто предпочелъ творить волю свою, а не волю Создавшаго его. Отсюда, какъ чрезъ непослушаніе одного многіе стали грѣшниками, такъ чрезъ послушаніе одного многіе становятся праведниками (Рим. V, 19): *якоже бо о Адамъ вси умираютъ, такожде и о Христѣ вси оживутъ* (1 Кор. XV, 22).

ГЛАВА XV.

Почему древо познанія добра и зла такъ названо.

Между тѣмъ, нѣкоторые напрасно пускаются въ тонкія изслѣдованія вопроса, какимъ образомъ дерево могло называться древомъ познанія добра и зла, прежде чѣмъ человѣкъ преступилъ въ немъ заповѣдь и путемъ этого опыта узналъ, какое существуетъ различіе между благомъ, которое онъ потерялъ, и зломъ, которое снискалъ. Такое имя дано этому дереву съ тою цѣлю, чтобы, согласно запрещенію, остерегались касаться того, ощущеніе чего должно было явиться отъ прикосновенія къ нему вопреки запрещенію. Ибо древомъ познанія добра и зла оно стало отнюдь не потому, что съ него вкусили вопреки запрещенію; напротивъ, если бы [прародители] оказались даже и послушными и съ него вопреки запрещенію не вкусили, то и въ такомъ случаѣ оно конечно правильно бы называлось тѣмъ, что съ ними приключилось бы, если бы они съ него вкусили. Подобно

тому, если бы дерево называлось древомъ здравія отъ того, что люди, благодаря ему, могли бы быть здоровыми, то было-ли бы это имя для него несоотвѣтствующимъ, если бы къ нему никто не прибоснулся? [Конечно, нѣтъ]; потому что если бы къ нему прибоснулись и стали здоровы, въ такомъ случаѣ и убѣдились бы, насколько правильно это дерево называется.

ГЛАВА XVI.

Человѣкъ до испытанія зла могъ понимать, что такое зло.

Но, говорятъ, какимъ образомъ человѣкъ могъ понять, что называлось ему древомъ познанія добра и зла, когда онъ совершенно не зналъ, что такое—само зло?—Такъ разсуждающіе мало обращаютъ вниманія на то, что весьма часто мы понимаемъ неизвѣстное изъ противоположнаго ему извѣстнаго,—что даже названія не существующаго, разъ они вставляются въ рѣчь, не остаются темными для слушателя. Ибо то, чего совсѣмъ нѣтъ (*non est*), никакъ не называется; а между тѣмъ, эти два слога понимаетъ всякій, кто слышитъ и говоритъ по-латини. Откуда же, какъ не изъ воззрѣнія на то, что есть, и изъ его отрицанія наши чувства узнаютъ то, чего нѣтъ? Такъ, когда называютъ слово *пустота*, то, при воззрѣніи на полноту тѣлъ, изъ ся отрицанія, какъ бы чего-то ей противоположнаго, мы понимаемъ, что называется пустотою; такъ, при помощи чувства слуха мы судимъ не только о звукахъ, но и о молчаніи; такъ равнымъ образомъ, въ силу присущей намъ жизни человѣкъ можетъ остерегаться всего ей противнаго, т. е. лишенія жизни, называемаго смертью, и какими бы слогами ни называлась та причина, вслѣдствіе которой онъ можетъ потерять то, что любитъ, т. е. всякое дѣйствіе, отъ коего могла бы приключиться потеря жизни (какъ напр., когда по латини эта причина

называется грѣхомъ или зломъ), онъ будетъ понимать, какъ умаразличаемое обозначеніе этой потери. Какимъ, въ самомъ дѣлѣ, образомъ понимаемъ мы слово воскресеніе, котораго никогда не видѣли на опытѣ? Не чувствуя-ли, что значить жить, и лишеніе жизни называя смертью, а возвращеніе отъ нея къ тому, что чувствуемъ, именуя воскресеніемъ? И какимъ бы другимъ именовъ и на какомъ бы языкѣ мы то самое ни называли, уму нашему въ звукахъ говорящаго дается знакъ, подъ которымъ онъ познаетъ то, что мыслить помимо знака. И надобно удивляться, какъ природа избѣгаетъ даже и неизвѣданной на опытѣ потери того, чѣмъ она обладаетъ. Кто научилъ скотовъ избѣгать смерти, какъ не истинствъ жизни? Кто научилъ маленькое дитя прижиматься къ своему носильщику, если ему угрожаютъ сбросить съ высоты? Правда, [такъ дѣлать] оно начинаетъ съ извѣстнаго времени, однако раньше, чѣмъ испытаетъ что-либо подобное.

Такъ точно и первымъ людямъ мила была жизнь; они, безъ сомнѣнія, избѣгали потерять ее, и какимъ бы способомъ, какими бы словами ни обозначилъ имъ того Богъ, они могли разумѣть Его. Они не могли бы склониться и во грѣху, если бы не были раньше убѣждены, что отъ этого дѣянія не умрутъ, т. е. не потеряютъ того, что имѣли и обладаніе чѣмъ исполняло ихъ радостью; о чемъ, впрочемъ, рѣчь будетъ въ своемъ мѣстѣ. Пусть же тѣ, кого беспокоитъ вопросъ, какимъ образомъ [прародители] могли понимать Бога, угрожавшаго имъ чѣмъ то, ими неиспытаннымъ, обратятъ свое вниманіе на то, что мы безъ малѣйшаго колебанія и сомнѣнія понимаемъ названія всего, нами не испытаннаго, или путемъ противоположенія тому, что уже знаемъ, если это — названія отрицательныя, или путемъ сравненія, если это — названія видовыя. Но, можетъ быть, кого-нибудь тревожитъ вопросъ о томъ, какъ могли говорить или понимать говорящаго люди, которые не научились говорить,

выросши-ли среди говорящихъ, или же отъ вакого-нибудь учителя?—Какъ будто для Бога было трудно научить говорить тѣхъ, которыхъ Онъ такъ сотворилъ, что они могли бы научиться тому даже и отъ людей, если бы только было отъ кого!

ГЛАВА XVII.

Обоимъ-ли вѣстѣхъ Адаму и Евѣ дана заповѣдь.

Совершенно основательно поднимаютъ вопросъ, мужу ли только далъ Богъ эту заповѣдь, или и женѣ?—Но пока еще не рассказано, какъ сотворена жена. Развѣ, можетъ быть, она была уже сотворена, но какъ произошло то, что произведено было раньше, объ этомъ въ видѣ вратваго повторенія рассказано послѣ? Ибо слова Писанія располагаются такъ: *И заповѣда Господь Богъ Адаму*, а не сказано: „заповѣдано имъ“. Затѣмъ слѣдуетъ: *Отъ всякаго древа, еже въ рѣи, снѣдію снѣси*, а не сказано: „снѣсте“. Далѣе прибавлено: *Отъ древа же познанія добра и зла, не снѣсте отъ него* (Быт. II, 16). Здѣсь уже рѣчь обращена какъ бы къ обоимъ, во множественномъ числѣ, и самое окончаніе заповѣди выражено во множественномъ же числѣ, словами: *въ онъже день снѣсте отъ него, смертію умрете*. Развѣ, можетъ быть, Богъ, зная, что сотворитъ жену, заповѣдалъ ради порядка такъ, чтобы заповѣдь Господня до жены дошла черезъ мужа? Таковую дисциплину въ Церкви поддерживаетъ Апостоль, говоря: *Аще ли чесому научитися хотятъ, въ дому своихъ мужей да вопрошаютъ* (I Кор. XIV, 35).

ГЛАВА XVIII.

Какимъ образомъ Богъ говорилъ съ человекомъ.

Возможенъ вопросъ и о томъ, какъ говорилъ Богъ съ человекомъ, котораго Онъ создалъ, безъ сомнѣнія, уже ода-

реннымъ чувствами и умомъ, такъ что человѣкъ могъ слышать и понимать говорящаго? Ибо онъ не могъ бы получить и заповѣди, преступленіе которой дѣлало его виновнымъ, если бы не одаренъ былъ пониманіемъ. Какимъ же образомъ Богъ говорилъ съ нимъ? Внутренно-ли, въ умѣ его, мысленно, т. е. такъ, чтобы человѣкъ умнымъ образомъ разумѣлъ волю и заповѣдь Божию безъ всякихъ тѣлесныхъ звуковъ, или же при помощи матеріальныхъ подобій? Но, думаю, не такъ говорилъ Богъ съ первымъ человѣкомъ. Ибо Писаніе повѣствуетъ о такихъ предметахъ, что скорѣе, должны мы думать, Богъ говорилъ съ человѣкомъ въ раю такъ, какъ говорилъ Онъ потомъ съ праотцами, напр. съ Авраамомъ и Моисеемъ, т. е. въ нѣкоторомъ тѣлесномъ видѣ. Въ этомъ именно заключается причина, что они услышали гласъ Бога, ходящаго въ раю предъ вечеромъ, и скрылись (Быт. III, 8).

ГЛАВА XIX.

Какъ мы должны мыслить о Богѣ, чтобы понять дѣйствіе Его въ тваряхъ.

Здѣсь представляется намъ важный и такой, какого не должно пропускать, случай—обратить, насколько мы можемъ и насколько удостоить помочь и даровать намъ Богъ, свой взоръ на двоякое дѣйствіе божественнаго Промысла, котораго выше, говоря о земледѣліи, по нѣкоторому мимоходному поводу мы слегка коснулись, дабы умъ читателя уже съ того момента началъ пріучаться къ разсмотрѣнію того, что наиболѣе всего служить для насъ поддержкою не мыслить чего-нибудь недостойнаго о самой субстанціи Бога. Итакъ, мы говоримъ, что высшій, истинный, единый и единственный Богъ, Отецъ, Сынъ и Святой Духъ, т. е. Богъ, Его Слово и Духъ Обоихъ, несліянная и нераздѣльная Троица, Богъ, который одинъ имѣетъ безсмертіе и живетъ

во свѣтѣ непреступномъ, котораго никто изъ людей не видѣлъ и видѣть не можетъ (I Тим. VI, 16),—сей Богъ ни пространствомъ конечнымъ-ли или безконечнымъ не содержится, ни въ теченіе время конечное-ли или безконечное не измѣняется. Ибо въ Его субстанціи нѣтъ ничего такого, что было бы короче въ части, чѣмъ въ цѣломъ, какъ это необходимо бываетъ во всемъ, что находится въ пространствѣ, или же было въ Его субстанціи то, чего уже нѣтъ, или будетъ, чего еще нѣтъ, какъ это бываетъ въ тѣхъ природахъ, которыя могутъ претерпѣвать временныя измѣненія.

ГЛАВА XX.

Тѣлесная тварь измѣняется по мѣсту и времени, духовная только по времени, а Творецъ ни тѣмъ ни другимъ образомъ.

Сей Живущій въ неизмѣнной вѣчности сотворилъ разомъ все, отъ чего текутъ времена, наполняются пространства и временными и пространственными движеніями вещей вращаются вѣка. Изъ этихъ вещей однѣ Онъ сотворилъ духовныя, а другія тѣлесныя, образовавъ матерію, которую не кто-либо другой, а самъ Онъ создалъ безформенною, но способною къ формѣ, такъ что своему образованію она предшествуетъ не по времени, а по началу. Духовную тварь Онъ поставилъ выше тѣлесной, такъ какъ духовная тварь можетъ измѣняться только по времени, а тѣлесная во времени и пространствѣ. Такъ напр. нашъ духъ приводится въ движеніе благодатію, или воспоминавая, что забылъ, или научаясь, чего не зналъ, или желая того, чего не хотѣлъ; тѣло же движется въ пространствѣ, съ земли-ли къ небу, или съ неба къ землѣ, или съ востока на западъ, или другимъ какимъ-нибудь образомъ. А все, что движется въ пространствѣ, можетъ двигаться и во времени; все же, что движется во времени, не движется непремѣнно и въ пространствѣ. Отсю-

да, какъ субстанцію, которая движется въ пространствѣ, превосходитъ субстанція, которая движется только во времени, такъ эту послѣднюю превосходитъ субстанція, которая не движется ни во времени, ни въ пространствѣ. Отсюда, въ свою очередь, какъ тѣломъ во времени и пространствѣ движеть сотворенный духъ, самъ движущійся только во времени, такъ созданнымъ духомъ движеть во времени Духъ-Создатель, самъ не движущійся ни во времени, ни въ пространствѣ. Духъ сотворенный движеть самого себя во времени, тѣломъ—во времени и пространствѣ; Духъ же Создатель Себя самого движеть помимо времени и пространства, сотвореннымъ духомъ—во времени помимо пространства, а тѣломъ—во времени и пространствѣ.

ГЛАВА XXI.

Какъ Богъ, не двигаясь самъ, движеть тварями, объ этомъ мы должны составлять себѣ понятіе по аналогіи съ душою.

Вотъ почему кто силится понять, какимъ образомъ вѣчно истинный и вѣчно безсмертный и непреложный Богъ, самъ не двигаясь ни во времени, ни въ пространствѣ, движеть во времени и пространствѣ Свою тварь, тотъ, думаю, не можетъ составить себѣ понятіе объ этомъ, не понявши прежде, какъ душа, т. е. сотворенный духъ, движущійся не въ пространствѣ, а только во времени, движеть тѣломъ во времени и пространствѣ. Ибо если такой не въ состояніи понять того, что происходитъ въ немъ самомъ, не тѣмъ-ли менѣе онъ будетъ въ состояніи понять то, что выше него?

Ибо душа, связанная привычкою тѣлесныхъ чувствъ, думаетъ, что и сама она движется вмѣстѣ съ тѣломъ въ пространствѣ, какъ скоро движется тѣло. Но если она въ состояніи присмотрѣться съ тщательностію, какъ посустаново

расположены своего рода центры членовъ ея тѣла, служащіе точкой опоры движеній, то откроетъ, что тѣ изъ членовъ, которые движутся въ извѣстномъ промежуткѣ пространства, движутся только отъ тѣхъ, которые сами неподвижны. Такъ, ни одинъ палець не можетъ двигаться, если не неподвижна рука, отъ которой, какъ отъ неподвижнаго центра, онъ можетъ двигаться; точно также, когда движется ладонь отъ всего локтеваго члена, локоть—отъ плечеваго члена, плечо—отъ спины, то при неподвижности самыхъ центровъ, на которые опирается движеніе, движущійся членъ проходитъ извѣстный промежутокъ пространства. Равнымъ образомъ, въ пяткѣ заключается членъ ступни, при неподвижности котораго ступня движется, въ колѣнѣ—членъ голени, въ бедреной кости—членъ всей ноги; да и вообще каждый членъ, которымъ движетъ воля, движется не иначе, какъ отъ какого-нибудь центра члена, коимъ первоначально управляетъ мановеніе воли, дабы отъ того, что не движется въ извѣстномъ промежуткѣ пространства, могло приходить въ дѣйствіе то, что движется. Кратко сказать, нога при ходьбѣ не двигалась бы, если бы другая неподвижная нога не поддерживала всего тѣла, пока та, которая движется съ мѣста, откуда она движется, до пункта, куда опускается, опирается на этотъ неподвижный членъ своего центра.

Если уже въ тѣлѣ каждымъ членомъ воли движетъ не иначе, какъ отъ такого органа, которымъ онъ не движетъ, хотя какъ та часть тѣла, которая движется, такъ и та, отъ которой первая движется, имѣютъ свои тѣлесныя количества, коими онѣ занимаютъ извѣстные промежутки пространства; то тѣмъ болѣе само мановеніе души, которому повинуются члены, такъ что какой ей изъ нихъ угодно остается неподвижнымъ, служа опорой для того, который долженъ двигаться, хотя душа—бестѣлесная природа и не наполняетъ тѣла пространственно, какъ вода наполняетъ мѣхъ или губку, а удивительнымъ образомъ соприкасается съ тѣломъ, оживо-

творяя его безтѣлеснымъ мановеніемъ, коимъ она, какъ цѣлю, а не тяжестью, и господствуетъ надъ тѣломъ,—тѣмъ болѣе, говорю, мановеніе воли для того, чтобы двигать въ пространствѣ тѣломъ, само въ пространствѣ не движется, когда цѣлымъ тѣломъ движеть чрезъ его части, а известными частями не иначе движеть, какъ чрезъ такія, которыми въ пространствѣ не движеть.

ГЛАВА XXII.

Какъ движеть Богъ и какъ движеть душа.

Если понять это трудно, пусть вѣрять тому и другому, т. е. и тому, что духовная тварь, не двигаясь въ пространствѣ, движеть въ пространствѣ тѣломъ, и тому, что Богъ, не двигаясь во времени, движеть во времени духовную тварь. А если кто-нибудь не хочетъ этому вѣрить относительно души,—чему впрочемъ онъ долженъ не только вѣрить, но и понимать это, если только мыслить душу безтѣлесною, какова она есть. Ибо кому же можетъ представляться труднымъ, что то не можетъ двигаться въ пространствѣ, что не занимаетъ пространства? А все, что занимаетъ пространство, все это—тѣло. Отсюда слѣдуетъ, что душа не можетъ двигаться въ пространствѣ, если она не тѣло. Но если, какъ началъ-было говорить я, кто нибудь не хочетъ этому вѣрить относительно души, нападать на него не слѣдуетъ слишкомъ строго. Если же онъ не вѣритъ и тому, что субстанція Божія не движется ни во времени, ни въ пространствѣ, то не вполне еще вѣрить и въ Ея неизмѣняемость.

ГЛАВА XXIII.

Богъ—существо всегда покоящееся и однако вседѣйствующее.

Но такъ какъ природа Троицы совершенно неизмѣняема и потому такъ вѣчна, что ей не можетъ быть ничего со-

вѣчнаго, то она у себя и въ себѣ самой движеть подчиненную ей тварь во времени и пространствѣ, творя природы благостью и промышляя о воляхъ могуществомъ; такъ что въ ряду природъ нѣтъ ни одной, которая бы была не отъ нея, а между волями нѣтъ ни одной доброй, которой бы она не вспомоществовала, ни одной злой, которой бы она не могла употребить во благо. А такъ какъ не всѣмъ природамъ она дала свободную волю, тѣ же, коимъ дала, выше и могущественнѣе, то природы, которыя воли не имѣютъ, необходимо должны быть подчинены тѣмъ, которыя ее имѣютъ, и это—по распоряженію Творца, который никогда не наказываетъ злой воли до отнятія у нея естественнаго достоинства. Отсюда, всякое тѣло и всякая неразумная душа, разъ они не имѣютъ свободной воли, подчинены тѣмъ природамъ, которыя одарены свободною волею, — подчинены не всѣ и всѣмъ, а какъ распредѣлило это правосудіе Творца. Такимъ образомъ, провидѣніе Божіе, управляя и распорядясь всею тварію, природами и волями, — природами, чтобы онѣ существовали, а волями, чтобы онѣ не оставались безплодно-добрыми и безнаказанно злыми, подчиняетъ сначала все себѣ, затѣмъ тѣлесную тварь—духовной, неразумную—разумной, земную—небесной, женскую—мужской, менѣе сильную—болѣе сильной, несовершенную—болѣе совершенной. Въ ряду же волей добрыя воли оно подчиняетъ себѣ, а остальные—добримъ, Ему служащимъ, такъ чтобы злая воля претерпѣвала то, что по повелѣнію Божію сдѣлала бы добрая, чрезъ себя-ли саму, или чрезъ злую волю, но [въ послѣднемъ случаѣ] только въ кругу такихъ предметовъ, которые естественно подчинены злымъ волямъ, т. е. въ тѣлахъ. Ибо злыя воли въ себѣ самихъ носятъ свое внутреннее наказаніе и такую же свою порочность.

ГЛАВА XXIV.

Какія природы подчинены блаженнымъ Ангеламъ.

А отсюда высшимъ Ангеламъ, усаждающимся смиренно Богомъ и блаженно Ему служащимъ, подчинена всякая природа, всякая неразумная жизнь, всякая, слабая ли или развращенная воля, такъ что они дѣлають изъ подчиненныхъ и съ подчиненными имъ то, чего требуетъ порядокъ природы, по повелѣнiю Того, кому подчинено все. Въ Немъ они видять непреложную истину и сообразно съ нею направляютъ свою волю. Поэтому они всегда бываютъ участниками Его вѣчности, истины и воли, помимо времени и пространства. Двигаются же по Его повелѣнiю и временно, хотя самъ Онъ временно не движется,—двигаются не такъ, что отступаютъ и удаляются отъ Его созерцанiя, но вмѣстѣ съ тѣмъ созерцають и Его помимо времени и пространства и исполняютъ Его повелѣнiя въ кругу низшихъ предметовъ, двигая себя во времени, а тѣла во времени и пространствѣ, насколько это соотвѣтствуетъ ихъ дѣятельности. И потому Богъ своимъ двучастнымъ Промысломъ присутствуетъ при всей твари,—при природахъ, чтобы онѣ были, а при воляхъ, чтобы онѣ ничего не дѣлали безъ Его повелѣнiя или дозволенiя.

ГЛАВА XXV.

Какъ Богъ управляетъ вселенною и ея частями.

Итакъ, тѣлесная природа вселенной поддерживается не совнѣ, тѣлеснымъ образомъ. Ибо внѣ ея нѣтъ никакого тѣла; иначе она уже не вселенная. Но она поддерживается внутренно, безтѣлеснымъ образомъ, такъ какъ то—дѣло Бога, что природа, (взятая) вообще, существуетъ, ибо изъ Того, и Тѣмъ и въ Немъ вслческая (Рим. IX, 36). Части же вселенной поддерживаются (или лучше сказать, проис-

ходить), съ одной стороны, внутренно-бестѣлеснымъ образомъ, чтобы быть природами, а съ другой—внѣшне-тѣлеснымъ образомъ, чтобы стать лучше, какъ напр. отъ питанія, земледѣлія, медицины и всего, что только дѣлается къ украшенію, чтобы онѣ были не только здоровѣе и плодороднѣе, но и красивѣе.

Духовная же природа, если она совершенна и блаженна, какъ природа святыхъ Ангеловъ,—насколько это касается самой ея въ себѣ, т. е. чтобы она была и была мудрою, — поддерживается не иначе, какъ внутренно-бестѣлеснымъ образомъ. Ибо Богъ говоритъ съ нею удивительнымъ и неизреченнымъ образомъ внутренно, а не при помощи ни Писанія, переданнаго намъ посредствомъ тѣлесныхъ знаковъ, ни тѣлесныхъ звуковъ, доступныхъ чувству слуха, ни наконецъ тѣлесныхъ подобій, какія образно происходятъ въ духѣ, напр. во снѣ, или въ нѣкоемъ изступленіи духа, которое по-гречески называется *ἔκστασις*; этимъ словомъ воспользуемся и мы вмѣсто латинскаго, потому что хотя этотъ родъ видѣній и происходитъ болѣе внутреннимъ образомъ, чѣмъ тѣ, которыя сообщаются душѣ посредствомъ тѣлесныхъ органовъ, однако, —будучи настолько имъ подобны, что, когда онѣ происходятъ, то или совершенно не можетъ, или съ трудомъ и весьма рѣдко можетъ быть отличенъ отъ нихъ, а съ другой стороны, будучи болѣе внѣшнимъ, нежели видѣнія, которыя разумный умъ созерцаетъ въ самой непреложной и вѣчной истинѣ и при ея свѣтѣ судить о всѣхъ нихъ,—этотъ родъ видѣній, полагаю, долженъ быть поставленъ въ число тѣхъ, которыя происходятъ внѣшнимъ образомъ. Итакъ, говорю, духовная, разумная, совершенная и блаженная природа, какова природа Ангеловъ, насколько дѣло касается ея въ себѣ самой, чтобы она была и была мудрою и блаженною, поддерживается не иначе, какъ внутренно—вѣчною, истинною и любовію Творца. Если же надобно сказать и о томъ, что она поддерживается внѣшнимъ

образомъ, то поддерживается, можетъ быть, тѣмъ, что Ангелы видятъ взаимно другъ друга и всѣмъ своимъ обществомъ радуются въ Богѣ, а также и тѣмъ, что, созерцая всѣ твари, они благодарятъ и славословятъ Творца. Что же касается дѣятельности ангельской природы, при посредствѣ которой провидѣніе Божіе наблюдаетъ за родами всѣхъ вещей, въ особенности за родомъ человѣческимъ, то она сама является внѣшне поддерживающею при помощи, съ одной стороны, видѣній, подобныхъ тѣлеснымъ, а съ другой — тѣлъ, подлежащихъ ангельской власти.

ГЛАВА XXVI.

Богъ всегда тотъ же и управляетъ всѣмъ, будучи самъ неподвиженъ.

А если это такъ, если всемогущій, вседержащій и всегда тотъ-же непреложною вѣчностью, истиной и волею Богъ, не двигаясь ни во времени, ни въ пространствѣ, движетъ во времени духовную тварь, а тѣлесную во времени и пространствѣ, такъ что этимъ движеніемъ внутренне поддерживая природы, управляетъ ими и внѣшнимъ образомъ, съ одной стороны, при посредствѣ подчиненныхъ Ему волей, которыми движетъ Онъ только во времени, а съ другой — при посредствѣ подчиненныхъ Ему и упомянутымъ волямъ тѣлъ, которыми Онъ движетъ во времени и пространствѣ (а причину этого времени и пространства въ самомъ Богѣ составляетъ жизнь безъ времени и пространства), — если, говорю, Богъ дѣлаетъ нѣчто такое, то мы не должны думать, что субстанція Бога измѣняема во времени и пространствѣ, или подвижна во времени и пространствѣ, а должны относить это къ дѣйствию божественнаго Промысла, не къ тому дѣйствию, коимъ Богъ творитъ природы, а къ тому, коимъ Онъ управляетъ сотворенными природами внѣшнимъ образомъ, Самъ будучи не пространственнымъ разстояніемъ

или промежуткомъ, а непреложнымъ и превосходнымъ могуществомъ для всякой вещи и внутреннимъ, такъ какъ все въ Немъ содержится, и внѣшнимъ, такъ какъ Онъ выше всего. Равнымъ образомъ, не временнымъ протяженіемъ, а непреложною вѣчностью Онъ и древнѣе всего, потому что существуетъ раньше всего, и новѣе всего, такъ какъ остается послѣ всего тѣмъ же самымъ.

ГЛАВА XXVII.

Изъ сказаннаго выводится, какъ Богъ говорилъ съ Адамомъ.

Поэтому, когда мы читаемъ слова Писанія: *И заповѣда Господь Богъ Адаму, глаголя: отъ всякаго древа, еже въ рай, съядію съѣси, отъ древа же еже разумѣти доброе и лукавое не съѣсте отъ него, а въ оныѣже день съѣсте отъ него, смертію умрете* (Быт. II, 16), то, останавливаясь на вопросѣ о способѣ, какъ Богъ говорилъ приведенныя слова, мы хотя и не можемъ постигнуть самаго этого способа, однако должны признать за несомнѣннѣйшую истину, что Богъ говоритъ или чрезъ Свою субстанцію, или чрезъ подчиненную Себѣ тварь. Но чрезъ Свою субстанцію Онъ говоритъ только для творенія всѣхъ природъ, въ духовнымъ же и разумнымъ природамъ—не только для ихъ творенія, но и для ихъ просвѣщенія, когда онѣ могутъ понимать Его рѣчь, какова она въ томъ Его Словѣ, которое *въ началѣ бы къ Богу и Богъ бы Слово*, чрезъ которое *вся быша* (Іоан. I, I). Съ тѣми же, которые не могутъ понимать этой рѣчи, Онъ говоритъ не иначе, какъ чрезъ тварь или только духовную, въ сновидѣніяхъ-ли, или при экстазѣ—въ подобіяхъ тѣлеснымъ предметамъ, или же и чрезъ тѣлесную, когда нашимъ тѣлеснымъ чувствамъ представляется какой-нибудь образъ, или слышатся звуки.

Отсюда, если Адамъ былъ такимъ, что былъ въ состояніи понять ту рѣчь Бога, которую Онъ сообщаетъ

ангельскимъ умамъ Своею субстанціей, то не слѣдуетъ сомнѣваться, что Богъ удивительнымъ и неизреченнымъ образомъ приводилъ въ движеніе умъ его и начерталъ въ немъ полезную и спасительную заповѣдь истины, показавъ неизреченно этою истиной, какое должно быть наказаніе преступнику, подобно тому, какъ слышны и видимы бываютъ всѣ благія заповѣди въ самой непреложной Премудрости, которая въ извѣстное время переходитъ въ святыя души (Прем. VII, 27), хотя въ Ней самой нѣтъ никакого движенія во времени. Если же онъ не былъ настолько праведенъ, что для него необходимъ еще былъ авторитетъ другой болѣе святой и мудрой твари, при помощи которой онъ могъ бы познавать волю и повелѣніе Божіе, какъ намъ необходимъ авторитетъ пророка, а пророкамъ—авторитетъ Ангела, то почему же мы станемъ сомнѣваться, что Богъ говорилъ съ нимъ при посредствѣ какой-либо подобной твари, такими голосовыми знаками, какіе онъ могъ понять? Ибо кто разумѣетъ каѳолическую вѣру, тотъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ сомнѣваться, что написанное дальше, именно—что согрѣшивъ [прародители] услышали голосъ Господа Бога, ходящаго въ раю (Быт. III, 2), было произведено не самою Его субстанціей, а при посредствѣ подчиненной Ей твари. Объ этомъ предметѣ я хотѣлъ поговорить нѣсколько подробнѣе, потому что нѣкоторые еретики полагаютъ, что субстанція Сына Божія, даже и безъ принятія тѣла, сама по себѣ видима (I Тим. VI, 16) и потому, раньше принятія тѣла отъ Дѣвы, Онъ, думаютъ они, былъ видимъ отцами, какъ если бы объ одномъ только Отцѣ сказано, что Его *никто не видѣлъ есть отъ чловѣкъ, ниже видѣти можетъ*, такъ какъ Сынъ былъ видимъ до принятія зрака раба даже и по Своей субстанціи,—какое нечестіе каѳолическими умами должно быть отмѣтаемо. Но о семъ, если будетъ благоугодно Господу, полагѣе скажемъ въ другое время; теперь же, закончивъ настоящую книгу, перейдемъ къ дальнѣйшему, какъ изъ ребра мужа сотворена была жена.

Книга 9.

Отъ словъ 18 ст. 2 гл. Бытія: И рече Господь Богъ: не добро чловѣку быти единому, и проч. до словъ: И будутъ два въ плоть едину.

ГЛАВА I.

Почему сказано: И созда Богъ еще отъ земли, и проч.

И рече Господь Богъ: не добро чловѣку быти единому, сотворимъ ему помощника по нему. И созда Богъ еще отъ земли вся звѣри селныя и вся птицы небесныя, и приведе я ко Адаму, видѣти, что наречетъ я: и всяко еже аще нарече Адамъ душу живу, сіе имя ему. И нарече Адамъ имена вѣмъ скотомъ и вѣмъ птицамъ небеснымъ и вѣмъ звѣремъ земнымъ: Адаму же не обрѣтется помощникъ подобный ему. И наложи Богъ изступленіе на Адама, и успе: и взя едино отъ ребръ его, и исполни плотию вѣсто его. И созда Господь Богъ ребро, еже взя отъ Адама, въ жену и приведе ю ко Адаму. И рече Адамъ: се нынѣ кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моя: сія наречется жена, яко отъ мужа своего взята бысть сія. Сего ради оставитъ чловѣкъ отца своего и мать и прильпится къ женѣ своей, и будета два въ плоть едину (Быт. II, 18—24).

Если что разсмотрѣно и написано нами въ предыдущихъ книгахъ, служить нѣкоторымъ для читателя пособіемъ, то вѣтъ надобности долго останавливаться на словахъ: *И созда Богъ еще отъ земли вся звѣри селныя и вся пти-*

цы небесныя, потому что въ предыдущихъ книгахъ, насколько было можно, мы объяснили, по какой причинѣ сказано *еще*, т. е.—по причинѣ совершеннаго въ шесть дней созданія тварей, въ которомъ причинно все было разомъ и закончено и начато, дабы эти причины обнаруживались потомъ уже въ своихъ дѣйствіяхъ. А если кто-нибудь найдетъ, что этотъ предметъ надобно изъяснить иначе, тотъ пусть только обратитъ тщательное вниманіе на все то, что мы имѣли въ виду, составляя свое мнѣніе, и буде при этомъ онъ въ состояніи будетъ составить болѣе вѣроятное мнѣніе, мы съ своей стороны не только не станемъ ему препятствовать, но скажемъ еще спасибо.

Если же кого-нибудь будетъ тревожить то обстоятельство, что [Писаніе] говоритъ не: «создалъ еще Богъ изъ земли всѣхъ звѣрей полевыхъ, а изъ водъ всѣхъ птицъ небесныхъ», но такъ, какъ бы оба эти рода Онъ сотворилъ изъ земли: *И созда*, говоритъ, *еще Богъ отъ земли вся звѣри селныя и вся птицы небесныя*, тотъ пусть знаетъ, что въ этомъ случаѣ надобно понимать дѣло двояко—или такъ, что Писаніе умолчало здѣсь, изъ чего Богъ создалъ птицъ небесныхъ, такъ какъ и при молчаніи его для насъ можетъ быть яснымъ, что изъ земли Богъ создалъ не то и другое, а только звѣрей полевыхъ,—что и безъ указанія Писанія мы понимаемъ, изъ чего Онъ создалъ птицъ небесныхъ, зная уже, что онѣ произведены изъ водъ при первомъ твореніи причинъ; или такъ, что земля въ настоящемъ случаѣ названа въ общемъ смыслѣ вмѣстѣ съ водами, подобно тому, какъ названа она въ томъ псалмѣ, въ которомъ, окончивъ похвалы со стороны небесныхъ предметовъ, [писатель] обращаетъ свою рѣчь къ землѣ и говоритъ: *Хвалите Господа отъ земли змѣеве и вся бездны* (Пс. 148, 7), а не говоритъ: «хвалите Господа *отъ воды*». Само собою понятно, что всѣ бездны находятся въ водахъ, и однако онѣ хвалятъ Господа *отъ земли*; въ водахъ же находятся и пресмыка-

ющіяся и летающія пернатыя, и тѣмъ не менѣе они хватаютъ Господа отъ земли. Согласно съ такимъ общимъ наименованіемъ земли, примѣнительно въ которому и о цѣломъ мірѣ говорится, что Богъ создалъ небо и землю, — все, что сотворено изъ суши-ли или изъ воды, все это правильно мы будемъ понимать какъ сотворенное изъ земли.

ГЛАВА II.

Какъ Богъ говорилъ: Не добро быти человѣку единому, и проч..

Обратимъ теперь вниманіе на то, какъ надобно понимать слова Бога: *Не добро быти человѣку единому, сотворимъ ему помощники по нему* — временнымъ-ли образомъ изрекъ Онъ эти слова, издавъ голосъ и слоги, или указывается здѣсь самая, существовавшая первоначально въ Словѣ Бога, идея, по которой должна была произойти жена: каковую идею Писаніе подразумѣвало и тогда, когда говорило: „*И рече Богъ: да будетъ то и то*“, т. е. при первоначальномъ созданіи всего? Развѣ, можетъ быть, не изрекъ-ли Богъ эти слова въ умѣ самого человѣка, подобно тому, какъ говоритъ Онъ нѣкоторымъ рабамъ Своимъ въ самыхъ рабахъ Своихъ? Изъ числа такихъ рабовъ Его былъ и тотъ, который сказалъ о себѣ въ псалмѣ: *Услышу, что речетъ о мнѣ Господь Богъ* (Пс. 84, 9). Или, можетъ быть, откровеніе о сотвореніи жены сдѣлано человѣку чрезъ Ангела въ подобіяхъ тѣлесныхъ звуковъ, хотя Писаніе и умолчало, во свѣ-ли оно было сдѣлано или въ экстазѣ (ибо такъ именно это происходитъ), или другимъ какимъ-нибудь образомъ, подобно тому, напр., какъ дѣлаются откровенія пророкамъ, въ числу коихъ относится и слѣдующее: „*И сказалъ мнѣ Ангелъ, глаголяй во мнѣ*“ (Зах. II, 3); или же Онъ издалъ и голосъ чрезъ какую-нибудь тѣлесную тварь, какъ издалъ Онъ голосъ изъ облака: *Сей есть Сынъ Мой* (Мѡ. III, 17).

Какой изъ всѣхъ этихъ способовъ имѣлъ тутъ мѣсто, этого ясно представить себѣ мы не можемъ; будемъ, однако, считать за несомнѣннѣйшую истину, что Богъ изрекъ эти слова, и если изрекъ ихъ тѣлеснымъ голосомъ или временно выраженнымъ подобіемъ, то говорилъ очевидно не субстанціей Своей, а при посредствѣ какой-либо твари, подчиненной Его власти, какъ объ этомъ сказано въ предыдущей книгѣ.

Ибо Богъ былъ видимъ и послѣ святыми мужами то съ убѣленною, какъ волна, главою, то съ нижнею половиною тѣла, какъ мѣдъ, то еще иначе; однако, для тѣхъ, которые блаженно вѣруютъ, или лучше другихъ понимаютъ, что непреложно вѣчная субстанція Троицы сама не движется ни во времени, ни въ пространствѣ, но другія субстанціи движеть во времени и пространствѣ, совершенно несомнѣнно, что эти видѣнія Богъ сообщалъ не субстанціей Своей, а при посредствѣ подчиненныхъ ей сотворенныхъ субстанцій. Поэтому не будемъ уже доискиваться, какъ Богъ говорилъ вышеприведенныя слова, а лучше постараемся понять смыслъ ихъ. Ибо что надобно было сотворить для человѣка подобную ему помощницу, это содержитъ въ Себѣ сама вѣчная Истина, и въ Ней слышится объ этомъ тотъ, кто можетъ познавать въ Ней, что сотворено и для чего.

ГЛАВА III.

Жена сотворена въ помощницу ради потомства.

Если же мы спросимъ, для чего должна была явиться эта помощница, то какой еще другой вѣроятный отвѣтъ можетъ намъ представляться, какъ не тотъ, что [она явилась] ради рожденія дѣтей, подобно тому напр. какъ земля служить помощницей сѣмени, чтобы отъ обоихъ ихъ вмѣстѣ рождался бустарнигъ? Объ этомъ сказано и при первоначальномъ сотвореніи вещей, въ словахъ: *Мужа и жену сотвори ихъ и благослови я Богъ, глаголя: раститесь и множитесь и наполните землю и обладайте ею* (Быт. I, 27).

Эта идея сотворенія и соединенія мужины и женщины, а также и благословеніе остался и послѣ грѣха чловѣка и наказанія. Благодаря имъ земля въ настоящее время полна людьми, обладающими ею.

Ибо хотя и дѣлается замѣчаніе, что они вступили въ соитіе и начали рождать уже по изгнаніи изъ рая, однако я не вижу основанія, которое бы могло удерживать насъ отъ мысли, что еще въ раю у нихъ была *честна женитьба и ложе нескверно* (Еф. XIII, 4). Если бы они жили вѣрно и праведно и послушно и свято служили Богу, отъ смѣни ихъ, по изволенію Божію, могло бы рождаться потомство безъ всякаго страстнаго волненія похоти и безъ всякой трудности и болѣзни чадорожденія; при чемъ дѣти не смѣняли бы умирающихъ родителей, а въ то время, какъ рождающіе оставались бы еще въ такомъ или иномъ состояніи формы, ввухая съ произроставащаго тамъ древа жизни тѣлесную силу, приходили бы въ то же самое состояніе и рождающіеся, доколѣ, по исполненіи извѣстнаго числа, не совершилась бы съ ними, если бы всѣ они жили праведно и послушно, такая перемѣна, что животныя тѣла ихъ, обратившись помимо смерти въ другое качество, стали бы называться духовными, благодаря тому, что служили бы духу и жили духомъ, который оживлялъ бы ихъ безъ всякой поддержки тѣлеснаго питанія. Все это могло быть, если бы преступленіемъ заповѣди они не заслужили наказанія смерти.

А кто не вѣритъ, что такъ могло быть, тотъ имѣетъ въ виду только обычный ходъ природы, въ который она вступила уже послѣ грѣха и наказанія чловѣка; но мы не должны примыкать къ числу людей, которые вѣрятъ только тому, что привыкли видѣть. Ибо кто же станетъ сомнѣваться, что все это, о чемъ мы сейчасъ говорили, могло быть сообщено чловѣку, живущему послушно и благочестиво, разъ не сомнѣвается, что одеждамъ израильтянъ сообщено

было такое въ своемъ родѣ состояніе, что онѣ въ теченіе сорока лѣтъ не испытывали никакого ущерба отъ ветхости?

ГЛАВА IV.

Почему прародители не вступали въ соитіе въ рай.

Почему же они вступили въ соитіе только по изгнаніи изъ рая? Кратко можно отвѣтить на этотъ вопросъ такъ: „потому, что сейчасъ же по сотвореніи жены, прежде чѣмъ они вступили въ соитіе, послѣдовало то преступленіе, за которое они, будучи осуждены на смерть, выведены были изъ этого блаженнаго мѣста“. Ибо Писаніе не опредѣляетъ, сколько прошло времени отъ этого ихъ дѣянія до рожденія отъ нихъ Каина. Можно сказать и такъ, что и Богъ еще не разрѣшалъ имъ соитія. Ибо почему бы не ждать имъ божественнаго авторитета на такое дѣло, въ которомъ не было никакой похоти, этого, такъ сказать, стимула неповиновенія плоти? А Богъ не разрѣшалъ этого потому, что Онъ располагалъ все по Своему предвѣдѣнію, коимъ безъ сомнѣнія напередъ зналъ ихъ паденіе, послѣ уже котораго долженъ былъ распространиться смертный родъ человѣческой.

ГЛАВА V.

Жена сотворена не по иной какой причинѣ, какъ по причинѣ потомства.

А если не для вспомошествованія при рожденіи дѣтей сотворена жена, то для чего же она сотворена? Если для того, чтобы вмѣстѣ обрабатывать землю, то обрабатываніе земли не было еще такимъ трудомъ, чтобы нуждалось въ работникѣ (adjumento), а если бы это было нужно, то помощникомъ скорѣе бы данъ былъ мужчина; то же можно сказать и объ утѣшеніи, если допустить, что мужъ свучалъ отъ одиночества. Ибо въ интересахъ сожителства и собесѣдованія гораздо сообразнѣе было жить вмѣстѣ двумъ друзьямъ, чѣмъ муж-

чинѣ и женщинѣ. А если имъ надобно было жить вмѣстѣ такъ, чтобы одинъ приказывалъ, а другой повиновался, дабы враждебныя воли не нарушали мира сожителей, то для поддержанія этого мира достаточно было бы такого порядка, чтобы одинъ былъ сотворенъ раньше, а другой позже, въ особености если бы младшій былъ сотворенъ отъ старшаго, какъ сотворена женщина. Развѣ только кто-нибудь скажетъ, что изъ ребра мужчины Богъ могъ сотворить только женщину, а и не мужчину, если бы даже и хотѣлъ того? Поэтому я не нахожу, для какой помощи жена сотворена мужу, если устранить причину дѣторожденія.

ГЛАВА VI.

*Какое было бы преемство дѣтей, если бы Адамъ не со-
грѣшилъ.*

Ибо если нужно было, чтобы родители отходили изъ этой жизни, давая мѣсто дѣтямъ, дабы человѣческій родъ путемъ этой преемственности достигъ своей извѣстной численности, то люди, по рожденіи дѣтей и по исполненіи правды человѣческаго долга, могли переходить изъ настоящей жизни къ лучшей не путемъ смерти, а путемъ нѣкотораго измѣненія—высшаго-ли, въ которомъ, соединившись съ тѣлами, они будутъ святыми какъ Ангелы, или, если таковое должно быть дано всѣмъ вмѣстѣ только при концѣ вѣка, какого нибудь низшаго, чѣмъ какимъ будетъ то, но однако же такого, которое могло имѣть лучшее состояніе, чѣмъ какое имѣетъ настоящее-ли наше тѣло, или даже и тѣла, созданныя первоначально—тѣло мужа изъ персти земной, а жены—изъ плоти мужа.

Ибо нельзя думать, что Илія или находится уже въ томъ состояніи, въ какомъ будутъ святые, когда по совершеніи дневнаго труда получаютъ по динарію (Мѣ. XX, 10), или въ томъ, въ какомъ находятся люди, которые еще

не отошли изъ настоящей жизни, изъ коей однако онъ уже перешелъ, но не путемъ смерти, а путемъ перенесенія [на небо] (4 Цар. II, 11). Такимъ образомъ, онъ занимаетъ уже лучшее положеніе, чѣмъ какое могъ бы имѣть въ настоящей жизни, хотя еще и не имѣетъ того, что изъ настоящей жизни, праведно проведенной, получить при концѣ, потому что [Богъ] предусмотрѣлъ о насъ нѣчто лучшее, дабы они не безъ насъ достигли совершенства (Евр. XI, 40). А если станетъ кто-нибудь думать, что Илія не могъ бы того заслужить, если бы былъ женатъ и имѣлъ дѣтей (думаютъ, что онъ не имѣлъ жены, такъ какъ Писаніе не говоритъ намъ объ этомъ, хотя, съ другой стороны, оно не говоритъ ничего и о его безбрачїи), то что онъ отвѣтитъ намъ на счетъ Эноха, который, имѣя дѣтей, угодилъ Богу такъ, что не умеръ, а взятъ на небо (Быт. V, 24)? Почему же Адамъ и Ева не могли бы дать мѣсто своимъ преемникамъ не путемъ смерти, а путемъ перенесенія [на небо], если бы они, живя праведно, безгрѣшно рождали дѣтей? Ибо если Энохъ и Илія, будучи въ Адамѣ смертны и нося въ своей плоти отрасль смерти (Малах. IV, 5; Апок. XI, 3),—а чтобы отъ этого долга разрѣшиться, они, какъ полагаютъ, возвратятся въ настоящей жизни и послѣ опредѣленнаго срока умрутъ,—теперь находятся въ другой жизни, гдѣ до воскресенія плоти, прежде чѣмъ душевное тѣло ихъ измѣнится въ духовное, они не терпятъ недостатка ни отъ болѣзни, ни отъ старости; то во сколько же разъ справедливѣе и вѣроятнѣе предположеніе, что первымъ, жившимъ безъ всякаго собственнаго и наслѣдственнаго грѣха, людямъ былъ возможенъ переходъ, по рожденіи дѣтей, въ лучшее состояніе, изъ котораго бы они, по исполненіи вѣка, вмѣстѣ со всѣмъ сонмомъ святыхъ могли быть измѣнены въ ангельскій образъ не путемъ плотской смерти, а силою Божіею?

ГЛАВА VII.

Жена сотворена чадородія ради.—Откуда достохвальное дѣвство и бракъ.—Троякое благо брака.—Книга о супружескомъ благѣ.

Итакъ, я не вижу, для какой другой помощи сотворена жена, если устранить причину дѣторожденія; а тѣмъ не менѣе, не знаю почему, причина эта устраняется. Ибо почему предъ Богомъ имѣеть великую и великой чести достойную заслугу вѣрное и благочестивое дѣвство, если не потому, что воздерживаться отъ брака (амрехи) должны въ такое уже время, когда изъ среды всѣхъ народовъ имѣется величайшее множество для восполненія святыхъ, т. е. когда желаніе получить нечистое удовольствіе отказываетъ себѣ въ томъ, чего не требуетъ уже нужда размноженія потомства? Затѣмъ, слабость того и другого пола, склонная къ постыдному паденію, поддерживается честнымъ бракомъ, такъ что то, что служитъ обязанностію для здоровыхъ, является врачевствомъ для больныхъ. Даже самая невоздержность не потому представляетъ собою нѣчто злое, что бракъ, которымъ связываются хотя бы и невоздержные, не есть нѣчто доброе; напротивъ, не отъ зла невоздержности становигся предосудительнымъ добро брака, а наоборотъ отъ добра брака становится простительнымъ и зло невоздержности, а потому то, что имѣеть бракъ добраго и отъ чего онъ—добро, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть грѣхомъ. А добро это троякое: вѣра, поколѣніе и таинство. Въ вѣрѣ наблюдается то, чтобы не вступали помимо брака въ соитіе съ иною или съ инымъ; въ поколѣніи—чтобы [дѣти] съ любовію зачинались, благодушно кормились и религіозно воспитывались; въ таинствѣ—чтобы бракъ не расторгался и чтобы разведенный или разведенная не вступали въ союзъ съ другимъ лицомъ ради поколѣнія. Таково какъ бы брачное правило, которымъ или украшается естественная плодовитость, или сдерживается невоздерж-

ная порочность.—Объ этомъ предметѣ мы достаточно связали въ недавно изданной нами книгѣ *о брачномъ благѣ*, въ которой мы указали различіе между воздержностью вдовства и превосходствомъ дѣвства по степени ихъ достоинства; останавливаться долго на этомъ предметѣ въ настоящемъ мѣстѣ нѣтъ надобности.

ГЛАВА VIII.

Переходъ пороковъ въ противоположныя.

Перейдемъ теперь къ вопросу, для какой помощи сотворена мужу жена, если имъ для рожденія дѣтей не дозволено было въ раю вступать между собою въ соитіе? Тѣ, которые такъ думаютъ, считаютъ, можетъ быть, грѣхомъ всякое сожитіе. Дѣйствительно, трудно, чтобы люди, превратно избѣгая пороковъ, не впадали быстро въ противоположныя пороки. Такъ, напр., тотъ, кто боится скупости, становится расточительнымъ,—кто боится роскоши, дѣлается скупымъ,—кого упрекаешь въ лѣни, становится безпокойнымъ,—кого укоряете въ безпокойствіи, дѣлается лѣнивымъ,—кто, будучи упрекаемъ, начинаетъ ненавидѣть свою смѣлость, переходитъ къ трусости,—кто старается не быть робкимъ, какъ бы сбросивъ цѣли дѣлается дерзкимъ, какъ скоро всѣ они смотрятъ на свои преступленія съ точки зрѣнія не разума, а мнѣнія. Подобнымъ образомъ, какъ скоро люди не знаютъ, что именно божественнымъ судомъ осуждается въ прелюбодѣяніи и блудодѣяніи, гнушаются брачнаго сожитія даже и чадорожденія ради.

ГЛАВА IX.

Жена сотворена для рожденія дѣтей, хотя бы отъ грѣха и не явилось необходимости смерти.

Тѣ же, которые этого не дѣлаютъ, но полагаютъ однако, что плодовитость плоти дана свыше для возмѣщенія

смертности, съ одной стороны не думаютъ, чтобы первые люди могли сожительствовать, если бы, подлежа по причинѣ совершеннаго ими грѣха смерти, не нуждались въ преемникахъ путемъ рожденія, съ другой не обращаютъ вниманія на то, что если могла быть справедливою нужда въ преемникахъ для тѣхъ, которымъ предстояло умереть, то еще болѣе справедливою могла быть нужда съ сообщникахъ для тѣхъ, которымъ предстояло жить. Ибо если и теперь, когда земля полна человѣческимъ родомъ, является справедливою нужда въ потомствѣ, которое могло бы возмѣщать умирающихъ, то чтобы земля наполнилась отъ двухъ людей, какимъ образомъ они могли исполнить этотъ общественный долгъ, если не путемъ рожденія? А будетъ-ли кто-нибудь настолько умственно слѣлъ, чтобы не разсудить, какимъ украшеніемъ для земли служить родъ человѣческой даже въ томъ случаѣ, если на землѣ не многіе живутъ хорошо и похвально, и насколько бываетъ силенъ государственный порядокъ, превращающій въ своего рода стройный земной союзъ и грѣшниковъ? Ибо люди не настолько развращены, чтобы, будучи даже грѣшниками, не превосходили скотовъ и птицъ, породами которыхъ наша низшая часть міра украшена въ такой мѣрѣ, что созерцаніе ея способно привести каждого въ восхищеніе. А кто же настолько безразсуденъ, чтобы сталъ думать, что она могла быть менѣе украшена, если бы была наполнена умирающими праведниками?

А такъ какъ высшее общество Ангеловъ весьма многочисленно, то они и не должны соединяться бракомъ, если не должны умирать. Предвидя, что такая же полная многочисленность должна соединиться съ Ангелами и въ воскресеніи святыхъ, Господь говоритъ: *„въ воскресеніи ни женятся, ни посягаютъ* (ибо уже не будутъ умирать), но будутъ равными Ангеламъ Божиимъ“ (Мф. XXII, 30); но въ настоящей жизни, когда земля должна наполниться людьми и, въ видахъ напоминанія о тѣснѣйшей необходимости род-

ства и особенно о союзѣ единства, она должна была наполниться отъ одного человѣка,—для чего другого нуженъ былъ женскій полъ какъ помощникъ, если не для того, чтобы женская природа помогала насаждающему человѣчeskій родъ, какъ [помогаетъ] плодородіе землѣ?

ГЛАВА X.

Болезнь похоти—отъ грѣха.

Впрочемъ, гораздо приличнѣе и лучше думать, что душевное тѣло первыхъ, обитавшихъ въ раю, людей, еще неповинное смерти, было таково, что они не имѣли стремленія въ плотскому удовольствію, какое имѣютъ теперь наши тѣла, происшедшія уже отъ отрасли смерти. Ибо въ нихъ произошло уже нѣчто, лишь только вкусили они отъ запрещеннаго дерева, такъ какъ Богъ сказалъ не: „аще снѣсте, смертію умрете“, но: *въ онъже день снѣсте отъ него, смертію умрете* (Быт. II, 17); такъ что въ самый же этотъ день произошло въ нихъ все то, о чемъ воздыхая говорить Апостола: *соуслаждаюся бо закону. Божію по внутреннему челоуку: вижду же инъ законъ во удѣхъ моихъ. Окаяненъ азъ челоукъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сего. Благодарю Бога моего Исусъ Христомъ Господомъ нашимъ* (Рим. VII, 22—25). Ему недостаточнымъ казалось сказать: кто мя избавитъ отъ сего смертнаго тѣла“, но, говорить, *отъ тѣла смерти сего*. Подобнымъ образомъ онъ говорить и слѣдующее: *плоть убо мертва грѣха ради* (Рим. VIII, 10),—не смертна, а мертва, хотя конечно и смертна, такъ какъ подлежитъ смерти. Не таковы, надобно думать, были тѣ тѣла: хотя они были тѣла душевныя, а не духовныя, однако и не мертвыя, т. е. такія, которыя необходимо должны умереть, что уже произошло въ тотъ день, когда [прародители] прикоснулись въ запрещенному дереву.

И наши тѣла называются въ своемъ родѣ здоровы-

ми. но если это здоровье бываетъ нарушено въ такой степени, что наши внутренности пожираетъ смертельная болѣзнь, усмотрѣвъ которую врачи объявляютъ о наступленіи смерти, то тѣло наше называется смертнымъ, но въ иномъ смыслѣ, нежели когда было здорово, хотя и тогда оно рано или поздно имѣло умереть. Такъ и въ тѣлесныхъ членахъ первыхъ людей, облеченныхъ тѣлами хотя и душевными, но такими, которыя, если бы [прародители] не согрѣшили, не подлежали смерти, а имѣли получить ангельскую форму и небесное качество, явилась, лишь только была нарушена заповѣдь, смерть, какъ нѣкая смертельная болѣзнь, и измѣнила то качество, благодаря которому они господствовали надъ тѣломъ такъ, что не могли бы сказать: *вижду инъ законъ во удѣхъ моихъ противовоюющъ закону ума*; потому что хотя тѣло ихъ еще не было духовнымъ, а только душевнымъ, однако и не *тѣломъ смерти сея*, отъ которой и съ которой мы рождаемся. Ибо мы, не скажу рождаясь, но даже еще зачинаясь, чему другому полагаемъ начало, какъ не въ некоторой болѣзни, отъ которой необходимо намъ умереть,—не столько необходимо тому, кто заболѣваетъ водянкой или дизентеріей или слоновую болѣзнью, сколько тому, кто получаетъ это тѣло, въ которомъ всё мы становимся чадами гнѣва, потому что такимъ его сдѣлало не что другое, какъ наказаніе за грѣхъ (Еф. II, 3).

А если такъ, почему же намъ не думать, что первые люди до грѣха могли управлять своими дѣтородными членами для рожденія дѣтей такъ же, какъ душа является въ вакомъ-либо дѣйствиіи движущею силою безъ всякаго затрудненія и производитъ какъ бы зудъ удовольствія? Ибо если всемогущій и неизреченно достохвальный Богъ, великій и въ сама малѣйшихъ дѣлахъ, далъ пчеламъ способность, чтобы онѣ производили дѣтей такъ же, какъ форму и жидкость меда, то почему же можетъ казаться невѣроятнымъ, что онъ устроилъ первымъ людямъ такіа тѣла, чтобы они, если бы

не согрѣшили и не получили тотчасъ же нѣкоей болѣзни, отъ коей должны стали умирать, повелѣвали своими членами, которыми зачинается плодъ, силою того мановенія, какимъ повелѣваемъ мы своимъ ногамъ, когда ходимъ, такъ чтобы этотъ плодъ и засѣменялся безъ страстнаго жара и рождался безъ болѣзни? Но преступивъ заповѣдь, они получили въ своихъ членахъ начавшейся смерти дѣйствіе того закона, который противовоюетъ закону ума,—который упорядочивается бракомъ, ограничивается и обуздывается воздержаніемъ, такъ чтобы какъ отъ грѣха произошло наказаніе, такъ отъ наказанія происходила заслуга.

ГЛАВА XI.

Женскій полъ образованъ для воспроизведенія потомства, однако безъ похоти, если бы человекъ не согрѣшилъ.

Итакъ, всякій, кто только сомнѣвается, что женщина сотворена мужу отъ мужа, въ томъ своемъ полѣ, въ той формѣ и съ такимъ отличіемъ членовъ, съ какими женщины извѣстны,—та женщина, которая родила Каина и Авеля и всѣхъ братьевъ ихъ, отъ коихъ произошли всѣ люди, а въ ряду ихъ—и Сива, чрезъ котораго мы доходимъ до Авраама и до вполне извѣстнаго всѣмъ народамъ народа израильскаго, а чрезъ сыновъ Ноя—ко всѣмъ народамъ,—всякій такой неизбѣжно колеблетъ все то, чему мы вѣримъ, и долженъ быть отвергнуть прочь умами вѣрныхъ. Поэтому, когда поднимается вопросъ, для чего сотворенъ мужу женскій полъ, для меня, тщательно, насколько можно, все пересмотрѣвшаго, не представляется другой причины, кромѣ потомства, такъ чтобы отъ ихъ ствола земля наполнялась людьми,—ствола рожденнаго не такъ, какъ рождаются люди теперь, когда ихъ членамъ присущъ грѣховный законъ, противовоюющій закону ума, хотя благодатію Бржіей и преодолеваемый; а это, надоб-

но думать, могло произойти только въ *тѣлѣ смерти сея*, ибо *плоть мертва грѣха ради* (Рим. VIII, 10). Да и что можетъ быть справедливѣе такого наказанія, чтобы тѣло не служило уже всякому мановенію души, т. е. не было ея рабою, какъ сама душа отказалась служить Своему Богу? Однако, творить-ли Богъ то и другое отъ родителей, тѣло отъ тѣла, а душу отъ души, или творить души какимъ-либо другимъ образомъ, во всякомъ случаѣ Онъ творить ихъ не для дѣла невозможнаго и не для малой награды, такъ что когда душа, съ благоговѣніемъ покорная Богу, побѣждаетъ по благодати Божіей грѣховный законъ, находящійся въ членахъ тѣла смерти сея и полученный первымъ человекомъ въ наказаніе, она получить для большей своей славы небесную награду, показывая тѣмъ, какой похвалы заслуживаетъ послушаніе, которое могло своею силою превозмочь наказаніе за чужое неповиновеніе.

ГЛАВА XII.

Животныя дѣйствительно приведены были къ Адаму, чтобы онъ нарекъ имъ имена, но этимъ дѣйствительнымъ событіемъ обозначается и нѣчто другое.

Но такъ какъ достаточно, мнѣ думается, изслѣдованъ вопросъ, для чего сотворена была мужу жена, то подвергнемъ теперь разсмотрѣнію вопросъ о томъ, почему приведены были къ Адаму всѣ звѣри полевые и всѣ птицы небесныя, чтобы онъ далъ имъ имена, но при этомъ такъ, какъ будто отсюда возникла необходимость сотворенія ему жены изъ ребра его, потому что среди этихъ животныхъ не нашлось для него подобной ему помощницы. Мнѣ кажется, что это было сдѣлано въ видахъ нѣкотораго пророческаго знаменованія, но впрочемъ сдѣлано такъ, что, при несомнѣнности совершившагося событія, истолкованіе его остается открытымъ. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ прежде всего, что

Адамъ нарекъ имена птицамъ и земноводнымъ животнымъ, за исключеніемъ рыбъ и всѣхъ вообще плавающихъ? Ибо если мы обратимся въ языку человѣческому, то все это называется такъ, какъ люди дали ему въ своей рѣчи имя. Не только то, что существуетъ въ водахъ и на землѣ, но и сама земля, вода, небо и все, что мы на небѣ видимъ, чего не видимъ и чему вѣримъ, все это, смотря по различію человѣческихъ языковъ, называется различными именами. Мы знаемъ, что первоначально, прежде чѣмъ гордость [строителей] водвигнутой послѣ потопа башни раздѣлила человѣческое общество на различные языки, существовалъ одинъ языкъ. Какой бы ни былъ этотъ языкъ, это къ нашему вопросу не относится. Несомнѣнно только, что на немъ говорилъ и Адамъ, и если этотъ языкъ существуетъ еще доселѣ, то въ немъ находятся и тѣ членораздѣльные звуки, при помощи которыхъ первый человѣкъ далъ имена земноводнымъ животнымъ и птицамъ. Вѣроятное-ли теперь дѣло, чтобы имена рыбъ на этомъ языкѣ установлены были не человѣкомъ, а свыше, и имъ научился потомъ человѣкъ отъ самого Бога? Если даже допустимъ, что такъ дѣло и было, то почему оно такъ было, въ этомъ безъ сомнѣнія скрывается таинственный смыслъ. Между тѣмъ, надобно думать, что имена рыбамъ даны постепенно, послѣ знакомства съ породами ихъ. Но если это сдѣлано не тогда, когда звѣри, скоты и птицы приведены были въ человѣку, чтобы онъ всѣмъ имъ, въ нему собраннымъ и раздѣленнымъ по породамъ, далъ имена, и притомъ далъ имена постепенно и раньше, чѣмъ рыбамъ, то какая тому была причина, кромѣ намѣренія обозначить что-нибудь такое, что имѣло бы значеніе, какъ предугазаніе будущаго?—На этомъ пунктѣ порядка повѣствованія останавливается наше вниманіе главнымъ образомъ.

Затѣмъ, неужели Богъ не зналъ, что въ породахъ животныхъ Онъ не сотворилъ ничего такого, что могло бы

быть помощницей подобною человѣку? Развѣ не нужно-ли было, чтобы и самъ человѣкъ это созналъ и считалъ жену тѣмъ болѣе дорогою, что во всей, сотворенной подѣ солнцемъ плоти, онъ не нашелъ ничего ей подобнаго? И удивительно, если онъ могъ узпать это тогда только, когда къ нему приведены были животныя и онъ пересмотрѣлъ ихъ. Ибо если онъ вѣровалъ Богу, то Богъ могъ сообщить ему объ этомъ такимъ же образомъ, какъ далъ ему заповѣдь, какъ вопрошалъ и судилъ его согрѣшившаго. А если не вѣровалъ, то конечно не могъ и знать, всѣхъ-ли животныхъ привелъ къ нему Тотъ, кому онъ не вѣровалъ, или же, можетъ быть, скрылъ въ какихъ-нибудь отдаленнѣйшихъ странахъ земли животныхъ ему подобныхъ, которыхъ не показалъ ему.— Итакъ, думаю, не слѣдуетъ сомнѣваться, что такъ происходило дѣло ради какого-нибудь пророческаго знаменованія, но однако происходило именно такъ.

Въ своемъ настоящемъ произведеніи мы задались намѣреніемъ не загадки пророческія разрѣшать, а дать оправданіе достовѣрности совершившихся событій въ ихъ историческомъ смыслѣ, такъ чтобы то, что можетъ казаться для пустыхъ и невѣрующихъ людей невозможнымъ или, въ качествѣ противнаго свидѣтельства, противорѣчащимъ самому авторитету священнаго Писанія, обсудивъ по мѣрѣ силъ и при помощи Божіей, показать и не невозможнымъ и не противнымъ; а что представляется возможнымъ и не имѣющимъ ни тѣни противорѣчія, но можетъ однако нѣкоторымъ казаться какъ бы излишнимъ или даже глупымъ, относительно всего такого доказать, что оно происходило какъ бы не въ естественномъ или обыкновенномъ порядкѣ совершающихся событій и, на основаніи несомнѣннѣйшаго, для нашихъ сердецъ предпочтительнаго, авторитета священнаго Писанія, должно быть считаемо таинственнымъ, а потому и не глупымъ. Изъясненіе или изслѣдованіе этого послѣдняго предмета мы или уже представили въ другомъ мѣстѣ, или отлагаемъ до другого времени.

ГЛАВА XIII.

Образованіе жены, какъ о твореніи ея рассказывается, предызображало собою ничто другое.

А что значить, что жена сотворена мужу изъ ребра его? Допустимъ, что такъ сдѣлать необходимо было въ видахъ одобренія силы самаго брачнаго союза; но таже самая необходимость требовала-ли и того, чтобы это сдѣлано было у спящаго и чтобы, затѣмъ, мѣсто вынутой кости заполнено было плотью? Въ самомъ дѣлѣ, развѣ нельзя было взять часть самой плоти, чтобы образовать изъ нея жену еще болѣе соотвѣтствующимъ образомъ, такъ какъ это—поль низшій? Или, сотворивъ столь многое, Богъ могъ образовать въ жену только ребро, а не плоть или прахъ, создавъ изъ праха мужчину? А если уже нужно было взять именно ребро, почему вмѣсто этого ребра не вставлено другое ребро? Почему также не сказано: „сотворилъ“ или „образовалъ“, какъ во всѣхъ предыдущихъ дѣлахъ, а *созда*, говоритъ, *Господь Богъ ребро*, точно бы домъ, а не человѣческое тѣло? Несомнѣнно такимъ образомъ, что разъ все это такъ и было и глупымъ не можетъ быть, то было оно ради знаменованія чего-либо другого. И дѣйствительно, предвидящій Богъ съ самаго уже начала человѣческаго рода милосердно предрекаетъ въ Своихъ дѣлахъ плодъ будущаго вѣка; такъ что открытое и въ писаніи начертанное Имъ рабамъ Своимъ въ такое или иное время чрезъ преемство-ли людей, или чрезъ Духа Своего, или чрезъ служеніе Ангеловъ представляетъ собою свидѣтельство какъ объ обѣтованіи будущаго, такъ и о признаніи уже исполнишагося. Въ дальнѣйшемъ этотъ предметъ будетъ раскрываться предъ нами яснѣй и яснѣй.

ГЛАВА XIV.

Какъ приведены были къ Адаму животныя.

Обратимся, поэтому, къ тому, что мы поставили задачей своего настоящаго произведенія, именно—какъ согласно не съ предзнаменованіемъ будущаго, а съ букввальнымъ, не аллегорическимъ значеніемъ совершившихся событій, могутъ быть понимаемы дальнѣйшія слова. *И созда, говоритъ, еще Богъ отъ земли вся звѣри селныя и вся птицы небесныя;* что изъ этихъ словъ казалось намъ нужнымъ и настолько казалось, мы уже объяснили. *И приведе я ко Адаму видѣти, что наречетъ я.* Чтобы не мыслить плотскимъ образомъ о томъ, какъ Богъ привелъ звѣрей и птицъ къ Адаму, должно въ этомъ случаѣ помочь намъ разсужденіе о двоякомъ дѣйствіи божественнаго промышленія, о которомъ мы вели рѣчь въ предыдущей книгѣ. Не слѣдуетъ, въ самомъ дѣлѣ, думать, что это происходило такъ, какъ охотники или птицеловы наслѣживаютъ и подгоняютъ къ тонетамъ животныхъ, которыхъ они ловятъ; не слѣдуетъ думать и такъ, что давъ былъ какой-нибудь повелѣвающій голосъ въ словахъ, слыша которыя разумныя души понимаютъ и повинуются. Звѣри и птицы такой способности не получили; впрочемъ, и они въ своемъ родѣ повинуются Богу не разумнымъ произволеніемъ воли, а такъ, какъ Богъ, не двигаясь самъ во времени, въ благопотребное время движетъ всѣмъ чрезъ ангельскія служенія, которыя въ Его словѣ получаютъ вѣдѣніе, что и въ какое время должно быть, и Имъ, во времени не движущимся, движутся во времени, исполняя Его повелѣнія въ кругу подчиненныхъ имъ тварей.

Ибо всякая живая душа, не только разумная, какъ въ людяхъ, но и не разумная, какъ въ скотахъ и птицахъ, движется впечатлѣніями. Но разумная душа или сочувствуетъ или не сочувствуетъ впечатлѣніямъ произволеніемъ воли; не-

разумная же душа не имѣеть этого сужденія, хотя и природа въ своемъ родѣ движется подѣ вліяніемъ извѣстнаго впечатлѣнія. Душа не властна надѣ тѣми впечатлѣніями, которыя ею воспринимаются или въ тѣлесное чувство, или глубже, въ самый духъ, и которыми движутся желанія каждаго одушевленнаго существа. Отсюда, когда впечатлѣнія внушаются при посредствѣ ангельскаго послушанія, повелѣніе Божіе достигаетъ не только до людей, не только до птицъ и звѣрей, но и до всего, что скрывается подѣ водами, какъ напр. до Кита, проглотившаго Іону (Іон. II, I); да и не только до такихъ крупныхъ животныхъ, но даже и до червяка, ибо и ему, какъ читаемъ, повелѣно было свыше подгрызть корень тытвы, подѣ тѣнью которой покоился пророкъ (Іон. IV, 7). И если человѣка Богъ устроилъ такъ, что онъ, будучи облеченъ даже и грѣховною плотью, можетъ при посредствѣ могущества своего разума, а не тѣла, ловить, приручать и держать удивительнымъ образомъ въ своей власти не только скотовъ и выючныхъ животныхъ, покорно служащихъ его домашнимъ надобностямъ, не только домашнихъ, но и свободно летающихъ, птицъ и даже дикихъ звѣрей, когда, подмѣчая ихъ желанія и горести, приманивая, запирая въ клетку и выпуская на свободу и, такимъ образомъ, мало по малу ихъ усмиряя, онъ отучаетъ ихъ отъ дикихъ инстинктовъ и, такъ сказать, облагаетъ человѣческими правами: то не тѣмъ-ли болѣе обладаютъ могуществомъ Ангелы, которые по повелѣнію Бога, познаваемому ими въ самой непреложной, постоянно ими созерцаемой, Его истинѣ, двигая сами себя во времени, а подчиненныя имъ тѣла во времени и пространствѣ, могутъ внушать всякой живой душѣ и впечатлѣнія, которыми она движется, и желаніе, вытекающее изъ ея тѣлесной недостаточности, такъ чтобы она сама не зная, влеклась туда, куда должно ей идти.

ГЛАВА XV.

Образованіе женщины произведено не кѣмъ другимъ, какъ Богомъ.

Посмотримъ теперь, какъ произошло самое образованіе жены, которое съ таинственнымъ смыслѣмъ названо *созданіемъ*.—Несомнѣнно, природа женщины сотворена хотя отъ мужеской, уже существовавшей, природы, но не какимъ-нибудь движеніемъ существовавшихъ природъ. Ангелы же не могутъ творить никакой природы; одинъ только есть творецъ всякой, великой и самонамалѣйшей, природы—Богъ, т. е. сама Троица, Отецъ, и Сынъ, и Духъ Святой. Поэтому, поставимъ вопросъ иначе, именно: какимъ образомъ былъ усыпленъ Адамъ и изъ состава его тѣла вынута ребро безъ всякаго болѣзненнаго ощущенія? Ибо могутъ, пожалуй, сказать, что это въ состояніи были сдѣлать Ангелы. Но даже образовать и кость, чтобы изъ нея явилась женщина, могъ только лишь Богъ, отъ котораго существуетъ вся природа. Не думаю даже, чтобы Ангелы могли произвести и ту прибавку въ тѣлѣ мужа, которая состояла въ заполненіи мѣста взятой кости, точно такъ же, какъ не могли они образовать изъ персти земной и самого человѣка, не потому, что не дѣло Ангеловъ—творить что-нибудь, а потому, что они не творцы, такъ какъ не называемъ же мы земледѣльцевъ творцами жатвъ и деревьевъ. *Ни насаждаяй есть что, ни напаяй, но возвращаяй Богъ* (1 Кор. III, 7). Къ этому *возращенію* принадлежитъ и то, что въ человѣческомъ тѣлѣ, когда изъ него была вынута кость, мѣсто ея заполнено плотью, т. е. это было дѣломъ Бога, которымъ Онъ поддерживаетъ природы, чтобы онѣ существовали, и которымъ сотворилъ Онъ и самихъ Ангеловъ.

Такимъ образомъ, дѣло земледѣльца принести при поливкѣ воду; но чтобы вода протекала чрезъ покатыя мѣста, это уже дѣло не земледѣльца, а Того, кто все расположилъ

мѣрою, числомъ и вѣсомъ (Прем. XI, 21). Точно также дѣло земледѣльца подчищать сучки съ дерева и засѣвать землю; но чтобы земля всасывала влагу, выпускала ростокъ, одно, чѣмъ укрѣпляется его корень, отлагала въ почвѣ, а другое, чѣмъ питается стволъ и развиваются вѣтви, гнала вверхъ, все это дѣло Того, кто *возвращаетъ*. Равнымъ образомъ, когда врачъ приписываетъ больному тѣлу питаніе, а раненному лекарство, то [приписываетъ], прежде всего, не изъ тѣхъ веществъ, которыя самъ сотворилъ, а которыя находитъ сотворенными дѣйствіемъ Творца; затѣмъ, если онъ можетъ приготовить пищу и питье, составить пластырь и приложить его, то развѣ можетъ онъ изъ веществъ, которыя приписываетъ, произвести и создать и силы или плоть? Это совершаетъ внутреннимъ, для насъ сокровеннѣйшимъ, движеніемъ сама природа. И однако, если бы Богъ лишилъ природу того внутренняго дѣйствія, которымъ Онъ ее поддерживаетъ и производитъ, то она, какъ бы мгновенно загаснувъ, перестала бы существовать.

Вотъ почему въ виду того, что Богъ управляетъ всею тварью двоякимъ въ своемъ родѣ дѣйствіемъ провидѣнія, о коемъ мы говорили въ предыдущей книгѣ, проявляя это дѣйствіе какъ въ естественныхъ, такъ и въ произвольныхъ движеніяхъ, ни одинъ Ангелъ не можетъ создать природы столько же, сколько и самого себя. Но ангельская воля, будучи предана Богу и исполняя Его повелѣнія, въ кругу подчиненныхъ предметовъ можетъ въ своемъ родѣ, при посредствѣ естественныхъ движеній, подобно тому, какъ это бываетъ въ земледѣліи или леченіи, управлять матеріей, такъ чтобы творилось нѣчто во времени согласно съ первоначальными, несотворенными въ словѣ Бога, или съ первыми, причинно заложенными въ шестидневныхъ дѣлахъ, идеями. Итакъ, кто же осмѣлится сказать на-вѣрное, какое служеніе Ангелы могли оказать Богу при образованіи жены? Съ полною, впрочемъ, увѣренностью могу сказать, что восполненіе [взя-

той у мужа] плоти на мѣсто кости, тѣло и душа жены, сочетаніе членовъ, всѣ внутренности, всѣ чувства и вообще все, чѣмъ стали тварь, человѣкъ и женщина, все это совершенно исключительно въ томъ дѣйстви, которое Богъ не чрезъ Ангеловъ, а единственно самъ не совершилъ и потомъ оставилъ, а непрестанно такъ совершаетъ, что природа какъ другихъ какихъ-либо предметовъ, такъ и самихъ Ангеловъ не могла бы и существовать, если бы Онъ не дѣйствовалъ.

ГЛАВА XVI.

Тупость человеческого разумнiя не въ состоянiи постигнуть дѣйствiе Бога.

Но такъ какъ, насколько по мѣрѣ человеческого разумнiя можно было для насъ изслѣдовать природу вещей, мы знаемъ, что одушевленная и чувствующая плоть рождается не иначе, какъ или изъ матеріальныхъ элементовъ, т. е. воды и земли, или изъ листвы и плодовъ древесныхъ, или даже изъ плоти животныхъ (какъ напр. безчисленные роды червей и пресмыкающихся), или же отъ совокупленiя родителей, а между тѣмъ не знаемъ ни одной, рождающейся отъ какого-либо животнаго, плоти, которая бы настолько была подобна ей, чтобы отличалась отъ нея только поломъ: то мы ищемъ, но въ природѣ не можемъ найти подобiя того творенiя, коимъ сотворена жена изъ ребра мужа. Причина этого заключается не въ чемъ иномъ, а именно въ томъ, что какъ дѣйствуютъ на этой землѣ люди, мы знаемъ, а какъ въ настоящемъ мiрѣ занимаются въ своемъ родѣ земледѣлiемъ Ангелы, этого конечно не знаемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы извѣстный родъ деревъ совершалъ свое естественное движеніе помимо человеческого ухода, то мы конечно ничего бы больше не знали, кромѣ того, что деревья и травы рождаются изъ земли и изъ своихъ сѣмянъ, падающихъ съ

нихъ на землю, во было-ли бы намъ извѣстно, какую силу имѣетъ прививка, чтобы дерево другой породы, имѣющее свой собственный корень, начало рождать чужіе плоды, ставшіе для него, въ силу образовавшагося единства, его собственными? Съ этимъ явленіемъ мы познакомились изъ садоводства, хотя сами садовники ни въ какомъ случаѣ не были творцами деревъ, а представляли собою въ нѣкоторомъ родѣ работниковъ и служителей Творца-Бога. Ибо отъ ихъ дѣйствія ничто бы не могло существовать, если бы оно не имѣло внутренней причины своей природы въ дѣйствии Бога. Что же удивительнаго, что мы не знаемъ созданія жены изъ ребра мужа, если не знаемъ, какъ Ангелы служатъ Творцу-Богу,—мы, которые не могли бы знать и того, что дерево отъ древеснаго сучка пріобрѣтаетъ чужую силу, если бы не знали, какъ въ произведеніи этого явленія служатъ Богу садовники?

Однако, ни въ какомъ случаѣ мы не должны сомнѣваться, что Творецъ и людей и деревьевъ не кто другой, какъ Богъ, и твердо будемъ вѣровать, что жена сотворена изъ мужа помимо всякаго посредства соитія, хотя при этомъ дѣйствии Творца, можетъ быть, и служили Ангелы, какъ твердо вѣруемъ, что отъ жены помимо посредства соитія произошелъ мужъ, когда *Сѣмя Авраама вчиненъ Ангелы рукою Ходатая* (Гал. III, 19). Для невѣрующихъ то и другое невѣроятно; но для вѣрующихъ почему можетъ казаться вѣроятнымъ, что одно, въ приложеніи ко Христу, совершилось въ собственномъ смыслѣ, другое же, о Еввѣ, написано въ иносказательномъ только значеніи? Развѣ, можетъ быть, безъ соитія могъ произойти только мужъ отъ жены, а не жена отъ мужа, и дѣвственная утроба могла произвести мужа, а мужескій боги не могъ произвести жены, хотя въ первомъ случаѣ родился отъ рабы Господь, а въ послѣднемъ образовалась отъ раба рабыня? Могъ, конечно, и Господь создать Свою плоть изъ кости или изъ какого-нибудь члена Дѣвы, но Тотъ, кто могъ бы показать, что въ Своемъ тѣлѣ Онъ

въ другой разъ совершилъ то, что уже было совершено, съ большею пользою показалъ, что въ тѣлѣ матери не слѣдуетъ стыдиться ничего такого, что чисто.

ГЛАВА XVII.

Идея образованія жены существовала раньше, чѣмъ причиннымъ созданіемъ человеческого духа относится къ шестому дню.

Если мы спросимъ, въ какомъ отношеніи [къ созданію жены] находится причинное твореніе, въ коемъ Богъ создалъ перваго человѣка по образу и по подобію Своему (когда, безъ сомнѣнія, сказаны и слова: *мужа и жену сотвори ихъ*), именно—самая та идея, которую сотворилъ и осуществилъ Богъ въ первыхъ дѣлахъ міра, заключала-ли въ себѣ уже и то, что согласно съ нею необходимо должна была произойти жена изъ ребра мужа, или же лишь то, что она могла произойти, но чтобы такъ и должна была произойти необходимо, этого еще не было въ той идеѣ заложено, а было скрыто въ Богѣ,—итакъ если, говорю, мы спросимъ объ этомъ, то я буду говорить, какъ представляется мнѣ дѣло, безъ дерзкаго утвержденія; быть можетъ, впрочемъ, что когда я выскажу свое мнѣніе, люди съ благоразумною судительностью, которыхъ воспитала уже христіанская вѣра, если даже они въ настоящее время познакомятся съ этимъ предметомъ впервые, не сочтутъ моего мнѣнія сомнительнымъ.

Всякое самое обычное движеніе природы имѣетъ свои извѣстные естественные законы, сообразно съ которыми и духъ жизни, представляющій собою тварь, имѣетъ свои извѣстныя, нѣкоторымъ образомъ опредѣленныя, стремленія, отъ коихъ не можетъ отступить даже и злая воля. Съ другой стороны, элементы настоящаго тѣлеснаго міра имѣютъ опредѣленную силу и свое качество, что каждый изъ нихъ можетъ [произвести] и что отъ каждаго изъ нихъ можетъ

произойти. Все, что рождается отъ этихъ какъ бы первоосновъ вещей, получаетъ въ свое время начало и развитіе, конецъ и своего рода уничтоженіе. Отсюда происходитъ то, что отъ зерна пшеницы не рождается бобъ, отъ боба—пшеница, отъ скота—человѣкъ, или, наоборотъ, отъ человѣка—скотъ. Но власть Творца имѣеть могущество, сверхъ этого естественнаго движенія и хода вещей, производить отъ всѣхъ этихъ предметовъ нѣчто иное, нежели что заключаютъ въ себѣ ихъ какъ бы сѣменные причины, однако не такое нѣчто, чего самъ Онъ не заложилъ въ нихъ, чтобы оно могло происходить отъ нихъ или отъ Него самого. Ибо Его могущество не безразсудное; но Онъ всемогущъ премудрою силою и въ каждой вещи производить въ свое время то, что сотворилъ въ ней въ возможности раньше. Поэтому существуютъ разные способы, какими одна трава растетъ такъ, другая иначе, одинъ возрастъ рождаетъ, а другой не рождаетъ, человѣкъ говорить, а скотъ говорить не можетъ. Причины этихъ и подобныхъ способовъ не только существуютъ въ Богѣ, но заложены Имъ въ вещахъ вмѣстѣ съ ихъ сотвореніемъ. Но хотя Онъ и далъ сотвореннымъ природамъ возможность, чтобы вырубленное изъ земли, высушенное и отполированное, дерево безъ ворня, земли и воды вдругъ зазеленѣло и принесло плодъ, чтобы женщина, съ юности до старости безплодная, начала рождать, чтобы ослица заговорила и т. под. (ибо даже и самъ Онъ не можетъ произвести отъ нихъ того, что, какъ раньше Онъ предназначилъ, не можетъ отъ нихъ происходить, такъ какъ Онъ не могущественнѣе самого Себя), но далъ другимъ способомъ, чтобы онѣ заключали въ себѣ эту возможность не въ естественномъ движеніи, а въ томъ движеніи, коимъ Онъ сотворилъ ихъ такъ, чтобы ихъ природа была покорна болѣе могущественной власти.

ГЛАВА XVIII.

Идея образованія жены существовала раньше такъ, какъ это соответствуетъ таинству.

Такимъ образомъ, причины нѣкоторыхъ сотворенныхъ предметовъ Богъ содержитъ соброенно въ Себѣ самомъ, не заложивъ ихъ въ сотворенныя вещи и осуществляя ихъ не въ томъ дѣйствии промышленія, коимъ Онъ поддерживаетъ бытіе природъ, а въ томъ, посредствомъ коего управляетъ, какъ хочетъ, тѣми изъ нихъ, которыя сотворилъ, какъ восхотѣлъ. Сюда принадлежитъ и благодать, которою спасаются грѣшники. Ибо что касается поврежденной благодаря развращенной волѣ природы, то свое возрожденіе она совершаетъ не сама чрезъ себя, а чрезъ благодать Божію, которою она вспомошествоуется и исправляется. И люди отнюдь не должны отчаяваться въ виду изреченія: *вси бо ходящии къ ней [чужой женѣ] не возвратятся* (Притч. II, 19). Ибо такъ сказано о нихъ сообразно съ глубиною ихъ развращенности, дабы тотъ, кто возвращается, свое возвращеніе приписывалъ не себѣ самому, а благодати Божіей, *не отъ дѣлъ, да никтоже похвалится* (Еф. II, 9).

Посему, тайну этой благодати Апостолъ назвалъ соброенною, не въ мірѣ, въ которомъ скрыты причинныя идеи всѣхъ вещей, имѣющихъ возникнуть естественнымъ образомъ (Еф. III, 9), какъ напр. скрытъ былъ въ чреслахъ Авраама Левій, приѣмляй десятины (Евр. VII, 10), но въ Богѣ, который сотворилъ все. Вотъ почему причины даже и всего того, что для обозначенія этой благодати совершенно было не путемъ естественнаго движенія вещей, а чудеснымъ образомъ, сокрыты были въ Богѣ; къ числу подобныхъ дѣлъ относится и то, что изъ ребра мужа, и притомъ спящаго, сотворена жена, которая чрезъ мужа стала брѣвкою, какъ бы утвердившись его костью, а онъ чрезъ жену сталъ немощнымъ, потому что мѣсто кости заполнилось у него не костью, а

плотью; первое твореніе, когда въ шестой день сказано: *мужа и жену сотвори ихъ* (Быт. I, 27), не заключало въ себѣ того, что жена должна произойти именно такъ, а лишь то, что она можетъ произойти и такимъ образомъ, такъ что ничего не произошло вопреки тѣмъ причинамъ, которыя Богъ установилъ Своею непреложною волею. А что это должно было произойти такъ и иначе оно не будетъ, это скрыто было въ Богѣ, который сотворилъ все.

Но поелику [эту тайну Апостоль] назвалъ сокровенною настолько, чтобы сдѣлалась извѣстною чрезъ Церковь начальствамъ и властямъ на небесахъ многообразная премудрость Божія (Еф. III, 9, 10), то представляется вѣроятнымъ, что какъ *Смя, Емуже обѣтовася, вчиненъ Ангелы рукою Ходатая* (Гал. III, 19), такъ и все, что въ природѣ вещей, сверхъ обыкновеннаго естественнаго теченія, совершено было чудеснаго относительно пришествія этого Сѣмени, т. е. предвозвѣщенія или возвѣщенія о Немъ, все это совершено было при помощи служенія Ангеловъ, но такъ однако, что нѣтъ иного творца и восстановителя природы, кромѣ Бога, который чрезъ всякаго *насаждающаго и поливающаго* единъ есть *возвращай* (I Кор. III, 7).

ГЛАВА XIX.

Экстазъ Адама.

Отсюда и тотъ экстазъ, который Богъ навелъ на Адама, чтобы онъ заснулъ, приведенный въ усыпленіе (Быт. II, 21), правильно будетъ разумѣть какъ наведенный съ тою цѣлю, чтобы при помощи этого экстаза умъ Адама сдѣлался какъ бы участникомъ ангельскаго воздѣйствія и, вступивъ въ святилище Бога, получилъ разумніе будущаго. Вслѣдствіе того, проснувшись и какъ бы исполненный пророчества, онъ, лишь только увидѣлъ приведенную къ нему кость, т. е. жену свою, тотчасъ же сказалъ (Апостоль слова эти пред-

ставяетъ великою тайною): *се нынѣ кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моя. Сія наречется жена, яко отъ мужа своего взяти бысть сія. Сего ради оставитъ человекъ отца своего и мать и прильпится къ женѣ своей и будутъ два въ плоть едину* (Быт. II, 28). Хотя по свидѣтельству Писанія эти слова были словами перваго человѣка, однако Господь въ Евангеліи объявилъ, что ихъ изрекъ Богъ. *Нысте ли, говоритъ Онъ, чли, яко сотворивый искони мужескій полъ и женскій сотворилъ я есть. И рече: сего ради оставитъ человекъ отца своего и мать и прильпится къ женѣ своей и будета два въ плоть едину* (Мѣ. XIX, 5). Отсюда мы можемъ думать, что вслѣдствіе экстаза, который наведенъ былъ на Адама, онъ могъ сказать эти слова по вдохновенію свыше, какъ пророкъ.— Но положимъ уже конецъ настоящей книгѣ, чтобы съ новой книги предложить вниманію читателей дальнѣйшее.

КНИГА 10,

въ которой идетъ рѣчь о происхожденіи души.

ГЛАВА I.

Мнѣніе нѣкоторыхъ, что душа жены сотворена отъ души мужа.

Уже самый порядокъ [повѣствованія], по видимому, требуетъ, чтобы мы приступили къ разсужденію о грѣхѣ перваго человѣка. Но разсказавъ, какъ образована была плоть жены и умолчавъ о ея душѣ, Писаніе возбудило въ насъ гораздо болѣе вниманія къ тщательнѣйшему изслѣдованію вопроса, можно-ли и какъ можно опровергнуть тѣхъ, которые полагаютъ, что душа жены произошла отъ души мужа, какъ ея тѣло—отъ его тѣла, на томъ основаніи, что сѣмена тѣла и души въ дѣтей переходятъ отъ родителей. Въ этомъ случаѣ они ссылаются на то, что Богъ Своимъ дыханіемъ въ лицо образованнаго раньше изъ земли мужа создалъ одну душу, такъ что отъ ней уже творятся всѣ прочія человѣческія души, какъ отъ плоти его—всякая человѣческая плоть. Такъ какъ сначала сотворенъ Адамъ, а потомъ Ева, то и сказано только о томъ, откуда Адамъ получилъ тѣло и откуда—душу, именно—тѣло изъ земли, а душу отъ дыханія Божія; но сказавъ, что жена сотворена изъ ребра мужа, Пи-

саніе не говорить, что и она получила душу такъ же отъ дыханія Божія, какъ бы и то и другое произведено въ ней отъ раньше уже одушевленнаго мужа. Ибо, говорятъ, Писаніе или должно было умолчать и о душѣ мужа, дабы мы могли думать или вѣрить, что душа его дана свыше; или если оно не умолчало объ этомъ потому, чтобы мы не пришли къ мысли, будто и душа, какъ тѣло, произошла изъ земли, то не должно было умолчать и о душѣ жены, чтобы, буде это мнѣніе не вѣрно, мы не считали ее происшедшею путемъ перехода (*ex traduce*). Поэтому, говорятъ, и не сказано, что Богъ дунулъ въ лицо жены,—не сказано въ виду того, что душа ея произошла отъ мужа.

Предположеніе это легко опровергается. Если, въ самомъ дѣлѣ, считать душу жены происшедшею отъ души мужа, въ виду умолчанія Писанія, что Богъ дунулъ въ лицо жены, то почему же думать, что жена одушевлена отъ мужа, когда не написано и объ этомъ? Отсюда, если всѣ души рождающихся людей Богъ творитъ такъ же, какъ сотворилъ первую душу, то Писаніе умолчало о прочихъ потому, что рассказанное объ одной благоразумно понимать въ приложеніи и ко всѣмъ остальнымъ. Поэтому, если бы надобно было Писанію сообщить намъ что-нибудь относительно этого предмета, то скорѣе всего оно сдѣлало бы такъ въ томъ случаѣ, если бы въ женѣ совершенно было нѣчто такое, чего не было совершенно въ мужѣ, т. е. если бы душа ея выведена была изъ одушевленной плоти, а не какъ у мужа—плоть изъ одного источника, а душа изъ другого; объ этомъ именно, что совершенно было бы въ ней иначе, Писаніе и не должно было бы молчать, дабы мы не пришли къ мысли, что совершенно снова то же, о чемъ уже мы знаемъ. Отсюда, разъ въ Писаніи не говорится, что душа жены произведена отъ души мужа, тѣмъ самымъ, не безъ основанія можно полагать, оно хотѣло намъ дать понять, что въ этомъ случаѣ мы должны думать то же самое, что намъ уже

извѣстно о душѣ мужа, т. е. что такъ же дана и душа жены; а между тѣмъ, сказать объ этомъ представлялся очевиднѣйшій поводъ если не тогда, когда жена получила образование, то позже, когда Адамъ говоритъ: *се нынѣ кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моя* (Быт. II, 23). Ибо не тѣмъ-ли съ большою ясностью и любовью онъ прибавилъ бы: „и душа отъ души моей“.— Впрочемъ, этотъ весьма важный вопросъ не разрѣшается здѣсь настолько, чтобы мы держались одного чего-либо яснаго и опредѣленнаго.

ГЛАВА II.

Что въ предыдущихъ книгахъ найдено относительно происхожденія души.

Поэтому, прежде всего, надобно обратить вниманіе на то, оставляетъ-ли намъ настоящая книга священнаго Писанія, изъясняемая нами съ самаго ея начала, съ этой стороны мѣсто для сомнѣнія; въ такомъ случаѣ мы въ правѣ будемъ задать вопросъ, какое мнѣніе лучше намъ избрать или чего намъ держаться относительно этого неопредѣленнаго предмета.— Несомнѣнно, что Богъ сотворилъ человѣка по образу Своему въ шестой день; тогда же сказано и слѣдующее: *мужа и жену сотвори ихъ*. Изъ этихъ изреченій первое, въ которомъ упоминается объ образѣ Божіемъ, мы приняли въ приложеніи къ душѣ, а второе, въ которомъ указывается различіе пола, въ приложеніи къ тѣлу¹⁾. И такъ какъ при этомъ столькія и такія, разсмотрѣнныя и изъясненныя нами, свидѣтельства не дозволяли намъ принять, что мужъ изъ земли, а жена изъ ребра мужа образованы въ шестой день, а совершено это было потомъ, послѣ уже тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ Богъ сотворилъ все разомъ, то мы по-

¹⁾ См. выше, кн. 6 и 7.

ставили тогда вопросъ, что должны мы думать о душѣ человѣка, и, послѣ всесторонняго обсужденія этого спорнаго вопроса, пришли къ наиболѣе вѣроятному и допустимому заключенію, что душа человѣка сотворена въ ряду упомянутыхъ дѣлъ, основа же его тѣла, какъ бы въ сѣмени, сотворена въ тѣлесномъ мірѣ. На этомъ заключеніи мы остановились, съ одной стороны, изъ опасенія сказать вопреки словамъ Писанія, что какъ мужъ изъ земли, такъ и жена изъ его ребра сотворены въ шестой день, или—что человѣкъ совсѣмъ не сотворенъ въ ряду шестидневныхъ дѣлъ, или—что тогда сотворена причинная основа только человѣческаго тѣла, но не души, хотя по образу Божию человѣкъ созданъ по душѣ; съ другой стороны, въ томъ соображеніи, что хотя и не было бы прямымъ противорѣчіемъ словамъ Писанія, но было бы грубо и не допустимо сказать, что основа человѣческой души сотворена въ такой духовной твари, которая для этой цѣли только и была сотворена, хотя о самой такой твари въ дѣлахъ Божіихъ и не упоминается, или—что основа души создана въ какой-нибудь, среди дѣлъ Божіихъ упоминаемой, твари, подобно тому, какъ въ людяхъ уже существующихъ сокрыта основа долженствующихъ произойти отъ нихъ дѣтей: въ такомъ случаѣ мы должны бы были считать человѣческую душу или дочерью Ангела, или же (что еще недопустимѣе) порожденіемъ какого-нибудь тѣлеснаго элемента.

ГЛАВА III.

Тройкій способъ происхожденія душъ.

Но если утверждать, что жена получила душу не отъ мужа, а, какъ и онъ, отъ Бога, на томъ основаніи, что Богъ творитъ душу для каждаго человѣка особо, то душа жены очевидно не была сотворена въ первыхъ упомянутыхъ

выше дѣлахъ; или если была сотворена общая основа всѣхъ душъ, подобно тому, какъ въ людяхъ—причина дѣторожденія, въ такомъ случаѣ дѣло сводится въ той грубой и труднодопустимой мысли, что человѣческія души суть порожденія или Ангеловъ, или (что еще недостойнѣе) тѣлеснаго неба, или даже какого-нибудь низшаго элемента. Отсюда, надобно рассмотреть (хотя это и современно), что вѣрише или по крайней мѣрѣ допустимѣе сказать—то-ли, что я сейчасъ сказалъ, или то, что въ ряду первыхъ дѣлъ Божіихъ сотворена только душа перваго человѣка, отъ которой творятся всѣ человѣческія души, или же наконецъ то, что творятся каждый разъ новыя души, никакой основы которыхъ въ первыхъ шестидневныхъ дѣлахъ Божіихъ не было. Изъ этихъ трехъ [предположеній] два первыхъ не стоятъ въ противорѣчіи съ тѣми первыми творческими дѣлами, въ коихъ создано все разомъ. Согласно съ этими предположеніями или основа души сотворена въ какой-нибудь твари, какъ бы въ родоначальникѣ, такъ что всѣ души уже отъ нея рождаются, а Богомъ творятся, когда даются каждому въ отдѣльности человѣку, какъ—тѣла отъ родителей; или же сотворена не основа души, какъ въ родителяхъ—основа потомства, а сама душа тогда, *егда бысть день*,—сотворена такъ же, какъ самый этотъ день, какъ небо и земля и небесныя свѣтила, сообразно съ чѣмъ и сказано, что Богъ сотворилъ человѣка по образу Своему.

Не такъ легко видѣть, какъ согласуется третье предположеніе съ тѣмъ мнѣніемъ, съ точки зрѣнія котораго человѣкъ сотворенъ по образу Божію въ шестой день, а видимо—послѣ седьмаго дня. Ибо если мы скажемъ, что творятся новыя души, которыя не сотворены въ шестой день ни сами, ни основа ихъ, какъ въ родителяхъ основа потомства, въ ряду тѣхъ дѣлъ, отъ коихъ совершенныхъ и вмѣстѣ начатыхъ Богъ почилъ въ седьмой день, въ такомъ случаѣ священное Писаніе, надобно опасаться, напрасно съ та-

кою настойчивостью напоминаетъ намъ, что Богъ совершилъ въ шестой день всё дѣла Свои, сотворенныя *добро злого*, если Ему предстояло еще творить новыя природы, которыя не были созданы тогда ни сами, ни причинно ихъ основы. Такое опасеніе, впрочемъ, возможно въ томъ только случаѣ, если мы при этомъ будемъ разумѣть, что причина сотворенія души для каждаго изъ рождающихся заключается не въ самомъ Богѣ, а создана Имъ въ какой-нибудь твари; но такъ какъ душа представляетъ собою твореніе, по которому человѣкъ въ шестой день созданъ по образу Божію, то не вѣрно сказать о Богѣ, что Онъ творитъ теперь нѣчто такое, чего не сотворилъ тогда. Ибо Онъ еще тогда сотворилъ душу такую, какія творитъ и теперь, а потому не творитъ теперь ничего новаго, чего не сотворилъ бы тогда въ ряду совершенныхъ дѣлъ Своихъ. И это Его дѣйствіе совершается не вопреки тѣмъ причиннымъ основамъ будущихъ вещей, которыя Онъ заложилъ тогда во вселенной, а напротивъ—согласно съ ними; такъ какъ въ человѣческія тѣла, распространеніе которыхъ отъ первыхъ [творческихъ] дѣлъ преемственно продолжается доселѣ, Онъ рѣшилъ помѣщать такія именно души, которыя теперь въ нихъ творитъ и помѣщаетъ.

Потому, какое бы изъ этихъ трехъ мнѣній ни обазалось вѣроятнѣйшимъ, не опасаясь нисколько стать въ противорѣчіе съ словами настоящей книги о первомъ шестидневномъ твореніи, войдемъ, насколько поможетъ Богъ, въ тщательнѣйшее разсмотрѣніе этого вопроса. Можетъ статься, что мы придемъ если не къ твердому мнѣнію, относительно котораго нельзя уже и сомнѣваться, то по крайней мѣрѣ къ правдоподобному настолько, что держаться его, доколѣ не откроется что-нибудь несомнѣнное, не будетъ нелѣпымъ. А если не придемъ, опираясь всюду и равномерно на документальныхъ показаній, то по крайней мѣрѣ видно будетъ, что сомнѣніе наше чуждо не труда изслѣдованія, а дерзости

утвержденія; такъ что буде кто въ себѣ увѣренъ, пусть научить и меня, если же увѣренность его коренится не на авторитетѣ божественныхъ изреченій, или очевидныхъ доводовъ, а на предубѣжденіи, то пусть не погнушается и онъ вмѣстѣ со мною остаться при сомнѣніи.

ГЛАВА IV.

Что вѣрно относительно природы и происхожденія души.

И прежде всего, будемъ твердо держаться мысли, что природа души не превращается ни въ природу тѣла, такъ чтобы, бывши уже душею, она дѣлалась тѣломъ, ни въ природу неразумной души, такъ чтобы, бывши душею человѣка, она становилась душею животного, ни въ природу Бога, такъ чтобы, бывши душею, она становилась Богомъ, и такимъ образомъ человѣческая душа не обращается и не становится попеременно ни тѣломъ, ни не разумною душею, ни субстанціей Бога. Не менѣе несомнѣннымъ должно быть и то, что душа—не что иное, какъ твореніе Божіе. Отсюда, если человѣческую душу Богъ не сотворилъ ни изъ тѣла, ни изъ не разумной души, ни изъ Себя самого, остается заключить, что Онъ сотворилъ ее или изъ ничего, или изъ какой-нибудь духовной, но разумной твари. Но самое уже желаніе доказывать, что нѣчто сотворено изъ ничего по совершеніи тѣхъ дѣлъ, въ коихъ Богъ совершилъ все разумъ, слишкомъ грубо, и я не знаю, можно ли доказать это на основаніи ясныхъ документовъ. Да отъ насъ и не слѣдуетъ требовать того, чего человѣкъ понять не можетъ, а если и можетъ, едва ли будетъ въ состояніи убѣдить кого-нибудь, кромѣ развѣ того, кто самъ по себѣ, хотя бы и никто не старался учить его, въ состояніи разумѣть подобныя вещи. Поэтому безопаснѣе вести разсужденіе о предметахъ подобнаго рода не на основаніи человѣческихъ догадокъ, а на основаніи божественныхъ свидѣтельствъ.

ГЛАВА V.

Душа ни изъ Ангеловъ, ни изъ элементовъ, ни изъ субстанціи Бога.

Итакъ, что Богъ творить души отъ Ангеловъ, какъ бы отъ родителей, на это каноническія книги не представляютъ мнѣ никакого авторитета. Еще меньше, конечно, творить Онъ ихъ изъ міровыхъ тѣлесныхъ элементовъ, если только при этомъ насъ не смущаетъ то обстоятельство, что у пророка Іезекіиля, когда онъ дѣлаетъ намекъ на воскресеніе мертвыхъ, въ возстановленныя тѣла призывается духъ, дыханіемъ котораго бы они оживились и встали, отъ четырехъ небесныхъ вѣтровъ. Ибо тутъ написано: *И рече ко мнѣ Господь: пророчи, сыне чловѣчь, и рчи духови, сія глаголетъ Господь: отъ четырехъ вѣтровъ небесныхъ прииди душе, и вдуни на мертвыя сія, и да оживутъ. И прорекохъ, якоже повелъ ми Господь, и видѣ въ ня духъ жизни, и ожиша, и сташа на ногахъ своихъ, соборъ много зѣло* (XXXVII, 9, 10). Здѣсь, мнѣ кажется, пророчески обозначено, что люди воскреснуть не только на полѣ, на которомъ указывается самое это происшествіе, но на всемъ лицѣ земли, чтò и представлено у пророка подъ образомъ дыханія вѣтра съ четырехъ странъ свѣта. Ибо не было субстанціей Духа Святаго и то дуновеніе изъ тѣла Господа, когда Онъ дунулъ и сказалъ: *примите Духъ Святъ* (Іоан. XX, 22), а этимъ дѣйствіемъ Господь показалъ, что такъ отъ Него происходитъ и Духъ Святой, какъ отъ Его тѣла происходитъ это дуновеніе. Но поелику міръ не принимается Богомъ въ личное съ Собою единство такъ, какъ принята была плоть Его Словомъ, Сыномъ однороднымъ, то мы не можемъ сказать, что душа происходитъ отъ субстанціи Бога такъ же, какъ произведено было дуновеніе четырехъ вѣтровъ изъ природы міра; думаю, впрочемъ, что само это дуновеніе было одно, а

означало собою другое, какъ это можно заключать изъ примѣра дуновения, изшедшаго изъ тѣла Господа, хотя пророкъ Іезекіиль въ настоящемъ случаѣ подъ образомъ отвервенія созерцалъ не воскресеніе плоти, какимъ оно будетъ, а неожиданное возстановленіе отчаявшагося народа духомъ Господнимъ, который исполни вселенную (Прем. I, 7).

ГЛАВА VI.

Два мнѣнія о душахъ, взвѣшиваемыя на основаніи свидѣтельствъ Писанія.

Посмотримъ же теперь, какому мнѣнію благопріятствуютъ больше божественныя свидѣтельства — тому ли, съ точки зрѣнія котораго говорится, что Богъ сотворилъ одну душу, далъ ее первому человѣку и отъ нея началъ творить остальные, какъ изъ его тѣла — всѣ остальные тѣла, или же тому, съ точки зрѣнія котораго говорится, что Онъ творить для каждаго человѣка свою особую душу, какъ одну изъ нихъ сотворилъ Онъ и для перваго человѣка, а не отъ нея всѣ прочія. — Въ самомъ дѣлѣ, сказанное Богомъ чрезъ пророка Исаію (LVII, 16): *всякое дыханіе азъ сотворишъ* (а что это сказано о душѣ, достаточно ясно показываютъ дальнѣйшія слова) можетъ быть привимаемо въ смыслѣ того и другого мнѣнія. Ибо несомнѣнно, что всѣ души творить Богъ или отъ одной души перваго человѣка, или же изъ какихъ-либо, Ему только вѣдомыхъ, тайниковъ.

Равнымъ образомъ, и написанное: *создавый на единѣ сердца ихъ* (Пс. 32, 15), если подъ сердцами мы будемъ разумѣть души, не противорѣчить ни тому, ни другому изъ тѣхъ мнѣній, которыя мы въ настоящемъ случаѣ имѣемъ въ виду. Ибо Богъ или отъ одной души, которую вдунулъ въ лице перваго человѣка, образуетъ отдѣльныя души, какъ и тѣла, или же образуетъ и посылаетъ каждую отдѣльную душу, либо образуетъ ее въ томъ, въ кого надобно послать,

хотя, по моему мнѣнію, слова эти имѣютъ отношеніе къ тому обновленію по образу Божію, которое сообщается нашимъ душамъ благодатію. Отсюда, Апостолъ говоритъ: *благодатію бо есте спасени чрезъ вѣру, и сіе не отъ васъ, Божій даръ, не отъ дѣлъ, да никтоже похвалится. Того бо есмы твореніе, создани во Христа Иисуса на дѣла благая* (Еф. II, 8—10). Ибо не можемъ же мы думать, что благодатію творятся или образуются наши тѣла, но какъ написано въ псалмѣ: *сердце чисто созижди во мнѣ Боже* (Пс. 50, 12).

Сюда же, полагаю, относится и изреченіе: *созидай духъ челоѵка въ немъ* (Зах. XII, 1), какъ бы одно значитъ—послать созданную душу, а другое—создать ее въ самомъ челоѵкѣ, т. е. возстановить и обновить. Но если даже понимать это изреченіе не о благодати, которою мы обновляемся, а о природѣ, въ которой рождаемся, его можно разумѣть въ смыслѣ того и другого мнѣнія: такъ какъ Богъ или изъ одной души перваго челоѵка творить въ челоѵкѣ какъ бы сѣмя души, чтобы оно оживляло тѣло, или же не изъ этого начала, а откуда-нибудь иначе, но Онъ же вливаетъ въ тѣло духъ жизни чрезъ смертные органы, чтобы челоѵкъ сталъ въ душу живу.

ГЛАВА VII.

Какому изъ двухъ мнѣній благоприятствуетъ изреченіе: душу же получишь благу.

Болѣе тщательнаго разсмотрѣнія требуетъ мѣсто изъ книги Премудрости, гдѣ она говоритъ: *душу же получишь благу, паче же благъ съи пріидохъ въ тѣло нескверно* (VIII, 19). По видимому, это мѣсто говоритъ больше въ пользу того мнѣнія, съ точки зрѣнія котораго души происходятъ не отъ одной души, а являются въ тѣла свыше. Но что же значать слова: *душу же получишь благу*? Выходить какъ будто бы, что или въ источникѣ душъ, буде есть та-

ковой, однѣ души добры, а другія не добры и что онѣ выходятъ оттуда по нѣкоему жребію такими, какія и кому изъ людей рождаются, или же Богъ во время зачатія и рожденія дѣлаеть однѣ души добрыми, а другія недобрыми, и такимъ образомъ онѣ каждымъ получаютъ по случайному жребію. По крайней мѣрѣ, удивительно, если это мѣсто благопріятствуетъ тѣмъ, которые полагаютъ, что души, сотворенныя гдѣ-то, посылаются Богомъ каждая въ каждое отдѣльное человѣческое тѣло, а не тѣмъ скорѣе, которые утверждаютъ, что души посылаются въ тѣла сообразно съ заслугами своихъ дѣлъ, которыя онѣ совершили раньше тѣла. Ибо по чему иному однѣ изъ нихъ входятъ въ тѣла добрыми, а другія недобрыми, если не по своимъ дѣламъ? Во всякомъ случаѣ—не по природѣ, въ которой онѣ создаются Тѣмъ, кто все природы творить добрыми. Но не будемъ противорѣчить Апостолу, который, ведя рѣчь о близнецахъ, находившихся еще во чревѣ Ревекки, говоритъ, что они, еще не будучи рождены, не могли сдѣлать ничего добраго или худого, почему и утверждаетъ, что не отъ дѣлъ ихъ, но *отъ призывающаго речеся ей, яко болій поработаетъ меньшему* (Рим. IX, 13). Поэтому оставимъ пока это свидѣтельство книги Премудрости; ибо нельзя не обратить вниманія и на тѣхъ, которые заблуждаются-ли или говорятъ правду, но полагаютъ, что это изреченіе собственно и исключительно сказано о душѣ Ходатая Бога и человѣкъ, человѣка Христа Иисуса. Если будетъ нужно, разсмотримъ послѣ, что оно означаетъ, и если окажется, что это изреченіе нельзя прилагать ко Христу, въ такомъ случаѣ изслѣдуемъ, какъ мы должны разумѣть его, чтобы не стать въ противорѣчіе съ апостольскою вѣрою, оставаясь при мысли, что души имѣютъ нѣкоторыя заслуги за свои дѣла раньше, чѣмъ начинаютъ жить въ тѣлахъ.

ГЛАВА VIII.

Ни тому, ни другому мнѣнію не противорѣчитъ изреченіе 29 стиха 103 псалма: отымеши духъ ихъ, и проч.

Обратимъ теперь вниманіе на то, въ какомъ смыслѣ сказано: *Отымеши духъ ихъ и исчезнутъ и въ персть свою возвратятся. Послещи духа твоего и созиждутся и обновши лице земли.* По видимому, изреченіе это говоритъ въ пользу тѣхъ, по мнѣнію которыхъ души, какъ и тѣла, творятся отъ родителей, если понимать его въ томъ смыслѣ, что духъ называется здѣсь *ихъ духомъ* по той причинѣ, что они получаютъ его отъ людей; когда же умираютъ, духъ уже не можетъ быть возвращенъ имъ людьми, чтобы они воскресли, ибо онъ не отъ родителей опять изводится, какъ при рожденіи, а возвращается Богомъ, воскрешающимъ мертвыхъ. Поэтому, одинъ и тотъ же духъ названъ и *ихъ духомъ*, когда они умираютъ, и Божиимъ, когда воскресаютъ (2 Маг. VII, 23). Но такъ какъ и тѣ, по мнѣнію которыхъ души посылаются не отъ родителей, а отъ Бога, могутъ понимать это изреченіе въ смыслѣ своего мнѣнія такимъ образомъ, что духъ называется *ихъ духомъ*, когда они умираютъ, ибо онъ въ нихъ былъ и изъ нихъ вышелъ, а Божиимъ, когда они воскресаютъ, ибо онъ отъ Бога посылается и отъ Него же возвращается: то ясно, что и это свидѣтельство не противно ни тѣмъ, ни другимъ.

Съ своей стороны я, впрочемъ, думаю, что лучше понимать это изреченіе о благодати, которою мы внутренно обновляемся. Въ самомъ дѣлѣ, собственный духъ всѣхъ гордецовъ, живущихъ по земному челоуѣку и превозносящихъ своею тщетностью, нѣкоторымъ образомъ отнимается, когда они совлекаются ветхаго челоуѣка и, отогнавъ гордость, укрѣпляются на пути совершенствованія, говоря Господу: *помяну, яко персть есмь* (Пс. 102, 14), ибо именно имъ

было нѣкогда сказано: *почто гордится земля и пепелъ* (Сир. X, 9)? Взирая очами вѣры на правду Божию, чтобы не желать *свою правду поставити* (Рим. X, 3), они, какъ говоритъ Іовъ, переводятъ свой взоръ на себя самихъ, уничижаются и считаютъ себя землей и пепломъ, а это и значить—*и въ персть свою возвратятся*. Получивъ же Духа Божія, говорятъ: *живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. II, 20). Табъ чрезъ благодать новаго завѣта обновляется лице земля, благодаря многочисленности святыхъ!

ГЛАВА ІХ.

Точно также и изреченіе: и возвратится, и проч, мирится и съ тѣмъ и другимъ мнѣніемъ.

Даже написанное у Еккліаста: *и возвратится персть въ землю, якоже бѣ, и духъ возвратится къ Богу, иже и даде его* (XII, 7) не благопріятствуетъ одному изъ этихъ мнѣній вопреки другому, а мирится съ обоими. Ибо когда одни говорятъ: „этимъ изреченіемъ оправдывается мысль, что душа дается не отъ родителей, а отъ Бога, табъ какъ по обращеніи персти, т. е. плоти, созданной изъ персти, въ свою землю, духъ возвращается къ Богу, который сообщилъ его“, другіе отвѣчаютъ: „безъ сомнѣнія, табъ. Духъ возвращается дѣйствительно къ Богу, который даровалъ его первому человѣку, когда вдунулъ въ лице его (Быт. II, 7),— возвращается послѣ того, какъ персть, т. е. человѣческое тѣло, обращается въ землю, изъ которой и сотворена первоначально. Не къ родителямъ же духъ долженъ возвратиться, хотя онъ и отъ нихъ творится изъ того духа, который былъ данъ первому человѣку, какъ и плоть послѣ смерти не возвращается вѣдь къ родителямъ, отъ коихъ, какъ это несомнѣнно извѣстно, она происходитъ (Быт. III, 19). Отсюда, какъ плоть возвращается не къ людямъ, отъ коихъ она со-

творена, а въ землю, изъ которой образована первому чело-
вѣку, такъ и духъ возвращается не къ людямъ, отъ коихъ
онъ былъ перелить, а къ Богу, отъ котораго былъ данъ
первой плоти“.

Этимъ свидѣтельствомъ мы достаточно ясно убѣждаем-
ся, что Богъ сотворилъ душу изъ ничего и далъ ее первому
человѣку, а не изъ какой-нибудь, уже созданной, твари, какъ
тѣло—изъ земли; а потому, когда она возвращается, то не
имѣетъ куда возвратиться, кромѣ какъ къ Творцу, который
и далъ ее, а не къ твари, изъ которой она создана, такъ
какъ создана она изъ ничего; потому-то когда она возвра-
щается, то возвращается къ Творцу, коимъ сотворена изъ
ничего. Ибо не всѣ и возвращаются; есть такія, о коихъ гово-
рится: *духъ ходяй и не обращаеяйся* (Пс. 77, 39).

ГЛАВА X.

Вопросъ о душѣ не легко разрѣшается изъ Писанія.

А потому собирать всѣ относительно этого предмета
свидѣтельства священнаго Писанія трудно, а если бы можно
было не только припомнить ихъ, но и обслѣдовать, они край-
не затянули бы нашу рѣчь; при чемъ, если бы они не пред-
ставляли чего-нибудь настолько несомнѣннаго, насколько не-
сомнѣнными представляются показанія, что душу сотворилъ
Богъ, или что Онъ далъ ее первому челоѣку, а все же та-
ки не зналъ бы, какимъ образомъ долженъ быть разрѣшенъ
этотъ вопросъ на основаніи свидѣтельства божественныхъ
изреченій. Ибо если бы было написано, что Богъ вдунулъ
дыханіе и въ лице жены и она стала въ душу живу, то
это, безъ сомнѣнія, пролило бы весьма много свѣта для на-
шей вѣры, что душа каждой образуемой челоѣческой плоти
дается не отъ родителей; но и въ такомъ случаѣ намъ все
еще желательно было бы знать, чего мы должны держаться
относительно потомства, которое представляетъ для насъ обыч-

ный способ происхожденія человѣка; между тѣмъ какъ же-на сотворена иначе, и можно еще сказать, что душа дана Еввѣ свыше, а не отъ Адама потому, что она не произошла отъ него какъ потомство. Но если бы Писаніе упомянуло, что тотъ человѣкъ, который отъ нихъ былъ рожденъ первымъ, свою душу получилъ не отъ родителей, а свыше, это необходимо было бы разумѣть уже относительно всѣхъ прочихъ, хотя бы Писаніе на этотъ счетъ и молчало.

ГЛАВА XI.

Можетъ-ли мириться съ тѣмъ и другимъ мнѣніемъ изреченіе: единѣмъ человѣкомъ и проч.—Крещеніе младенцевъ.

Разсмотримъ теперь, подтверждаетъ-ли то и другое мнѣніе, хотя конечно и можетъ быть приспособляемо къ нимъ, изреченіе: *единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и тако [смерть] во вся чловѣки вниде, въ немже вси согрѣшиша.* И нѣсколько дальше: *Якоже единого прегрѣшеніемъ во вся чловѣки вниде осужденіе, такожде и единого оправданіемъ во вся чловѣки вниде оправданіе жизни. Якоже бо послушаніемъ единого чловѣка грѣшнн быша мнози, сице и послушаніемъ единого праведни будутъ мнози* (Рим. V, 12—19). Защитники происхожденія душъ [отъ родителей] стараются вывести свое мнѣніе изъ этихъ словъ Апостола такимъ образомъ: „Если, говорятъ, въ понятіе о грѣхѣ или грѣшникѣ можетъ быть введена одна только сторона плоти, то нѣтъ необходимости видѣть въ этихъ словахъ мысль, что душа происходитъ отъ родителей, но если, хотя и по подстрекательству плоти, грѣшнн не кто иной, какъ душа, то какой смыслъ должны имѣть слова: *въ немже вси согрѣшиша*, если и душа не происходитъ, какъ плоть, отъ Адама? Или какимъ образомъ чрезъ послушаніе Адама сдѣлались многіе грѣшниками, если они въ немъ были только по плоти, а не по душѣ?“

И въ самомъ дѣлѣ, надобно опасаться, какъ бы не показалось, что или Богъ—виновникъ грѣха, если Онъ даетъ душу такой плоти, въ которой она становится въ необходимость грѣшить, или, кромѣ души Христа, существуетъ другая, для освобожденія которой отъ грѣха не необходима христіанская благодать, такъ какъ она не согрѣшила въ Адамѣ, если сказано, что въ немъ всѣ согрѣшили только по плоти, отъ него сотворенной, а не по душѣ; а это уже противно той церковной вѣрѣ, что родители стремятся къ получению благодати святаго крещенія даже съ своими малыми дѣтьми и младенцами. Но если въ дѣтяхъ иго грѣха разрѣшается въ плотской, а не въ духовной сторонѣ, то естественно спросить, какой будетъ вредъ, если они оставляютъ тѣло въ этомъ возрастѣ, не получивъ крещенія? Если этимъ таинствомъ доставляется польза ихъ тѣлу, а и не душѣ, то слѣдовало бы крестить и мертвыхъ; но видя всеобщій въ Церкви обычай притекать [къ сему таинству] съ живыми и [съ симъ таинствомъ] къ живымъ, въ опасеніи, что для умершихъ отъ него не можетъ быть никакой пользы, мы можемъ объяснить себѣ этотъ обычай лишь такъ, что каждый младенецъ—не что иное, какъ Адамъ тѣломъ и душой, а потому и необходима для него благодать Христа. Ибо самъ по себѣ этотъ возрастъ не дѣлаетъ ничего добраго или худаго; слѣдовательно, въ немъ душа самая невинная, разъ она не происходитъ отъ Адама. Поэтому достоинъ удивленія всякій, придерживающійся подобнаго мнѣнія о душѣ, кто могъ бы намъ объяснить, какимъ образомъ младенецъ можетъ заслуживать осужденія, если онъ оставляетъ тѣло, не получивъ крещенія.

ГЛАВА XII.

Причина плотской похоти заключается не въ одной плоти, но и въ душѣ.

Конечно, совершенно вѣрно и совершенно истинно написано: *плоть похотствуетъ на духа, духъ же на плоть*

(Гал. V, 17), но, думаю, всякій ученый и неученый согласится, что плоть без души похотствовать рѣшительно не можетъ. Отсюда, причина похоти заключается не въ одной душѣ, еще меньше—въ одной плоти. Она происходитъ отъ нихъ обѣихъ, именно—отъ души потому, что безъ души нѣтъ чувства удовольствія, отъ плоти потому, что безъ плоти нѣтъ ощущенія плотскаго удовольствія. Такимъ образомъ, плотью, похотствующею противъ духа, Апостоль, безъ сомнѣнія, называетъ плотское удовольствіе, которое духъ имѣетъ отъ плоти и съ плотію вопреки удовольствію, которое онъ имѣетъ одинъ. Одинъ онъ, если не ошибаюсь, имѣетъ то, чуждое плотскаго удовольствія или не соединенное съ плотскимъ пожеланіемъ, желаніе, которымъ *желаетъ и скончается душа во дворы Господни* (Пс. 83, 3). Одинъ онъ имѣетъ и то, о чемъ ему говорится: *возжелъвъ премудрости, соблюди заповѣди и Господь подастъ ю тебѣ* (Сир. I, 26). Ибо когда духъ повелѣваетъ членами тѣла, такъ что они служатъ тому желанію, коимъ проникнуть онъ одинъ, когда напр. берется кодексъ, что-нибудь пишется, читается, слушается, когда преломляется хлѣбъ голодному и совершаются другія дѣла челоуѣколюбія и милосердія, то плоть оказываетъ повинovenіе духу, а не возбуждаетъ похоть. Когда этимъ и подобнымъ добрымъ желаніямъ, которыми проникнута одна душа, противоборствуетъ что-нибудь такое, чѣмъ услаждается душа плотскимъ образомъ, тогда говорится, что плоть похотствуетъ на духа, а духъ на плоть.

И дѣйствительно, когда Апостоль говоритъ: *плоть похотствуетъ*, то плоть принимается у него въ смыслѣ того, что дѣлаетъ сама душа по плоти, подобно тому, какъ мы говоримъ: „ухо слышитъ“, „глазь видитъ“. Ибо кто же не знаетъ, что и чрезъ ухо слышитъ, и чрезъ глазь видитъ скорѣе сама душа? Въ такомъ же родѣ выражаемся мы и въ томъ случаѣ, когда говоримъ: „рука твоя помогаетъ челоуѣку“, когда простертою рукою дается что-нибудь

такое, что служить кому-либо помощью. А если даже и объ очахъ вѣры, которымъ усвоится способность вѣровать тому, что плотью невидимо, сказано: *узритъ всяка плоть спасеніе Божіе* (Лук. III, 6), — узритъ конечно душою, которою плоть оживляется, такъ какъ благоговѣнно созерцать Христа чрезъ нашу плоть, т. е. чрезъ ту форму, которою Онъ ради насъ облеченъ былъ, относится не къ похоти, а къ служенію, оказываемому плотью душѣ (а развѣ кто-нибудь не захочетъ такъ понимать изреченіе: *узритъ всяка плоть спасеніе Божіе?*): то гораздо умѣстнѣе сказать, что плоть похотствуетъ, когда душа не только сообщаетъ плоти животную жизнь, но и желаетъ чего-либо сообразно съ плотью; потому что не въ ея власти — не желать такимъ образомъ, пока живетъ во удѣхъ грѣхъ, т. е. нѣкая неотражимая прелесть плоти въ тѣлѣ смерти сея, проистекающая изъ наказанія за этотъ грѣхъ, откуда и ведемъ мы свое начало, по которому всѣ мы до благодати — *члвца гнѣва* (Еф. II, 3). Состоящіе подъ благодатию воинствуютъ противъ этого грѣха, не съ тѣмъ, чтобы его не было въ ихъ тѣлѣ, доколѣ оно настолько смертно, что справедливо называется даже и мертвымъ, а съ тѣмъ, чтобы онъ не царствовалъ надъ ними. А онъ уже не царствуетъ надъ ними, когда ихъ тѣло не повинуется его желаніямъ, т. е. тѣмъ желаніямъ, которыя похотствуютъ по плоти на духъ. Поэтому Апостоль не говорить: „да не будетъ грѣха въ вашемъ смертномъ тѣлѣ“ (ибо онъ зналъ, что природѣ, поврежденной первымъ преступленіемъ, присуще грѣховное услажденіе, что собственно онъ и называетъ грѣхомъ), но: *да не царствуетъ, говорить, грѣхъ въ мертвеннѣмъ вашемъ тѣлѣ, во еже послушати его въ похотѣхъ его: ниже представляйте уды ваша оружія неправды грѣху* (Рим. VI, 12).

ГЛАВА XIII и XIV.

Разъясненіе этого мнѣнія о похоти плоти.—Грѣхи дѣтей.—Раскрывается аргументъ въ пользу мнѣнія о происхожденіи душъ путемъ перехода, извлекаемый изъ виновности и крещенія младенца.

Оставаясь при этомъ мнѣніи, мы, съ одной стороны, не высказываемъ такой крайне недѣльной мысли, что плоть похотствуетъ безъ души, съ другой не соглашаемся съ манихеями, которые, видя, что плоть не можетъ похотствовать безъ души, пришли къ мысли, что плоть имѣетъ какую-то другую, свою, душу изъ иной, противной Богу, природы, почему она и похотствуетъ на духа. Не вынуждены мы высказывать и такую мысль, будто нѣкоей душѣ не необходима благодать Христа, когда говоримъ—что сдѣлала душа младенца, за что ей, не получивъ христіанскаго крещенія, опасно было бы выходить изъ тѣла, если она не совершила никакого собственнаго грѣха и не происходитъ отъ той души, которая первая согрѣшила въ Адамѣ?

Въ самомъ дѣлѣ, мы говоримъ не о большихъ дѣтяхъ, которымъ не хотятъ приписывать собственнаго грѣха раньше четырнадцатилѣтняго возраста, когда губы ихъ начинаютъ покрываться пухомъ. Такое возрѣніе было бы правильнымъ, если бы не существовало грѣховъ, кромѣ грѣховъ, совершаемыхъ дѣтородными членами; но кто же осмѣлится утверждать, что воровство, ложь, влятвопреступленіе—не грѣхи, кромѣ развѣ того, кто хочетъ совершать ихъ безнаказанно? А между тѣмъ, дѣтскій возрастъ переполненъ подобными грѣхами, только въ дѣтяхъ они не считаются настолько заслуживающими наказанія, какъ въ большихъ, такъ какъ есть надежда, что съ теченіемъ лѣтъ, когда станетъ у нихъ разумъ зрѣлѣе, они могутъ лучше понимать спасительныя наставленія и охотнѣе имъ повиноваться. Но мы ведемъ рѣчь не объ отрокахъ, которые въ случаѣ, если бы правда

и справедливость стѣсняли ихъ плотское и ребяческое удовольствіе тѣла или души, начинаютъ противиться имъ всѣми возможными силами слова и дѣйствія, такъ какъ только ложью и неправдой, на ихъ взглядъ, они могутъ обезпечить себѣ или достиженіе того, чего желаютъ, или устраненіе того, что имъ не нравится. Мы говоримъ о младенцахъ, не потому, что весьма часто они рождаются отъ блуда (ибо и среди испорченныхъ нравовъ не должны быть порицаемы дары природы: развѣ не должны всходить зерна потому, что они посажены рукою вора, или развѣ повредить родителямъ распутство, если они, обратившись къ Богу, исправятся, а тѣмъ болѣе—дѣтямъ, если они живутъ честно?), но потому, что этотъ возрастъ возбуждаетъ жгучій вопросъ, именно: если душа младенца не имѣетъ никакого грѣха по собственному своему произволенію, то какимъ образомъ можетъ онъ оправдаться послушаніемъ одного человѣка, если не виновенъ въ непослушаніи другаго одного? Такъ говорятъ тѣ, по мнѣнію которыхъ души людей творятся отъ родителей-людей, а не однимъ Творцомъ-Богомъ, какъ и тѣла. Ибо и тѣла творять не родители, но и не Онъ одинъ, который говоритъ: *прежде неже мнѣ создати тя во чревь, познахъ тя* (Іер. I, 5).

На это надобно отвѣтить такъ, что Богъ даетъ тѣламъ людей каждый разъ новыя души для того, чтобы въ грѣховной плоти, происходящей отъ первороднаго грѣха, онѣ доброю жизнью и побореніемъ плотскихъ похотей подъ иго благодати Божіей снискали награду, дабы вмѣстѣ съ тѣмъ наследовать въ день воскресенія лучшую участь и жить вѣчно во Христѣ съ Ангелами. Съ земными и смертными, отъ грѣховной плоти происходящими, членами онѣ должны быть удивительнымъ образомъ соединены для того, чтобы могли сначала оживлять ихъ, а затѣмъ, съ теченіемъ возраста, управлять ими: это для душъ какъ бы состояніе забытья. Если бы это состояніе было для нихъ безысход-

нымъ, оно должно бы быть приписано Творцу. Но такъ какъ, приходя во время этого забытья по-немногу въ себя, душа можетъ обратиться къ Своему Богу и заслужить Его милосердіе и истину сначала самымъ благочестіемъ своего обращенія, а затѣмъ постоянствомъ въ исполненіи Его заповѣдей, то чѣмъ можетъ повредить ей временное погруженіе въ этотъ какъ бы сонъ, отъ котораго по-немногу пробуждаясь къ свѣту разумѣнія, для чего и создана разумная душа, она можетъ по доброй волѣ избрать добродѣтельную жизнь, впрочемъ не иначе, какъ при помощи благодати Ходатая? Если человѣкъ этого не дѣлаетъ, онъ будетъ не только по плоти, но и по духу Адамомъ; живя же правильно по духу, онъ и то, что досталось ему предосудительнаго отъ Адама, очистивъ отъ грѣховной скверны, заслужитъ получить въ томъ измѣненіи, которое общаетъ святымъ воскресеніе.

Но прежде чѣмъ съ возрастомъ онъ можетъ жить по духу, для него необходимо таинство Ходатая, дабы то, чего онъ не можетъ еще [сдѣлать] по своей вѣрѣ, совершалось вѣрою тѣхъ, которые его любятъ. Этимъ Его таинствомъ разрѣшается уже въ младенческомъ возрастѣ кара первороднаго грѣха; не будучи этимъ таинствомъ подвѣрженъ еще въ младенчествѣ, человѣкъ не въ состояніи будетъ обуздывать плотскую похоть; да и покоривъ ее, можетъ получить награду вѣчной жизни не иначе, какъ только въ домѣ Того, кого онъ старается снискать. Поэтому-то онъ и долженъ креститься, будучи еще младенцемъ, чтобы душѣ не вредно было сообщество съ грѣховной плотью, раздѣляя которое душа не можетъ разумѣть ничего по духу. Эта-то именно привязанность и тяготитъ душу, разлучающуюся съ тѣломъ, если только, живя въ тѣлѣ, душа не будетъ искуплена единымъ жертвоприношеніемъ Священника-Ходатая.

ГЛАВА XV.

Изслѣдуется тотъ же аргументъ глубже.

А если бы, возразить кто-нибудь, родные не позаботились объ этомъ или по невѣрію или по небрежности, тогда что?—Такое возраженіе возможно и относительно взрослыхъ. И они могутъ или внезапно умереть, или заболѣть у такихъ людей, гдѣ некому позаботиться объ ихъ крещеніи. Но, скажутъ, взрослые имѣютъ и свои собственные грѣхи, въ отпущеніи которыхъ нуждаются, и если таковые разрѣшены не будутъ, всякій согласится, что они будутъ заслуженно мучиться за грѣхи, содѣянные въ теченіе жизни по своей собственной волѣ; между тѣмъ, душа, которой ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть вмѣняема нѣкая, проистекающая отъ грѣховной плоти, зараза, если только душа сотворена не отъ первой души - грѣшницы (слѣдовательно, безъ всякаго грѣха, а съ такою природою, которая создана и дарована Богомъ), почему же такая душа будетъ отчуждена отъ вѣчной жизни, если никто не позаботится окрестить младенца? Или, можетъ быть, ему въ такомъ случаѣ не будетъ никакого вреда? Какая же польза тому, которому помогутъ креститься, если нѣтъ вреда тому, которому не помогутъ?

Что въ этомъ случаѣ могли бы отвѣтить въ свою пользу тѣ, которые согласно съ священнымъ Писаніемъ, на основаніи-ли того, что въ немъ находится, или же того, что ему напротивъ, стараются утверждать, что тѣламъ даются новыя души не отъ родителей, этого, признаюсь, я еще не слышалъ или не читалъ нигдѣ. За этимъ недостаткомъ не слѣдуетъ, конечно, бросать самое дѣло, если бы мнѣ представилось что-нибудь такое, чѣмъ на мой взглядъ можно помочь ему. Пока они могутъ сказать такъ, что Богъ, напередъ зная, какъ будетъ жить каждая душа, если будетъ оставаться въ тѣлѣ дольше, заботится о совершеніи спасительной бани надъ тою, о которой предвидить, что она будетъ

благочестивою, когда достигнетъ лѣтъ, способныхъ къ вѣрѣ, если только не какой-либо сокровенной причинѣ не предварить ихъ смертью. Отсюда, сокрыта и человѣческому, моему по крайней мѣрѣ, разумѣнію совершенно недоступна причина, для чего рождается младенецъ, сейчасъ или вскорѣ имѣющей умереть, но сокрыта такъ, что это обстоятельство не даетъ перевѣса ни тому, ни другому изъ тѣхъ мнѣній, разборомъ которыхъ мы въ настоящемъ случаѣ заняты. Ибо если отвергнутъ мнѣніе, по которому души посылаются въ тѣла за заслуги предшествовавшей жизни, такъ что скорѣйшаго разрѣшенія, казалось бы, заслуживаетъ душа мало согрѣшившая,—отвергнуть изъ опасенія стать въ противорѣчіе съ Апостоломъ, по свидѣтельству коего еще не родившіеся не совершили ничего добраго или худаго (Рим. IX, II), то не могутъ объяснить, почему смерть однихъ ускоряется, а другихъ замедляется, ни тѣ, которые утверждаютъ переходъ души [отъ родителей], ни тѣ, по мнѣнію которыхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ даются новыя души. Такимъ образомъ, причина эта, по моему мнѣнію, одинаково и тѣмъ и другимъ ни благопріятствуетъ, ни противоборствуетъ.

ГЛАВА XVI.

О томъ же аргументѣ.

Поэтому, если тѣ, которые по поводу смерти младенцевъ задавались вопросомъ, почему таинство крещенія необходимо для всѣхъ, души коихъ происходятъ не отъ той души, преступленіемъ которой многіе стали грѣшниками (Рим. V, 19), на этотъ вопросъ отвѣтятъ такъ, что всѣ содѣлались грѣшниками по плоти, а по душѣ только тѣ, которые жили худо въ то время, когда могли бы жить хорошо, всѣ же души, т. е. души и младенцевъ, необходимость въ таинствѣ крещенія, безъ котораго [человѣку] приходится оставлять настоящую жизнь даже и въ этомъ возрастѣ, имѣютъ потому,

что грѣховная зараза отъ грѣховной плоти, облакающей душу, вѣдряясь въ нее чрезъ тѣлесные органы, будетъ ей вредить и по смерти, если еще при жизни въ сей плоти не очищена будетъ таинствомъ Ходатая; а эта помощь свыше даруется той душѣ, о которой Богъ напередъ зваеъ, что, достигши лѣтъ, способныхъ въ вѣрѣ, она будетъ жить благочестиво, для чего собственно Онъ и родиться ей соизволилъ въ тѣлѣ и вскорѣ вывелъ ее изъ тѣла, — если, говорю, они отвѣтятъ на этотъ вопросъ такимъ образомъ, то что же можно сказать противъ нихъ, кромѣ того развѣ, что мы остаемся въ неизвѣстности на счетъ спасенія и тѣхъ, которые, проведши настоящую жизнь добродѣтельно, почилъ въ мирѣ Церкви, разъ каждый подлежить суду не только за то, какъ жилъ, но и за то, какъ жилъ бы, если бы прожилъ дольше? Въ очахъ Божіихъ имѣютъ значеніе не только прошлыя, но и будущія преступленія, отъ отвѣтственности въ коихъ не освобождаетъ и смерть, если она наступаетъ раньше, чѣмъ они совершены; нѣтъ пользы и тому, кто восхищается [изъ этой жизни], *да не злоба измѣнитъ разумъ его* (Прем. IV, II). Ибо Богъ, напередъ зная его будущую злобу, почему не будетъ судить его за эту злобу, разъ благоволилъ чрезъ крещеніе доставить пользу близкой къ смерти душѣ младенца, дабы не повредила ей полученная отъ грѣховной плоти скверна, потому, что напередъ зналъ, что она, если проживетъ дольше, будетъ жить благочестиво и вѣрно?

Но, можетъ быть, это соображеніе будетъ отвергнуто скорѣе всего потому, что оно мое, тѣ же, которые утверждаютъ, что они въ этомъ мнѣніи увѣрены, приводятъ, быть можетъ, или свидѣтельства Писанія, или разумныя основанія, которыми устраняется его сомнительность, или по крайней мѣрѣ показываетъ, что оно не противно Апостолу, который, останавливая вниманіе на благодати, спасающей насъ, говорить: *Якоже о Адамъ вси умираютъ, такожде*

и о Христѣ вси оживутъ (I Кор. XV, 22), и: *Якоже прегрѣшеніемъ единого чловѣка грѣшны быша мнози, сице послушаніемъ единого чловѣка праведницы быша мнози* (Рим. V, 19)? Желая показать, что подъ этими грѣшниками разумѣются люди не за исключеніемъ нѣкоторыхъ, а всѣ, Апостоль говоритъ: *въ немже вси согрѣшиха* (Римл. V, 12), откуда нельзя, очевидно, исключать и душъ младенцевъ, въ виду, съ одной стороны, того, что сказано *вси*, а съ другой—того, что надъ младенцами совершается крещеніе, какъ не безъ основанія и полагаютъ тѣ, которые думаютъ, что души происходятъ отъ одной, если только это ихъ мнѣніе не опровергается или какими-нибудь ясными и согласными съ священнымъ Писаніемъ давными, или же авторитетомъ самыхъ этихъ Писаній.

ГЛАВА XVII.

Свидѣтельство изъ словъ Премудрости: Отрокъ же бѣхъ остроумень, и проч. можно толковать въ ту и другую сторону.

Посмотримъ же теперь (насколько это позволяютъ намъ нужды настоящаго сочиненія), что означаетъ изреченіе, которое мы нѣсколько выше отложили на время. Именно, въ книгѣ Премудрости написано: *Отрокъ же бѣхъ остроумень, душу же получилъ благу, паче же благъ сый придохъ въ тѣло нескверно* (VIII, 19. 20). По видимому, это свидѣтельство благопріятствуетъ тѣмъ, которые говорятъ, что души творятся не отъ родителей, а посылаются въ тѣло Богомъ; но, съ другой стороны, этому мнѣнію ихъ мѣшаютъ слова: *душу же получилъ благу*, такъ какъ съ ихъ точки зрѣнія души, посылаемыя Богомъ, или выходятъ изъ одного источника какъ въ своемъ родѣ ручейки, или творятся одинаковой природы, а не однѣ добрыми или болѣе добрыми, а другія недобрыми или менѣе добрыми. Откуда же являются онѣ добрыми или болѣе добрыми, недобрыми или менѣе добрыми, если не вслѣдствіе своихъ нравовъ согласно съ сво-

Боднымъ произволеніемъ воли, или различія въ сложеніи тѣлъ, отягощаясь однѣ больше, а другія меньше тѣломъ, которое повреждается и бременить душу? Но раньше, чѣмъ души входятъ въ тѣла, не существовало никакого дѣйствія отдѣльныхъ душъ, которымъ бы различались ихъ нравы; съ другой стороны, и не въ виду тѣла, менѣе бременящаго, могъ свою душу назвать доброю тотъ, кто говоритъ: *душу же получилъ благу, паче же придохъ въ тѣло нескверно*. Ибо говоритъ, что соединился съ благодіемъ, по которой былъ добрѣ, т. е. получилъ добрую душу, чтобы уже и войти въ тѣло нескверное; слѣдовательно, сталъ добрѣ раньше, чѣмъ вошелъ въ тѣло, а не вслѣдствіе различія въ нравахъ, такъ какъ не имѣлъ еще никакой заслуги раньше настоящей жизни, а также и не вслѣдствіе различія тѣла, такъ какъ былъ добрѣ раньше, чѣмъ явился въ тѣло. Откуда же?

Съ другой стороны, хотя слова: *придохъ въ тѣло*, по видимому, не говорятъ въ пользу тѣхъ, которые утверждаютъ, что души творятся путемъ перехода отъ первой души - ослушницы, но съ остальными словами мнѣніе ихъ не стоитъ въ разладѣ; такъ что сказавъ: *Отрокъ же бѣхъ остроуменъ*, онъ въ объясненіе того, по какой причинѣ былъ остроуменъ, непосредственно прибавляетъ: *душу же получилъ благу*, т. е. отъ душевныхъ способностей родителей или отъ тѣлеснаго сложенія. Затѣмъ, говорятъ: *паче же благу сый придохъ въ тѣло нескверно*: если подъ этимъ тѣломъ разумѣть тѣло матери, то и слова: *придохъ въ тѣло* не будутъ препятствовать ихъ мнѣнію, если понимать дѣло такъ, что онъ пришелъ въ чистое тѣло матери, — чистое или отъ мѣсячныхъ кровей, такъ какъ, говорятъ, онѣ отягощаютъ душевныя способности, или отъ прелюбодѣйной скверны. Такимъ образомъ, приведенныя слова книги Премудрости или благопріятствуютъ больше тѣмъ, которые говорятъ о переходѣ душъ, или же если могутъ толковать ихъ въ свою пользу и первые, то не вредятъ ни тѣмъ, ни другимъ.

ГЛАВА XVIII.

Слова Премудрости: Отрокъ же бѣхъ остроумень и проч. могутъ-ли быть прилагаемы къ души Христа.

Если бы мы захотѣли это изреченіе примѣнить къ Господу по человѣческой, принятой Словомъ, твари, то хотя въ составѣ самаго изреченія и есть черты, которыя не соотвѣтствуютъ Его превосходству, въ особенности то, что само лицо, отъ коего въ этой книгѣ ведется рѣчь, вѣскольго выше словъ, на которыхъ мы теперь останавливаемъ свое вниманіе, говорить о себѣ, что онъ отъ сѣмени мужа въ крови сгустился (VII, 2); а такого способа рожденія чуждъ родившійся отъ Дѣвы, которая зачала плоть Христа не отъ сѣмени мужа, какъ не сомнѣвается въ этомъ ни одинъ христіанинъ. Но такъ какъ и въ псалмахъ, въ которыхъ Онъ говоритъ о Себѣ: *ископаша руцѣ мои и нозѣ, исчетоша вся кости моя, ти же смотриша и презрѣша мя, раздѣлиша ризы моя по себѣ и о одежди моей меташа жребій* (пс. 21, 18. 19), что въ собственномъ смыслѣ приличествуетъ Ему одному, Онъ говоритъ и такъ: *Боже мой, Боже мой, вскую мя оставилъ еси? далече отъ спасенія моего словеса грѣхопаденій моихъ* (пс. 21, 2), что уже приличествуетъ Ему въ томъ только смыслѣ, что Онъ преобразуетъ тѣло смиренія нашего, ибо мы — члены Его тѣла; и такъ какъ въ самомъ Евангеліи [говорится]: *Отрокъ преуспѣваше премудростію и возрастомъ* (Лук. II, 52): то, если и слова, читаемая въ книгѣ Премудрости, могутъ быть прилагаемы къ Господу ради уничиженнаго зрака раба и единства тѣла Церкви съ Его главою, что, дѣйствительно, можетъ быть остроумнѣе того Отрока, премудрость котораго еще въ двѣнадцать лѣтъ приводила въ удивленіе старцевъ? что лучше той души, относительно которой, хотя бы утверждающіе переходъ душъ оказались побѣдителями не въ спорѣ только, но и въ своихъ доказательствахъ, непослѣдовательно будетъ думать, что и она произошла отъ первой души-ослушавицы, ибо въ такомъ случаѣ чрезъ непослушаніе одного

оказался бы грѣшникомъ и самъ Тотъ, послушаніемъ котораго одного многіе, очистившись отъ этой виновности, стали праведниками? что чище утробы той Дѣвы, плоть которой хотя и происходитъ отъ грѣховнаго источника, зачала однако не отъ грѣховнаго источника, ибо въ такомъ случаѣ и тѣло Христа въ утробѣ Маріи порождено тѣмъ закономъ, который, будучи заложенъ въ членахъ смертнаго тѣла, противовоюетъ закону ума и, обуздывая который, святые отцы, состоявшіе въ супружескомъ союзѣ, хотя и разрѣшали его, насколько это дозволительно, въ сожитіе, но и въ этихъ, только дозволенныхъ, границахъ не терпѣли его страстнаго возбужденія? Поэтому тѣло Христа, хотя и получено отъ плоти жены, зачатой отъ грѣховнаго источника, однако какъ зачатое не такъ, какъ зачата была та, само было не плотью грѣха, а подобіемъ плоти грѣха. Ибо Онъ получилъ отъ нея не подсудность смерти, которая обнаруживается въ невольномъ, хотя волею и превозмогаемомъ, плотскомъ движеніи, противъ котораго похотствуетъ духъ, но получилъ то, что не зарафъ ослушанія подлежало, а довѣло къ разрушенію не должной смерти и показанію безсмертія, а это имѣетъ значеніе для насъ въ томъ отношеніи, что мы не должны бояться смерти и чаять воскресенія.

Наконецъ, если бы спросили у меня, откуда Іисусъ Христосъ получилъ душу, то я предпочелъ бы послушать въ этомъ случаѣ людей получше и поученіе меня; по своему же разумѣнію отвѣтилъ бы съотвѣе „откуда и Адамъ“, чѣмъ „отъ Адама“. Ибо если взятая отъ земли персть, изъ которой равьше никто изъ людей не былъ образованъ, заслужила быть одушевленною свыше, то не тѣмъ-ли болѣе тѣло, взятое отъ плоти, изъ которой вторично никто изъ людей не былъ образованъ, получило душу благу, такъ какъ тамъ воздвигнутъ былъ тотъ, кто имѣлъ часть, а тутъ низшелъ Тотъ, кто имѣлъ возстановить? И можетъ быть, слова: *получихъ* (*sortitus sum*) *душу благу* Онъ (если только эти слова надобно понимать въ приложеніи къ Нему) гово-

рять потому, что то, что дается по жребію (sorte), дается обыкновенно свыше; а можетъ быть, тагъ надобно было сказать для того, чтобы даже и эту душу не считать поставленною вѣвоторыми предшествовавшими дѣлами на такую высоту, что съ нею именно Слово стало плотію и обитало среди насъ (Іоан. I, 14), т. е. имя жребія прибавлено съ цѣлію устранить предположеніе о предшествовавшихъ заслугахъ.

ГЛАВА XIX.

Душа Христа не была въ чреслахъ Авраама, а потому явилась не путемъ перехода.

Въ посланіи, надписываемомъ къ Евреямъ, есть одно мѣсто, въ высшей степени заслуживающее тщательнаго разсмотрѣнія. Это—когда по поводу Мельхиседека, который представлялъ въ себѣ образъ будущаго, [писатель] различаетъ священство Христа отъ священства левитскаго. *Видите же, говоритъ, еликъ сей, емуже и десятину далъ есть Авраамъ патриархъ отъ избранныхъ. И приѣмлющии убо священство отъ сыновъ Левіинъ, заповѣдь имутъ одесятствовати люди по закону, сирѣчь братію свою, аще и отъ чреслъ Авраамовыхъ изшедшую. Не причитаемый же родомъ къ нимъ, одесятствова Авраама, и имущаго обѣтованія благослови. Безъ всякаго же прекословія меньшее отъ большаго благословляется. И здѣ убо десятины чловѣцы умирающіи приѣмлютъ: тамо же свидѣтельствуемый, яко живъ есть. И да сице реку, Авраамомъ и Левій приѣмляй десятины, десятины далъ есть: еще бо въ чреслахъ отчійхъ бѣше, егда сръте его Мельхиседекъ (VII, 4—10).* Итагъ, если для опредѣленія, насколько священство Христа превосходитъ священство левитское, имѣетъ значеніе и то, что священникъ Христосъ предызображался тѣмъ, кто получилъ десятину отъ Авраама, въ которомъ далъ десятину и Левій, то очевидно Христосъ не далъ десятины въ лицѣ Авраама. Но если Левій далъ десятину.

потому, что находился въ чреслахъ Авраама, то Христось на далъ десятины потому, что не былъ въ чреслахъ Авраама. Между тѣмъ, если Левій былъ въ Авраамѣ не по душѣ, а только по плоти, то тамъ же былъ и Христось, такъ какъ и Христось по плоти—отъ сѣмени Авраама; слѣдовательно, и Онъ далъ десятину. Почему же въ пользу великаго различія священства Христа отъ левитскаго священства приводится то обстоятельство, что Левій далъ десятину Мельхиседеку, такъ какъ находился въ чреслахъ Авраама, гдѣ былъ и Христось, слѣдовательно оба они одинаково дали десятину,—почему, если не потому, что Христось, необходимо думать, въ нѣкоторомъ отношеніи въ Авраамѣ не былъ? А кто же станетъ отрицать, что по плоти Онъ былъ въ немъ? Значить, Онъ не былъ въ немъ по душѣ. Итакъ, душа Христа явилась не путемъ перехода отъ непослушанія Адама, иначе и она была бы въ Авраамѣ.

ГЛАВА XX.

Что надобно отвѣчать на этотъ аргументъ, обращаемый защитниками перехода душъ въ свою пользу.

Здѣсь выступаютъ защитники перехода душъ и говорятъ, что ихъ мнѣніе получаетъ подтвержденіе, разъ Левій и по душѣ былъ въ чреслахъ Авраама, въ которомъ онъ далъ десятину Мельхиседеку, такъ что въ этомъ обстоятельстве дачи десятины можно проводить различіе между нимъ и Христомъ, именно: такъ какъ Христось не далъ десятины, и однако по плоти былъ въ чреслахъ Авраама, то остается заключить, что по душѣ Онъ тамъ не былъ, а отсюда слѣдуетъ, что Левій былъ въ чреслахъ Авраама по душѣ. Меня это мало касается: я скорѣе готовъ слушать преніе обѣихъ сторонъ, чѣмъ защищать мнѣніе какой-либо одной изъ нихъ. Между тѣмъ, посредствомъ этого свидѣтельства я хочу устранить душу Христа отъ этого перехода. Найдутся такіе, которые, можетъ быть, за всѣхъ остальныхъ изъ нихъ отвѣтятъ и скажутъ такъ, что для меня

немаловажное затрудненіе заключается въ томъ, что хотя душа ни единого человѣка не находится въ чреслахъ своего отца, однако Левій находился въ чреслахъ Авраама по сѣменному началу, по которому онъ имѣлъ явиться въ матери отъ соитія [родителей]; но Христось по нему тамъ не былъ, хотя плоть Маріи и находилась по этому началу въ чреслахъ Авраама. Поэтому ни Левій, ни Христось по душѣ не были въ чреслахъ Авраама, по плоти же были какъ Левій, такъ и Христось, но Левій—по плотской похоти, а Христось—по тѣлесной субстанціи. Ибо если въ сѣмени заключаются и видимая тѣлесность и невидимое начало, въ такомъ случаѣ какъ то, такъ и другое отъ Авраама и даже отъ самаго Адама доходятъ до тѣла Маріи, потому что и оно зачато такимъ же образомъ; но Христось видимую субстанцію тѣла заимствовалъ отъ плоти Маріи, между тѣмъ какъ причина Его зачатія получена не отъ мужскаго сѣмени, а совершенно иначе и свыше. Отсюда, Онъ находился въ чреслахъ Авраама по тому, что получилъ отъ матери.

Итакъ, далъ въ Авраамѣ десятину тотъ, кто хотя только по плоти, но находился въ его чреслахъ такъ же, какъ самъ Авраамъ находился въ чреслахъ своего отца, т. е. кто родился отъ отца Авраама точно такъ же, какъ родился и самъ Авраамъ, т. е. по дѣйствию закона, противоположащаго въ членахъ закону ума, и невидимой похоти, хотя чистыя и добрыя права блага не мѣшаютъ этому закону имѣть свое значеніе, насколько при его посредствѣ [люди] могутъ достигать возмѣщенія рода; но не далъ десятины тотъ, плоть котораго заимствовала отъ Авраама не язву воспаленной раны, а матерію для врачеванія. Ибо если дачу десятины мы отнесемъ въ предъизображенію врачеванія, то въ плоти Авраама давалось то, что требовало лѣченія, а не то, что служило лѣченіемъ. А такая плоть не только Авраама, но и самого перваго земнаго человѣка: она въ одно и тоже время заключаетъ въ себѣ и язву неповиновенія и врачество этой язвы: язву неповиновенія—въ законѣ, противоположащемъ въ членахъ закону ума,—

законѣ, который какъ бы переписывается на всю, происходящую отъ него, плоть, врачеванія же язвы—въ томъ, что безъ дѣйствія похоти въ одной тѣлесной матеріи, дѣйствиємъ божественнаго зачатія и образованія, заимствовано отъ Дѣвы для безвиннаго понесенія смерти и неложнаго примѣра воскресенія. Поэтому, думаю, даже и сами защитники перехода душъ согласятся, что душа Христа явилась не путемъ перехода отъ первой души-ослушницы, ибо, по ихъ мнѣнію, отъ сѣмени отца въ соитіи изливается и сѣмя души (а такого рода зачатія чуждъ Христось),—согласятся и съ тѣмъ, что если бы Онъ былъ въ Авраамѣ по душѣ, то и Онъ далъ бы десятину, но Писаніе свидѣтельствуетъ, что Онъ не далъ десятины, полагая въ этомъ различіе Его священства отъ священства левитскаго (Евр. VII, 6).

ГЛАВА XXI.

Христось не могъ бы не дать десятины, если бы по душѣ находился въ Авраамѣ.

Но, можетъ быть, возразятъ, почему же Онъ не могъ быть въ чреслахъ Авраама по душѣ безъ дачи десятины подобно тому, какъ могъ быть тамъ по тѣлу и не дать десятины?—Потому, отвѣтимъ, что и тѣ сами, которые считаютъ душу тѣломъ (а изъ ихъ числа преимущественно и выступаютъ тѣ, по мнѣнію которыхъ душа творится отъ родителей), не допускаютъ мысли, чтобы простая субстанція души увеличивалась съ тѣлеснымъ ростомъ. Въ тѣлесномъ сѣмени можетъ быть невидимая сила, которая безтѣлеснымъ образомъ приводитъ въ движеніе числа и которая должна быть отличаема не глазами, а умомъ отъ тѣлесности, доступной нашему зрѣнію и осязанію; самая уже величина челоуѣческаго тѣла, несравненно превышающая мѣру сѣмени, достаточно показываетъ, что изъ него можетъ быть заимствуемо вѣчто такое, что содержитъ въ себѣ не сѣменную силу, а только тѣлесную субстанцію, которая свѣше, а не отъ вступающихъ въ соитіе, и была получена и образована въ плоть

Христову. Но кто же можетъ утверждать о душѣ, что она имѣетъ и то и другое, т. е. и видимую матерію сѣмени и скрытое начало сѣмени? Впрочемъ, къ чему трудиться надъ предметомъ, въ которомъ словами едва ли кого можно убѣдить, кромѣ, развѣ человѣка съ такимъ острымъ умомъ, который бы могъ напередъ схватывать мысль говорящаго, не ожидая полного ея выраженія словами? Скажу поэтому кратко, что если и съ душею можетъ происходить то, что мы сказали о плоти (буде сказанное нами понято), то душа Христа явилась путемъ перехода такъ, что не принесла съ собою пятна непослушанія; а если путемъ перехода она не могла явиться безъ этой подсудности, значить—явилась не путемъ перехода. Что же касается происхожденія остальныхъ душъ, то пусть, кто можетъ, оспариваетъ, отъ родителей-ли онѣ или свыше; я остаюсь пока въ сомнѣніи между тѣмъ и другимъ мнѣніемъ и направляюсь, иногда такъ, иногда иначе, къ той единственно несомнѣнной идеѣ, что не вѣрю и, не смотря ни на какую болтовню, надѣюсь, при помощи Божіей и не повѣрю, что душа—или тѣло, или какое-нибудь тѣлесное свойство, либо согласіе, если только такъ должно быть названо то, что греки называютъ *ἀρμόνία*.

ГЛАВА XXII.

Мѣсто, согласующееся съ тѣмъ и другимъ мнѣніемъ о происхожденіи души.

Не слѣдуетъ опускать изъ вниманія другое свидѣтельство, которое могутъ приводить въ свою пользу тѣ, которые полагаютъ, что души являются свыше, именно—слова самого Господа: *рожденное отъ плоти плоть есть, рожденное же отъ духа духъ есть* (Іоан. III, 6). Что, скажутъ, еще яснѣе этого изреченія, что душа не можетъ рождаться отъ плоти? Ибо что такое душа, какъ не духъ жизни, вѣчно-сотворенный, а не творческій?—А что же, возразятъ имъ другіе, думаемъ и мы иное, говоря, что плоть происходитъ отъ плоти, а душа—отъ души? Ибо человѣкъ состоитъ изъ

того и другого: такъ мы и думаемъ, что отъ него происходить и то и другое, плоть—отъ плоти производящаго, а духъ—отъ духа похотствующаго; не надобно при этомъ опускать изъ вида и то, что Господь говорилъ эти слова не о плотскомъ рожденіи, а о духовномъ возрожденіи.

ГЛАВА XXIII.

Какое изъ этихъ двухъ мнѣній о души имѣетъ преимущество.—Обычай Церкви—крестить дѣтей.

Итакъ, изслѣдовавъ вышеприведенныя мѣста священнаго Писанія, насколько по обстоятельствамъ можно было это сдѣлать, я называлъ бы всѣ частныя пункты доводовъ и свидѣтельствъ равными или почти равными съ той и другой стороны, если бы мнѣніе тѣхъ, которые полагаютъ, что души творятся отъ родителей, не имѣло преимущества со стороны крещенія младенцевъ. Пока мнѣ не представляется ничего, что можно бы отвѣтить имъ въ этомъ пунктѣ; но я не сочту для себя трудомъ [это сдѣлать], если что-нибудь отвергнетъ Богъ впоследствии, если даже предоставитъ какой-либо случай написать объ этомъ для людей, интересующихся подобнаго рода предметами. Въ настоящемъ случаѣ я, однако, напередъ заявляю, что нельзя считать свидѣтельства младенцевъ настолько малозначительнымъ, что не стоить, такъ сказать, и опровергать его, разъ противъ [защитниковъ самаго этого мнѣнія] говорить истина. Объ этомъ предметѣ или совѣмъ не нужно поднимать вопроса, считая для нашей вѣры достаточнымъ знать, куда мы пойдемъ послѣ благочестивой жизни, если даже и не будемъ знать, откуда явились; или же если разумная душа стремится знать о себѣ и это, пусть отброситъ дерзость утвержденія, занасется тщаніемъ изслѣдованія, смиреніемъ прошенія и постоянствомъ стучанія, такъ что если она умѣетъ объяснить намъ это, то это умѣнье даетъ ей Тотъ, кто лучше насъ знаетъ, что требуетъ для насъ объясненія, т. е.

Тотъ, кто даетъ даянія блага чадамъ Своимъ (Мѣ. VII, 7. II). Однако, обычай матери—Церкви крестить младенцевъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ изъ-за этого ни отметить, ни мыслить излишнимъ, а надобно считать его не иначе, какъ апостольскимъ преданіемъ. Ибо и этотъ малый возрастъ имѣетъ великое значеніе свидѣтельства, такъ какъ онъ первый удостоился пролить за Христа свою кровь.

ГЛАВА XXIV.

*Чего надобно опасаться тѣмъ, по мнѣнію коихъ души
происходятъ путемъ перехода.*

Насколько могу, я совѣтовалъ бы тѣмъ, которые держатся мнѣнія, что души происходятъ отъ родителей, обратить, насколько для нихъ возможно, вниманіе на самихъ себя и думать на время такъ, что ихъ души—не тѣла. Ибо нѣтъ болѣе близкой природы, внимательно всматриваясь въ которую можно бы и Бога, неподвижно пребывающаго выше всей Своей твари, мыслить безтѣлеснымъ образомъ, какъ природа, сотворенная по Его образу, и, наоборотъ, нѣтъ ничего настолько послѣдовательнаго, какъ мысля, что душа—тѣло, мыслить, что и Богъ—тѣло. Поэтому, люди, привыкшіе и привязанные къ тѣлеснымъ чувствамъ, не хотятъ считать душу чѣмъ-либо инымъ, какъ тѣломъ, въ опасеніи, что если она не тѣло, то и ничто; отсюда, они насколько боятся считать и Бога не тѣломъ, настолько боятся считать Его ничѣмъ. Они до такой степени погружены въ призраки или фантастическіе образы, которые ихъ мышленіе очерпаетъ изъ тѣлъ, что, отрѣшившись отъ нихъ, страшатся исчезнуть какъ бы въ пустотѣ. Отсюда, необходимо, они рисуютъ въ своихъ сердцахъ и правду и мудрость съ своего рода формами и окраской, такъ какъ не могутъ ихъ мыслить безтѣлесными, хотя, будучи одушевлены правдой и мудростью настолько, что или хвалятъ ихъ, или дѣлаютъ что-нибудь согласно съ ними, они и не говорятъ, подъ какимъ цвѣтомъ, съ какимъ ростомъ, подъ какими чертами или

формами ихъ себѣ представляютъ. Но объ этомъ мы говорили уже въ другомъ мѣстѣ и много, и, если угодно будетъ Богу, скажемъ еще, когда потребуютъ того обстоятельства. Теперь же мы начали объ этомъ говорить на тотъ конецъ, что увѣрены-ли нѣкоторые относительно перехода душъ, или не увѣрены, пусть они не отваживаются ни думать, ни говорить, что душа—тѣло, въ особенности въ виду мною сказаннаго, чтобы и самого Бога не счесть тѣломъ, правда, превосходнѣйшимъ, особой, стоящей выше всего остальнаго, природы, но все же тѣломъ.

ГЛАВА XXV.

Заблужденіе Тертуліана о душѣ.

Наконецъ, Тертуліанъ, считая душу тѣломъ единственно потому, что онъ не могъ ее мыслить безтѣлесною, а потому боялся, чтобы она, если не тѣло, не была ничто, не могъ мыслить иначе и о Богѣ; но обладая пронизательностью мысли, онъ по временамъ возвышался надъ своимъ мнѣніемъ, приближаясь къ истинѣ. Что, наир., могъ сказать онъ вѣрнѣе слѣдующихъ, высказываемыхъ имъ въ одномъ мѣстѣ, словъ: „Все тѣлесное подвержено страданію“¹⁾. Отсюда, онъ долженъ былъ измѣнить свое, нѣсколько выше высказанное, мнѣніе, что и Богъ—тѣло. Ибо, думаю, не настолько же онъ былъ глупъ, чтобы представлялъ и природу Бога подверженною страданію, чтобы считалъ и Христа не только во плоти, и притомъ по плоти и душѣ, но и въ самомъ Словѣ, которымъ сотворено все, подверженнымъ страданію, и измѣняемымъ: мысль, которая да будетъ далека отъ христіанскаго сердца! Равнымъ образомъ, какъ скоро онъ приписываетъ душѣ воздушный и прозрачный цвѣтъ, дѣло доходитъ и до чувствъ, которыми онъ старается по-членно снабдить душу, какъ тѣло: „Это, говоритъ, будетъ внутренній человѣкъ, а другой—внѣшній, одинъ двояко, имѣя и первый свои глаза и уши, которыми народъ долженъ былъ

¹⁾ Тертуліан., въ кн. *de Anima*, cap. VII.

слушать и видѣть Господа, и прочіе члены, которыми онъ пользуется при мышленіи и въ сновидѣніяхъ“¹⁾).

Вотъ какими ушами и глазами долженъ былъ слушать и видѣть Господа народъ, вотъ какими душа пользуется во снѣ, хотя если бы кто-нибудь увидѣлъ во снѣ самого Тертуллиана, ни въ какомъ случаѣ не сказалъ бы, что и Тертуллианъ видѣлъ его, разговаривалъ съ нимъ, кого самъ не видѣлъ! Затѣмъ, если душа видитъ себя во снѣ, хотя въ то время, какъ члены ея тѣла находятся въ одномъ мѣстѣ, сама она уносится въ различные образы, которые видитъ, кто же когда-нибудь видѣлъ ее во снѣ облеченною воздушнымъ и прозрачнымъ цвѣтомъ, кромѣ развѣ человѣка, который видитъ и все остальное точно такъ же ложно? Можетъ онъ, конечно, видѣть ее и такою, но пусть не считаетъ такую пробудившись: въ противномъ случаѣ, т. е. если онъ будетъ видѣть себя иначе, въ большинствѣ случаевъ или измѣняется уже его душа, или же имъ видима бываетъ тогда не субстанція души, а безтѣлесный образъ тѣла, который какъ бы слагается удивительнымъ образомъ въ его мышленіи. Ибо какой же эѳіопъ не видитъ себя во снѣ почти всегда чернымъ, или, если бы увидалъ себя окрашеннымъ въ другой цвѣтъ, не былъ тѣмъ больше изумленъ, если бы находился въ памяти? Впрочемъ, я не знаю, видѣлъ-ли бы кто-нибудь себя окрашеннымъ въ воздушный и прозрачный цвѣтъ, если бы никогда не читалъ и не слышалъ о такомъ цвѣтѣ...

Что же значить, что люди привязываются къ подобнымъ видѣніямъ и въ свое оправданіе ссылаются на Писанія, что вѣчто подобное представляетъ собою не душа, но самъ Богъ, какимъ Онъ образно являлся духу святыхъ и какимъ представляется даже въ аллегорической рѣчи? Дѣйстви-тельно, видѣнія ихъ имѣютъ сходство съ подобною рѣчью. Но они ошибаются, составляя въ своемъ сердцѣ призраки пустаго мнѣнія и не понимая, что святые судили о своихъ

¹⁾ Тамъ же, сар. IX.

видѣніяхъ такъ же, какъ стали бы судить о нихъ, если бы читали или слышали о нихъ какъ объ изреченныхъ свыше, напр. о томъ, что семь колосьевъ и семь коровъ означаютъ семь годовъ (Быт. ХІІ, 26), полотно, привязанное за четыре угла, или плащаница, полная разныхъ животныхъ, означаетъ всю землю со всеми народами (Дѣян. X, 11). да и все прочее, въ особенности то, что относительно безтѣлесныхъ предметовъ обозначается тѣлесными не вещами, а образами.

ГЛАВА XXVI.

Что представлялось Тертуллиану о возрастаніи души.

Впрочемъ, Тертуллианъ не хотѣлъ [допускать], что душа по своей субстанціи возрастаетъ, какъ тѣло, приводя даже и причину своего страха: „чтобы, замѣчаетъ онъ, не сказали, что она возрастаетъ по субстанціи и, такимъ образомъ, не считали ее могущею умереть“. Однако, растягивая ее по тѣлу мѣстнымъ образомъ, онъ хотя и не полагаетъ конца ея возрастанію, но думаетъ, что изъ малаго сѣмени она становится равною величинѣ тѣла: „Сила ея, говоритъ, въ человѣкѣ, въ которомъ сохраняются естественные дары, при здоровомъ состояніи субстанціи, дѣйствіемъ Того, кѣмъ она въ началѣ была вдунута, возрастаетъ постепенно вмѣстѣ съ плотью“¹⁾. Этого мы не поняли бы, если бы онъ самъ не пояснилъ намъ своихъ словъ при помощи сравненія изъ области видимыхъ предметовъ: „Возьми, говоритъ, извѣстной тяжести кусокъ золота или серебра въ необработанной массѣ: въ немъ сосредоточено свойство [металла] и хотя въ меньшемъ сравнительно съ будущимъ видѣ, но содержится все, что принадлежитъ природѣ золота или серебра; затѣмъ, когда масса растягивается въ листъ, она становится больше, чѣмъ въ началѣ, но чрезъ расширеніе, а не прибавленіе извѣстной тяжести, растягиваясь, а не увеличиваясь, хотя растягиваясь она въ то же время и увеличивается. Ибо она можетъ увеличиваться не по объему, а по качеству. Такъ, возвышается

¹⁾ Тертул., de *Anima*, cap. XXXVII.

самый блескъ золота или серебра, который существовалъ и раньше, но былъ темнѣе, хотя и не совсѣмъ отсутствовалъ; прибавляются и другія новыя свойства по мѣрѣ обработки матеріи, до которой доводитъ ее мастеръ, сообщая ей объему только наружный видъ. Такъ надобно понимать и возростаіе души, т. е. въ смыслѣ не субстанціи, а проявленія¹⁾.

Кто бы повѣрилъ, что съ такимъ [легкимъ] сердцемъ онъ могъ быть въ такой степени краснорѣчивымъ? Но надобно ужасаться, а не смѣяться этому. Въ самомъ дѣлѣ, пришелъ-ли бы онъ къ подобнаго рода возрѣніямъ, если бы могъ мыслить, что есть нѣчто такое, что и существуетъ и не есть тѣло? Между тѣмъ, что можетъ быть нелѣпѣе мысли, будто масса какого-нибудь металла можетъ возрастать съ одной стороны не иначе, какъ убывая съ другой, или увеличиваться въ длину не иначе, какъ умаляясь въ толщину, или—что существуетъ такое тѣло, которое, сохраняя качества своей природы, со всѣхъ сторонъ возростаетъ не иначе, какъ дѣлаясь болѣе и болѣе разрѣженнымъ? Какимъ же образомъ, спрашивается, изъ капли сѣмени душа наполнитъ величину одушевляемаго ею тѣла, если она и сама тѣло, субстанція котораго не увеличивается никакими причинами? Какимъ образомъ, говорю, наполнитъ она плоть, которую одушевляетъ, если не будетъ тѣмъ все рѣже и рѣже, чѣмъ больше и больше становится то, что она оживляетъ? Тертуллианъ боялся, какъ бы не допустить въ душѣ недостатка со стороны уменьшаемости, допустивъ, что она возростаетъ, и въ то же время не побоялся допустить въ ней недостатокъ со стороны разрѣжаемости, разъ она возростаетъ. Но къ чему мнѣ долго останавливаться на этомъ пунктѣ, когда и рѣчь моя затянулась настолько, что надобно уже ее окончить, и мнѣніе мое, чего мнѣ держаться, или съ какой стороны сомнѣваться и почему сомнѣваться, достаточно уже выяснилось? Поэтому закончимъ и эту книгу чтобы перейти къ разсмотрѣнію дальнѣйшаго.

1) Тамъ же, сар. XXXVII.

КНИГА 11.

На слова 2 гл. 25 ст.: И бѣста оба нага, и проч, и на всю 3 главу, для освѣщенія которой говорится о сотвореніи и паденіи діавола.

ГЛАВА I.

По прочтеніи текста книги Бытія, объясняется 25 ст. 2 гл.; читается и объясняется 3 глава.

И бѣста оба нага, Адамъ же и жена его, и не стыдятся. Змій же бѣ благоразумнѣйшій изъ всѣхъ зѣрей, сущихъ на земли, ихже сотвори Господь Богъ. И рече змій женѣ: что яко рече Богъ: да не ясте отъ всякаго древа райскаго? И рече жена змію: отъ плода древа, которое въ раю, ясти будемъ, отъ плода же древа, еже есть посредь рая, рече Богъ, да не ясте отъ него, ниже прикоснетесь ему, да не умрете. И рече змій женѣ: не смертію умрете. Вѣдѣше бо Богъ, яко въ онъже... день съесте отъ него, отверзутся очи ваша, и будете яко бози, вѣдѣюще доброе и лукавое. И видѣ жена, яко добро древо въ снѣдь, и яко угодно очима видѣти, и красно есть еже разумѣти: и вземши отъ плода его, яде: и даде мужу своему съ собою и ядоша. И отверзошася очи объма и разумѣши, яко нази бѣша: и снѣста листьє смоковное, и сотвориша себѣ препоясанія. И услышаша гласъ Господа Бога, ходяща въ раю бѣ вечеру: и скрыстася Адамъ же и жена его отъ лица Господа Бога посредь древа райскаго. И призва Господь Богъ Адама и рече ему: гдѣ еси? И рече Ему: гласъ слышашъ тебе ходяща въ раю, и убояхся, яко нагъ есмь и скрыхся. И рече ему: кто возвести тебѣ, яко нагъ еси, аще не бы отъ древа, еюже заповѣдахъ тебѣ сего единого не ясти, отъ него ялъ еси? И рече Адамъ: жена, юже далъ еси со мною, та ми диде отъ древа, и ядохъ. И рече

Господь Богъ женѣ: что сотворила еси? и рече жена: змій прельсти мя и ядохъ. И рече Господь Богъ змію: яко сотворилъ еси сіе, проклятъ ты отъ всѣхъ скотовъ и отъ всѣхъ зѣрей, сущихъ на землѣ. На персѣхъ твоихъ и чревь твоимъ ходити будещи и землю съѣси вся дни живота твоего. И вражду положу между тобою и между женою и между стѣнемъ твоимъ и стѣнемъ тоя: она твою блюсти будетъ главу, и ты будещи блюсти его пяту. И женѣ рече: умножая умножу печали твоя и въздыханія твоя: въ болъзньхъ родиши чада: и къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ. Адаму же рече: яко послушалъ еси гласа жены твоея, и ялъ еси отъ древа, егже заповѣдахъ тебѣ сего единоаю не ясти, отъ него ялъ еси: проклята земля въ дѣльхъ твоихъ, въ печальхъ съѣси тую вся дни живота твоего: терніа и волчцы возраститъ тебѣ, и съѣси траву селную. Въ потъ лица твоего съѣси хлѣбъ твой, дондеже возвратишия въ землю, отъ неяже възятъ еси, яко земля еси и въ землю отыдеши. И нарече Адамъ имя женѣ своей Жизнь, яко та мати всѣхъ живущихъ. И сотвори Господь Богъ Адаму и женѣ его ризы кожаны, и облече ихъ. И рече Богъ: се Адамъ бысть яко единъ отъ Насъ, еже разумѣти доброе и лукавое. И нынѣ да не когда прѣстретъ руку свою и възметъ отъ древа жизни и съѣсть и живъ будетъ во вѣки. И изгна его Господь Богъ изъ рая удовольствія дѣлати землю, отъ неяже възятъ бысть. И изрине Адама и всели его прямо рая удовольствія: и пристази Херувима и пламенное оружіе обращающее хралити путь древа жизни.

Прежде чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію текста приведеннаго Писанія по порядку, мы, думается мнѣ, должны (какъ уже, помнится, раньше я и говорилъ объ этомъ въ настоящемъ произведеніи) напомнить о томъ, что для насъ обязательно защищать событія, о которыхъ повѣствуетъ самъ

писатель, въ буквальный смыслъ. Если же въ словахъ Бога или какого-либо, облеченнаго пророческимъ служеніемъ, лица выражается нѣчто такое, что при буквальномъ пониманіи было бы нелѣпо, тогда конечно надобно признать ихъ за сказанное въ переносномъ смыслѣ ради какого-нибудь прообразованія; но что оно сказано, въ томъ во всякомъ случаѣ нельзя сомнѣваться: за это ручаются и добросовѣстность писателя и обѣщаніе изъяснителя.

Итакъ, *бѣста оба нага* (а несомнѣнно, что тѣла обогихъ, обитавшихъ въ раю, людей были наги) *и не стыдятся*. Ибо чего имъ было стыдиться, когда въ своихъ членахъ они не ощущали никакого закона, противоположаго закону ума ихъ (Рим. VII, 23)? Это наказаніе за грѣхъ явилось въ нихъ уже послѣ совершенія преступленія какъ нѣчто возбраненное своевольнымъ непослушаніемъ и попущенное наказующею правдою. Прежде же чѣмъ это случилось, они, какъ сказано, были наги, и не стыдились: въ ихъ тѣлѣ не было ни одного движенія, котораго имъ слѣдовало бы стыдиться; они не считали нужнымъ покрываться, потому что не чувствовали ничего, что надобно было обуздывать. Вопросъ, какъ они рождали бы дѣтей, уже разсмотрѣнъ раньше; во всякомъ случаѣ, надобно думать, не такъ, какъ они начали рождать послѣ, когда за учиненнымъ преступленіемъ послѣдовало предъизреченное отмщеніе, хотя впрочемъ еще раньше, чѣмъ они начали умирать, зародышь смерти по справедливѣйшему [закону] отраженія уже началъ производить въ тѣлѣ ослушавшихся людей возмущеніе непослушныхъ членовъ. Но Адамъ и Ева не были еще такими, когда оба были наги и не стыдились.

ГЛАВА II.

Какова была мудрость змія и откуда она.

Змій же бѣ тамъ благоразумнѣйшій, но изъ всѣхъ змѣрей, сущихъ на земли, ихже сотвори Господь Богъ.—

Благоразумнѣйшимъ или, какъ стоитъ во многихъ латинскихъ кодексахъ, мудрѣйшимъ онъ названъ въ переносномъ смыслѣ слова (а не въ собственномъ, въ какомъ принимается обыкновенно въ добрую сторону мудрость Бога-ли, или Ангеловъ, или разумной души), подобно тому, какъ мы называемъ мудрыми пчелъ и даже муравьевъ за ихъ дѣйствія, представляющія подобіе мудрости. Впрочемъ, змій тотъ можетъ быть названъ мудрѣйшимъ изъ всѣхъ звѣрей не по своей неразумной душѣ, а по чужому, т. е. діавольскому, духу. Ибо хотя ангелы-отступники и свергнуты съ горныхъ сѣдалищъ за свою извращенность и гордость, однако по превосходству своего разума они гораздо выше всѣхъ звѣрей. А что же удивительнаго, если діаволь, исполнивъ змія своимъ инстинктомъ и сообщивъ ему свой духъ, какъ обыкновенно исполняетъ онъ демонскихъ пророковъ, сдѣлалъ его мудрѣйшимъ изъ всѣхъ звѣрей, живущихъ сообразно съ живой и неразумной душою? Ибо метафорически мудрость именуется въ дурномъ смыслѣ такъ же, какъ хитрость—въ добромъ; хотя въ собственномъ и наиболѣе употребительномъ въ латинскомъ языкѣ значеніи мудрыми называются въ похвальномъ смыслѣ, а подъ хитрыми разумѣются умные въ дурномъ. Отсюда, какъ мы встрѣчаемъ во многихъ кодексахъ, нѣкоторые, употребляя по обычаю латинской рѣчи въ переносномъ смыслѣ не слово, а скорѣе значеніе, предпочитаютъ называть этого змія хитрѣйшимъ, нежели мудрѣйшимъ изъ всѣхъ звѣрей. А что означаетъ въ буквальномъ смыслѣ еврейское слово и могутъ ли быть названы по-еврейски мудрые въ дурномъ, не индифферентномъ, а собственномъ смыслѣ, пусть смотрятъ тѣ, которые хорошо знаютъ еврейскій языкъ. Впрочемъ въ другомъ священномъ Писаніи мы ясно читаемъ о мудрыхъ и въ дурномъ, а не въ хорошемъ смыслѣ (Іер. IV, 22), и Господь называетъ сыновъ вѣка сего болѣе мудрыми, чѣмъ сыновъ свѣта (Лук. XVI, 8), въ смыслѣ заботъ о самихъ себѣ, впрочемъ обманнымъ, а не законнымъ образомъ.

ГЛАВА III.

Дяволу поущено было искусить только при посредствѣ змія.

Само собою понятно, мы не должны думать, что дьяволъ самъ избралъ змія, при посредствѣ котораго онъ могъ искусить и склонить ко грѣху. Хотя, по причинѣ извращенной и завистливой воли, въ немъ и было желаніе обольстить, однако онъ могъ это [сдѣлать] только при посредствѣ того животнаго, чрезъ которое ему поущено было совершить обольщеніе. Ибо во всякомъ духѣ можетъ быть извращенная воля вредить, но власть [вредить] только отъ Бога и потому отъ сокровеннаго и высшаго правосудія, такъ какъ у Бога нѣтъ несправедливости.

ГЛАВА IV.

Почему поущено искушеніе человека.

Поэтому, если спросить, почему Богъ попустилъ подвергнуть человека искушенію, хотя и предвидѣлъ, что онъ уступитъ искустителю, то я не могу проникнуть въ глубину этого совѣта и признаюсь, что онъ превышаетъ мои силы. Есть, можетъ быть, нѣкая сокровеннѣйшая тому причина, которая блюдетъ для людей лучшихъ и болѣе святыхъ и скорѣе по благодати Божіей, нежели по ихъ заслугамъ. Насколько, однако, мнѣ Богомъ предоставлено имѣть разумѣніе или дозволено говорить, человекъ, мнѣ кажется, не заслуживалъ бы большей похвалы, если бы могъ жить добродѣтельно потому только, что никто бы не склонялъ его жить порочно, разъ онъ имѣлъ и въ природѣ возможность и въ волѣ желаніе не слѣдовать внушенію, при помощи впрочемъ Того, кто гордымъ противится, смиреннымъ же подаетъ благодать (ап. IV, 6). Итакъ, почему же бы Богъ не попустилъ подвергнуть человека искушенію, хотя и предвидѣлъ, что онъ уступитъ [искустителю], разъ человекъ добровольно

имѣлъ это сдѣлать по своей винѣ и долженъ былъ стать предметомъ правосуднаго промышленія чрезъ наказаніе, дабы Богъ и такимъ образомъ могъ показать гордой душѣ, въ назиданію будущихъ святыхъ, насколько Онъ правильно пользуется даже и злою волею душъ, тогда какъ онѣ превратно пользуются добрыми природами?

ГЛАВА V.

Человѣкъ совращенъ искустителемъ при помощи гордости.

Не должны мы думать и такъ, что искуститель совратилъ бы человѣка, если бы въ душѣ этого послѣдняго не было нѣкотораго превозношенія, которое необходимо было обуздать, чтобы путемъ униженія чрезъ грѣхъ онъ научился, какъ ошибочно превозносился. Ибо весьма истинно сказано: „Прежде паденія сердце превозносится и прежде славы смиряется“ (Притч. XVI, 18). Можетъ быть, голосъ этого именно человѣка и слышится въ псалмѣ: *Азъ рыхъ во обилии моемъ: не подвижуся во вѣкъ* (Пс. 29, 7). Затѣмъ, наученный уже опытомъ, сколько зла въ гордомъ превозношеніи собственной силою и сколько блага въ помощи со стороны благодати Божіей, онъ говоритъ: *Господи, волею твою подаждь добротъ моей силу, отвратилъ же лице твое и быхъ смущенъ* (ст. 8). Но о немъ-ли или иномъ человѣкѣ такъ сказано, во всякомъ случаѣ душѣ превозносящейся и слишкомъ, такъ сказать, полагающейся на свою собственную силу надобно было путемъ испытанія наказанія дать почувствовать, какъ не хорошо бываетъ для сотворенной природы, если она отвращается отъ Своего Творца. Этимъ-то преимущественно путемъ и внушается, какое благо представляетъ Собою Богъ, какъ скоро никому, отъ Него отвращающемуся, не бываетъ хорошо; потому что и тѣ, которые услаждаются смертоносными удовольствіями, не могутъ быть свободными отъ страха скорбей, и тѣ, которые вслѣдствіе

большей оцѣпенѣлости гордости рѣшительно не чувствуютъ зла своего отпаденія, на взглядъ другихъ, могущихъ замѣчать подобное состояніе, представляются совершенно несчастнѣйшими; такъ что если сами не хотятъ принять лѣкарства для избѣжанія такого состоянія, то пусть служатъ примѣромъ для избѣжанія его другими. Ибо, какъ говоритъ Апостолъ Павлъ, *каждо же искушается отъ своей похоти влекомъ и прельщаемъ. Также похоть зачѣнныи рождаетъ грѣхъ, грѣхъ же содѣянъ рождаетъ смерть* (1, 14, 15). Искѣлившись этимъ примѣромъ отъ язвы гордости, человѣкъ восстанавливается, если его воля, которая прежде была слаба пребывать съ Богомъ, стала послѣ испытанія сильна по крайней мѣрѣ возвратиться къ Богу.

ГЛАВА VI.

Почему Богъ попустилъ искушеніе человека.

Между тѣмъ, вопросъ объ искушеніи перваго человѣка съ той стороны, что Богъ попустилъ ему совершиться, смущаетъ нѣкоторыхъ въ такой мѣрѣ, какъ будто они и теперь не видятъ, что весь родъ человѣческій постоянно искушается коварствомъ діавола. Почему же Богъ допускаетъ и это? Не потому-ли, что такимъ образомъ укрѣпляется и упражняется добродѣтель и что награда за нее бываетъ гораздо славнѣе въ томъ случаѣ, если она не поддалась искушенію, нежели въ томъ, если не могла быть подвергнута искушенію, такъ какъ тѣ, которые, оставивъ Творца, идутъ за искушителемъ, въ свою очередь и сами болѣе и болѣе искушаютъ остающихся вѣрными слову Божію, представляютъ имъ примѣръ для уклоненія отъ пожеланія и внушаютъ благочестивый страхъ предъ гордостью. Отсюда Апостолъ говоритъ: *блудый себе, да не и ты искушенъ будешь* (Гал. VI, 1). Ибо удивленія достойно, съ какою постоянною заботою всѣми божественными Писаніями внушается намъ это смиреніе,

которое дѣлаетъ насъ покорными Творцу, дабы мы не полагались на собственные силы, какъ бы не нуждаясь въ Его помощи. Итакъ, если чрезъ неправедныхъ усовершаются даже и праведные и чрезъ нечестивыхъ благочестивые, то напрасно говорить: „Пусть бы Богъ не творилъ тѣхъ, которые, какъ Онъ предвидѣлъ, будутъ злыми“. Ибо почему же Ему не творить тѣхъ, которые, какъ Онъ предвидѣлъ, будутъ полезны добрымъ, рождаясь для полезной цѣли упражненія и вразумленія добрыхъ волей и правосудно наказываясь за свою злую волю?

ГЛАВА VII.

Почему человекъ не сотворенъ такимъ, чтобы никогда не хотѣлъ грѣшить.

„Пусть бы, говорятъ, Онъ сотворилъ человѣка такимъ, который бы совершенно не хотѣлъ грѣшить“.—Да, мы согласны, что та природа лучше, которая совершенно не хочетъ грѣшить: пусть же согласятся и они, что не зла и та природа, которая сотворена такъ, что могла бы, если захотѣла, не грѣшить, и что правосуденъ приговоръ, которымъ она наказана, согрѣшивъ по волѣ, а не по необходимости. Отсюда, какъ здравый разумъ насъ учитъ, что та природа лучше, которую не прельщаетъ уже ничто недозволительное, такъ здравый же разумъ учитъ, что добра и та природа, которая можетъ обуздывать недозволительное увлеченіе, буде оно въ ней появляется, улаживаясь не только всѣмъ дозволильнымъ и правильно содѣяннымъ, но даже и обузданіемъ самаго этого порочнаго увлеченія. Итакъ, если эта природа добра, а та лучше, то почему бы Богъ сотворилъ ту только одну, а не обѣ? Поэтому тѣ, которые готовы прославлять Бога за ту одну, тѣмъ болѣе должны прославлять Его за обѣ. Первая принадлежитъ святымъ Ангеламъ, а послѣдняя—святымъ людямъ. Что же касается тѣхъ, которые предпочли порочность

и по собственной предосудительной волѣ извратили достохвальную природу, то они должны были быть сотворены отнюдь не потому, что такими ихъ Богъ предвидѣлъ. Они имѣютъ свое мѣсто, которое занимаютъ въ мірѣ въ пользѣ святыхъ. Ибо самъ Богъ не нуждается ни въ праведности добродѣтельнаго человѣка, ни тѣмъ менѣе въ неправедности порочнаго.

ГЛАВА VIII.

Почему сотворены тѣ, которые, какъ предвидѣлъ Богъ, будутъ злыми.

Кто же, руководствуясь здравымъ смысломъ, скажетъ: „Лучше бы Богъ не творилъ уже того, кто, какъ Онъ предвидѣлъ, можетъ исправиться при посредствѣ порочности другого, нежели творить еще и того, кто, какъ Онъ предвидѣлъ, долженъ быть за свою порочность наказанъ“.—Это значило бы сказать, что лучше уже не быть тому, кто, пользуясь хорошо зломъ другого, получить по милосердію вѣнецъ, нежели быть еще и тому, кто по заслугѣ будетъ правосудно наказанъ. Ибо если здравый разумъ указываетъ два извѣстныхъ блага не равныя, а одно высшее, другое же низшее, то, говоря: „Пусть то и другое изъ нихъ будетъ такимъ-то“, не понимаютъ по тупости сердца, что это значило бы сказать: „Пусть будетъ одно только это“. Но разъ хотѣть подобнымъ образомъ уравнивать два рода благъ, уменьшаютъ число ихъ и, увеличивая безъ мѣры одинъ родъ, вычеркиваютъ другой. А кто же станетъ слушать ихъ, если они скажутъ: „Такъ какъ чувство зрѣнія превосходитъ чувства слуха, то пусть будетъ четыре глаза и ни одного уха“? Точно такъ же если превосходитъ та разумная природа, которая покорна Богу помимо всякаго примѣра наказаній, помимо гордости; напротивъ, въ людяхъ она сотворена такъ, что можетъ познавать благодѣяніе Божіе въ себѣ не иначе, какъ видя только наказаніе другого, *не высокоумдрствуя, но боя-*

ся (Рим. XI, 20), т. е., не на себя полагаясь, а возлагая упование на Бога: то кто же съ здравымъ смысломъ скажетъ: „Пусть будетъ и эта такою же, какъ та“, и не пойметъ, что это значило бы сказать: „Пусть этой не будетъ, а будетъ только одна та“? Если же такъ сказать невѣжественно и глупо, то почему же не можетъ Богъ творить и тѣхъ, которые, какъ Онъ предвидѣлъ, будутъ злыми, желая показать гнѣвъ и явить могущество Свое и потому съ великимъ долготерпѣніемъ щадя сосуды гнѣва, готовые къ гибели, дабы явить богатство славы своей надъ сосудами милосердія, которые Онъ приготовилъ къ славѣ (Рим. IX, 22, 23)? Такимъ образомъ, *хваляйся о Господь да хвалится* (2 Кор. X, 17), сознавая, что не только бытіе его не отъ него самого, а отъ Бога, но и благобытіе его отъ Того же, отъ Кого и бытіе.

Итакъ, крайне неумѣстно говорятъ: „Пусть не будетъ тѣхъ, которымъ бы Богъ сообщалъ такое благодѣяніе Своего милосердія, если они могутъ быть только при бытіи тѣхъ, на которыхъ бы проявлялось правосудіе отмщенія“. Ибо почему же не могутъ быть и тѣ и другіе, когда въ тѣхъ и другихъ обнаруживаются и благодѣяніе и правосудіе Божіе?

ГЛАВА IX.

О томъ же затрудненіи.

Съ другой стороны, если бы Богъ хотѣлъ, то были бы добрыми и злые. Тѣмъ лучше восхотѣлъ Онъ, чтобы они были такими, какими хотятъ быть сами, но чтобы при этомъ добрые не оставались безплодными, а злые безнаказанными и тѣмъ бесполезными для другихъ. Но Онъ предвидѣлъ, что воля ихъ будетъ злою?—Конечно, предвидѣлъ, и такъ какъ Его предвѣдѣніе погрѣшать не можетъ, то зла не Его, а ихъ воля. Почему же Онъ сотворилъ ихъ, хотя и предвидѣлъ, что они будутъ такими?—Потому, что предвидитъ и то, сколько они сдѣлаютъ зла, и то, сколько изъ ихъ дѣяній извлечетъ Онъ добра. Ибо Онъ сотворилъ ихъ

такъ, что у нихъ остается вѣчто такое, благодаря чему они могутъ дѣлать кое-что и сами и что бы предосудительнаго ни избрали, могутъ одново находить Его дѣйствующимъ въ нихъ похвально. Злую волю они имѣють отъ себя, отъ Него же—добрую природу и правосудное наказаніе, [занимая] должное имъ мѣсто и [служа] другимъ опорой для упражненія и примѣромъ для страха.

ГЛАВА X.

Богъ можетъ обращать волю злыхъ во благо: почему же не дѣлаетъ такъ.

Но, говорятъ, Онъ могъ, обратить и волю ихъ на добро, потому что всемогущъ.—Конечно, могъ. Почему же не сдѣлалъ такъ?—Потому, что не хотѣлъ. А почему не хотѣлъ, это Его дѣло. Мы должны *не мудрствовать паче, еже подобаетъ мудрствовать* (Рим. XVI, 3). Но вѣсколько выше мы, полагаю, достаточно показали, что не малое благо представляетъ собою даже и та разумная природа, которая избѣгаетъ зла путемъ сравненія золь; а этого рода доброй природы, конечно, не было бы, если бы Богъ обратилъ все злыя воли во благо и не каралъ порочности заслуженнымъ наказаніемъ: въ такомъ случаѣ оставался бы тотъ только одинъ родъ [доброй природы], который остается совершеннымъ безъ всякаго сравненія грѣха и наказанія за зло. Такимъ образомъ, съ уничтоженіемъ такъ сказать численности превосходнѣйшаго рода умалилось бы число самыхъ родовъ [доброй природы].

ГЛАВА XI.

Богъ не нуждается въ наказаніяхъ злыхъ, но споспѣшествуетъ спасенію добрыхъ.

Значить, говорятъ, въ дѣлахъ Божіихъ есть вѣчто такое, что нуждается во злѣ другого, которымъ Богъ пользуется во благу?—Можно-ли людямъ настолько быть глухими и ослѣпленными какою-то, не знаю, страстью къ спору, чтобы не слышать и не видѣть того, какъ многіе исправляются

при видѣ наказаній другихъ? Какой язычникъ, какой іудей, какой еретикъ не испытываетъ этого ежедневно въ своемъ домѣ? Между тѣмъ, когда дѣло доходитъ до разсмотрѣнія и изслѣдованія этой истины, люди не хотятъ и знать, отъ какого дѣйствія божественнаго промысленія происходитъ въ нихъ это возбужденіе въ воспріятію дисциплины, [забывая], что если даже наказываемые и не исправляются, всеже примѣромъ ихъ держатся въ страхѣ остальные и правосудная гибель другихъ споспѣшествуетъ ихъ спасенію. Ужели же Богъ—виновникъ злобы и непотребства тѣхъ, правосудное наказаніе которыхъ Онъ направляетъ въ пользу другихъ, о коихъ рѣшилъ цѣпиться именно такимъ образомъ? Хотя Онъ и не предвидѣлъ, что они по собственной порочной волѣ будутъ злыми, однако не отказался сотворить ихъ, имѣя въ виду пользу тѣхъ, которыхъ Онъ сотворилъ такими, что они могутъ преуспѣвать въ добрѣ не иначе, какъ имѣя предъ собою примѣръ злыхъ. Ибо если бы не было этихъ, то тѣ, конечно, были бы совершенно бесполезны. А развѣ маловажное дѣло, чтобы существовали тѣ, которые несомнѣнно полезны этому роду, и всякій, кто не хочетъ, чтобы существовалъ этотъ родъ, чего другого хочетъ, какъ не того, чтобы и самому не быть въ немъ?

Велія дѣла Господня, изыскана во всѣхъ воляхъ Его (Пс. 110, 2): предвидитъ, что будутъ добрыми, и творить; предвидитъ, что будутъ злыми, и творить, добрымъ предоставляя самого Себя для наслажденія, а злыхъ ущедря многими своими милостями, милосердо прощая и правосудно карая, а также милосердо карая и правосудно прощая, нисколько не боясь ничьей злобы и нисколько не вуждаясь ни въ чьей праведности, ничего не извлекая для Себя даже изъ дѣлъ добрыхъ и обращая самыя наказанія ко благу добрыхъ. Почему же бы Онъ не попустилъ искутить человѣка, котораго путемъ этого искушенія надобно было испытать, побѣдить и наказать, развѣ высокомѣрнымъ вождѣніемъ собственной власти онъ достигъ того,

что равнѣе задумалъ, своимъ дѣяніемъ привелъ себя въ разстройство, а правосуднымъ наказаніемъ внушалъ бо злу гордости и неповиновенія страхъ въ своихъ потомкахъ, которымъ эта исторія должна была быть описана и поставлена въ извѣстность?

ГЛАВА XII.

Почему искушеніе попущено при посредствѣ змія.

Если же спросятъ, почему діаволу попущено было совершить искушеніе именно чрезъ змія, то кого же не убѣдитъ Писаніе, что сдѣлано такъ не безъ значенія, — Писаніе столь высокаго авторитета, пользующееся въ пророческихъ цѣляхъ столькими же доказательствами божества, сколькими наполненъ дѣйствіями міръ? Не то [мы хотимъ сказать], что діаволь желалъ показать намъ что-нибудь для нашего назиданія; но такъ какъ онъ не могъ приступить къ искушенію иначе, какъ по попущенію, то и сдѣлать это могъ только при томъ посредствѣ, которое ему было дозволено. Отсюда, что бы ни значилъ змій, все это надобно приписывать тому промысленію, находясь подъ властью котораго діаволь хотя и имѣетъ желаніе вредить, но способность вредить получаетъ только ту, которая дается ему или для совращенія и гибели сосудовъ гнѣва, или для смиренія и утвержденія сосудовъ милосердія. Мы знаемъ, откуда происходитъ природа змія: по слову Божію, земля произвела всѣхъ скотовъ, звѣрей и пресмыкающихся (Быт. 1, 25); и вся эта тварь, имѣя въ себѣ живую неразумную душу, по закону божественнаго промысленія подчинена разумной, доброй или злой, природѣ. Что же удивительнаго, если діаволу попущено было совершить нѣчто при посредствѣ змія, когда и самъ Христосъ попустилъ демонамъ войти въ свиней?

ГЛАВА XIII.

Противъ манихеевъ, которые не хотятъ мыслить діавола въ ряду тварей Божіихъ.

Еще болѣе тонкіе вопросы поднимаются обыкновенно о самой природѣ діавола, которую нѣкоторые еретики, пора-

жаясь бесконечно - злою волею его, стараются совсѣмъ вывести изъ ряда тварей всевышняго и истиннаго Бога и дать ему другое, противное Богу, начало. Они не могутъ понять, что все существующее, по скольку оно есть какая-нибудь субстанція, представляетъ собою нѣчто доброе и можетъ быть только отъ того истиннаго Бога, отъ котораго происходитъ все доброе, но злая воля движется безпорядочно, предпочитая низшія блага высшимъ; такъ и произошло, что духъ разумной природы, увлекшись по превозношенію своею властію, надмился гордостію, вслѣдствіе которой и лишился блаженства духовнаго рая и началъ мучиться завистью. Однако, и въ немъ есть нѣчто доброе и именно то, что онъ живетъ и оживляетъ тѣло — воздушное-ли, какъ духъ самого діавола или демоновъ, или же земное, какъ душа какого-нибудь злаго и извращеннаго человѣка. Такимъ образомъ не допуская, чтобы что-нибудь сотворенное Богомъ грѣшило, они называютъ субстанцію самого Бога поврежденною и извращенною, сначала по необходимости, а потомъ и упорно по волѣ. — Но объ этомъ безумнѣйшемъ заблужденіи ихъ мы уже сказали многое въ другомъ мѣстѣ.

ГЛАВА XIV.

Причина ангельскаго паденія. — Гордость, зависть.

Въ настоящемъ же произведеніи мы должны вести рѣчь о діаволѣ на основаніи свящ. Писанія. И прежде всего, съ самаго-ли начала міра, увлеченный своею властію, онъ отпалъ отъ того общества и той любви, какими блаженны Ангелы, услаждающіеся Богомъ, или же онъ находился нѣкоторое время въ сонмѣ Ангеловъ, будучи и самъ также праведнымъ и блаженнымъ? Нѣкоторые говорятъ такъ, что онъ ниспалъ съ высшихъ степеней, позавидовавъ человѣку, сотворенному по образу Божію. Но вѣдь зависть слѣдуетъ изъ гордости, а не предшествуетъ ей: такъ какъ не зависть — причина гордости, а гордость — зависти. Отсюда, такъ какъ гордость есть любовь къ собственному превосходству, а зависть — от-

вращеніе къ чужому благополучію, то ясно, что отъ чего рождается. Ибо вслѣдствіе любви къ собственному превосходству каждый завидуетъ или равнымъ себѣ за то, что они ему равны, или низшимъ, чтобы они не были ему равными, или высшимъ, что самъ имъ не равенъ. Итакъ, отъ гордости каждый бываетъ завистливъ, а не отъ зависти — гордъ.

ГЛАВА XV.

Гордость и частная любовь — источникъ зла. — Два рода любви. — Два града. — Общественное сочиненіе о Градѣ Божіемъ.

Отсюда, Писаніе опредѣляетъ гордость какъ начало всякаго грѣха, говоря: *Начало всякаго грѣха гордыня* (Сир. X, 15). Съ этимъ свидѣтельствомъ согласуется и то, что говоритъ Апостоль: *Корень всѣмъ злымъ сребролюбіе есть* (1 Тим. VI, 10), если въ этомъ случаѣ понимать вообще жадность, вслѣдствіе которой каждый желаетъ чего-либо больше, чѣмъ слѣдуетъ, во имя своего превосходства и по причинѣ нѣкоторой любви къ собственности, — любви, которой латинскій языкъ мудро далъ имя, назвавъ ее частною (privatus), такъ какъ, очевидно, свое имя она получила скорѣе отъ потери, чѣмъ прибытка. Ибо всякая потеря части (privatio) дѣлаетъ меньшимъ. Отсюда, чѣмъ гордость хочетъ возвыситься, то повергаетъ ее въ тѣсноту и недостаточность, какъ скоро предосудительною любовью къ себѣ она направляется отъ общаго къ своему собственному. Но есть жадность особенная, которая называется сребролюбіемъ. Обозначая этимъ названіемъ частный видъ, Апостоль хотѣлъ дать понять, что говоря: *Корень всѣмъ злымъ сребролюбіе есть*, онъ разумѣетъ вообще жадность. Ибо вслѣдствіе жадности палъ и діаволь, который любилъ конечно не деньги, а собственную власть. Посему превратная любовь къ себѣ лишаетъ возгордившійся духъ святаго общества и, когда онъ желаетъ уже пресытиться отъ неправды, повергаетъ его въ злополучіе. Отсюда въ другомъ мѣстѣ сказавъ: *будутъ бо*

человѣцы самолюбцы (2 Тим. III, 2), Апостоль вслѣдъ затѣмъ прибавляетъ: *сребролюбцы*, переходя отъ жадности въ общемъ смыслѣ, глава которой—гордость, къ жадности въ частномъ смыслѣ, которая свойственна людямъ. Ибо люди не были бы и сребролюбцами, если бы не считали себя превосходяще богатыхъ. Противоположная этому недугу любовь *не ищетъ своихъ си* (1 Кор. XIII, 5), т. е. не услаждается частнымъ превосходствомъ, а потому и не превозносится.

Эти два рода любви, изъ коихъ одна святая, а другая нечистая, одна общественная, а другая частная, одна пещущаясь объ общей пользѣ во имя высшаго общества, а другая даже и общее благо направляющая къ собственной власти во имя самолюбиваго господствованія, одна покорная Богу, а другая съ Нимъ соперничающая, одна спокойная, а другая страстная, одна мирная, а другая мятежная, одна предпочитающая истину похваламъ заблуждающихся, а другая жадная ко всевозможнымъ похваламъ, одна дружелюбная, а другая завистливая, одна желающая ближнему того же, чего и себѣ, а другая желающая подчиненія ближняго себѣ самой, одна управляющая ближнимъ во имя пользы ближняго, а другая—во имя своей пользы,—эти два рода любви существовали еще въ Ангелахъ, одинъ въ добрыхъ, а другой въ злыхъ, и положили различіе между двумя градами, образовавшимися въ человѣческомъ родѣ подъ дивною и неизреченною властью управляющаго всею тварью промысла Божія,—градъ праведныхъ и градъ нечестивыхъ. Изъ ихъ временнаго смѣшенія проходить [настоящій] вѣкъ, пока на послѣднемъ судѣ они будутъ раздѣлены и одинъ, соединившись съ добрыми Ангелами, наследуетъ съ своимъ Царемъ вѣчную жизнь, а другой, соединившись съ злыми ангелами, будетъ отосланъ съ своимъ царемъ въ огонь вѣчный.—Объ этихъ двухъ градахъ, если благоволитъ Господь, мы, можетъ быть, скажемъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ.

ГЛАВА XVI.

Когда палъ діаволъ.

Когда же именно гордость склонила діавола извратить порочною волею свою добрую природу, объ этомъ Писаніе не говоритъ намъ; впрочемъ, очевидное соображеніе показываетъ, что это случилось раньше, а потомъ уже онъ позавидовалъ человѣку. Ибо для всѣхъ, останавливающихъ на этомъ предметѣ свое вниманіе, очевидно, что не отъ зависти рождается гордость, а отъ гордости зависть. А не безъ основанія можно думать, что въ гордость діаволъ впалъ искони времени и что не было раньше времени, когда бы онъ жилъ мирно и блаженно съ Ангелами, но что онъ отпалъ отъ своего Творца съ самаго начала; такъ что въ словахъ Господа: *онъ челоуѣкоубійца бѣ искони и во истинѣ не стоитъ* (Іоан. VII, 44) „искони“ надобно понимать въ приложеніи къ тому и другому, не только къ тому, что онъ былъ челоуѣкоубійцею, но и къ тому, что не устоялъ въ истинѣ. Впрочемъ, челоуѣкоубійцею онъ сталъ съ того времени, съ какого могъ быть убитъ челоуѣкъ, а челоуѣкъ не могъ быть убитъ раньше, чѣмъ явился тотъ, кого можно было убить. Такимъ образомъ, діаволъ—„челоуѣкоубійца искони“ потому, что убилъ перваго челоуѣка, раньше котораго не было никого изъ людей. Въ истинѣ же онъ не устоялъ съ самаго того времени, съ котораго былъ сотворенъ самъ онъ, который могъ бы, если бы захотѣлъ, устоять въ ней.

ГЛАВА XVII.

Былъ-ли діаволъ до грѣха блаженъ.

А какъ возможна мысль, что тотъ наслаждался блаженною жизнью среди блаженныхъ Ангеловъ, кто напередъ не зналъ о будущемъ своемъ грѣхѣ и наказанія за него, т. е. отпаденіи и вѣчномъ огнѣ? Если же онъ напередъ объ этомъ

не зпалъ, то естественно спросить, почему не зпалъ? Святыя Ангелы знаютъ же о своей вѣчной жизни и о своемъ блаженствѣ. Ибо какъ бы они были блаженны, если бы не имѣли этого знанія? Развѣ, можетъ быть, скажемъ, что Богъ не хотѣлъ ему открыть, когда онъ былъ еще добрымъ Ангеломъ, ни того, чѣмъ онъ будетъ, ни того, что ему предстоитъ терпѣть; тогда какъ остальнымъ открылъ, что они вѣчно пребудутъ въ Его истинѣ? А если такъ, значитъ—онъ не былъ блаженъ въ равной съ нимъ степени, даже совсѣмъ не былъ блаженъ, потому что вполне блаженные увѣрены въ своемъ блаженствѣ; такъ что не смущаются уже никакимъ страхомъ. Какимъ же зломъ онъ отличался отъ остальныхъ такъ, что Богъ не открылъ ему того будущаго, которое его касалось? Неужели Богъ былъ мстителемъ раньше, чѣмъ діаволъ сталъ грѣшникомъ? Да не будетъ! Богъ не наказываетъ невинныхъ. Развѣ, можетъ быть, діаволъ принадлежалъ къ другому роду ангеловъ, которымъ Богъ не сообщилъ предвѣдѣнія ихъ будущаго? Но я не понимаю, какъ могли бы они быть блаженными, если бы имъ не извѣстно было ихъ собственное блаженство. Думали нѣкоторые, что діаволъ принадлежалъ не къ той высшей природѣ Ангеловъ, которые превыше небесъ, а къ природѣ тѣхъ, которые были сотворены и облечены служеніемъ въ нѣсколько низшей части міра. Допустимъ, что такіе ангелы могли увлечься чѣмъ-нибудь и недозволительнымъ; однако подобное увлеченіе они, если бы не захотѣли грѣшить, могли бы обуздать при помощи свободной воли, какъ и—человѣкъ, къ особености первый человѣкъ, еще не имѣвшій въ членахъ наказанія за грѣхъ, такъ какъ, при помощи благодати Божіей, даже и это наказаніе превозмогается благочестіемъ святыхъ, преданныхъ Богу, людей.

ГЛАВА XVIII.

Какимъ образомъ былъ человекъ блаженъ до грѣха.

Затѣмъ, вопросъ, можетъ-ли быть названъ кто-либо блаженнымъ, кому неизвѣстно, будетъ-ли онъ постоянно проводить блаженную жизнь, или же когда-нибудь она смѣнится для него злополучіемъ,—вопросъ этотъ можетъ возникнуть и отъносительно блаженной жизни самого перваго человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, если онъ зналъ напередъ о своемъ будущемъ грѣхѣ и божественномъ наказаніи, то какъ же онъ могъ быть блаженнымъ? Стало быть, въ раю онъ не былъ блаженнымъ. Но, можетъ быть, онъ не зналъ о будущемъ грѣхѣ своемъ? Стало быть, вслѣдствіе этого незнанія онъ или не увѣренъ былъ въ своемъ блаженствѣ, и въ такомъ случаѣ какимъ образомъ былъ истинно блаженнымъ? или увѣренъ ложною надеждой, и въ такомъ случаѣ какимъ образомъ не былъ глупымъ?

Но мы можемъ однако имѣть представленіе о блаженной въ своемъ родѣ жизни человѣка, который находится еще въ душевномъ тѣлѣ и которому за послушную жизнь должны быть даны сообщество Ангеловъ и измѣненіе душевнаго тѣла въ духовное. хотя бы онъ и не зналъ о будущемъ грѣхѣ своемъ. Ибо не знали этого и тѣ, которымъ Апостоль говоритъ: *Вы духовнии исправляйте такового духомъ кротости, блудый себе, да не и ты искушенъ будещи* (Гал. VI, 1), и тѣмъ не менѣе нисколько не будетъ страннымъ и нелѣпымъ, если мы скажемъ, что они были блаженными потому уже, что были духовными, не тѣломъ, а праведностію вѣры, *упованіемъ радующеся, скорби терпяще* (Рим. XII, 12). Тѣмъ больше и полнѣе былъ блаженъ въ раю первый человѣкъ, хотя и не зналъ о своемъ будущемъ паденіи, такъ какъ награда будущаго измѣненія наполняла его такою радостью, что въ немъ не было никакой скорби, для перенесенія которой ему нужно было бы терпѣніе. Ибо его увѣ-

ренность была не тщетнымъ упованіемъ на неизвѣстное, какъ у глупаго, но вѣрующею надеждою; прежде чѣмъ достигнуть той жизни, когда ему надлежало бы быть вполне увѣреннымъ въ своей вѣчной жизни, онъ могъ радоваться, какъ написано, съ трепетомъ (псал. 2, ст. 12), и этою радостью быть въ раю гораздо больше блаженнымъ, чѣмъ блаженны святыя въ настоящей жизни, нѣкоторымъ, конечно, низшимъ образомъ, чѣмъ будутъ блаженны святыя въ вѣчной жизни святыхъ и пренебесныхъ Ангеловъ, но во всякомъ случаѣ — своимъ образомъ.

ГЛАВА XIX.

Состояніе Ангеловъ.

Сказать же о нѣкоторыхъ Ангелахъ, что они могли быть въ своемъ извѣстномъ родѣ блаженными, не будучи увѣрены въ своей будущей неправедности и въ осужденіи, или, по крайней мѣрѣ, въ постоянномъ благополучіи, такъ какъ для нихъ въ такомъ случаѣ не существовало бы надежды, что и они нѣкогда вслѣдствіе извѣстнаго измѣненія на лучшее будутъ въ этомъ увѣрены, — сказать такъ едва ли допустимо; развѣ уже мы скажемъ, что эти Ангелы такъ были сотворены и въ своемъ міровомъ служеніи подчинены другимъ болѣе высшимъ и блаженнымъ Ангеламъ, чтобы за правильное прохожденіе возложенныхъ на нихъ обязанностей могли получить ту блаженную и высшую жизнь, относительно которой могли бы быть вполне увѣрены и радуясь надеждой на которую могли бы быть уже названы блаженными. Если изъ числа ихъ испалъ діаволъ съ сообщниками своей неправды, то это подобно тому, какъ отпадаютъ отъ праведности вѣры и люди, которые уклоняются съ праваго пути вслѣдствіе подобной же гордости, или обольщая самихъ себя, или же послушно слѣдуя за тѣмъ же обольстителемъ.

Но пусть, кто можетъ, утверждаетъ эти два класса Ангеловъ—пренебесныхъ, въ числѣ которыхъ никогда не былъ тотъ, кто вслѣдствіе паденія сталъ діаволомъ, и мірскихъ, въ числѣ которыхъ онъ находился,—я съ своей стороны признаюсь, что пока не встрѣтилъ данныхъ утверждать эти два класса на основаніи Писаній, но въ виду вопроса, зналъ-ли діаволъ прежде, чѣмъ палъ, о своемъ паденіи, я, чтобы не сказать, будто Ангелы теперь не увѣрены или были когда-нибудь не увѣрены въ своемъ блаженствѣ, высказался такъ, что есть основаніе думать, что діаволъ палъ и не устоялъ въ истинѣ съ самаго начала творенія, т. е. или съ самаго начала времени, или съ начала своего созданія.

ГЛАВА XX.

Мнѣніе, что діаволъ сотворенъ злымъ.

Отсюда, нѣкоторые полагаютъ, что онъ впалъ въ эту злобу не по своей свободной волѣ, а былъ и сотворенъ съ нею, хотя сотворенъ всевышнимъ и истиннымъ Господомъ Богомъ, творцемъ всѣхъ природъ, и приводятъ свидѣтельство изъ книги Іова, въ которой, когда рѣчь идетъ о діаволѣ, написано (XI, 14): *Си есть начало созданія Господня: сотворенъ поруганъ быти Ангелы Его* (а этому изреченію соответствуетъ написанное въ псалмѣ: *Змій сей, егоже создалъ еси ругатися ему* [пс. 103, 26], если только выраженіе: *егоже создалъ еси* тождественно съ выраженіемъ: *Си есть начало созданія Господня*), т. е. какъ бы такъ, что Богомъ въ началѣ онъ созданъ злымъ, завистливымъ, обольстителемъ, совершенно діаволомъ, не своею волею развратился, а такимъ и сотворенъ.

ГЛАВА XXI.

Опровергается это мнѣніе.

Но какъ согласить это мнѣніе съ написаннымъ, что Богъ сотворилъ все добро зѣло (Быт. 1, 31)? Правда, они стараются оправдать себя и съ нѣкоторой нескладицей и не-научностью утверждаютъ, что не только въ первомъ своемъ твореніи, но даже и въ настоящее время, при существованіи столькихъ развращенныхъ волей, въ общемъ все сотворенное, т. е. вся рѣшительно тварь, добро зѣло не потому, что злые въ ней добры, а потому, что они не проявляютъ своей злости настолько, чтобы красота и порядокъ вселенной подъ властью, премудростію и силой Бога-Промыслителя, безобразились и нарушались въ какой-либо части, ибо каждой изъ волей, даже и злой, опредѣлены извѣстныя и соотвѣтственныя границы власти и извѣстное количество заслугъ, такъ что и при существованіи этого рода волей, соотвѣтствующимъ и справедливымъ образомъ упорядочиваемыхъ, вселенная остается прекрасною. Но такъ какъ каждому представляется истиннымъ и очевиднымъ, что было бы противорѣчіемъ справедливости, если бы Богъ безъ всякой предшествующей заслуги осуждалъ въ комъ-либо то, что самъ Онъ сотворилъ, и такъ какъ объ осужденіи діавола и ангеловъ его мы встрѣчаемъ несомнѣнный и ясный рассказъ въ Евангеліи, въ которомъ Господь предвозвѣстилъ, что Онъ скажетъ сущимъ ошуюю Его: *Идите въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его* (Мѣ. XXV, 41): то во всякомъ случаѣ надобно думать, что осужденія на вѣчный огонь должна ожидать съ діаволомъ не природа, которую сотворилъ Богъ, а собственная его злая воля.

ГЛАВА XXII.

Испровергается самая основа этого мнѣнія.

И словами: *Си есть начало созданія Господня, сотворенъ поруганъ быти Ангелы Его* указывается вовсе не

на природу его, а или на воздушное тѣло, которымъ Богъ приличнымъ образомъ снабдилъ подобную волю, или на тотъ порядокъ, по которому Онъ сотворилъ его небольшимъ орудіемъ пользы для добрыхъ, или на то, что хотя Богъ и предвидѣлъ, что онъ будетъ злымъ по собственной своей волѣ, однако сотворилъ его, не щадя Своей благодати для жизни и субстанціи, которая должна будетъ обнаружить себя вредною волею, и въ то же время предвидя, сколько добра Онъ сдѣлаетъ изъ нея по Своей удивительной благодати. Началомъ же созданія Господня, которое Богъ сотворилъ быть поруганнымъ Ангелами Его, онъ названъ не потому, что Богъ первоначально или въ началѣ создалъ его злымъ, а потому, что хотя Богъ и зналъ, что діаволъ по своей волѣ будетъ злымъ, дабы вредить добрымъ, однако сотворилъ его, дабы онъ тѣмъ самымъ былъ полезенъ добрымъ. Ибо это и значить для діавола быть поруганнымъ Ангелами Его, что, когда приносятъ святымъ пользу его искушенія, которыми онъ старается совратить ихъ, онъ остается поруганнымъ такъ, что злоба, въ которой захотѣлъ онъ самъ быть, противъ его воли является полезною для рабовъ Божіихъ: предвидя это, Богъ и сотворилъ его. А началомъ для поруганія онъ [названъ] потому, что и злые люди, сосуды діавола и какъ бы тѣло головы его, о которыхъ хотя Богъ и предвидѣлъ, что они будутъ злыми, однако сотворилъ ихъ для пользы святыхъ, точно такимъ же образомъ бывають поруганы, когда, не смотря на ихъ желаніе вредить, примѣромъ ихъ внушается святымъ предостереженіе, благоговѣйная покорность Богу, разумѣніе благодати, упражненіе въ терпимости по отношенію къ злымъ и въ любви ко врагамъ. Но началомъ созданія, которое подвергается такому поруганію, онъ является потому, что превосходитъ ихъ и древностью времени, и первенствомъ злобы. Это поруганіе устраиваетъ ему Богъ чрезъ святыхъ Ангеловъ, по дѣйствию Своего промысленія, по которому Онъ уфра-

вляеть сотворенными природами, подчиняя злыхъ ангеловъ добрымъ такъ, чтобы нечестіе злыхъ, и притомъ злыхъ не только ангеловъ, но и людей, имѣло силу не настолько, насколько она стремится имѣть ее, а насколько поцускается, доволѣ та самая правда, которую бываютъ живы отъ вѣры (Рим. 1, 17) и которая въ настоящее время съ долготерпѣніемъ обнаруживается на людяхъ, обратится на судъ (пс. 93, 15), дабы и они могли судить не только двѣнадцать колѣвъ Израиля (Мѣ. XIX, 28), но и самихъ Ангеловъ (1 Кор. VI, 3).

ГЛАВА XXIII.

Какъ надобно понимать, что діаволъ не устоялъ въ истинѣ.

Такимъ образомъ, мысль, что діаволъ никогда не стоялъ въ истинѣ и что онъ никогда не проводилъ блаженной жизни съ Ангелами, а палъ съ самаго начала своего сотворенія, надобно понимать такъ, что онъ развратился по собственной волѣ, а не сотворенъ Богомъ злымъ; въ противномъ случаѣ не слѣдовало бы и говорить, что онъ искони палъ (Іоан. VIII, 44), ибо онъ не палъ, разъ такимъ и сотворенъ. Но будучи сотворенъ, онъ постоянно отвращается отъ свѣта истины, надмеаясь гордостью и развращаясь вожделѣніемъ собственной власти; почему онъ не вкусилъ сладости блаженной и ангельской жизни, которой онъ не возгнушался, уже получивъ ее, а оставилъ и обошелъ ее, не пожелавъ принять. Отсюда, онъ не могъ напередъ знать о своемъ паденіи, такъ какъ мудрость есть плодъ благочестія. Онъ же, будучи постоянно нечестивымъ и слѣдовательно по уму слѣпымъ, отпалъ не отъ того, что уже получилъ, но отъ того, что получилъ бы, если бы пожелалъ быть покорнымъ Богу; а такъ какъ онъ этого не пожелалъ, то и отъ того отпалъ, что имѣлъ получить, и отъ Того не уврылся, Кому не захотѣлъ покориться. Поэтому совершенно заслуженно случи-

лось съ нимъ, что онъ не можетъ ни услаждаться свѣтомъ правды, ни освободиться отъ ея приговора.

ГЛАВА XXIV.

Слова: Како спаде съ небесе Денница, и проч. надобно поимать о таинственномъ тѣлѣ діавола. — Тѣло Христа. — Тѣло діавола.

Отсюда, слова пророва Исаи: *Како спаде съ небесе Денница, восходящая завтра? сокрушися на земли посылаяй ко встѣмъ языкомъ. Ты же реклъ еси въ умъ твоемъ: на небо възду, выше звездъ небесныхъ поставлю престолъ мой, сяду на горъ висоцъ, на горахъ высокихъ, яже къ стверу. Возду выше облакъ, буду подобенъ Вышнему. Нынь же во адъ спидеши,* и проч. (Иса. XIV, 12—15),— слова, которыя подъ образомъ Вавилонскаго царя разумѣють діавола, весьма во многомъ относятся къ его тѣлу, которое онъ набираетъ и изъ человѣческаго рода, и въ особенности къ тѣмъ, кои, по отпаденіи отъ заповѣдей Божіихъ, соединяются съ нимъ гордостью. Ибо какъ человѣкомъ называется въ Евангеліи тотъ, кто былъ діаволомъ, напр. въ словахъ: *врагъ чловѣкъ сотвори сіе* (Мѡ. XII, 28), такъ въ Евангеліи же называется діаволомъ тотъ, кто былъ человѣкомъ, напр. въ словахъ: *не азъ ли васъ дванадесяте избрахъ, и единъ отъ васъ діаволъ есть* (Іоан. VI, 70)? И какъ тѣло Христово, т. е. Церковь, называется Христомъ, напр. въ словахъ: *убо Авраамле стѣмя есте* (Гал. III, 29), такъ какъ нѣсколько выше [Апостоль] сказалъ: *Аврааму речени быша обѣты, и стѣмени его. Не глаголетъ же: и стѣменемъ, яко о мнозыхъ, но яко о единомъ: и стѣмени твоему, иже есть Христосъ* (Гал. III, 16). И еще *якоже бо тѣло едино есть, и уди многи иматъ, вси же уди, единого тѣла мнози суще, едино тѣло суть: тако и Христосъ* (I Кор. XII, 12). Такъ точно и діаволово тѣло, глава коему

дiаволѣ. т. е. все множество нечестивыхъ, въ особенности тѣхъ, которые отпадаютъ отъ Христа или Церкви, какъ бы спадая съ неба, называется дiаволомъ, и многое, что приличествуетъ не столько головѣ, сколько тѣлу и членамъ, въ иносказательномъ смыслѣ относится къ этому тѣлу. Такимъ образомъ, подъ Денницей, которая восходила утромъ и пала, можно разумѣть родъ отступниковъ или отъ Христа, или отъ Церкви; ибо онъ точно такъ же обращается во тьмѣ, лишившись свѣта, носителемъ котораго былъ, какъ тѣ, которые обращаются къ Богу, переходятъ отъ тьмы къ свѣту, т. е. бывши тьмою, останоятся свѣтомъ.

ГЛАВА XXV.

О томъ же самомъ тѣлѣ сказано и слѣдующее: Ты еси печать уподобленiя, и проч. Рай.—Церковь.

Точно также подъ образомъ вiязя Тирскаго разумѣютъ дiавола и слова пророка Иезекииля: *Ты еси печать уподобленiя... и вѣнецъ доброты, въ сладости рая Божiя былъ еси, всякимъ каменiемъ драгимъ украсился еси* (Иез. XXVIII, 12), и проч., которыя приличествуютъ не столько самому духу—вiязю дубавства, сколько тѣлу его. Ибо раемъ называется Церковь, какъ читаемъ въ Пѣсни Пѣсней: *вертоградъ заключенъ, ... источникъ запечатленъ, кладезь, воды живой, рай съ плодомъ яблочнымъ* (IV, 12). Отъ нея отпала или видимо и тѣлеснымъ образомъ всѣ еретики, или скрыто и духовнымъ образомъ, хотя повидимому въ ней оставаясь, всѣ возвратившiеся на блевотину свою (Прит. XXVI, 11; 2 Петр. II, 22), если они послѣ отпущенiя всѣхъ грѣховъ очень не долго слѣдовали по пути правды,—въ которыхъ послѣдующее стало хуже прежняго и которымъ нужно было не столько познать путь правды, сколько познавши его опять отвратиться отъ преданной имъ святой заповѣди. Этотъ непотребнѣйшiй родъ описываетъ Господь,

когда говорить, что нечистый духъ выходитъ изъ человѣка, потомъ возвращается съ другими семью и водворяется въ домѣ, который нашелъ уже вычищеннымъ; такъ что послѣдняя человѣку тому будутъ горша первыхъ (Мѡ. XII, 44). Въ такому роду людей, который уже становится тѣломъ діавола, могутъ быть приложимы слѣдующія слова: *Отъ негоже дне созданъ еси, ты съ Херувимомъ* (т. е. съ престоломъ Божиимъ, который толкуютъ съ многоразличнымъ знаніемъ), *вчинихъ тя въ горъ святый Божіи* (т. е. въ Церкви, откуда: *И услыша мя отъ горы святыя своя, пс. 3, 5), былъ еси среди камней огненныхъ* (т. е. святыхъ, духомъ служащихъ живыхъ камней), *былъ еси ты непороченъ во днѣхъ твоихъ, отъ негоже дне созданъ еси, дондеже обрѣтошася неправды въ тебѣ* (Іез. XXIII, 14 и сл.).—Эти мѣста могутъ быть подвергнуты болѣе тщательному разсмотрѣнію, которое, быть можетъ, показало бы, что не только такое пониманіе ихъ возможно, но иное пониманіе къ нимъ рѣшительно и не приложимо.

ГЛАВА XXVI.

Заключеніе о сотвореніи и паденіи діавола.

Но такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко, а между тѣмъ вопросъ нашъ требуетъ отъ насъ другой рѣчи, то въ настоящемъ случаѣ достаточно будетъ свазать вратцѣ, что или діаволь, по нечестивой гордости, съ самаго начала отпалъ отъ блаженства, которое онъ имѣлъ получить, если бы захотѣлъ, или существуютъ въ настоящемъ мірѣ другіе Ангелы низшаго служенія, среди которыхъ онъ жилъ, наслаждаясь, самъ того не зная, нѣкоторымъ блаженствомъ и отъ сообщества съ которыми отпалъ по гордому нечестію вмѣстѣ съ своими ангелами, какъ архангелъ. Если это кажимъ-нибудь образомъ возможно утверждать (а удивительно, если возможно), то нужно найти объясненіе или тому, ка-

кимъ образомъ всѣ святые Ангелы, если нѣкогда діаволь жилъ среди нихъ вмѣстѣ съ своими ангелами такую же блаженною жизнію, еще не знали навѣрное о своемъ постоянномъ блаженствѣ, а получили это знаніе уже послѣ его паденія, или тому, за какое преступленіе отлученъ онъ съ своими сообщниками отъ остальныхъ Ангеловъ равнше своего грѣха, разъ онъ не зналъ о своемъ будущемъ паденіи, а они были увѣрены въ своей твердости, если только мы нисколько не сомнѣваемся, съ одной стороны, что согрѣшившіе ангелы свергнуты какъ бы въ темницу сего воздушнаго, лежащаго поверхъ земли, мрака, согласно съ апостольскою вѣрою, что они сохраняются для наказанія на судѣ (2 Петр. II, 4), съ другой—что въ высшемъ блаженствѣ Ангеловъ нѣтъ неизвѣстности касательно вѣчной жизни, да и намъ, по милосердію и благодати Божіей и по вѣроуказанію, не невѣдома будущая жизнь, когда мы, по воскресеніи и измѣненіи настоящихъ тѣлъ, соединены будемъ съ святыми Ангелами. Для этой надежды мы живемъ и ради этого обѣтованія возсозидаемся. А что можно еще сказать о діаволѣ, именно—почему сотворилъ его Богъ, когда предвидѣлъ, что онъ будетъ такимъ, и почему, будучи всемогущимъ, не обратилъ его воли на добро,—все это или объяснится или станетъ вѣроятнымъ или отвернется, если можетъ быть открыто что-нибудь лучшее, на основаніи предыдущихъ разсужденій, когда мы будемъ говорить о злыхъ людяхъ.

ГЛАВА XXVII.

Объ искушеніи, совершенномъ діаволомъ при посредствѣ змѣя.

Итакъ, Тѣмъ, Кто имѣетъ высшую власть надъ всею тварью чрезъ святыхъ Ангеловъ, которыми діаволь бываетъ поруганъ, когда даже и самая неприязнь его обращается къ

пользѣ Церкви Божіей, поущено было ему искусить жену не иначе, какъ при посредствѣ змія, а мужа—не иначе, какъ чрезъ жену; но въ змѣ онъ говорилъ, пользуясь имъ какъ органомъ и двигая его природу такъ, какъ можетъ онъ ее двигать, а она двигаться, для выраженія словесныхъ звуковъ и тѣлесныхъ знаковъ, при помощи коихъ жена могла бы понять волю обольстителя. Въ женѣ же, природѣ разумной, которая можетъ пользоваться своимъ собственнымъ движеніемъ для произведенія словъ, говорилъ уже не діаволь, а его дѣйствіе и убѣжденіе, хотя при помощи сокровеннаго инстинкта онъ болѣе внутренно способствовалъ тому, что при помощи змія раньше произвелъ внѣшнимъ образомъ. Въ душѣ, охваченной гордою любовью къ собственной власти, онъ могъ бы произвести это и при помощи одного только инстинкта внутренно, какъ дѣйствовалъ онъ въ Іудѣ, чтобы тотъ предалъ Христа (Іоан. XII, 2); но, какъ уже сказалъ я, діаволь имѣетъ волю искушать, но не въ его власти—ни чтобы совершить искушеніе, ни какъ его совершить. Отсюда, онъ совершилъ искушеніе потому, что ему было поущено, и совершилъ такъ, какъ было поущено; но онъ не зналъ и не хотѣлъ, чтобы какому-нибудь роду людей было полезно то, что онъ сдѣлалъ, и вотъ этимъ-то самымъ онъ и былъ поруганъ Ангелами.

ГЛАВА XXVIII.

Понималъ-ли змій произносимыя имъ слова.

Такимъ образомъ, змій не понималъ тѣхъ словесныхъ звуковъ, которые слышала отъ него жена. Ибо немислимо, чтобы его душа была превращена въ разумную природу, такъ какъ и сами люди, хотя природа ихъ и разумна, не знаютъ, что говорятъ, когда въ нихъ говорить демонъ въ болѣзненномъ ихъ состояніи, при которомъ бываютъ нужны закливатели; тѣмъ меньше змій понималъ словесные звуки,

которые чрезъ него и изъ него производилъ діаволъ, такъ какъ онъ не понялъ бы и говорящаго человѣка, если бы слышалъ его въ состояніи свободномъ отъ діавольскаго вліянія. Даже и въ томъ случаѣ, когда, какъ думаютъ, змѣи слышатъ и понимаютъ слова марсовъ¹⁾, выползая при ихъ заклинаніяхъ изъ своихъ логовищъ,—даже и въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ діавольская сила, къ показанію, что и чему всеобщее промышленіе подчиняетъ по естественному порядку и что оно съ премудрою властью дозволяетъ даже злымъ волямъ; вслѣдствіе чего змѣи чаще повинуются заклинаніямъ людей, чѣмъ кабой-либо другой родъ животныхъ. Последнее обстоятельство служитъ даже немалымъ свидѣтельствомъ, что человѣческая природа первоначально была прельщена рѣчью змія. Демоны радуются такой, данной имъ, власти, что по заклинанію людей, они могутъ употреблять змѣй для обмана тѣхъ, кого хотятъ они обмануть. Людямъ же дозволяется это въ цѣляхъ увѣковѣчить въ нихъ воспоминаніе объ изначальномъ событіи, которое устанавливаетъ нѣкоторое ихъ содружество съ этимъ родомъ животныхъ. А самое это событіе попущено было для того, чтобы человѣческому роду, для назиданія котораго надобно было описать это происшествіе, при посредствѣ змія дать образецъ и всякаго діавольскаго искушенія, что станетъ яснѣе, когда мы будемъ говорить о божественномъ приговорѣ на змія.

ГЛАВА XXIX.

Почему змій названъ благоразумнѣйшимъ.

Поэтому благоразумнѣйшимъ изъ всѣхъ звѣрей, т. е. хитрѣйшимъ, змій названъ по причинѣ діавольской хитрости, которая въ немъ и отъ него производила коварство, подобно тому, какъ благоразумнымъ или хитрымъ назы-

¹⁾ Марсы — народъ въ Лациі, при фуцинскомъ озерѣ, извѣстный ворожбою и заговариваніемъ змѣй.

вается языкъ, которымъ движется благоразумный или хитрый человекъ, чтобы благоразумно или хитро убѣдить въ чемъ-нибудь. Ибо языкомъ называется не сила тѣлеснаго органа, а безъ сомнѣнія сила ума, которая языкомъ пользуется. Подобнымъ образомъ называется стиль писцевъ живымъ, хотя быть живымъ составляетъ свойство только [существа] живаго и чувствующаго; но стиль называется живымъ потому, что при его посредствѣ дѣйствуетъ живо-живый, подобно тому, какъ если бы и тотъ змій былъ названъ живымъ потому, что имъ, какъ стилемъ, живо пользовался діаволь.

Объ этомъ я счелъ необходимымъ напомнить потому, чтобы кто-нибудь, выходя изъ представленія, что животныя, лишеныя человѣческаго разума, имѣютъ разумніе, или вдругъ превращаются въ животное разумное, не увлекся страннымъ и вреднымъ мнѣніемъ о превращеніи душъ или людей въ звѣрей, или звѣрей въ людей. Если же змій говорилъ съ человекомъ, какъ говорила же съ человекомъ и ослица, на которой сидѣлъ Валаамъ (Числ. XII, 28), то первое было дѣйствіемъ діавольскимъ, а послѣднее — ангельскимъ. Ибо добрые и злые ангелы имѣютъ нѣкоторыя сходныя дѣйствія, какъ — Моисей и волхвы фараона (Исход. VII, II). Но въ этихъ дѣйствіяхъ добрые Ангелы гораздо могущественнѣе, и если злые ангелы могутъ производить что-нибудь подобное, то потому только, что имъ дозволяетъ это Богъ черезъ добрыхъ Ангеловъ, дабы каждому было воздано по сердцу его, или по благодати Божіей, но въ томъ и другомъ случаѣ правосудно и милостиво, чрезъ глубину богатства премудрости Божіей (Рим. XI, 33).

ГЛАВА XXX.

Разговоръ змія съ женой. — Забвеніе заповѣди Божіей.

И рече змій женѣ: что яко рече Богъ: да не ясте отъ всякаго древа райскаго? И рече жена змію: отъ плода

древа, которое въ раю, *ясте будемъ, отъ плода же древа, еже есть посреда рая, рече Богъ: да не ясте отъ него, ниже прикоснетесь ему, да не смертию умрете* (Быт. III, 1—4). — Сначала спрашиваетъ змій, а потомъ отвѣчаетъ жена для того, чтобы преступленіе было неизвинительнымъ и чтобы никакъ уже нельзя было сказать, будто жена забыла заповѣдь Божию. Хотя уже и забвеніе заповѣди, въ особенности одной и столь необходимой, дѣлало бы ее виновною въ предосудительномъ небреженіи; но преступленіе этой заповѣди является очевиднѣе, когда она удерживается памятью и когда оскорбляется какъ бы присутствующій въ памяти Богъ. Отсюда, въ псалмѣ къ словамъ: *и помнящихъ заповѣди Его* необходимо было прибавить: *творити я* (120, 18). Ибо многіе помнятъ ихъ, чтобы нарушать, впадая въ большій грѣхъ преступленія, когда нѣтъ никакого извиненія забвенію.

И рече змій женѣ: не смертию умрете. Вѣдѣши бо Богъ, яко въ онъже... день сънѣте отъ него, отверзутся очи ваша и будете яко боги, вѣдѣши доброе и лукавое. Если на основаніи этихъ словъ она повѣрила, что имъ воспрещено отъ Бога нѣчто доброе и полезное, то не существовало-ли уже въ душѣ ея любви къ собственной власти и гордаго самопревозношенія, которыя нужно было этимъ искушеніемъ побѣдить и уничтожить? Затѣмъ, не удовольствовавшись словами змія, она взглянула на дерево: *и видѣтъ, яко добро древо въ снѣдѣ и яко угодно очима видѣти и, не вѣря, чтобы можно было отъ него умереть* (вѣроятно, она подумала, что слова: *въ онъже аще день сънѣте отъ него смертию умрете* изречены Богомъ для какого-нибудь знаменованія), взяла отъ плода его, ѣла и дала мужу своему, съ какимъ-нибудь, можетъ быть, словомъ убѣжденія, о чемъ Писаніе умолчало и оставило догадываться. А можетъ быть, впрочемъ, мужъ не имѣлъ уже и надобности въ убѣжденіи, разъ видѣлъ, что жена не умерла отъ этого вкушенія.

ГЛАВА XXXI.

На что открылись очи Адама и Евы.

И ядоша и отверзошася очи объма. На что? Не на что иное, какъ на взаимное похотствованіе—это, порожденное смертью, наказаніе самой плоти за грѣхъ; такъ что ихъ тѣло было уже не душевнымъ (I Кор. XV, 44), которое, если бы они сохранили послушаніе, могло и безъ смерти измѣниться въ лучшее и духовное свойство, а тѣломъ смерти, въ которомъ законъ, сущій въ членахъ, противоюетъ закону ума (Рим. VII, 23). Вѣдь не были же они сотворены съ закрытыми глазами, и въ раю сладостей не оставались же слѣпыми и не ошупывали дороги, чтобы дойти, не зная пути, до запрещеннаго дерева и ошупью сорвать запрещенный плодъ. Какъ же бы приведены были къ Адаму животныя и птицы *видѣти, что наречетъ я* (Быт. II, 19), если онъ не видѣлъ? И какъ бы приведена была къ мужу жена, когда была сотворена, чтобы онъ, не видя ея, сказалъ о ней: *се нынѣ кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моя* (Быт. II, 22), и пр.? Наконецъ, какъ бы разглядѣла жена, *яко добро есть древо въ саду и яко угодно видѣти очима и красно есть еже разумѣти* (Быт. III, 6), если очи ихъ были закрыты?

Однако, изъ-за переносаго значенія одного слова ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ принимать въ иносказательномъ смыслѣ все. Не мое дѣло, въ какомъ смыслѣ сказалъ змій: *отверзутся очи ваша*; что онъ сказалъ такъ, объ этомъ рассказываетъ писатель книги, а въ какомъ значеніи сказалъ, это предоставлено обсужденію читателя. Но написанное: *и отверзошася очи объма и видѣша, яко назви бѣша* написано въ томъ же смыслѣ, въ какомъ повѣствуется о всѣхъ совершившихся тогда событіяхъ и не должно вести насъ къ аллегорическому повѣствованію. Ибо и Евангелистъ - повѣствователь не чьи-нибудь иносказательныя из-

реченія приводитъ отъ чужаго лица, а рассказываетъ отъ своего лица о томъ, что случилось, когда говорить о двухъ ученикахъ, изъ коихъ одинъ былъ Клеопа, что въ то время, какъ Господь преломлялъ имъ хлѣбъ, у нихъ *отверзошася очи и познаста Его*, Кого не узнали въ продолженіе пути (Лук. XXIV, 31): безъ сомнѣнія, они шли съ глазами не закрытыми, а такими, которые не могли узнать Его. Такимъ образомъ, какъ тамъ, такъ и въ этомъ мѣстѣ повѣствованіе иносказательное, хотя Писаніе въ настоящемъ случаѣ пользуется переноснымъ выраженіемъ для того, чтобы назвать отверзтыми глаза, которые и раньше были открыты, — отверзтыми конечно для созерцанія и познанія чего-нибудь такого, чего они дотолѣ не замѣчали. Ибо тамъ возникло жадное любопытство въ преступленію заповѣди, страстно желавшее испытать неизвѣстное, именно — что послѣдуетъ за запрещеннымъ вѣушеніемъ, и улаждавшееся вредною свободою сбросить узы запрещенія, въ вѣроятномъ предположеніи, что не послѣдуетъ смерти, которой они боялись. Дѣйствительно, яблоко на запрещенномъ деревѣ, надобно думать, было такимъ же, какое на другихъ деревьяхъ они по опыту знали какъ безвредное; отсюда, они скорѣе думали, что Богъ легко проститъ ихъ, когда они согрѣшатъ, нежели терпѣливо могли сносить незнаніе чего-нибудь, даже и того, почему Богъ запретилъ имъ брать съ этого дерева плодъ. Поэтому сейчасъ же вслѣдъ за преступленіемъ заповѣди, они, лишившись внутренно оставившей ихъ благодати, которую они оскорбили надменіемъ и гордою любовью къ собственной власти, остановили взоры на своихъ членахъ и почувствовали въ нихъ похоть, какой раньше не знали. И такъ, ихъ глаза открылись на то, на что раньше они не были открыты, хотя на все другое и были открыты.

ГЛАВА XXXII.

Начало смертности и похоти.—Фиговые передники.

Въ тотъ же самый день, въ который совершилось то, что Богъ воспретилъ, явилась смерть. Ибо съ утратой дивнаго состоянія, ихъ тѣло, которое поддерживалось таинственною силою и отъ древа жизни, благодаря которой они не могли ни подвергаться болѣзни, ни измѣняться въ возрастъ, такъ что вкушеніемъ съ древа жизни въ ихъ плоти, хотя еще душевной и долженствовавшей измѣняться потомъ къ лучшему, обозначалось то, что въ Ангелахъ, вслѣдствіе участія ихъ въ вѣчности, происходитъ отъ духовнаго питанія мудростью (символомъ чего служило древо жизни), такъ что они не могутъ измѣняться къ худшему,—итакъ, говорю, съ утратой дивнаго состоянія, ихъ тѣло получило болѣзненное и смертное свойство, присущее и плоти скотовъ, а отсюда и—самое то движеніе, вслѣдствіе котораго въ скотахъ возникаетъ стремленіе къ сонтію, дабы рождающіяся преемствовали умирающимъ; но, будучи и въ самомъ этомъ наказаніи показательницей своего благородства, разумная душа почувствовала стыдъ предъ этимъ скотскимъ движеніемъ,—стыдъ, который проникъ въ нее не только потому, что она почувствовала постыдное движеніе тамъ, гдѣ раньше не чувствовала ничего подобнаго, но и потому, что это движеніе явилось слѣдствіемъ преступленія заповѣди. Ибо она почувствовала теперь, вакою раньше облечена была благодатью, когда въ наготѣ своей не испытывала ничего непристойнаго. Въ этомъ случаѣ исполнились слова: *Господи, волею твоею подаждь добротѣ моей силу, отврати же еси лице твое и быхъ смущенъ* (пс. 29, 8). Въ состояніи этого смущенія они прибѣгли къ фіговымъ листьямъ, сшили передники и, утративъ достославное, прикрыли ими срамное. Не думаю,

чтобы въ этихъ листьяхъ они видѣли что-нибудь такое, чѣмъ считали приличнымъ прикрыть свои уже зудѣвшіе члены; но въ своемъ тогдашнемъ смущеніи они, сами того не зная, тайнымъ яствиветомъ расположилось устроить такое обозначеніе своего наказанія, которое бы обличало дѣяніе грѣшниковъ и, будучи описано, назидало читателя.

ГЛАВА XXXIII.

Голосъ Бога ходящаго въ раю.

И услышаста гласъ Господа Бога, ходяща въ раю къ вечеру (Быт. III, 8). Въ этотъ именно часъ прилично было посѣтить тѣхъ, которые отпали отъ свѣта истины. Можетъ быть, прежде Богъ говорилъ съ ними другими удобоизъяснимыми или не удобоизъяснимыми способами, внутренно, какъ говорить Онъ съ Ангелами, непреложною истиной просвѣщая умы ихъ, которымъ дано знать разомъ все, что происходитъ во времени даже и не разомъ. Можетъ быть, говорю, Онъ говорилъ съ ними хотя и не съ такимъ удѣленіемъ божественной премудрости, которую получаютъ Ангелы, но, по человѣческой мѣркѣ, съ гораздо меньшимъ, однако подъ тѣмъ же самымъ образомъ посѣщенія и бесѣдованія, а можетъ быть и такимъ, который совершается при посредствѣ твари или въ состояніи экстаза чрезъ тѣлесные образы, или же чрезъ тѣлесные органы, когда является какой-нибудь образъ или зрѣнію, или слуху, какъ Богъ обыкновенно бываетъ видимъ въ образѣ своихъ Ангеловъ, или звучить изъ облака. Но въ настоящемъ случаѣ они слышали голосъ Бога, ходящаго въ раю предъ вечеромъ, не иначе, какъ видимо, при посредствѣ твари, дабы не возникло въ нихъ мысли, что ихъ тѣлеснымъ чувствамъ явилась мѣстнымъ и временнымъ движеніемъ самая невидимая и всюду цѣлая субстанція Отца, и Сына, и Святаго Духа.

И скрывается Адамъ и жена его отъ лица Господа Бога посредѣ древи райскаго (Быт. III, 8). Если человекъ, когда Богъ отвращаетъ отъ него лицо свое, бываетъ смущенъ, то мы не должны удивляться, что тутъ происходитъ нѣчто похожее на безуміе, вслѣдствіе крайняго стыда и страха, а также и по безпокойному тайному инстинкту, подъ вліяніемъ котораго они безсознательно дѣлали то, что имѣло значеніе для потомковъ, ради которыхъ эти событія и описаны.

ГЛАВА XXXIV.

Адамъ, скрывающійся по причинѣ наготы, вопрошается Богомъ. — Плотская нагота.

И призвалъ Богъ Адама и рече ему: гдѣ еси (Быт. III, 9)? Это голосъ упрекающаго, а не незнающаго, и безъ сомнѣнія имѣетъ нѣкоторое знаменованіе, потому что какъ заповѣдь была дана мужу, чрезъ котораго она дошла до жены, такъ и спрашивается впередъ мужъ. Ибо заповѣдь отъ Господа доходитъ чрезъ мужа до жены, а заповѣдь отъ діавола доходитъ чрезъ жену до мужа. Все это полно таинственныхъ знаменованій не со стороны самихъ дѣйствующихъ лицъ, съ которыми это случилось, а со стороны дѣйствовавшей въ нихъ всемогущей премудрости Божіей. Но въ настоящемъ случаѣ мы не таинственныя значенія раскрываемъ, а защищаемъ совершившіяся событія.

Адамъ отвѣчаетъ: *Гласъ слышахъ тебе ходяща въ раи, и убояхся, яко нагъ есмь, и скряхся* (Быт. III, 10). Достаточно вѣроятно, что Богъ являлся первымъ людямъ обыкновенно въ человѣческой формѣ чрезъ приличную для этого дѣйствія тварь; но, направляя ихъ вниманіе къ высшему, Онъ дозволилъ имъ замѣтить наготу свою только тогда, когда они послѣ грѣха почувствовали постыдное движеніе въ членахъ. Поэтому они оказались въ такомъ со-

стояніи, въ какое обыкновенно приходятъ люди, когда на нихъ бывають устремлены взоры людей, и это состояніе, какъ слѣдствіе наказанія за грѣхъ, было такимъ, что они хотѣли утаиться отъ Того, отъ Кого нельзя ничего утаить, и Кто видитъ сердце, отъ Того хотѣли скрыть свою плоть. Но что же удивительнаго, если гордецы, желавшіе стать яко бози, осуетишася помышленіи своими и омрачися неразумное ихъ сердце (Рим. I, 21)? Они называли себя во обилии своемъ мудрыми, а когда Онъ отвратилъ отъ нихъ лице свое, стали глуны. Въ самомъ дѣлѣ, имъ стыдно было уже и самихъ себя, почему они и сдѣлали себѣ опоясанія; тѣмъ сильнѣе они боялись показаться даже въ этихъ своихъ опоясаніяхъ предъ Тѣмъ, Кто при посредствѣ видимой твари какъ бы съ дружескимъ щаденіемъ возводилъ на нихъ какъ бы человѣческіе взоры. Ибо если Онъ являлся для того, что-бы люди говорили съ Нимъ какъ съ человѣкомъ, подобно тому, какъ говорилъ съ Нимъ Авраамъ при дубѣ Мамврійскомъ (Быт. XVIII, 1), то эта дружественность, служившая до грѣха для нихъ источникъ дерзновенія, послѣ грѣха была подавлена стыдомъ, и они уже не смѣли показать Его очамъ наготы своей, которая оскорбляла и ихъ собственные взоры.

ГЛАВА XXXV.

Извиненіе Адама и Евы.

Господь, желая допрашиваемыхъ по обычаю, принятому въ судопроизводствѣ, наказать большимъ наказаніемъ, нежели какимъ было то, отъ котораго они уже принуждены были придти въ стыдъ, говорить: *Кто возвѣсти тебѣ, яко нагъ еси, аще не ялъ бы отъ древа, егоже заповѣда единаго не ясти, отъ него ялъ еси* (Быт. III, 11)? Начавшаяся уже съ этого мгновенія по грозному приговору Божию смерть заставляла ихъ обратить похотливое вниманіе на члены, отъ чего

ихъ глаза названы открытыми и послѣдовало то, что привело ихъ въ стыдъ. *И рече Адамъ: жена, юже далъ еси со мною, та ми даде отъ древа и ядохъ* (Быт. III, 12). Вотъ какова гордость! Сказалъ-ли: „Согрѣшилъ я“. Нѣтъ, — чувствуетъ все безобразіе смущенія и не обнаруживаетъ смиреннаго сознанія. Все это описано потому, что и самые вопросы были сдѣланы съ тою безъ сомнѣнія цѣлю, чтобы описаніе было правдивымъ и полезнымъ (ибо разъ оно лживо, то и бесполезно), дабы мы видѣли, въ какую болѣзнь гордости впали теперь люди, стараясь сложить на Творца то, что сдѣлали худаго, и желая приписать себѣ то, что сдѣлали бы добраго. *Жена, говоритъ, юже ми даде со мною, т. е. которую Ты далъ, чтобы она была со мною, та ми даде отъ древа и ядохъ*: какъ будто она для того была дана, чтобы не повиновалась мужу, а оба они — Богу!

И рече Господь Богъ женѣ: что сотворила еси? и рече жена: змій прельсти мя и ядохъ (Быт. III, 13). Не сознается въ грѣхѣ и она, а сваливаетъ на другого, по полу отличнаго, по равнаго по лживости. Однако-жъ, отъ нихъ родился, имъ не подражалъ, а былъ, очевидно, удрученъ множествомъ зла тотъ, кто сказалъ и будетъ говорить до скончанія вѣка: *Азъ ряхъ: Господи, помилуй мя и исцели душу мою, яко согрѣшихъ къ тебѣ* (пс. 40, 5). Не тѣмъ-ли болѣе должны были такъ поступить и они? Но Господь не посѣкъ еще выи грѣшниковъ (пс. 108, 4). Остались труды, сборби смертныя, всякое сокрушеніе вѣка и наконецъ благодать Божія, въ благопотребное время помогающая людямъ, которыхъ она удручая научаетъ, что они не должны превозноситься самими собою. *Змій, говоритъ, прельсти мя и ядохъ*: какъ будто чье либо убѣжденіе она должна была предпочесть заповѣди Божіей!

ГЛАВА XXXVI.

Проклятіе змія.

И рече Господь Богъ змію: зане сотворилъ еси сіе, проклятъ ты отъ всѣхъ скотовъ и отъ всѣхъ змррей, сущихъ на земли. На перстьхъ твоихъ и чревь твоємъ ходити будещи и землю снѣси вся дни живота твоего. И вражду положу между тобою и женою и между стѣменемъ твоимъ и стѣменемъ тоя. Она твою блюсти будетъ главу и ты будещи блюсти его пяту (Быт. III, 14, 15). Все это изреченіе иносказательное, и если добросовѣстность писателя и истинность повѣствованія могутъ чѣмъ-либо служить для него, то развѣ тѣмъ только, что мы не должны сомнѣваться, что оно было сказано. Ибо только слова: *И рече Богъ змію* суть слова писателя и должны быть принимаемы въ собственномъ ихъ значеніи. Несомнѣнно, отсюда, что это изреченіе обращено къ змію. Дальнѣйшія слова суть уже слова Бога, которыя предоставляются свободному пониманію читателя, въ собственномъ ли или переносномъ смыслѣ надобно понимать ихъ, какъ и говорили мы въ началѣ настоящей книги. Изъ того, что зміи не спрашивается, почему онъ такъ сдѣлалъ, можно заключать, что онъ сдѣлалъ это не по своей природѣ и своей волѣ, но отъ него, чрезъ него и въ немъ дѣйствовалъ діаволъ, который по причинѣ грѣха нечестія и гордости уже предназначенъ былъ вѣчному огню. Отсюда, что въ настоящемъ случаѣ говорится змію и, конечно, относится къ тому, кто дѣйствовалъ чрезъ змія, безъ сомнѣнія, иносказательно; ибо въ этихъ словахъ искуситель описывается такимъ, какимъ онъ будетъ для человѣческаго рода, [который началъ распространяться тогда, когда эти слова, въ лицѣ змія, обращены были къ діаволу. Но какъ, послѣ объясненія иносказанія, надобно понимать эти слова, объ этомъ, насколько

могли, мы сказали въ двухъ, изданныхъ противъ манихеевъ, книгахъ о книгѢ Бытія и, если бы мы могли сказать о семъ что-нибудь болѣе тщательнымъ и болѣе соотвѣтственнымъ образомъ въ другомъ мѣстѣ, готовы сдѣлать это при помощи Божіей; теперь же ваше вниманіе должно быть обращено на другое.

ГЛАВА XXXVII.

Наказаніе жены. — Господствованіе мужа.

И жена рече: умножая умножу печали твоя и воздыханія твоя, въ бользнь твою родиши чада и къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ (Быт. III, 16). И эти, обращенныя къ женѣ, слова гораздо удобнѣе принимать иносказательно и пророчески. Но такъ какъ жена еще не рождала и бользнь и стоны рождающей происходятъ только отъ тѣла смерти, которая началась со времени преступленія заповѣди, хотя и тогда члены тѣла были душевными, но не подлежащими, если бы человекъ не согрѣшилъ, смерти и имѣвшими жить въ другомъ болѣе счастливомъ состояніи, доколѣ послѣ хорошо проведенной жизни, не заслужили бы измѣненія къ лучшему (какъ мы выше не одинъ разъ уже на это указывали), то [изрекаемое жевѣ] наказаніе можно понимать и буквально, за исключеніемъ словъ: *и къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ*, которыя требуютъ разсмотрѣнія, какъ понимать ихъ въ собственномъ смыслѣ. Ибо жена, надобно думать, и до грѣха была сотворена не иначе, а такъ, что мужъ господствовалъ надъ ней, а она имѣла къ нему служебное отношеніе. Но настоящая зависимость по справедливости можетъ быть понимаема какъ зависимость прообразовательная, которая представляется скорѣе дѣломъ извѣстнаго состоянія, нежели любви, такъ что и самое рабство, вслѣдствіе котораго люди потомъ начали бытъ рабами людей,

возникло отъ наказанія за грѣхъ. Апостоль сказалъ: *любовію работайте другъ другу* (Гал. V, 13), но ни въ какомъ случаѣ не сказалъ бы: „господствуйте другъ надъ другомъ“. Такимъ образомъ, супруги могутъ служить другъ другу любовію, но женѣ Апостоль не дозволяетъ *владѣти мужемъ* (I Тим. II, 12). Это обладаніе по приговору Божію предоставляется мужу, и мужъ удостоился получить господство надъ женой, отъ несохраненія имъ котораго будетъ больше развращаться природа и увеличиваться вина.

ГЛАВА XXXVIII.

Наказаніе Адама и имя, данное женѣ.

Сказалъ Богъ Адаму: *Яко послушалъ еси гласа жены твоя и ялъ еси отъ древа, егоже заповѣдахъ тебѣ сею единого не ясти, отъ него ялъ еси, проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ, въ печалѣхъ съеси тую вся дни живота твоего: тернія и волцы возраститъ тебѣ, и съеси траву селную. Въ потѣ лица твоего съеси хлѣбъ твой, дондеже возвратишия въ землю, отъ неяже взятъ еси, яко земля еси въ землю отыдеши* (Быт. II, 17—19). Кто не знаетъ, что труды человѣческаго рода имѣютъ отношеніе въ землѣ? И такъ какъ ихъ не было бы, если бы человѣкъ сохранилъ блаженство, которымъ наслаждался въ раю, то несомнѣнно, что слова эти должно принимать въ собственномъ значеніи. Впрочемъ, нужно сохранить за ними и значеніе пророчества, которое особенно имѣется здѣсь въ виду вниманіемъ говорящаго Бога. Не напрасно же и самъ Адамъ по какому-то удивительному инстинкту далъ теперь своей женѣ имя „Жизнь“, присовокупивъ, *яко та мати всѣхъ живущихъ* (Быт. III, 20). Ибо и эти слова надобно понимать какъ слова не повѣствующаго или утверждающаго писателя, а самого перваго человѣка; сказавъ: *яко та мати*

всѣхъ живущихъ, онъ какъ бы приводитъ причину, почему онъ назвалъ ее Жизнью.

ГЛАВА XXXIX.

Кожанья одежды.— Упрекъ въ гордости.

И сотвори Господь Богъ Адаму и женѣ его ризы кожаны и облаче ихъ (Быт. III, 21). И это хотя сдѣлано было ради знаменованія, но всеже сдѣлано, какъ и то, что было сказано хотя ради знаменованія, но всеже сказано. Ибо, какъ часто я говорилъ и не перестану говорить, отъ повѣствователя о совершившихся событіяхъ требуется, чтобы онъ рассказывалъ о томъ, что совершилось, какъ о совершившемся, и о томъ, что сказано, какъ о сказанномъ. Но какъ въ дѣйствіяхъ различается, что сдѣлано и что оно означаетъ, такъ различается и въ словахъ, что сказано и что оно значитъ. Ибо въ иносказательномъ-ли или въ собственномъ значеніи сказано то, о чемъ повѣствуется какъ о сказанномъ, однако не слѣдуетъ считать его сказаннымъ иносказательно.

И рече Богъ: се Адамъ бысть яко единъ отъ Насъ, еже разумѣти доброе и лукавое (Быт. III, 22). Такъ какъ эти слова, какъ бы они ни были сказаны, изречены Богомъ, то выраженіе: *единъ отъ Насъ* надобно понимать не иначе, какъ такъ, что множественное число поставлено здѣсь по причинѣ Троицы, подобно тому, какъ раньше сказано: *сотворимъ чловѣка* (Быт. I, 28), и какъ Господь говорить о Себѣ и Отцѣ: *придемъ къ Нему и обитель у Него сотворимъ* (Іоан. XIV, 23). И такъ, напоминаетъ гордецу, по какому поводу онъ возжелалъ внушеннаго змѣемъ: *будете яко бози. Се*, говорить, *Адамъ бысть яко единъ отъ Насъ*. Это — слова Бога не столько посмѣвающагося надъ нимъ, сколько устрашающаго другихъ, чтобы они не были такими же гордецами: ради нихъ все это и описано. *Бысть*, гово-

рптъ, яко единъ отъ Насъ, еже разумѣти доброе и лукавое. Что другое надобно разумѣть здѣсь, какъ не примѣръ, представленный для возбужденія страха, потому что онъ не только не сталъ такимъ, какимъ хотѣлъ быть, но не сохранилъ даже и того, чѣмъ сотворенъ былъ?

ГЛАВА XL.

Изманіе изъ рая. — Отлученіе.

И нынѣ, говоритъ Богъ, да не когда простретъ руку свою и возьметъ отъ древа жизни и съестъ и живъ будетъ во вѣкъ. И изгна его Господь Богъ изъ рая сладости, дѣлати землю, отъ неяже взятъ бысть (Быт. III, 22, 23). Первая половина содержитъ въ себѣ слова Бога, а вторая — дѣйствіе, послѣдовавшее за этими словами. Само собою понятно, что отчуждившись отъ жизни не только той, которую имѣлъ получить наравнѣ съ Ангелами, если бы сохранилъ заповѣдь, но даже и той, которую въ вѣкоторомъ блаженномъ состояніи тѣла проводилъ въ раю, Адамъ подлежалъ удаленію и отъ древа жизни. И это или потому, что древо жизни поддерживало бы въ немъ прежнее блаженное состояніе тѣла, или же потому, что въ этомъ деревѣ заключалось и видимое таинство невидимой мудрости; почему и надлежало удалить отъ него Адама, или какъ подлежаващаго уже смерти, или какъ бы отлученнаго, подобно тому, какъ и въ настоящемъ раю, т. е. въ Церкви, обыкновенно люди отлучаются церковною дисциплиною отъ видимыхъ таинствъ алтаря.

И изрине Адама и всели его прямо рая сладости (Быт. III, 24). И это сдѣлано хотя ради знаменованія, но всеже сдѣлано, чтобы грѣшникъ и въ злополучіи жилъ противъ рая, которымъ знаменовалась блаженная жизнь и духовно. *И пристави Херувима и пламенное оружіе охраняемое хрннати путь древа жизни* (Быт. III, 24). Нѣтъ

сомнѣнія, по устройенію небесныхъ Властей и въ видимомъ раю была нѣкоторая огненная стража при посредствѣ ангельскаго служенія; однако не слѣдуетъ сомнѣваться, что такъ сдѣлано было, за исключеніемъ извѣстнаго знаменованія, и по отношенію къ духовному раю.

ГЛАВА XII.

*Митнія о грѣхъ человека, въ чемъ онъ заключался.—
Брачныя церемоніи.*

Нѣкоторые, какъ мнѣ безызвѣстно, думаютъ, что первые люди слишкомъ рано поддались желанію знать добро и зло и преждевременно захотѣли получить то, что было отсрочено для нихъ до болѣе благоприятнаго времени; овладѣвъ подѣвліяніемъ искуссителя раньше времени тѣмъ, что имъ было еще несвойственно, они оскорбили Бога и, будучи изгнаны и наказаны, лишились такой полезной вещи, которою, если бы они соотвѣтственно волѣ Божіей обратились къ ней своевременно, могли бы пользоваться спасительно.— Мнѣніе это съ точки зрѣнія правой вѣры и истины имѣло бы нѣкоторую вѣроятность въ томъ случаѣ, если бы мы хотѣли понимать древо познанія добра и зла не въ собственномъ значеніи, какъ дерево истинное съ истинными плодами, а иносказательно.

Нѣкоторые думаютъ и такъ, что первые люди тайкомъ совершили свой бракъ и имѣли совокупленіе раньше, чѣмъ соединилъ ихъ Творецъ; что и означено было именемъ древа, которое было воспрещено имъ до своевременнаго союза. Какъ будто, должны мы думать, они сотворены были въ такомъ возрастѣ, что нужно было ждать имъ половой зрѣлости,— какъ будто не было это законнымъ тогда, когда оно могло совершиться, а если не могло, то конечно и не совершилось бы! Или, можетъ быть, нужно было выдать невѣсту изъ

рукъ отца, ожидать торжественности обѣтовъ, совершенія брачнаго пиръшества, счета придаваго и описи реестровъ?! Странное мнѣніе, и кромѣ того оно отстываетъ отъ бу-ввальнаго смысла событій, который мы предприняли защищать и защищали, насколько это благоволилъ намъ даровать Богъ.

ГЛАВА XLII.

Повѣрилъ-ли Адамъ змію и силою какого довода онъ доведенъ былъ до грѣха.— Идолопоклонство Соломона.

Гораздо болѣе интереса представляетъ вопросъ, какимъ образомъ Адамъ, если бы онъ былъ духовнымъ хотя только по духу, а и не по тѣлу, могъ повѣрить словамъ змія, будто Богъ воспретилъ имъ вкушать плоды съ того древа, зная, что если они это сдѣлаютъ, то будутъ какъ боги по способности различенія добра и зла: Творецъ какъ бы завидовалъ своей твари въ этомъ благѣ. Удивительно было бы, если бы человекъ, одаренный духовнымъ умомъ, могъ этому повѣрить. Развѣ не потому-ли, что онъ самъ не могъ этому повѣрить, ему и дана была жена, которая одарена была меньшимъ разумѣніемъ и жила, можетъ быть, еще по чувству плоти, а не по духу ума, почему Апостоль и не приписываетъ ей образа Божія? *Мужъ убо, говоритъ онъ, не долженъ есть покрывать главу, образъ и слава Божія сый: жена же слава мужу есть* (I Кор. XI, 7). И такъ было не потому, чтобы женскій умъ не могъ воспринять того же самаго образа, такъ какъ по слову Апостола въ благодати нѣтъ ни мужскаго, ни женскаго пола, а потому, что жена, быть можетъ, еще не получила того, что создается въ познаніи Бога, и должна была получать это постепенно подъ управленіемъ и распоряженіемъ мужа. Не напрасно Апостоль говоритъ: *Адамъ бо прежде созданъ*

бысть, потомъ Ева. И Адамъ не прельстися, жена же прельстившия въ преступленіе впаде (I Тим. II, 13), т. е. чрезъ жену впасть въ преступленіе и мужъ. Ибо Апостолъ называетъ и его преступникомъ, когда говорить: *по подобію преступленія Адама, уже есть образъ будущаго* (Рим. V, 14). Но не называетъ его прельстившимся. Ибо и будучи спрошенъ, Адамъ не говоритъ: *Жена, уже даде еси со мною, прельстила меня и ядохъ, а: Та ми даде отъ древа и ядохъ.* Между тѣмъ, жена говоритъ: *Змій мя прельсти.*

Развѣ вѣроятное дѣло, что Соломонъ, этотъ мужъ великой мудрости, признавалъ какую-нибудь пользу идоловъ? И однако онъ не могъ устоять предъ любовью къ женамъ (3 Цар. XI, 4), которая влекла его къ этому злу, дѣлая то, чего, какъ онъ зналъ, не слѣдуетъ дѣлать, чтобы не омрачить своихъ смертоносныхъ удовольствій, въ которыхъ онъ утопалъ и погибалъ. Такъ точно и Адамъ послѣ того, какъ жена прельстившись ѣла отъ запрещеннаго древа и ему дала, чтобы ѣли оба, не захотѣлъ опечалить ее, полагая, что она можетъ затосковать безъ его утѣшенія, разъ онъ будетъ чуждъ ея душѣ, и совершенно погибнетъ вслѣдствіе этого разъединенія. Онъ побѣжденъ былъ не похотью плоти, которой еще не чувствовалъ въ законѣ членовъ, противоборующемъ закону ума, а нѣкоторымъ дружескимъ благоволеніемъ, вслѣдствіе котораго [человѣкъ] весьма часто оскорбляетъ Бога, опасаясь, какъ бы изъ друга не стать врагомъ; а что Адамъ не долженъ былъ такъ дѣлать, это показало правосудное совершеніе божественнаго приговора.

Отсюда, онъ обманутъ былъ нѣкоторымъ инымъ способомъ; но коварствомъ змія, которымъ была прельщена жена, онъ, по моему мнѣнію, не могъ быть прельщенъ такъ, какъ могла она. Между тѣмъ, Апостолъ имѣлъ въ виду въ собственномъ смыслѣ прельщеніе, вслѣдствіе котораго то, чѣмъ жена была убѣждаема, сочтено было ею истиннымъ, хотя

оно было ложно, т. е. будто Богъ воспретилъ имъ прикасаться къ древу познанія добра и зла, зная, что, если они къ нему прикоснутся, будутъ какъ боги, и такимъ образомъ какъ бы завидуя божеству тѣхъ, коихъ сотворилъ людьми. Но если даже мужемъ овладѣло нѣкоторое желаніе сдѣлать опытъ вслѣдствіе своего рода умственного превозношенія, которое не могло укрыться отъ Бога, такъ какъ мужъ видѣлъ, что жена не умерла, вкусивъ отъ запрещеннаго древа, какъ уже выше мы о томъ сказали, то всеже, по моему мнѣнію, онъ, разъ одаренъ былъ умомъ духовнымъ, ни въ какомъ случаѣ не могъ повѣрить тому, будто Богъ воспретилъ имъ плоды этого дерева по зависти. Что же больше? Склоненіе ко грѣху произошло такъ, какъ и могло оно произойти въ нихъ, а описано такъ, какъ оно должно читаться всѣми, хотя бы и не многими понималось такъ, какъ должно.

КНИГА 12,

*въ которой идетъ рчь о рай и третьемъ небѣ, куда
былъ восхищенъ Павелъ.*

ГЛАВА I.

Подлежатъ разсмотрѣнію слова Апостола о рай.

Въ одиннадцати предыдущихъ книгахъ мы разсмотрѣли текстъ свящ. Писанія, надписываемаго *Бытіе*, съ самаго его начала до того пункта, какъ первый человѣкъ былъ изгнанъ изъ рая, и внесли изъ него въ свое сочиненіе то, что могли, и такъ, какъ могли, или утверждая и защищая извѣстное для насъ, или же изслѣдуя и разбирая неизвѣстное, — не столько предписывая, что каждый долженъ мыслить о темныхъ предметахъ, сколько показывая необходимость изученія того, относительно чего мы остались въ сомнѣніи, и не позволяя себѣ предъ читателемъ дерзости утвержденія тамъ, гдѣ не въ состояніи были дать ему утвердительное сужденіе. Настоящая же двѣнадцатая книга, обработанная съ такимъ же тщаніемъ, какого требовалъ отъ насъ подлежащій разсмотрѣнію текстъ свящ. Писаній, будетъ посвящена подробнѣйшему раскрытію вопроса о раѣ, дабы не показалось, будто мы уклонились отъ разъясненія словъ Апостола, въ которыхъ онъ разумѣетъ, повидимому, рай подъ третьимъ небомъ, говоря: *Въмъ чловѣка о Христѣ, прежде лтъ четьренадцати: аще въ тѣлѣ, не въмъ, аще ли кромѣ тѣла, не въмъ: Богъ въстѣ, восхищена бывша такового до третіяго небесе. И въмъ такова чловѣка: аще въ тѣлѣ,*

или кромѣ тѣла, не вѣмъ: Богъ вѣсть: яко восхищенъ бысть въ рай и слыша неизреченны глаголы, иже нелѣтъ есть человеку глаголати (2 Кор, XII, 2—4).

Спрашиваютъ обыкновенно, прежде всего, что въ этихъ словахъ Апостолъ называетъ третьимъ небомъ, а затѣмъ—хотѣлъ-ли онъ, чтобы въ нихъ разумѣлся рай, или же послѣ того, какъ былъ восхищенъ на третье небо, онъ восхищенъ былъ и въ рай, гдѣ бы этотъ рай ни находился, такъ что если онъ былъ восхищенъ на третье небо, это не значитъ то же, что былъ восхищенъ и въ рай, но сначала—на третье небо, а потомъ—въ рай. Этотъ вопросъ настолько обобщенъ, что, мнѣ кажется, можетъ быть разрѣшенъ въ томъ только случаѣ, если кто-нибудь на основаніи не настоящихъ словъ Апостола, а другихъ мѣстъ сваяц. Писаній или очевидныхъ данныхъ, найдетъ что-нибудь такое, чѣмъ докажетъ, находится-ли рай на третьемъ небѣ или не находится, такъ какъ представляется неяснымъ, что такое и само третье небо и какъ понимать его—относительно-ли тѣлесныхъ или духовныхъ вещей. Можно бы, конечно, сказать, что человекъ тѣломъ можетъ быть восхищенъ только въ какое-нибудь тѣлесное мѣсто, но такъ какъ Апостолъ выражается такимъ образомъ, что онъ не знаетъ, въ тѣлѣ-ли, или внѣ тѣла былъ онъ восхищенъ, кто же осмѣлится сказать о себѣ, что знаетъ то, чего не зналъ Апостолъ? При всемъ томъ, если не могутъ быть восхищены ни духъ безъ тѣла въ тѣлесныя мѣста, ни тѣло—въ духовныя, то самое уже сомнѣніе его (если только допустить, что Апостолъ пишетъ о самомъ себѣ) какъ бы вынуждаетъ насъ разумѣть такимъ же образомъ и мѣсто, куда онъ былъ восхищенъ, т. е. такъ, что нельзя опредѣлить и распознать, тѣлесное-ли оно или духовное.

ГЛАВА II.

Апостолъ могъ не знать, вѣтъ-ли тѣла видѣлъ онъ рай, если онъ видѣлъ его въ экстазѣ.

Ибо когда представляются намъ во снѣ или въ экстазѣ тѣлесные образы, то мы совершенно не отличаемъ ихъ отъ самыхъ тѣлъ, пока, возвратившись къ тѣлеснымъ чувствамъ, не приходимъ къ сознанию, что имѣли дѣло съ образами, которые воспринимали не при помощи тѣлесныхъ чувствъ. Кто, въ самомъ дѣлѣ, пробудившись отъ сна, не чувствуетъ сейчасъ же, что видѣлъ грезы, хотя, когда видѣлъ ихъ спящій, онъ не могъ отличить ихъ отъ тѣлесныхъ воззрѣній бодрствующихихъ? Со мною, впрочемъ, знаю, случалось, (а потому, не сомнѣваюсь, могло или можетъ случаться и съ другими), что, видя [что-нибудь] во снѣ, я чувствовалъ, что вижу именно во снѣ, и даже сонный я чувствовалъ и былъ твердо убѣжденъ, что образы, которые во снѣ обыкновенно поражаютъ насъ своею несообразностью, не истинныя тѣла, а представляются мнѣ во снѣ. Но иногда, однако, я и ошибался: видя, напр., своего друга во снѣ, я старался убѣдить его, что видимыя нами тѣла не истинныя тѣла, а образы спящихъ во снѣ, хотя и самъ онъ представлялся мнѣ во снѣ же, какъ и они, — даже и то самое, что мы говоримъ съ нимъ вмѣстѣ, не истинно, а онъ видитъ теперь, сонный, что-нибудь иное, и не знаетъ, вижу-ли то же самое и я; впрочемъ, когда я усиливался убѣдить его, что это не самъ онъ, я отчасти склонялся думать и такъ, что это именно онъ, съ которымъ я, конечно, не говорилъ бы, если бы былъ убѣжденъ, что это не онъ. Такимъ образомъ, душа соннаго, хотя удивительно и бодрствующая, можетъ обманываться образами тѣлъ, какъ если бы это были самыя тѣла.

Въ экстазѣ же я имѣлъ случай слышать только одного человѣка, и притомъ простолюдина, который едва могъ выражать свои ощущенія, но зналъ, что онъ и бодрствуетъ,

и видить нѣчто не глазами: „видѣла его, говорилъ онъ (пользуюсь, насколько могу припомнить, его собственными словами), душа моя, а не глаза“. Но онъ не зналъ, тѣло-ли то было или же тѣлесный образъ. Ибо не былъ такимъ, чтобы могъ различать подобныя вещи, но въ то же время былъ настолько простодушно искреннимъ, что я слушалъ его съ такимъ довѣріемъ, какъ если бы самъ видѣлъ то, что, по его словамъ, видѣлъ онъ.

Вотъ почему, если Павелъ видѣлъ рай такъ, какъ Петру видѣлась спускающаяся съ неба корзина (Дѣян. X, 11), или Іоанну все то, что онъ описываетъ въ Апокалипсисѣ (Апок. I, 12), или Іезекиилю поле съ костями мертвыхъ и ихъ воскресеніе (Іез. XXXVII, 1) или Исаи сѣдящій Богъ, окрестъ Его серафимы и жертвенникъ, взятый съ котораго уголь очистилъ уста пророка (Иса. VI, 2), то ясно, что онъ могъ и не знать, въ тѣлѣ-ли онъ видѣлъ, или внѣ тѣла.

ГЛАВА III.

Апостолъ, будучи увѣренъ, что видѣлъ третье небо, не былъ увѣренъ, какъ видѣлъ.

Но если онъ видѣлъ внѣ тѣла и не тѣла, то возможенъ вопросъ, были-ли это тѣлесные образы, или же субстанція, которая не представляетъ никакого подобія тѣла, какъ напр. Богъ, какъ умъ, или пониманіе или разумъ человѣка, какъ добродѣтели—благоразуміе, справедливость, чистота, любовь, благочестіе и все то, что только мы мысленно исчисляемъ, расчленяемъ, опредѣляемъ, не видя ни ихъ очертанія, ни цвѣта, ни того, какъ они звучать, чѣмъ пахнуть, какой имѣютъ вкусъ во рту, чѣмъ оказываются для осизанія со стороны тепла или холода, мягкости или твердости, тонкости или жесткости; а [созерцая ихъ] при помощи зрѣнія, свѣта и представленія другого рода, и притомъ такого, который гораздо превосходитъ и несомнѣннѣе остальныхъ.

Возвратимся же опять къ словамъ Апостола и рассмотримъ ихъ съ большею тщательностью, призвавъ сначала за несомнѣнное, что Апостоль гораздо больше и несравненно полнѣ насъ зналъ то, что мы стараемся знать такъ или иначе о безтѣлесной и тѣлесной природѣ. Итакъ, если онъ зналъ, что ни въ какомъ случаѣ нельзя видѣть ни духовныхъ предметовъ посредствомъ тѣла, ни тѣлесныхъ помимо тѣла, то почему же изъ того, что видѣлъ, онъ не распознавалъ и того, какъ это могъ онъ видѣть? Ибо если онъ былъ увѣренъ, что то были духовные предметы, то почему не былъ въ то же время и увѣренъ, что видѣлъ ихъ внѣ тѣла? Если же зналъ, что то были предметы тѣлесные, то почему не зналъ, что могъ видѣть ихъ только посредствомъ тѣла? Откуда же въ немъ возникаетъ сомнѣніе, въ тѣлѣ-ли или внѣ тѣла онъ ихъ видѣлъ, развѣ ужъ не сомнѣвался-ли и въ томъ, были-ли то тѣла, или тѣлесные образы? Итакъ посмотримъ, прежде всего, что въ составѣ его словъ есть такого, относительно чего онъ не сомнѣвается, и если потомъ останется въ нихъ что-нибудь такое, относительно чего онъ сомнѣвается, то, можетъ быть, изъ того, относительно чего онъ не сомнѣвается, разрѣшится и вопросъ, какимъ образомъ сомнѣвается онъ и въ этомъ.

Вѣмъ, говорить, человека о Христѣ, прежде лѣтъ четырнадцати: аще въ тѣлѣ, не вѣмъ, аще кромѣ тѣла, не вѣмъ: Богъ вѣсть: восхищена бывша такового до третьяго небесе. Итакъ, онъ знаетъ человека о Христѣ, четырнадцать лѣтъ тому назадъ восхищеннаго до третьяго неба: въ этомъ онъ нисколько не сомнѣвается; не должны, слѣдовательно, сомнѣваться и мы. Но въ тѣлѣ-ли или внѣ тѣла человекъ тотъ былъ восхищенъ, въ этомъ онъ сомнѣвается, а отсюда, разъ сомнѣвается онъ, кто же изъ насъ осмѣлится быть въ томъ увѣренъ? Развѣ не будетъ-ли въ этомъ случаѣ послѣдовательнымъ съ нашей стороны сомнѣніе относительно третьяго неба, куда, какъ онъ говоритъ,

Былъ человѣкъ тотъ восхищенъ? Ибо если [въ словахъ Апостола] указывается нѣчто дѣйствительное, то указывается въ нихъ и третье небо; если же въ нихъ давъ только нѣкоторый образъ тѣлесныхъ предметовъ, не было и третьяго неба, а указаніе на него сдѣлано въ томъ смыслѣ, что Апостоль, какъ ему казалось, достигъ до перваго неба, выше котораго видѣлъ опять небо, достигши котораго видѣлъ новое небо, и уже достигши послѣдняго, онъ могъ сказать, что былъ восхищенъ до третьяго неба. Но что существовало третье небо, куда онъ былъ восхищенъ, въ этомъ онъ не сомнѣвается, и не хочетъ, чтобы сомнѣвались и мы, ибо говорить въ началѣ: *взмъ*, и затѣмъ ведетъ дальнѣйшую рѣчь; такъ что то, что, какъ говоритъ Апостоль, онъ знаетъ, можетъ не считать истиннымъ развѣ лишь тотъ, кто не вѣритъ Апостолу.

ГЛАВА IV.

Небо, куда былъ восхищенъ Апостоль, дѣйствительно было третье небо.—Затрудненіе, какимъ образомъ Апостоль былъ увѣренъ относительно видѣннаго неба и неуверенъ относительно того, какъ онъ его видѣлъ.

Итакъ, Апостоль знаетъ человѣка, восхищеннаго до третьяго неба; слѣд., небо, куда [человѣкъ тотъ] былъ восхищенъ, было дѣйствительно третье небо, а не какой-нибудь тѣлесный знакъ, который Моисей отличалъ и отъ самой субстанціи Бога, и отъ видимой твари, въ какой Богъ являлся человѣческимъ и тѣлеснымъ чувствамъ, настолько, чтобы сказать: *покажи мнѣ Тебе Самого* (Исх. XXXIII, 13), а также и не какой-нибудь образъ тѣлесной вещи, который видя въ духѣ, Іоаннъ спрашивалъ, что онъ собою означаетъ, и получалъ въ отвѣтъ, что это или городъ, или люди, или что-нибудь другое, когда видѣлъ звѣря, или жену, или воды, или что-нибудь другое подобное (Апок. XIII, 1

и XVII, 3); но, говорить, *въмъ челоуѣка восхищена бывши до третяго небесе.*

Если же небомъ онъ хотѣлъ назвать духовный образъ, подобный тѣлесному [небу], въ такомъ случаѣ и его тѣло было также только образомъ тѣла, въ которомъ онъ былъ туда восхищенъ; слѣд., и своимъ тѣломъ онъ называлъ образъ тѣла, какъ небомъ—образъ неба. Въ такомъ случаѣ онъ не старался бы и различать, чтò онъ знаетъ и чего не знаетъ,—знаетъ челоуѣка, восхищеннаго до третяго неба, не знаетъ же, въ тѣлѣ-ли восхищеннаго, или внѣ тѣла, а просто рассказывалъ бы о видѣніи, называя, чтò видѣлъ, именами тѣхъ предметовъ, которые видѣлъ. И мы, когда рассказываемъ о своихъ снахъ или о какихъ-нибудь откровеніяхъ въ нихъ, говоримъ: „Я видѣлъ гору, видѣлъ рѣку, видѣлъ трехъ челоуѣкъ“ и т. п., приписывая этимъ образомъ тѣ имена, которыя имѣютъ самые предметы, подобіе коихъ мы видѣли; Апостолъ же говорить: „то знаю, а этого не знаю“.

А если и то и другое представлялось ему образно, въ такомъ случаѣ то и другое онъ одинаково знаетъ или не знаетъ; если же небо представлялось ему въ своемъ собственномъ видѣ и потому онъ знаетъ о немъ, то какимъ образомъ тѣло того челоуѣка могло представляться ему образнымъ?

Въ самомъ дѣлѣ, если видѣлось ему тѣлесное небо, почему же онъ скрылъ, видѣлось-ли оно ему тѣлесными глазами? Если же онъ не увѣренъ былъ, тѣлесными-ли глазами или въ духѣ оно ему видѣлось, а потому и сказалъ: *въ тѣлѣ или кромѣ тѣла, не въмъ*, то какимъ образомъ не увѣренъ былъ и въ томъ, дѣйствительно-ли тѣлесное небо видѣлось ему, или же оно представлялось ему образно? Съ другой стороны, если видѣлась ему божтѣлесная субстанція не въ образѣ какого-нибудь тѣла, а такъ, какъ созерцаются нами правосудіе, мудрость и т. п., и такимъ было и небо, то, ясно, ничего подобнаго нельзя видѣть тѣ-

лесными глазами, а потому, если онъ зналъ, что видѣлъ что-нибудь подобное, то не могъ сомнѣваться, что видѣлъ не при помощи тѣла. *Въмз, говорить, человѣка... кромѣ тѣла, не въмз, Богъ вѣсть.*

ГЛАВА V.

Разрѣшается то же самое затрудненіе.

Что же ты знаешь и, изъ опасенія ввести вѣрующихся въ заблужденіе, отличаешь отъ того, чего не знаешь?—Человѣка, говорить, восхищеннаго до третьяго неба. Но это небо было или тѣло, или духъ. Если оно было тѣломъ и было видимо тѣлесными глазами, почему же онъ знаетъ, что оно существуетъ, и не знаетъ, что было имъ видимо въ тѣлѣ? А если оно было духомъ, въ такомъ случаѣ или представляло собою тѣлесный образъ, и тогда одинаково неизвѣстно какъ то, было-ли оно тѣломъ, такъ и то, было-ли видимо имъ въ тѣлѣ, или же было видимо такъ, какъ умомъ созерцается мудрость, т. е. безъ всякихъ тѣлесныхъ образовъ, и въ такомъ случаѣ извѣстно, что не могло быть видимо при посредствѣ тѣла; слѣд. или извѣстно и то и другое, или то и другое неизвѣстно, или же извѣстно то, что видимо было, а неизвѣстно то, при посредствѣ чего было видимо. Ибо безтѣлесная природа, очевидно, не могла быть видима при посредствѣ тѣла. Тѣла же хотя и могутъ быть видимы внѣ тѣла, но конечно не такъ, какъ при помощи тѣла, а совершенно отличнымъ способомъ (если такой существуетъ), почему было бы удивительно, если бы этотъ способъ могъ ввести Апостола въ такое заблужденіе или сомнѣніе, чтобы, видя тѣлесное небо не тѣлесными глазами, онъ могъ сказать, что не знаетъ, въ тѣлѣ-ли или внѣ тѣла его видѣлъ.

Остается поэтому допустить, что такъ какъ Апостоль, съ такою тщательностью различающій, что онъ знаетъ, отъ

того, чего не знаетъ, не могъ ошибаться, то, когда былъ восхищенъ на небо, онъ не зналъ и самъ, въ тѣлѣ-ли онъ былъ, какъ существуетъ душа въ живомъ тѣлѣ соннаго-ли или бодрствующаго человѣка, или въ отрѣшеніи отъ тѣлесныхъ чувствъ въ экстазѣ; или же совершенно вышелъ изъ тѣла, оставивъ его мертвымъ до тѣхъ поръ, пока его душа, по окончаніи видѣнія, возвратилась въ мертвые члены и онъ не то, чтобы пробудился, будучи раньше соннымъ, или пришелъ въ чувства, будучи раньше погруженнымъ въ экстазъ, а ожилъ, какъ бы совершенно мертвый. Поэтому, что, будучи восхищенъ на небо, онъ тамъ видѣлъ, и что, какъ утверждаетъ, знаетъ, то онъ видѣлъ въ собственномъ смыслѣ, а не мечтательно. Но такъ какъ душа его, отрѣшенная отъ тѣла, совершенно-ли мертвымъ его оставляла, или же сама находилась въ немъ какимъ-нибудь свойственнымъ живому тѣлу способомъ, а умъ ея былъ восхищенъ для созерцанія и слышанія неизреченныхъ [тайнъ] видѣнія, то онъ и не зналъ этого, а потому, можетъ быть, и сказалъ: *еще въ тѣлѣ или кромѣ тѣла, не вѣмъ: Богъ вѣсть.*

ГЛАВА VI.

Три рода зрѣнія.

А что бываетъ видимо не образно, а въ собственномъ смыслѣ, и въ то же время не при посредствѣ тѣла, то видимо бываетъ въ зрѣнія, которое превосходитъ все прочія. Постараюсь, при помощи Господа, выяснитъ виды и различія этого зрѣнія. Въ одной заповѣди: *возлюбими ближняго твоего яко самъ себе* (Мѡ. XII, 39), когда мы ее читаемъ, встрѣчаются три рода зрѣнія: во-первыхъ—посредствомъ глазъ, которыми мы видимъ самыя буквы, затѣмъ—посредствомъ человѣческаго духа, которымъ мысленно представляется ближній и отсутствующій, наконецъ—посредствомъ умственнаго созерцанія, которымъ зрится самая мыслимая (intellecta)

любовь. Въ ряду этихъ трехъ родовъ первый самый очевидный: къ нему принадлежит созерцаніе неба и земли и вообще всего, что видятъ на нихъ наши глаза. Нетрудно подойти и ко второму роду, которымъ мыслятся отсутствующіе тѣлесные предметы, ибо и небо, и землю со всѣмъ, что на нихъ можемъ видѣть, мы представляемъ себѣ и въ темнотѣ, когда, не видя ничего тѣлесными глазами, духомъ созерцаемъ образы тѣлъ истинные-ли, какъ видимъ мы и самыя тѣла и удерживаемъ ихъ памятью, или вымышленные, какъ можетъ составлять ихъ наше мышленіе. Ибо иначе мы представляемъ себѣ мысленно Карфагенъ, который знаемъ, и иначе — Александрію, которой не знаемъ. Третій же родъ, воимъ созерцается мысленная любовь, обнимаетъ собою предметы, которые не имѣютъ подобныхъ себѣ образовъ. Ибо человека, дерево, солнце и вообще всѣ небесныя-ли или земныя тѣла, когда они присутствуютъ предъ нами на лицо, мы видимъ въ ихъ собственныхъ формахъ, а когда отсутствуютъ, мысленно представляемъ себѣ въ ихъ, отпечатлѣвшихся въ нашемъ духѣ, образахъ: всѣ эти предметы образуютъ два рода зрѣнія—одинъ при посредствѣ тѣлесныхъ чувствъ, а другой при посредствѣ духа, въ которомъ содержатся ихъ образы. Но видимъ-ли мы любовь иначе какъ присутствующую, въ ея собственномъ видѣ, и иначе какъ отсутствующую, въ какомъ-нибудь подобномъ ей образѣ? Конечно, нѣтъ; но насколько можетъ быть созерцаема умомъ, она можетъ быть созерцаема однимъ больше, а другимъ меньше, а если мыслится какъ нѣкоторый тѣлесный образъ, то не созерцается вовсе.

ГЛАВА VII.

Роды зрѣнія—тѣлесный, духовный, разумный.—Тѣлесное въ собственномъ и переносномъ смыслѣ.—Духовное въ многообразномъ смыслѣ.

Объ этихъ трехъ родахъ зрѣнія, насколько, по нашему мнѣнію, требовало дѣло, мы кое-что сказали уже въ

предыдущихъ книгахъ, но не указали числа ихъ. Въ настоящемъ же случаѣ въ виду того, что затронутый вопросъ требуетъ съ нашей стороны нѣсколько болѣе подробнаго раскрытія, мы послѣ краткаго указанія на роды этого зрѣнія должны обозначить ихъ точными и соотвѣтственными именами, чтобы потомъ уже не возвращаться къ ихъ описанію. — Итакъ, первый родъ мы называемъ тѣлеснымъ (corporeale), потому что онъ созерцается при помощи тѣла и воспринимается тѣлесными чувствами. Второй — духовнымъ (spirituale), такъ какъ все, что не тѣло и однако существуетъ, справедливо назвать духомъ; а образъ отсутствующаго тѣла, хотя и подобенъ тѣлу, не есть конечно ни тѣло, ни зрѣніе, которымъ тѣло различается. Третій же — разумнымъ (intellectuale), потому что назвать его mentale (умственнымъ), отъ слова mens (умъ), крайне нелѣпо въ виду новизны этого названія.

Если бы я обратился теперь къ болѣе тонкому объясненію этихъ названій, то рѣчь моя и затянулась бы, и была бы отъ того непонятнѣе; да въ этомъ нѣтъ и никакой, по крайней мѣрѣ настоящей, надобности. Достаточно знать, что тѣлеснымъ что-нибудь называется или въ собственномъ смыслѣ, когда рѣчь идетъ о тѣлахъ, или въ переносномъ, какъ напр. сказано: *яко въ Томъ живетъ всяко исполненіе божества тѣлесно* (Кол. II, 9). Божество не тѣло, но называя таинства ветхаго завѣта тѣнью будущаго (Кол. I, 17), Апостоль, въ виду этого сравненія съ тѣнями, сказалъ, что во Христѣ обитаетъ полнота божества тѣлесно, такъ какъ въ Немъ исполнилось все то, что прообразовано было въ тѣхъ тѣняхъ и, такимъ образомъ, Онъ представляетъ Собою въ нѣкоторомъ родѣ тѣло этихъ тѣней, т. е. истину образовъ и прообразованій. Отсюда, какъ самые образы названы имъ тѣнями иносказательно и въ переносномъ смыслѣ, такъ и въ словахъ, что во Христѣ обитаетъ полнота божества тѣлесно, онъ пользуется переноснымъ же слово-выраженіемъ.

Названіе же „духовный“ употребляется многоразличнымъ образомъ. Такъ, тѣло, которое будетъ въ воскресеніи святыхъ, Апостолъ называетъ духовнымъ, говоря: *стѣтся тѣло душевное, возстаетъ тѣло духовное* (1 Кор. XV, 44),—духовное въ томъ смыслѣ, что удивительнымъ образомъ прилажено будетъ въ духу для полного блаженства и нетлѣнія и будетъ оживляться однимъ духомъ помимо всякой потребности въ тѣлесной пищѣ, а не въ томъ, что будетъ имѣть безтѣлесную субстанцію, ибо и тѣло, которымъ мы облечены теперь, не имѣетъ душевной субстанціи, и называется душевнымъ потому, что въ немъ обитаетъ душа. Точно также духомъ называется воздухъ самъ-ли или его дуновение, т. е. движеніе, какъ сказано: *огнь, градъ, спягъ голоть, духъ буренъ* (пс. 148, 8). Называется духомъ и душа скотовъ или человѣка, какъ написано: *И кто вѣсть духъ сыновъ человеческихъ, аще той восходитъ горь, и духъ скотскій, аще той нисходитъ долу въ землю* (Евкл. III, 21). Называется духомъ и самый разумный умъ, въ которомъ заключается нѣкоторое какъ бы ово души и которому принадлежать образъ и подобіе Бога. Отсюда, Апостолъ говорить: „обновляйтесь *духомъ ума вашего* и облакайтесь въ *новаго человѣка, созданнаго по Богу*“ [Еф. IV, 23], и въ другомъ мѣстѣ о внутреннемъ человѣкѣ: „и облещись въ *новаго, который обновляется въ познаніи по образу Создавшаго его*“ (Кол. III, 10). Точно также говоря: *тѣмже убо самъ азъ умомъ моимъ работаю закону Божію, плотию же закону грѣховному* (Рим. II, 25) и въ другомъ мѣстѣ припоминая то же изреченіе въ словахъ: *плоть бо похотствуетъ на духа, духъ же на плоть, да не яже хотите, сія творите* [Гал. V, 17], Апостолъ то, что раньше назвалъ умомъ, назвалъ потомъ и духомъ. Наконецъ, духомъ называется и Богъ, какъ говоритъ Господь въ Евангеліи: *духъ есть Богъ и уже кланяется Ему духомъ и истинною достоинъ кланятися* (Іоан. IV, 24).

ГЛАВА VIII.

Откуда для втораго рода зрѣнія взято названіе духовнаго.

Но не изъ этихъ, приведенныхъ мною, случаевъ, гдѣ встрѣчается названіе духа, мы заимствовали слово, отъ котораго назвали духовнымъ второй родъ зрѣнія. о коемъ теперь идетъ у насъ рѣчь, а изъ одного мѣста въ посланіи къ Коринтянамъ, гдѣ очевиднѣйшимъ образомъ духъ отличается отъ ума: *Аще бо, говоритъ Апостоль, молюся языкомъ, духъ мой молится, а умъ мой безъ плода есть* (1 Кор. XIV, 14). Если этимъ мѣстомъ дается такая мысль, что языкъ изрекаетъ сокровенныя и таинственныя знаменованія, которыми, если они непонятны уму, никто не назидается, слыша то, чего не понимаетъ, почему раньше и сказано: *глаголай языки не человекомъ глаголетъ, но Богу, никто же бо слышетъ, духомъ бо глаголетъ тайны* (1 Кор. XIV, 2): то достаточно видно, что въ этомъ мѣстѣ Апостоль имѣетъ въ виду такой языкъ, на которомъ изречаются значенія, какъ бы образы и подобія тѣлесныхъ вещей, для уразумѣнія коихъ требуется зрѣніе (*obtutum*) ума. А разъ они не понимаются, въ такомъ случаѣ, по словамъ Апостола, они суть въ духѣ, а не въ умѣ, почему онъ съ большею ясностью говоритъ: *Аще благословиши духомъ, исполняяй мѣсто невѣжды како речетъ: аминь по твоему благодаренію, понеже не вѣсть, что глаголеши* (1 Кор. XIV, 16)? Отсюда, такъ какъ языкомъ, т. е. членомъ тѣла, который мы движемъ во рту, когда говоримъ, даются конечно знаки вещей, а не самыя вещи произносятся, то Апостоль въ переносномъ смыслѣ назвалъ языкомъ такое или иное произнесеніе знаковъ прежде, чѣмъ они бываютъ понятны; когда же соединяется съ ними разумѣніе, составляющее уже принадлежность ума, является откровеніе, или познаніе, или пророчество, или наученіе. Поэтому Апостоль говоритъ: *Аще прииду къ вамъ языки глаголя, кую вамъ*

пользу сотворю, аще вамъ не глаголю или въ откровеніи, или въ разумъ, или въ пророчествіи, или въ наученіи (1 Кор. XIV, 6)? Или въ разумъ или въ пророчествіи, т. е. когда съ знаками, т. е. съ языкомъ, соединяется пониманіе, такъ, чтобы это было дѣломъ не только духа, но и ума.

ГЛАВА IX.

Пророчество принадлежитъ уму.

Поэтому тѣ еще не обладаютъ пророчествомъ, которые при посредствѣ какихъ-либо подобій тѣлесныхъ предметовъ изрекають знаменія въ духѣ, если при этомъ не присоединяется еще и разумѣнія (*obtusum*) ума для ихъ пониманія; и тотъ, кто истолковываетъ видѣніе другого, больше пророкъ, чѣмъ тотъ, кто самъ видитъ видѣніе. Отсюда ясно, что пророчество принадлежитъ больше уму, чѣмъ духу въ особенномъ его смыслѣ, какъ въ некоторой низшей въ сравненіи съ умомъ душевной силѣ, въ которой отпечатлѣваются представленія о тѣлесныхъ предметахъ. Такимъ образомъ, Іосифъ, истолковавшій, что означали собою семь колосьевъ и семь коровъ, былъ больше пророкъ, чѣмъ фараонъ, который видѣлъ ихъ во снѣ (Быт. XLII, 26). Фараонъ имѣлъ духъ, настроенный къ видѣнію, а Іосифъ—умъ, просвѣщенный къ уразумѣнію. У фараона былъ языкъ, а у Іосифа—пророчество, потому что у перваго было представленіе только предметовъ, а у послѣдняго—истолкованіе представленій. Отсюда, меньше пророкъ тотъ, кто въ духѣ при посредствѣ образовъ тѣлесныхъ предметовъ видитъ только лишь знаки означаемыхъ ими вещей, и гораздо больше пророкъ тотъ, кто одаренъ только лишь пониманіемъ этихъ образовъ, но пророкъ собственно тотъ, кто превосходить и тѣмъ и другимъ, т. е. и видитъ въ духѣ знаменующія подобія тѣлесныхъ предметовъ, и живо понимаетъ ихъ умомъ, какъ напр. испытано и доказано было превосходство Данила, который и

разсказалъ царю видѣнный имъ сонъ, и объяснилъ, что этотъ сонъ значилъ (Дан. II, 31, IV, 17). Ибо и тѣлесные образы отпечатлѣны были въ его духѣ, и уму его открыто было ихъ пониманіе. На основаніи именно этого различія духа, въ виду котораго Апостоль сказалъ: *помолюся духомъ, помолюся же и умомъ* (1 Кор. XIV, 15), дабы и знаки предметовъ отображались въ духѣ, и пониманіе ихъ отражалось въ умѣ,—на основаніи этого, говорю, различія мы теперь и назвали духовнымъ такой родъ зрѣнія, какимъ мы мысленно представляемъ образы предметовъ даже и отсутствующихъ.

ГЛАВА X.

Разумный родъ зрѣнія.

Разумный же тотъ превосходнѣйшій родъ, который принадлежитъ собственно уму. Мнѣ вовсе не встрѣчалось случаевъ, чтобы разумъ могъ называться такимъ же многообразнымъ образомъ, какъ духъ. А употребляемъ-ли мы слово разумный (*intellectuale*) или разумопостижимый (*intelligibile*), мы обозначаемъ одно и то же. Нѣкоторые, правда, допускаютъ между этими словами такое различіе, что разумопостижимое это предметъ, который можетъ быть воспринимаемъ однимъ только разумомъ, а разумное это самый разумъ, который постигается; но то—еще вопросъ и вопросъ важный и трудный, чтобы существовалъ какой-либо предметъ, который бы могъ быть созерцаемъ разумомъ и въ то же время самъ не повиналъ. И не думаю, чтобы кто-нибудь сталъ мыслить и говорить такъ, что существуетъ предметъ, который бы воспринималъ разумомъ, а самъ не могъ быть воспринимаемъ разумомъ. Умъ созерцается не иначе, какъ умомъ. Отсюда, такъ какъ умъ можетъ быть созерцаемъ, то онъ разумопостижимъ, а такъ какъ, согласно съ вышеуказаннымъ различіемъ, онъ и созерцаемъ, то и разуменъ. Поэтому, оставивъ въ сторонѣ весьма трудный вопросъ, существуетъ-ли

что-нибудь такое, что только постигалось бы, а и не постигало, мы въ настоящее время разумное и разумопостижимое соединяемъ подъ однимъ и тѣмъ же названіемъ и значеніемъ.

ГЛАВА ХІ.

Отношеніе тѣлеснаго зрѣнія къ духовному, а духовнаго къ разумному.

Разсмотримъ теперь эти три рода зрѣнія, тѣлесный, духовный и разумный, порознь, восходя отъ низшаго къ высшему. Раньше мы привели примѣръ, какъ въ одномъ изреченіи усматриваются всѣ три рода зрѣнія. Ибо когда мы читаемъ: *возлюбихи ближняго твоего яко самъ себе*, то тѣлесно видимъ буквы, духовно мыслимъ ближняго, а разумомъ созерцаемъ самую любовь. Но могутъ быть духовно мыслимы и отсутствующія буквы, можетъ быть тѣлесно видимъ и присутствующій ближній; любовь же по своей субстанціи не можетъ быть ни видима тѣлесными глазами, ни представляема духомъ въ подобномъ тѣлу образѣ, а можетъ быть познаваема и восприняема только умомъ, т. е. разумомъ. Тѣлесное зрѣніе не управляетъ ни однимъ изъ этихъ родовъ, но получаемое при его помощи ощущеніе передается духовному [роду], какъ управляющему. Ибо когда мы видимъ что-нибудь глазами, то образъ видимаго тотчасъ же отпечатлѣвается въ духѣ, но распознается нами какъ такой только тогда, когда, отнявши глаза отъ видимаго глазами предмета, мы находимъ въ духѣ образъ видѣннаго. И если это — духъ неразумный, какъ духъ скотовъ, то образъ видимаго такъ и остается въ духѣ. А если — разумная душа, то онъ передается разуму, который управляетъ и духомъ; такъ что то, что видѣли глаза и передали духу, чтобы въ немъ составился образъ видѣннаго, представляетъ собою знакъ такой или иной вещи, тотчасъ-ли его значеніе понимается или же только отыскивается, ибо оно можетъ быть понято и найдено только при помощи дѣятельности ума.

Царь Валтассаръ видѣлъ пальцы пишущей на стѣнѣ руби (Дан. V, 5), и тотчасъ же при посредствѣ тѣлеснаго чувства въ его духѣ отпечатлѣлся образъ этого, тѣлесно представившагося ему, предмета, и остался въ его мысли послѣ того, какъ самое видѣніе уже совершилось и прошло. Этотъ образъ онъ созерцалъ въ духѣ, но еще не понималъ его,—не понималъ и тогда, когда этотъ знакъ представлялся ему тѣлесно и видимъ былъ его глазами; однако, при помощи ума онъ уже догадывался, что это—знакъ. И такъ какъ онъ доискивался, что этотъ знакъ означаетъ, то и самое это исканіе было дѣломъ ума же. Ничего объ этомъ видѣніи не зная, явился Даниилъ и, имѣя просвѣщенный въ пророческомъ духѣ умъ, открылъ смущенному царю значеніе этого знака (Дан. V, 25, 26), будучи по тому роду зрѣнія, которое составляетъ принадлежность ума, больше пророкомъ, нежели тотъ, кто и знакъ, тѣлесно ему представлявшійся, тѣлесно видѣлъ и мысленно созерцалъ его образъ въ духѣ, но разумомъ могъ только знать, что это—знакъ и только доискиваться, что онъ означаетъ.

Петръ видѣлъ въ изступленіи ума, что съ неба спускается сосудъ, за четыре угла привязанный и наполненный различными животными, и услышалъ голосъ: *заколи и яждь* (Дѣян. X, 11 и слѣд.). Когда, пришедши въ чувства, онъ размышлялъ о видѣніи, Духъ возвѣстилъ ему о мужахъ, присланныхъ Корнилиемъ, говоря: *се мужіе тріе ищутъ тебе, но воставъ спижди, и иди съ ними..., зане азъ послахъ ихъ*. Какъ понять былъ слышанный имъ въ видѣніи голосъ: *яже Богъ очистилъ есть, ты не скверни* (Дѣян. X, 15), онъ показалъ это, пришедши къ Корнилию, въ словахъ: *и мнѣ Богъ показа ни единаго скверна или нечиста глаголати человекѣ* (Дѣян. X, 28). Такимъ образомъ, когда, отрѣшившись отъ тѣлесныхъ чувствъ, онъ видѣлъ сосудъ, то въ духѣ слышалъ и слова: *заколи и яждь*, а также: *яже Богъ очистилъ есть, ты не скверни*. Пришедши же

въ чувства, онъ началъ размышлять въ духѣ о томъ, что изъ слышаннаго и видѣннаго имъ въ видѣніи удержала память: все это были не тѣлесные предметы, а образы тѣлесныхъ предметовъ какъ тогда, когда онъ видѣлъ и слышалъ ихъ въ изступленіи, такъ и теперь, когда сталъ припоминать ихъ и мысленно представлять. Но когда онъ недоумѣвалъ и доискивался, стараясь понять ихъ значеніе, это было уже дѣломъ пытливаго ума, хотя рѣшеніе и не было еще найдено, пока не явились пришедшіе отъ Корнилія; и когда къ тѣлесному присоединилось еще видѣніе, въ которомъ Духъ Святой, и опять въ духѣ, сказалъ ему: *иди съ ними*, то свыше озареннымъ умомъ онъ понялъ, наконецъ, значеніе всѣхъ, бывшихъ ему, знаковъ.—Послѣ тщательнаго разсмотрѣнія этихъ и подобныхъ имъ примѣровъ явствуетъ, что тѣлесное зрѣніе имѣетъ отношеніе къ духовному, а это послѣднее къ разумному.

ГЛАВА XII.

Тѣлесное и духовное зрѣніе.

Но когда въ бодрственномъ состояніи, въ то время, какъ умъ нашъ не бываетъ отрѣшенъ отъ тѣлесныхъ чувствъ, мы остаемся при тѣлесномъ зрѣніи, то отъ этого зрѣнія отличаемъ зрѣніе духовное, при помощи коего мысленно представляемъ себѣ отсутствующія тѣла, вспоминая такия, какия знали, или какимъ-нибудь образомъ составляя въ духѣ представленіе о таковыхъ, каковыхъ не знали, но какия, однако, существуютъ, или, наконецъ, выдумывая произвольно или по догадкѣ такия, каковыхъ никогда не существовало. Отъ всего этого мы отличаемъ тѣлесные, видимые нами и подлежащія нашимъ тѣлеснымъ чувствамъ, предметы такъ, что въ насъ не возникаетъ никакого сомнѣнія, что это—тѣла, а то—образы тѣлъ. Когда же вслѣдствіе-ли крайняго напряженія мысли, или въ силу какой-ни-

будь болѣзни, какъ напр. это случается обыкновенно съ френетиками ¹⁾ при лихорадкѣ, или, наконецъ, вслѣдствіе привмѣшенія какого-нибудь, добраго или злаго, духа образы тѣлесныхъ предметовъ отражаются въ духѣ такъ, какъ будто бы тѣла подлежатъ самымъ тѣлеснымъ чувствамъ, при чемъ и въ тѣлесныхъ чувствахъ сохраняется напряженіе: въ такомъ случаѣ являющіеся въ духѣ тѣлесные образы созерцаются такъ же, какъ созерцаются тѣла при посредствѣ тѣла; такъ что въ одно и то же время бываютъ видимы глазами какой-нибудь присутствующій человѣкъ, а другой отсутствующій—духомъ, но какъ бы глазами. Мы знали людей, находившихся въ подобномъ состояніи и разговаривавшихъ и съ присутствующими на-лицо и съ другими отсутствующими, но какъ бы съ присутствующими. Пришедши въ себя, одни сообщаютъ, что они видѣли, а другіе не могутъ этого сдѣлать. Такъ и сны одними вспоминаются, а другими забываются. Когда же вниманіе духа совершенно отрѣшается отъ тѣлесныхъ чувствъ, такое состояніе обыкновенно называется экстазомъ. Въ этомъ состояніи человѣкъ ни присутствующихъ тѣлъ не видитъ, даже и съ открытыми глазами, ни звуковъ не слышитъ: все вниманіе его души устремлено или на тѣлесные образы при помощи тѣлеснаго зрѣнія, или на безтѣлесные, не представляемые ни въ какомъ тѣлесномъ образѣ, предметы при помощи зрѣнія духовнаго.

Но когда духовное зрѣніе, при совершенномъ отрѣшеніи души отъ тѣлесныхъ чувствъ въ сновидѣніяхъ-ли или въ экстазѣ, останавливается на образахъ тѣлесныхъ предметовъ, то созерцаемое, если оно ничего собою не означаетъ, составляетъ воображеніе самой души, какъ и бодрствующіе, здоровые и не находящіеся въ состояніи отрѣшенія, при помощи мышленія создаютъ образы многихъ тѣлъ, которыя не подлежатъ ихъ чувствамъ; разница только та, что они твердо

¹⁾ *Phrenetici*, отъ *phrenesis*, собственно—воспаленіе мозговой оболочки, отсюда—безуміе, бѣшенство.

отличаютъ эти образы отъ присутствующихъ на-лицо и истинныхъ тѣлъ. Если же оно что-нибудь собою означаетъ, представляется-ли соннымъ или бодрствующимъ, когда они и глазами видятъ присутствующія тѣла, и духомъ созерцаютъ образы отсутствующихъ тѣлъ, но такъ, какъ бы эти послѣднія находились предъ ихъ глазами, или же, наконецъ, въ такъ называемомъ экстазѣ, при совершенномъ отрѣшеніи души отъ тѣлесныхъ чувствъ: въ такомъ случаѣ это — чрезвычайный способъ [зрѣнія]; но вслѣдствіе привмѣшенія другого духа возможны случаи, что то, что знаетъ самъ духъ, онъ посредствомъ подобнаго рода образовъ внушаетъ и тому, съ кѣмъ соединяется, понимаетъ-ли его этотъ послѣдній, или же получаетъ разъясненіе отъ другого. Ибо разъ подобныя откровенія получаютъ и, конечно, отъ тѣла получаться не могутъ, то что же остается, какъ не предположить, что они получаютъ отъ какого-нибудь духа?

ГЛАВА XIII.

Присуща-ли душѣ сила прорицанія.

Нѣкоторые полагаютъ, что человѣческая душа въ самой себѣ имѣетъ нѣкоторую силу прорицанія. Но если такъ, почему же она не всегда можетъ, хотя и всегда хочетъ? Можетъ быть, потому, что не всегда получаетъ помощь, чтобы могла? А когда получаетъ, возможно-ли, чтобы эта помощь никому не принадлежала, или принадлежала тѣлу? Остается, поэтому, думать, что она принадлежитъ духу. Затѣмъ, какъ получается эта помощь? Въ тѣлѣ-ли происходитъ что-нибудь такое, что вниманіе души какъ бы отвлекается и отступаетъ отъ тѣла, вслѣдствіе чего она приходитъ въ состояніе, когда въ самой себѣ созерцаетъ знаменующіе образы, которые въ ней существовали и раньше, но не замѣчались ею, подобно тому, какъ въ памяти мы имѣемъ много такого, чего не замѣчаемъ, или въ этомъ случаѣ возникаетъ что-нибудь такое, чего раньше въ самой душѣ не было, а существовало

Оно въ какомъ-нибудь духѣ, въ которомъ, отрѣшаясь и освобождаясь отъ тѣла, она эти образы и видитъ? Но если они въ душѣ уже были, какъ нѣчто ей принадлежащее, почему же она ихъ, какъ слѣдуетъ, и не понимаетъ? Ибо иногда, и даже въ большинствѣ случаевъ, она не понимаетъ ихъ. Развѣ сдѣлать такое предположеніе, что какъ духъ ея получаетъ помощь, чтобы видѣть ихъ, такъ, въ свою очередь, и умъ ея не можетъ ихъ понимать, если не получаетъ помощи? Или же, можетъ быть, устраняются и какъ бы развязываются не тѣлесныя препятствія, мѣшающія душѣ въ ея стремленія къ видѣніямъ, а она непосредственно уносится въ эти видѣнія, или только духовно ихъ созерцая, или же понимая и разумно? Или, наконецъ, иногда она видитъ эти образы въ себѣ самой, иногда же чрезъ привмѣшеніе какаго-либо другого духа. Какое бы изъ этихъ предположеній мы ни приняли, во всякомъ случаѣ оно не должно быть дерзко утверждаемо. Одно только не подлежитъ сомнѣнію, что тѣлесные образы, созерцаемые духомъ у бодрствующихъ-ли, или сонныхъ, или больныхъ, не всегда служатъ знаками другихъ предметовъ; между тѣмъ, было бы удивительно, если бы экстазъ могъ когда-нибудь имѣть мѣсто такъ, чтобы образы тѣлесныхъ предметовъ при этомъ чего-либо не означали.

Не удивительно, что и одержимые демономъ говорятъ иногда истину относительно того, что не подлежитъ чувствамъ присутствующихъ; потому что вслѣдствіе какаго-то, навѣрно не знаю, сокровеннаго привмѣшенія этого духа происходитъ то, что онъ становится какъ бы одно съ духомъ страждущаго и одержимаго. Когда же въ эти видѣнія человѣческій духъ восхищается духомъ добрымъ, то ни въ какомъ уже случаѣ не слѣдуетъ сомнѣваться, что созерцаемые имъ образы служатъ знаками другихъ предметовъ, и притомъ такихъ, которые полезно знать, ибо это уже—дѣло Божіе. Различіе [между этими состояніями] весьма трудно

въ томъ случаѣ, когда духъ злобы дѣйствуетъ спокойно и говорить, что можетъ, не причиняя никакаго тѣлеснаго страданія, а обдерживаетъ только духъ человѣка, — когда говоритъ даже истину и предсказываетъ полезныя вещи, преобразуясь, какъ написано, въ ангела свѣта (2 Кор. XI, 14), съ цѣлью уловить въ свои сѣти, снискавъ довѣріе въ очевидно добромъ. Думаю, что это различіе возможно только при помощи того дара, о которомъ ведетъ рѣчь Апостоль, когда говоритъ о дарахъ Божіихъ: *другому же разсужденіе духовомъ* (1 Кор. XII, 10). Ибо не трудно распознать его, когда онъ доводитъ до чего-либо такого, что противно добрымъ нравамъ и правилу вѣры: въ такомъ случаѣ онъ распознается многими. При помощи же упомянутаго дара онъ въ самомъ уже началѣ, когда многимъ кажется еще добрымъ, тотчасъ же распознается какъ злой.

ГЛАВА XIV.

Разумное зрѣніе не обманываетъ. Не всегда опасно ошибаться, принимая одно за другое.

Однако, и посредствомъ тѣлеснаго зрѣнія, и при помощи открывающихся въ духъ образовъ тѣлесныхъ предметовъ какъ добрые научаютъ, такъ и злые обманываютъ. Разумное же зрѣніе не ошибается. Ибо или тотъ не понимаетъ, кто принимаетъ что-нибудь за иное, чѣмъ оно есть, или же если понимаетъ, оно непременно истинно. Глаза не знали бы, что имъ дѣлать, если бы видѣли тѣло, котораго не могли бы отличить отъ другого, или что стало бы дѣлать вниманіе души, если бы въ духѣ получилось такое представленіе тѣла, котораго она не могла бы отличить отъ самаго тѣла? Но является на помощь разумъ, отыскивая, что все это означаетъ и чему полезному оно учить, и или, нашедши, достигаетъ своей цѣли, или, не нашедши, оставляетъ спорнымъ вопросомъ, чтобы какая-нибудь опасная крайность не завела его въ пагубное заблужденіе.

Трезвый же, свыше вспомооществуемый, разумъ судить о томъ, что или сколько есть такого, относительно чего думать даже и иначе, чѣмъ оно есть, для души не опасно. Ибо если со стороны добрыхъ считается кто-нибудь добрымъ, хотя бы скрытно былъ и дурнымъ, то тутъ нѣтъ ничего ни пагубнаго для него самого, ни опаснаго для думающихъ такъ о немъ, если только онъ не погрѣшаетъ относительно самыхъ предметовъ, т. е. самаго добра, отъ котораго каждый бываетъ д.брь. Въ противномъ случаѣ, въ какомъ-нибудь отношеніи было бы вредно для всѣхъ людей, что они во время сна считаютъ истинными тѣла, подобія коихъ во снѣ видятъ, или было бы вредно въ какомъ-нибудь отношеніи Петру, что, когда по неожиданному чуду онъ былъ освобожденъ отъ оковъ и веденъ Ангеломъ, *мняше видѣніе зрѣти* (Дѣян. XII, 6) или когда онъ въ экстазѣ отвѣчалъ: *никакоже Господи, яко николиже ядохъ всяко скверно или нечисто* (Дѣян. X. 14), считая все, что находилось въ сосудѣ, за истинныхъ животныхъ. Все это, разъ оно оазывается иначе, чѣмъ какъ принималось во время видѣнія, не должно вызывать въ насъ чувство раскаянія, что было такъ видимо, если только въ этомъ не обнаруживается грубое невѣріе, или суетное и даже безбожное настроеніе. Поэтому, когда и діаволь въ обманъ тѣлесными видѣніями, нѣтъ ничего вреднаго въ томъ, что въ обманъ вводятся глаза, если только при этомъ [человѣкъ] не погрѣшаетъ противъ истины вѣры и здраваго разумѣнія, которымъ Богъ научаетъ покорныхъ Ему. Если онъ вводитъ въ обманъ тѣлесными образами даже и душу въ духовномъ зрѣніи въ такой степени, что она представляетъ себѣ существующимъ тѣло не существующее, то и это нисколько не вредно душѣ, если она не соизволяетъ на такое опасное склоненіе.

ГЛАВА XV.

Любодѣйныя сновидѣнія случаются безгрѣшно

Откуда поднимается иногда вопросъ о соизволеніяхъ сонныхъ, когда они видятъ во снѣ, **ѣ**будто вступаютъ въ

совокупленіе или противъ своего намѣренія, или даже и противъ дозволенныхъ нравовъ.—Случается это только тогда, когда предметы, о которыхъ мы думаемъ въ бодрственномъ состояніи не по желанію воли, а какъ говоримъ почему-либо и о подобныхъ вещахъ (какъ напр., и я въ настоящемъ случаѣ не могъ бы, конечно, говорить объ этомъ, если бы о томъ не думалъ), во снѣ представляются намъ и отпечатлѣваются въ насъ настолько, что ими естественно возбуждается и плоть и что она въ себѣ естественнымъ образомъ собираетъ, испускаетъ дѣтородными каналами. Допустимъ теперь, что образы тѣлесныхъ вещей, о которыхъ я помыслилъ по необходимости, чтобы говорить о нихъ, представляются во снѣ съ такою силою, съ какою представляются бодрствующимъ самымъ тѣла: въ такомъ случаѣ и происходить то, чего у бодрствующаго не можетъ происходить безгрѣшно. Кто, въ самомъ дѣлѣ, ведя рѣчь и по необходимому теченію рѣчи говоря что-нибудь о своемъ совокупленіи, можемъ не мыслить о томъ, о чемъ говорить? Но разъ фантазія, дѣйствующая и въ мышленіи разговаривающаго, выступаетъ въ сновидѣніи настолько, что исчезаетъ различіе между нею и дѣйствительнымъ тѣлеснымъ смѣшеніемъ, въ такомъ случаѣ немедленно же возбуждается и плоть и слѣдуетъ то, что обыкновенно за тѣмъ слѣдуетъ, хотя совершается это безъ грѣха настолько же, насколько безъ грѣха служить предметомъ рѣчи бодрствующаго то, что, безъ сомнѣнія, имъ мыслится, чтобы быть предметомъ его рѣчи. При всемъ томъ, благодаря доброду настроенію души, когда она, очищенная лучшимъ желаніемъ, умерщвляетъ многія пожеланія, не относящіяся къ естественному движенію плоти, которую бодрствующіе люди, чистые духомъ, обуздываютъ, а сонные не могутъ этого сдѣлать, потому что не имѣютъ власти надъ тѣмъ, что представляется имъ какъ отпечатлѣніе тѣлеснаго, ничѣмъ не отличнаго отъ самаго тѣла, образа,—благодаря такому доброду настроенію души, нѣкоторыя ея заслуги отображаются

и во снѣ. Такъ, Соломонъ и сонный предпочелъ всему мудрость и, оставивъ безъ вниманія все прочее, испросилъ ея у Господа и тѣмъ, какъ свидѣтельствуется Писаніе, угодила Богу и за свое доброе желаніе получилъ вознагражденіе (3 Цар. III, 9, 10).

ГЛАВА XVI.

Представленія о тѣлесныхъ предметахъ духъ составляетъ въ себѣ самъ.

Если все это такъ, то къ тѣлесному зрѣнію имѣеть отношеніе тѣлесное, раздѣляющееся какъ бы на пять, отдѣльно дѣйствующихъ, каналовъ, чувство. Такъ какъ самый тонкій и потому наиболѣе, чѣмъ другіе, близкій къ душѣ элементъ въ тѣлѣ, т. е. свѣтъ распространяется сперва одинъ посредствомъ глазъ и въ зрительныхъ нервахъ свѣтитъ для созерцанія видимыхъ предметовъ, а потомъ—въ нѣкоторомъ смѣшеніи, во-первыхъ съ чистымъ воздухомъ, во-вторыхъ съ воздухомъ бурнымъ и туманнымъ, въ-третьихъ съ болѣе плотною влажностью, въ-четвертыхъ съ земною массою, то съ чувствомъ зрѣнія, въ которомъ свѣтъ дѣйствуетъ по преимуществу, онъ образуетъ пять чувствъ; какъ объ этомъ я сказалъ въ четвертой и седьмой книгѣ. Между тѣмъ, надъ всѣми тѣлесными элементами первенствуетъ видимое небо, съ котораго блещутъ свѣтила и звѣзды, какъ чувство зрѣнія первенствуетъ въ тѣлѣ. А такъ какъ всякій духъ, безъ сомнѣнія, превосходитъ всякаго тѣла, то слѣдуетъ, что духовная природа, даже и та, въ которой отпечатлѣваются образы тѣлесныхъ предметовъ, превосходитъ и самаго тѣлеснаго неба, не мѣстоположеніемъ конечно, а достоинствомъ природы.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ нѣкоторымъ удивительнымъ явленіемъ, именно: хотя духъ существуетъ раньше тѣла, а тѣлесный образъ является позже самаго тѣла, однако возникая по времени позже, но являясь въ существующемъ по-

природѣ раньше, тѣлесный образъ въ духѣ превосходитѣ, чѣмъ само тѣло въ своей субстанціи. И отнюдь не слѣдуетъ думать такъ, что въ духѣ производитъ что-нибудь тѣло, какъ будто бы духъ былъ подчиненъ производящему тѣлу, какъ матеріи. Безспорно, то, что производитъ, превосходитѣ того, изъ чего оно что-нибудь производитъ, и ни въ какомъ случаѣ тѣло не превосходитѣ духа, а напротивъ духъ несомнѣнно превосходитѣ тѣла. Отсюда, хотя какое-нибудь тѣло, котораго мы раньше не видали, мы видимъ прежде, а потомъ уже его образъ является въ нашемъ духѣ, при помощи котораго вспоминается нами то, что было прежде отсутствующимъ; однако, этотъ образъ производитъ не тѣло въ духѣ, а самъ въ себѣ духъ съ удивительною быстротою, далеко опережающею медлительность тѣла, которое чуть глазъ завидитъ, какъ образъ его уже возникаетъ въ духѣ видящаго безъ всякаго промежуточнаго момента времени. То же самое надобно сказать и относительно слуха: если бы духъ не воспринималъ въ себѣ тотчасъ же образа воспріятого ухомъ звука и не удерживалъ его памятью, то уже о второмъ слогѣ нельзя было бы сказать, второй-ли онъ, такъ какъ первый, коснувшись уха, уже исчезъ и его не существуетъ; а въ такомъ случаѣ пропадали бы всякая фраза, всякое пріятное впечатлѣніе отъ пѣнія, всякое, наконецъ, тѣлесное движеніе въ нашихъ дѣйствіяхъ, и не было бы никакого усовершенствованія, если бы совершаемыя тѣломъ движенія не задерживались въ духѣ при помощи памяти. А они не удерживались бы въ духѣ, если бы онъ образно не воспроизводилъ ихъ въ себѣ. Въ насъ составляютъ образы даже будущихъ нашихъ движеній еще раньше окончанія нашихъ дѣйствій. Ибо что дѣлаемъ мы при посредствѣ тѣла такого, чего не предвѣрялъ бы мысленно духъ, не созерцалъ бы раньше въ себѣ и нѣкоторымъ образомъ не предустраивалъ подобій всѣхъ нашихъ видимыхъ дѣйствій?

ГЛАВА XVII.

Откуда подобія, впечатлѣвающіяся въ духъ, становятся извѣстными демонамъ. — Нѣкоторыя удивительныя видѣнія. — Френитики. — Большой мальчикъ.

Но, съ другой стороны, трудно объяснить, какимъ образомъ мысленныя подобія тѣлесныхъ предметовъ становятся извѣстными духамъ даже нечистымъ и что служитъ для нашей души въ ея земномъ тѣлѣ препятствіемъ, что мы, наоборотъ, не можемъ ихъ видѣть въ своемъ духѣ. Тѣмъ не менѣе, однако, на основаніи несомнѣннѣйшихъ показаній у насъ извѣстны случаи обнаруженія помысловъ людей демонами, которые, впрочемъ, если бы могли видѣть въ людяхъ внутренней видъ добродѣтелей, то не искушали бы ихъ, какъ напр. если бы диаволь могъ видѣть въ Іовѣ благородное и удивительное терпѣніе, то не захотѣлъ бы, конечно, быть побѣжденнымъ со стороны искушаемаго (Іов. I, 10). Не слѣдуетъ, однако, удивляться, что они открываютъ то тамъ, то здѣсь о такихъ событіяхъ, которыя чрезъ нѣсколько дней дѣйствительно подтверждаются. Это они могутъ дѣлать благодаря не только способности видѣть тѣлесные предметы съ остротою, несравненно болѣе превосходною, чѣмъ наша, но и удивительной быстротѣ самыхъ тѣлѣ своихъ, гораздо болѣе тонкихъ, чѣмъ наши.

Намъ извѣстно, что одержимый нечистымъ духомъ, находясь у себя въ домѣ, указывалъ время, когда собирается выдти къ нему изъ своего, отстоящаго на разстояніи двѣнадцати миль, дома пресвитеръ, гдѣ онъ въ данную минуту находится въ своемъ пути, какъ приближается и когда входитъ во дворъ, въ домъ и спальню, пока не является къ нему на глаза. Все это больной видитъ не глазами; однако, если бы онъ этого какимъ-нибудь образомъ не видѣлъ, то не давалъ бы такихъ вѣрныхъ показаній; а былъ онъ болѣе лихорадкой и говорилъ какъ бы въ френическомъ бреду. Мо-

жетъ быть, онъ и дѣйствительно былъ френетивъ, но его по этой причинѣ считали за одержимаго демономъ. Отъ своихъ домашнихъ онъ не принималъ никакой пищи, а только отъ пресвитера. Домашнимъ своимъ, насколько могъ, оказывалъ жестокое сопротивленіе и только, съ приходомъ пресвитера, успокоивался, ему только былъ послушенъ и отвѣчалъ съ покорностью. Однако, и самому пресвитеру умоизступленіе и бѣшенство больного уступили только тогда, когда онъ выздоровѣлъ отъ лихорадки, какъ обыкновенно выздоравливають френетики, и никогда уже потомъ не испытывалъ ничего подобнаго.

Знаемъ мы и такой случай, что несомнѣнный уже френетивъ предсказалъ будущую смерть одной женщины, и предсказалъ не въ видѣ прорицанія, а въ видѣ разсказа о совершившемся и прошломъ событіи. „Умерла, говорилъ онъ, ведя свой разсказъ, — я видѣлъ, какъ ее вынесли и съ тѣломъ пронесли вотъ тутъ“, хотя она была жива; чрезъ нѣсколько дней она вдругъ умерла и ее пронесли по тому мѣсту, какъ онъ предсказалъ.

Былъ также у насъ мальчикъ, который, при вступленіи въ юношескій возрастъ, жестоко страдалъ болѣзнью половыхъ органовъ; при чемъ, врачи никакъ не могли догадаться, что съ нимъ такое, — видѣли только, что самый членъ скрытъ внутри, такъ что, не обрѣзавъ крайней, чрезвычайно длинно отвислой, плоти, нельзя было его видѣть, да и послѣ едва онъ былъ найденъ. Между тѣмъ, паха и шулята жгла вытекавшая клейкая и вонючая жидкость. Но острую боль испытывалъ онъ не постоянно, а когда испытывалъ ея приступы, страшно вылъ, трясясь всѣми членами, хотя и сохраняя полное сознаніе, какъ обыкновенно бываетъ это при физическихъ страданіяхъ. Затѣмъ, среди своихъ воплей онъ лишался чувствъ и падалъ съ закрытыми глазами, нечувствительный ни въ какомъ щипаніямъ. Чрезъ нѣсколько времени какъ бы пробудившись и уже не чувствуя боли,

онъ разсказывалъ, что видѣлъ. Потомъ, чрезъ нѣсколько дней, снова подвергался тѣмъ же страданіямъ. Во всѣхъ, или почти во всѣхъ своихъ видѣніяхъ онъ, какъ разсказывалъ, видѣлъ кого-то двухъ, одного пожилаго, другого мальчика, которые ему и говорили или показывали то, что, по его словамъ, онъ видѣлъ и слышалъ.

Однажды видѣлъ онъ сонмъ поющихъ и ликующихъ въ дивномъ свѣтѣ праведниковъ и различныя жесточайшія муки нечестивыхъ; при чемъ, тѣ двое вели его и показывали ему блаженство однихъ и мученіе другихъ. Видѣлъ онъ это въ день Пасхи Господней, когда втеченіе всей Четырдесятницы онъ не испытывалъ страданій, отъ которыхъ раньше едва освобождался и на три дня. Наканунѣ Четырдесятницы онъ видѣлъ тѣхъ двоихъ, обѣщавшихъ ему, что чрезъ сорокъ дней онъ не будетъ чувствовать никакой болѣзни, и затѣмъ они дали ему врачебный совѣтъ—обрѣзать крайнюю плоть; послѣ чего онъ долгое время не болѣлъ. Когда же опять заболѣлъ и началъ видѣть подобныя видѣнія, то получилъ отъ нихъ снова совѣтъ—зойти въ море до бороды и чрезъ нѣсколько времени оттуда выйти, при чемъ обѣщали, что, наконецъ, онъ не будетъ уже подверженъ сильной болѣзни, а только лишь неприятному истеченію влейгой жидкости. Табъ и случилось; послѣ онъ не подвергался уже никогда прежнимъ умоизступленіямъ и не видѣлъ ничего таковаго, что видѣлъ раньше, когда, вдругъ среди страданій и ужасныхъ вриковъ утихнувъ, онъ уносился въ видѣніа. Впослѣдствіи, впрочемъ, когда врачи пользовали и излечили его и отъ остальнаго, онъ не устоялъ въ святыхъ расположеніяхъ.

ГЛАВА XVIII.

О причинахъ видѣній.

Если бы кто-нибудь могъ изслѣдовать и вѣрно понять причины и способы подобныхъ видѣній и прорицаній. то

мнѣ хотѣлось бы скорѣе послушать его, чѣмъ самому разсуждать. Однако, не буду скрывать и того, что самъ я думаю объ этомъ предметѣ; пусть только ни ученые не принимаютъ меня на смѣхъ, какъ человѣка утверждающаго, ни неученые не принимаютъ за человѣка поучающаго, а тѣ и другіе пусть считаютъ меня скорѣе изслѣдующимъ, чѣмъ знающимъ. Всѣ эти видѣнія я приравниваю къ видѣніямъ сонныхъ. Какъ эти послѣднія бываютъ иногда ложны, а иногда истинны, иногда совершенно подобны будущему, или ясно рассказаны, иногда тревожны, а иногда спокойны, а когда истинны, предубазываются въ темныхъ намекахъ и какъ бы иносказательно: таковы точно и тѣ. Но люди любятъ распытывать неизвѣданное и изслѣдовать причины необычныхъ явленій, оставляя безъ вниманія явленія ежедневныя, хотя весьма часто эти имѣютъ болѣе сокровенное происхожденіе. Какъ въ области звуговъ, т. е. знаковъ, коими мы пользуемся въ своей рѣчи, они, слыша неупотребительное слово, спрашиваютъ, что оно означаетъ, а познакомившись съ его значеніемъ, спрашиваютъ дальше, откуда взялось такое слово, хотя относительно многихъ, имѣющихся въ словоупотребленіи, выраженій не стараются знать, откуда они взялись: такъ точно старательно ищутъ причинъ и основаній и требуютъ разъясненія у людей ученыхъ, когда встрѣчаютъ что-нибудь необычное и въ области вещей телесныхъ-ли или духовныхъ.

Когда кто-нибудь спрашиваетъ меня, что значить, напр., слово *satus* (умный), а я отвѣчаю—*prudens* (благоразумный), или *acutus* (острый), но онъ этимъ не удовлетворяется, а продолжаетъ спрашивать, откуда взялось слово *satus*, то я обыкновенно спрашиваю его въ свою очередь, откуда взялось слово *acutus*, чего, конечно, онъ не знаетъ, но такъ какъ это слово употребительное, то онъ терпѣливо остается при незнавіи его происхожденія, полагая въ то же время, что будетъ знать значеніе новаго, поражающаго его

ухо, слова, если доищется, откуда оно происходит. Отсюда, всякаго, кто только меня спрашиваетъ, откуда въ рѣдко случающемся съ душою экстазѣ происходятъ видѣнія подобныя тѣлеснымъ предметамъ, я спрашиваю въ свою очередь у него, откуда происходятъ у спящихъ видѣнія, которыя душа испытываетъ ежедневно и, однако, никто вовсе не старается или мало старается входить въ изслѣдованіе этого предмета. Какъ будто природа этихъ видѣній меньше удивительна потому, что ежедневна, или меньше заслуживаетъ вниманія потому, что свойственна всѣмъ, или если правильно поступаютъ тѣ, которые не входятъ въ изслѣдованіе этихъ явленій, то менѣе бы правильно поступили они, если бы не интересовались тѣми! А я гораздо больше удивляюсь и изумляюсь тому, съ какою быстротою и легкостью душа составляетъ въ себѣ образы тѣлъ, которыя она видитъ при помощи глазъ, нежели видѣніямъ сонныхъ и даже находящихся въ экстазѣ. Впрочемъ, какова бы ни была природа видѣній, несомнѣнно, что они не тѣло. А для кого этого недостаточно, тотъ пусть отъ другихъ распытываетъ, откуда они происходятъ; я съ своей стороны признаюсь, что этого не знаю.

ГЛАВА XIX.

Откуда рождаются видѣнія.

Говорятъ, что это выводится прямо изъ примѣровъ, взятыхъ изъ опыта; такъ напр., блѣдность, краснота, дрожаніе, даже болѣзнь тѣла имѣютъ причину иногда въ тѣлѣ, а иногда въ душѣ,—въ тѣлѣ, когда или разливается по нему влага, или же соннѣ входить въ него пища или что-нибудь другое,—въ душѣ, когда она или волнуется страхомъ, или смущается стыдомъ, или гнѣвается, или любитъ, или испытываетъ что-нибудь подобное, и совершенно естествен-

но: сильнѣе волнуясь сама, она естественно сильнѣе потрясаетъ и то, что любить и чѣмъ управляетъ. Такъ точно, если и душа погружается въ видѣнія, которыя открываются ей не тѣлесными чувствами, а безтѣлесною субстанціей, и погружается такъ, что не различаетъ, тѣла-ли это, или подобія тѣлъ, то причина этого происходитъ иногда со стороны тѣла, а иногда со стороны духа, — со стороны тѣла или вслѣдствіе происходящихъ въ немъ естественныхъ перемѣнъ, какъ напр. происходятъ видѣнія сонныхъ (потому что спать свойственно человѣку по тѣлу), или вслѣдствіе какого-либо болѣзненнаго его состоянія, когда тѣлесныя чувства или приходятъ въ расстройство, напр. когда френетики видятъ разомъ и тѣла и видѣнія настолько подобныя тѣламъ, какъ будто предъ глазами у нихъ находятся самыя тѣла, или же бываютъ совершенно закрыты, напр. когда крайне изможденные какою-нибудь постепенно усиливающеюся болѣзнію, долго отсутствуя изъ находящагося тутъ же тѣла и, затѣмъ въ него возвращаясь, часто рассказываютъ, что видѣли многое, — въ духѣ, когда при совершенно здоровомъ тѣлѣ [люди] или впадаютъ въ такое изступленіе, что видятъ при посредствѣ тѣлесныхъ чувствъ тѣла и въ духѣ — нѣкоторыя подобія, коихъ не отличаютъ отъ тѣлъ, или же совершенно отрѣшаются отъ тѣлесныхъ чувствъ и, ничего рѣшительно не ощущая, остаются втеченіе этого духовнаго видѣнія въ области тѣлесныхъ подобій. Но когда въ подобныя состоянія ставитъ человѣка нечистый духъ, то являются или бѣсноватыя или же ложные пророки, а когда — духъ добрый, то являются вѣрные, глаголющіе тайны, пророки-ли истинные, когда при этомъ присоединяется еще и разумніе, или же мужи, видящіе видѣнія и повѣствующіе о нихъ въ приложеніи къ тому времени, которое ими должно быть указываемо.

ГЛАВА XX.

Видѣнія, происходящія въ тѣлѣ, происходятъ не отъ тѣла.

Но если причина подобныхъ видѣній происходитъ со стороны тѣла, то производитъ ихъ не само тѣло, потому что тѣло не имѣетъ силы образовать что-нибудь духовное; но, при усыпленіи, или разстройствѣ, или даже закрытіи пути вниманія [души] отъ стороны мозга, откуда направляется движеніе ощущенія, сама душа (которая по собственному побужденію прекратить своей дѣятельности не можетъ), будучи поставлена или почти поставлена въ невозможность получать ощущенія отъ тѣлесныхъ предметовъ или направлять къ нимъ силу своего вниманія при посредствѣ тѣла, создаетъ подобія тѣлесныхъ предметовъ при помощи духа, или созерцаетъ тѣ, которыя сообщаются ей 'духомъ; при чемъ, если сама создаетъ ихъ, это будутъ только фантазіи, а если созерцаетъ сообщаемыя духомъ, это будутъ знаки [тѣлесныхъ предметовъ]. Такъ, когда болятъ или совершенно слѣпнуть глаза, то хотя въ этомъ случаѣ препятствіе къ созерцанію тѣлесныхъ предметовъ существуетъ въ тѣлѣ, однако зрѣнія этого рода не бываетъ отнюдь не потому, что причина заключается въ сѣдалищѣ мозга, откуда направляется само чувствующее вниманіе души. Дѣйствительно, слѣпые видятъ больше во снѣ, нежели въ бодрственномъ состояніи. У сонныхъ у нихъ путь ощущенія, ведущій вниманіе [души] къ глазамъ, въ мозгу усыпленъ, а потому это вниманіе, будучи отвлечено на вѣчто другое, созерцаетъ сновидѣнія, какъ будто тѣлесныя формы существуютъ у нихъ на лицо, такъ что сонный видитъ себя бодрствующимъ и думаетъ, будто онъ видитъ не подобія тѣла, а самыя тѣла; когда же слѣпые выходятъ въ бодрственномъ состояніи, то зрительное вниманіе идетъ по своему пути, но, доходя до глазъ, не выходитъ наружу, а здѣсь и остается, такъ что

они чувствуютъ, что бодрствуютъ, и въ бодрственномъ состояніи остаются больше въ темнотѣ даже и днемъ, чѣмъ въ сонномъ, днемъ-ли, или ночью. И неслѣпые весьма часто спятъ съ открытыми глазами, ничего ими не видя, и всеже ихъ нельзя назвать ничего не видящими, потому что они духомъ видятъ сновидѣнія; а если бы они въ бодрственномъ состояніи захотѣли быть съ закрытыми глазами, то остались бы не способными къ зрѣнію ни сонныхъ, ни бодрствующихъ. Впрочемъ, тутъ имѣеть значеніе только то обстоятельство, что у нихъ отъ мозга до самыхъ глазъ идетъ нервъ не усыпленный, не разстроенный и не закрытый и приводитъ вниманіе души до самыхъ, хотя и закрытыхъ, дверей тѣла, такъ что они мысленно представляютъ себѣ образы тѣлъ, но ни въ какомъ случаѣ не принимаютъ ихъ за тѣла, которыя видятъ глазами.

Важно только, гдѣ происходитъ препятствіе къ созерцанію тѣлесныхъ предметовъ, когда оно имѣеть мѣсто въ тѣлѣ. Если оно происходитъ при самомъ входѣ, такъ сказать при дверяхъ чувствъ, напр. въ глазахъ, ушахъ и другихъ тѣлесныхъ чувствахъ, то затрудняется только лишь воспріятіе тѣлесныхъ предметовъ, вниманіе же души не отвлекается на что-нибудь другое, чтобы могло принимать тѣлесные образы за тѣла; а если причина находится внутри въ мозгу, откуда направляются пути къ ощущенію того, что находится вовнѣ, то ослаблены, разстроены и закрыты бываютъ орудія самаго вниманія души, при помощи которыхъ она стремится къ созерцанію и ощущенію того, что находится вовнѣ. А такъ какъ этого стремленія душа не теряетъ, то она образуетъ подобія съ такою ясностью, что, не въ состояніи будучи отличить образовъ тѣлесныхъ предметовъ отъ самыхъ тѣлъ, не знаетъ, въ области-ли образовъ находится она, или тѣлъ, а когда знаетъ, то знаетъ совершенно другимъ способомъ, чѣмъ когда имѣеть дѣло съ подобіями тѣлъ при мышленіи. Этотъ способъ можетъ быть понятенъ до извѣстной степени только людямъ опытнымъ. Ибо со мною бывало, что

я сонный зналъ, что вижу во снѣ, и однако тѣ подобія тѣлесныхъ вещей, которыя видѣлъ, я не отличалъ отъ самыхъ тѣлъ такъ, какъ обыкновенно мы отличаемъ ихъ, мысля даже съ закрытыми глазами, или находясь въ темнотѣ. Здѣсь имѣеть значеніе только то обстоятельство, доводится-ли вниманіе души до самыхъ, хотя бы и закрытыхъ, чувствъ, или же въ самомъ уже мозгу, откуда оно къ нимъ направляется, оно по какой-либо причинѣ отвлекается на что-нибудь другое, такъ что хотя иногда душа и знаетъ, что видитъ не тѣла, а подобія тѣлъ, или, считая ихъ, какъ менѣе опытная, за самыя тѣла, чувствуетъ, что видитъ ихъ не тѣломъ, а духомъ, однако находится далеко не въ томъ состояніи, въ какомъ она присутствуетъ въ своемъ тѣлѣ; отсюда, и слѣпыя знаютъ, что бодрствуютъ, когда мысленныя подобія тѣлъ ясно отличаютъ отъ тѣлъ, которыхъ не могутъ видѣть.

ГЛАВА ХХІ.

Видѣнія подобныя тѣлеснымъ, въ которыя восхищается душа, не отличной природы.

А если душа, при совершенно здоровомъ тѣлѣ и не усыпленныхъ чувствахъ, восхищается въ видѣнія нѣкоторымъ сокровеннымъ духовнымъ дѣйствіемъ, то этотъ способъ отличенъ отъ предыдущаго отнюдь не потому, что отлична и самая причина видѣній, такъ какъ и въ причинахъ со стороны тѣла существуетъ, конечно, различіе и иногда до противоположности. Такъ, френетичи имѣють разстроенные пути ощущенія въ головѣ скорѣе въ бодрственномъ состояніи, такъ что видятъ такія вещи, какія видятъ спящіе, вниманіе которыхъ во снѣ отвлечено отъ ощущенія бодрствованія и обращено къ созерцанію сновидѣній. Отсюда, хотя первое происходитъ въ бодрственномъ состояніи, а послѣднее въ сонномъ, однако то, что видятъ тѣ и другіе, принадлежитъ не другому роду, а той же природѣ духа, отъ котораго или въ которомъ получаютъ подобія тѣлъ. Такимъ

образомъ, хотя причина отвлеченнаго вниманія и отлична въ томъ случаѣ, когда въ здоровомъ тѣлѣ бодрствующаго душа восхищается какою-нибудь сокровенною дужвною силою такъ, что вмѣсто тѣлѣ видитъ отпечатлѣвшіяся въ духѣ подобія тѣлесныхъ предметовъ, однако природа видѣній одна и та же. И нельзя сказать, что, когда причина [видѣній] заключается въ тѣлѣ, тогда душа безъ всякаго предопущенія будущаго производитъ образы тѣлѣ изъ себя самой, какъ обыкновенно производитъ ихъ при мышленіи; а когда восхищается въ эти видѣнія духомъ, они открываются свыше, ибо Писаніе ясно говоритъ: *излію отъ духа моего на всяку плоть и старцы ваши сонія узрятъ и юнота ваша видѣнія узрятъ* (Іоил. II, 28), приписывая и то и другое божественному дѣйствію, и Ангелъ Господень явился Іосифу во снѣ, говоря: *не бойся пріяти Маріамъ жены твоея, а также: поими отроча и... бѣжи во Египетъ* (Мѣ. I, 20 и II, 13).

ГЛАВА XXII.

Какимъ образомъ происходятъ видѣнія, изъ коихъ по сокровенному побужденію являются пророчества.

Итакъ, когда духъ человѣка восхищается въ созерцаніе образовъ добрымъ духомъ, то, думаю, эти образы что-нибудь означаютъ, а когда причина, что духъ человѣческой стремится къ ихъ созерцанію, заключается въ тѣлѣ, то не всегда, надобно думать, они что-нибудь означаютъ, а означаютъ тогда, когда внушаются указующимъ духомъ сонному ли или претерпѣвающему что-нибудь со стороны тѣла такое, что онъ отрѣшается отъ плотскихъ чувствъ. Да и людямъ бодрствующимъ, не одержимымъ никакою болѣзнью и не подверженнымъ бѣснованію, какъ намъ извѣстно, внушаемы были нѣкоторымъ сокровеннымъ инстинктомъ такія мысли, которыя они высказывали, не только дѣлая въ этомъ случаѣ

нѣчто другое, какъ напр. Каиафа изрекъ пророчество (Іоан. XI, 51), хотя и не имѣлъ желанія пророчествовать, но и начиная говорить что-нибудь въ видѣ прорицанія.

Такъ, нѣкоторые юноши во время путешествія выдали себя, съ цѣлю ради шутки ввести въ обманъ, за математиковъ, хотя не имѣли ни малѣйшаго понятія о двѣнадцати знакахъ. Когда они замѣтили, что ихъ хозяинъ удивляется ихъ словамъ и подтверждаетъ ихъ, какъ чистѣйшую правду, они пошли смѣлѣе дальше. Онъ же все удивлялся имъ, подтверждая слова ихъ. Наконецъ, онъ спросилъ ихъ о здоровьи своего сына, котораго онъ ждалъ изъ долгаго отсутствія и беспокоился въ виду его неожиданнаго замедленія, не случилось-ли съ нимъ что-нибудь. Они же, не обращая вниманія, что будетъ послѣ ихъ отхода, и желая, пока присутствовали, поддержать этого человѣка въ радостномъ настроеніи, отвѣтили, готовые уже отправиться въ свой путь, что [сынъ его] здоровъ, что онъ близко и придетъ въ тотъ самый день, какъ они это говорили, не допуская мысли, чтобы, по истеченіи этого дня, на слѣдующій день онъ вздумалъ догонять ихъ съ цѣлю уличить во лжи. Да что много говорить? Лишь только они собрались уйдти, какъ вдругъ сынъ дѣйствительно явился.

Другой юноша плясалъ предъ оркестромъ, расположившимся на такомъ мѣстѣ, гдѣ по случаю какаго-то языческаго праздника было много идоловъ, не духомъ какимъ-нибудь восхищенный, а представляя изступленныхъ съ потѣшнымъ передразниваніемъ знакомыхъ, около стоящихъ и зрителей. Ибо въ обычаѣ было не воспрещать, если кто-нибудь изъ юношей, послѣ совершеннаго предъ завтракомъ жертвоприношенія и при возбужденномъ состояніи фанатиковъ, хотѣлъ забавляться подобнымъ образомъ. Между тѣмъ, среди пляски, слѣлавъ себѣ передышку, шутя и окруженный смѣющеюся толпой, онъ предсказалъ, что наступающею ночью въ ближайшемъ лѣсу будетъ умерщвленъ львомъ человѣкъ, смо-

трѣть на трупъ котораго съ наступленіемъ дня сбѣжится толпа, и мѣсто настоящаго празднества опустѣетъ. Такъ и случилось, хотя всѣмъ присутствующимъ по всѣмъ его движеніямъ видно было, что онъ сказалъ это шутя и не находясь въ состояніи умственнаго разстройства или изступленія; и даже самъ онъ тѣмъ болѣе дивился случившемуся, что не зналъ, въ какомъ душевномъ состояніи произнесъ свое предсказаніе.

Какимъ образомъ возникаютъ эти видѣнія въ человѣческомъ духѣ—въ немъ-ли они первоначально и образуются, или же сообщаются ему и имъ созерцаются какъ уже готовыя, благодаря какому-нибудь привмѣшенію (такъ что ангелы какъ сообщаютъ людямъ свои познанія и подобія тѣлесныхъ предметовъ, какія они напередъ по предвѣдѣнію составляютъ въ своемъ духѣ, такъ видятъ и наши мысли, конечно, не глазами, а духомъ, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что наши мысли они знаютъ, хотя мы того и не желаемъ, а мы ихъ мысли можемъ знать въ томъ только случаѣ, когда они ихъ намъ открываютъ, потому что, думаю, они обладаютъ властью скрывать свои мысли какимъ-либо духовнымъ способомъ такъ же, какъ мы по какимъ-нибудь встрѣчающимся препятствіямъ скрываемъ свои тѣла, чтобы ихъ не видѣли чужіе глаза), и что въ нашемъ духѣ служитъ причиною, почему онъ иногда только созерцаетъ знаменующіе образы, но не знаетъ, имѣютъ-ли эти образы какое-нибудь значеніе, иногда же чувствуетъ, что они имѣютъ значеніе, но какое именно, не знаетъ, а иногда душа человѣческая, какъ бы въ силу болѣе полнаго откровенія, созерцаетъ въ духѣ самыя эти образы, а въ умѣ—ихъ значеніе,—все это для насъ знать въ высшей степени трудно, и разобрать и объяснить, если даже и знаемъ, весьма не легко.

ГЛАВА XXIII.

Въ насъ существуетъ духовная природа, въ которой по многоразличнымъ причинамъ образуются подобія тѣлесныхъ предметовъ.

На то только достаточно, думаю, указать теперь, какъ на несомнѣнное, что въ насъ существуетъ нѣкая духовная природа, въ которой образуются подобія тѣлесныхъ предметовъ, когда или мы касаемся какого-нибудь тѣла тѣлеснымъ чувствомъ и сейчасъ же его образъ составляетъ въ духѣ и воспроизводится памятью; или мысленно представляемъ тѣла отсутствующія, но намъ уже извѣстныя, такъ что у насъ составляетъ нѣкоторый духовный обликъ того, что въ духѣ существовало еще прежде, чѣмъ мы стали мыслить о немъ; или созерцаемъ подобія такихъ тѣлъ, какихъ мы не знаемъ, но въ которыхъ однако не сомнѣваемся, — созерцаемъ не такъ, какъ они существуютъ, а какъ это кажется нашей мысли; или произвольно представляемъ другія, какія не существуютъ, или же не знаемъ, существуютъ ли; или откуда бы то ни было возникаютъ въ нашемъ духѣ различныя формы тѣлесныхъ подобій, хотя мы ничего подобнаго не дѣлали и не желали; или, готовясь что-нибудь сдѣлать тѣлеснымъ образомъ, мы дѣлаемъ распорядокъ тому, что имѣетъ быть въ этомъ дѣйстви, и мысленно все это предупреждаемъ; или въ самомъ уже дѣйстви, говоримъ-ли мы или дѣлаемъ что-нибудь, тѣлесныя движенія внутренно предваряются своими подобіями въ духѣ, ибо не было бы ни одного, даже самаго короткаго, слога, если бы онъ не былъ предусматриваемъ; или соннымъ видятся сновидѣнія, ничего-ли не означающія или что-нибудь означающія; или, при разстройствѣ и прегражденіи путей ощущенія вслѣдствіе состоянія тѣлеснаго здоровья, тѣлесные образы духа такъ переплетаются съ дѣйствительными тѣлами, что почти или совсѣмъ не могутъ быть отъ нихъ отличаемы, все равно имѣютъ-ли они значеніе или же не имѣютъ; или при какой-ни-

будь удручающей тѣлесной болѣзни или же скорби, преграждающей внутренніе пути, которыми направляется вниманіе души къ ощущенію вышнихъ предметовъ, образы этихъ предметовъ, означающіе-ли что-нибудь или же не означающіе, выступаютъ въ духѣ гораздо глубже, чѣмъ при безчувственномъ снѣ; или безъ всякой причины въ тѣлѣ, восхищаемая какимъ-нибудь духомъ и въ то же время пользуясь и тѣлесными чувствами, душа уносится въ подобныя видѣнія, примѣшивая къ нимъ и тѣлесныя видѣнія; или, наконецъ, при этомъ восхищеніи духъ въ такой степени отвлекается и отрѣшается отъ всякаго тѣлеснаго чувства, что имѣеть дѣло съ одними только тѣлесными подобіями при помощи духовнаго зрѣнія, при чемъ не знаю, можетъ-ли быть созерцаемо что-нибудь, не имѣющее значенія.

ГЛАВА XXIV.

Разумное зрѣніе превосходитъ духовное, а духовное—тѣлесное.

Такимъ образомъ, духовная природа, въ коей отпечатлѣваются не тѣла, а тѣлесныя подобія, имѣеть зрѣніе низшаго рода въ сравненіи съ умственнымъ или разумнымъ свѣтомъ, которымъ и предметы этого низшаго зрѣнія обсуждаются и созерцается то, что—не тѣла и не имѣеть формъ подобныхъ тѣламъ, какъ напр. самъ умъ и всякая душевная добродѣтель, которой противоположны справедливо обвиняемые и осуждаемые пороки души. Ибо какимъ другимъ образомъ созерцается самъ разумъ, если не при помощи разума? Точно также [созерцаются] и любовь, радость, великодушіе, благосклонность, доброта, вѣра, обычай, воздержаніе, и прочее тому подобное, чѣмъ мы приближаемся къ Богу, а наконецъ и Самъ Богъ, изъ Котораго все и въ Которомъ все.

Итакъ, хотя въ одной и той же душѣ происходитъ зрѣніе или того, что ощущается при помощи тѣла, напр. тѣлес-

ное небо, земля и все, что только можетъ быть на нихъ познаваемо, или того, что созерцается духомъ, какъ подобія тѣлъ (о чемъ нами уже сказано не мало), или того, что, будучи постигаемо умомъ, не представляетъ собою ни тѣлъ, ни ихъ подобій; однако, всѣ эти роды зрѣнія имѣютъ свой порядокъ и одинъ превосходитъ другой. Такъ, духовное зрѣніе превосходитъ тѣлеснаго, а разумное превосходитъ духовнаго. Тѣлеснаго не можетъ быть безъ духовнаго, ибо въ тотъ сомый моментъ, когда тѣло ощущается при помощи тѣлеснаго чувства, въ душѣ получается нѣчто такое, что представляетъ собою не само тѣло, а его подобіе; а не будь этого, не существовало бы и самаго чувства, при помощи котораго ощущаются внѣ находящіеся предметы. Ибо ощущаетъ не тѣло, а душа при посредствѣ тѣла, которымъ она пользуется, какъ вѣстникомъ для образованія въ себѣ того, что сообщается ей совнѣ. Поэтому тѣлесное зрѣніе можетъ быть только одновременно съ духовнымъ, и отдѣляется отъ этого послѣдняго только тогда, когда чувство отвлекается отъ тѣла, чтобы видимый при посредствѣ тѣла предметъ отпечатлѣлся въ духѣ. Напротивъ, духовное зрѣніе можетъ совершаться и помимо тѣлеснаго, когда въ духѣ являются подобія отсутствующихъ предметовъ, при чемъ многія изъ нихъ или измышляются произвольно, или отрываются неволью. Въ свою очередь, духовное зрѣніе нуждается для своего обсужденія въ разумномъ, разумное же въ духовномъ, какъ низшемъ, не нуждается, а потому тѣлесное зрѣніе подчинено духовному, а оба они—разумному. Отсюда, когда мы читаемъ: *духовный востязуетъ убо вся, а самъ той ни отъ единого не востязуется* (I Кор. II, 15), то эти слова должны понимать не въ смыслѣ того духа, отъ котораго отличается умъ, какъ напр. слова: *помолюся духомъ, помолюся же и умомъ* (I Кор. XI, 15), но въ томъ смыслѣ, какъ сказано: „обновляйтесь духомъ ума вашего“ (Еф. I, 23). Ибо выше мы показали, что духомъ называется и самый умъ, которымъ

духовный *востязуетъ вся*. Поэтому, мнѣ кажется, будетъ исполнѣ умѣстно думать, что духовное зрѣніе занимаетъ какъ бы посредствующее мѣсто между разумнымъ и тѣлеснымъ зрѣніемъ. Ибо то, что не тѣло, а подобно тѣлу, полагаю, умѣстно назвать среднимъ между тѣмъ, что представляетъ собою истинное тѣло, и тѣмъ, что не есть ни тѣло, ни его подобіе.

ГЛАВА XXV.

Только разумное зрѣніе не обманываетъ.

Между тѣмъ, душа бываетъ игрушкою тѣлесныхъ подобій, впрочемъ не по ихъ, а собственной винѣ, когда, за недостаткомъ разумѣнія, принимаетъ подобія за самые предметы, подобіями которыхъ они служатъ. Отсюда она впадаетъ въ обманъ при тѣлесномъ зрѣніи, когда полагаетъ, что то происходитъ въ самыхъ тѣлахъ, что происходитъ въ тѣлесныхъ чувствахъ, когда напр. мореплавателямъ кажется, будто на сушѣ движется то, что стоитъ на одномъ мѣстѣ, а смотрящимъ на небо, будто стоять на одномъ мѣстѣ светила, которыя на самомъ дѣлѣ движутся; или когда считаетъ что-либо существующимъ такое, что подобнымъ образомъ оврашено, или подобнымъ образомъ пахнетъ, звучитъ, кажется на вкусъ и осязаніе, ибо въ этомъ случаѣ и какой-нибудь сваренный въ горшкѣ пластырь принимается за горохъ, грохотъ проѣзжающей повозки—за громъ, а если другія чувства въ расчетъ не принимаются и дѣло ограничивается однимъ только осязаніемъ, то тыква принимается за траву, известную подъ названіемъ пчелиной, пища, приправленная сладковатымъ сокомъ, за приготовленную изъ меду, дешевое кольцо въ потемкахъ за золотое, хотя оно только мѣдное или серебряное; или когда, разстроенная внезапными и неожиданными тѣлесными видѣніями, душа думаетъ, что она или видитъ во снѣ, или находится въ состояніи какого-нибудь по-

добнаго духовнаго видѣнія. Вотъ почему во всѣхъ тѣлесныхъ видѣніяхъ требуется свидѣтельство какъ другихъ чувствъ, такъ особенно ума, т. е. разума, чтобы находить, насколько находить можно, то, что въ этого рода предметахъ истинно. Въ духовномъ же зрѣніи, т. е. въ тѣлесныхъ подобіяхъ, которыя созерцаются духомъ, душа обманывается тогда, когда думаетъ, что созерцаемые ею образы суть самыя тѣла, или то, что она представляетъ себѣ по предположенію и ложной догадкѣ, относить и къ тѣламъ, которыя не видя предполагаетъ по догадкѣ. Но въ видѣніяхъ разумныхъ душа не ошибается, ибо или она понимаетъ, и въ такомъ случаѣ это истинно, или если оно не истинно, значитъ—она не понимаетъ; отсюда, иное для души—ошибаться въ томъ, что она видитъ, и иное—ошибаться потому, что не видитъ.

ГЛАВА XXVI.

Двоякое восхищеніе души—посредствомъ духовнаго зрѣнія и зрѣнія разумнаго.

Поэтому, когда душа восхищается въ видѣнія, которыя созерцаются духомъ, какъ подобія тѣлесныхъ предметовъ, такъ что отрѣшается отъ всѣхъ тѣлесныхъ чувствъ гораздо полнѣе, чѣмъ во снѣ, но меньше, чѣмъ при смерти, то будетъ дѣломъ уже божественнаго внушенія и вспомоствованія, если она знаетъ, что видитъ духомъ не тѣла, а видѣнія подобныя тѣламъ, подобно тому, какъ сонные раньше пробужденія знаютъ, что видятъ именно во снѣ. А если она созерцаетъ еще и будущее, и притомъ вполнѣ зная, что это—именно будущее, образы котораго созерцаются ею, какъ настоящіе,—зная при посредствѣ ли самаго человѣческаго, свыше вспомоствуемаго, разума, или же по чьему-либо, сообщаемому во время самыхъ видѣній, изъясненію, какъ подобныя изъясненія дѣлались Іоанну въ Апокалипсисѣ (I, 10): въ такомъ случаѣ это будетъ уже великое откровеніе, хотя

тотъ, кому дѣлаются подобныя отервенія, быть можетъ, и не знаетъ, вышелъ-ли онъ изъ тѣла, или же находится еще въ тѣлѣ, а видитъ все это отрѣпленнымъ отъ чувствъ духомъ, ибо восхищенный можетъ не знать этого, если о томъ не будетъ ему сообщено.

Но если душа, какъ она восхищена отъ тѣлесныхъ чувствъ настолько, что находится въ области тѣлесныхъ подобій, созерцаемыхъ духомъ, восхищается подобнымъ образомъ и отъ этихъ подобій, такъ что переносится въ ту какъ бы страну разумныхъ и разумопостижимыхъ предметовъ, въ которой истина созерцается безъ всякихъ тѣлесныхъ подобій и не затемняется никакимъ туманомъ ложныхъ мнѣній: въ такомъ случаѣ уже не трудны и не тяжелы добродѣтели душевныя, ибо тамъ нѣтъ ни пожеланій, которыя бы обуздывались при помощи умѣренности, ни несчастій, которыя бы переносились при помощи мужества, ни непотребствъ, которыя бы наказывались при помощи правосудія, ни неудачъ, которыя бы отклонялись при помощи благоразумія. Тамъ существуетъ единственная добродѣтель—любить то, что видишь, и высшее блаженство—обладать тѣмъ, что любишь. Тамъ блаженная жизнь льется изъ самаго ея источника, которымъ орошаются нѣкоторыя стороны и здѣшной человѣческой жизни, чтобы люди въ испытаніяхъ вѣка сего жили умѣренно, мужественно, правосудно и благоразумно. Ибо для полученія награды тамъ, гдѣ будетъ покой и неизреченное видѣніе истины, и предпринимается здѣсь трудъ и воздержанія отъ удовольствій, и перенесенія несчастій, и вспоможенія не имущимъ, и удержанія заблуждающихся. Тамъ зрится слава Господня не чрезъ тѣлесное зрѣніе, какъ она была видима на Синаѣ (Исх. XIX, 18), или чрезъ духовное, какъ видѣлъ ее Исаія (Иса. I, 1), или Іоаннъ (Апок. I, 10), но *явь и не гаданіемъ*, насколько она можетъ быть воспринимасма умомъ человѣческимъ, по благодати Бога, приемлющаго говорить *усты ко устамъ* съ тѣмъ, кого Онъ сдѣлаетъ достойнымъ та-

кого собесѣдованія,—усты не тѣлесныя, а умственные, какъ, думаю, надобно понимать написанное о Моисеѣ.

ГЛАВА XXVII.

Какимъ родомъ зрѣнія Богъ видимъ былъ Моисеемъ.

Ибо, какъ читаемъ въ книгѣ Исходъ (XIX, 18 и XXXIII, 9), Моисей пожелалъ видѣть Бога, не такъ, конечно, какъ видѣлъ Его на горѣ, и не такъ, какъ видѣлъ въ скинии, но въ самой Его сущности, безъ всякаго посредства тѣлесной твари, которая представляется чувствамъ смертной плоти, и не при посредствѣ образовавшихся въ духѣ тѣлесныхъ подобій, а подъ Его видомъ, насколько можетъ Его воспринять разумная тварь, отрѣшившись отъ всякаго тѣлеснаго чувства и отъ всякаго знаменующаго гаданія духа. Ибо написано такъ: *аще обратиохъ благодать предъ Тобою, яви ми Тебе Самого, да вижду Тя* (Исх. XXXIII, 12), хотя нѣсколько выше говорится, что Господь глагола къ Моисею *лицемъ къ лицу, якоже аще бы кто возглагола къ своему другу* (ст. 11). Слѣдовательно, Моисей чувствовалъ, что онъ видѣлъ, и желалъ того, чего еще не видѣлъ. Ибо и нѣсколько ниже, когда Богъ сказалъ Моисею: *обрълъ еси благодать предо Мною и вѣмъ тя паче всѣхъ* (ст. 17), Моисей отвѣчаетъ Богу: *покажи ми славу Твою* (ст. 17). И получилъ отъ Господа знаменательный (о которомъ теперь было бы долго разсуждать) отвѣтъ, когда Богъ сказалъ ему: *не возможеша видѣти лица Моего, не бо узритъ человекъ лице Мое и живъ будетъ* (ст. 20). И потомъ прибавилъ и сказалъ: *се мѣсто у Мене на камени. Егда же придетъ слава Моя и положу тя въ разстланный камени и покрою рукою Моею надъ тобою, дондеже мимоиду. И отгиму руку Мою и тогда узриши задняя Моя: лице же Мое не явится тебѣ* (ст. 21—23). Однако, дальше Писаніе не говоритъ, чтобы такъ

и произошло тѣлеснымъ образомъ; а отсюда достаточно доказывается, что это сказано въ значеніи Церкви. Ибо она— мѣсто у Господа, такъ какъ Церковь—храмъ Его и создана на камнѣ, да и все остальное, тогда сказанное, соотвѣтствуетъ такому именно пониманію. Но, съ другой стороны, если бы Моисей не удостоился видѣть желанной имъ славы Господней, то въ книгѣ Числъ Богъ не сказалъ бы Аарону и Маріамѣ, брату и сестрѣ его: *послушайте словеса Моиса: аще будетъ въ васъ пророкъ Господевъ, въ видѣніи ему познаюся и во снѣ возлагаю ему. Не тако якоже рабъ Мой Моисей, во всемъ дому Моємъ впренъ есть: усты ко устамъ возлагаю ему явь и не гаданіемъ, и славу Господню видѣ* (XII, 6—8). Это надобно понимать уже не по тѣлесной субстанціи, которая представляется плотскимъ чувствамъ, ибо чрезъ тѣлесную тварь, конечно, говорилъ Богъ съ Моисеемъ лицомъ къ лицу, дружественно, и тогда, когда Моисей сказалъ ему: *покажи мнѣ Тебе Самого*; такъ же точно, т. е. при посредствѣ тѣлесной, тѣлеснымъ чувствамъ доступной, твари говорилъ Онъ и въ настоящемъ случаѣ съ тѣми, которыхъ укорялъ и предъ которыми восхвалялъ заслуги Моисея. Поэтому, несравненно таинственнѣе и явственнѣе говорить Онъ неизреченнымъ глаголаніемъ въ томъ Своемъ видѣ, въ которомъ никто не можетъ Его видѣть и остаться живымъ въ своей настоящей жизни (которою живутъ люди смертнымъ образомъ въ своихъ тѣлесныхъ чувствахъ), если только онъ нѣкоторымъ образомъ не умираетъ отъ сей жизни, совершенно-ли выходя изъ тѣла, или же отрѣшаясь отъ тѣлесныхъ чувствъ такъ, что, какъ говоритъ Апостоль, уже не знаетъ, въ тѣлѣ-ли или внѣ тѣла находится, когда бываетъ восхищенъ и перенесенъ въ подобное видѣніе.

ГЛАВА XXVIII.

Третье небо и рай, о которыхъ говоритъ Апостолъ, могутъ быть понимаемы о третьемъ родѣ зрѣнія.

Поэтому, если Апостолъ третьимъ небомъ назвалъ тотъ третій родъ зрѣнія, который превосходитъ не только тѣлеснаго зрѣнія, какимъ ощущаются тѣла при посредствѣ тѣлесныхъ чувствъ, но и всякаго духовнаго зрѣнія, какимъ созерцаются тѣлесныя подобія при посредствѣ духа, а не ума; то этимъ родомъ зрѣнія созерцается слава Божія, для лицезрѣнія которой очищаются сердца, какъ написано: *блаженни чистіи сердцемъ, яко тѣмъ Бога узрятъ* (Мѡ. V, 8), — созерцается не подъ какимъ-нибудь, тѣлесно или духовно представляемымъ, знакомъ, *яко зеркаломъ въ гаданіи*, но *лицемъ къ лицу* (2 Кор. V, 7), или, какъ написано о Моисѣѣ, *усты ко устамъ*, т. е. подъ тѣмъ видомъ, въ какомъ такъ или иначе существуетъ Богъ, какъ бы мало ни способенъ былъ постигать Его нашъ разумъ, отличный отъ Него даже и въ томъ случаѣ, когда очищенъ отъ всякой земной сѣверны и отрѣшенъ отъ всякаго тѣла и тѣлеснаго подобія, ибо пока *вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ*, мы находимся въ дальнемъ отъ Него странствованіи, даже когда живемъ здѣсь и праведно. Почему же не думать намъ, что великому Апостолу, учителю языковъ, восхищенному въ такое чрезвычайное видѣніе, Богъ хотѣлъ показать ту жизнь, въ которой мы будемъ жить вѣчно послѣ сей жизни? Почему не назвать ее раемъ, въ замѣну того, въ которомъ жилъ тѣлесно Адамъ среди тѣнистыхъ и плодовыхъ деревьевъ? Ибо и Церковь, которая собираетъ насъ въ лоно своей любви, называется раемъ съ плодомъ яблочнымъ (Пѣсн. Пѣсн. IV, 13). Но такъ названа она иносказательно, какъ бы тѣмъ раемъ, въ которомъ Адамъ находился въ собственномъ смыслѣ, подъ образомъ будущаго предуказана была Церковь, хотя, быть можетъ, при

болѣе внимательномъ обсужденіи откроется, что расмъ, въ коемъ тѣлесно находился Адамъ, предуказана была и жизнь святыхъ, которая проводится ими теперь въ Церкви, и жизнь, которая послѣ настоящей будетъ въ будущемъ. Такъ, Іерусалимъ, который въ переводѣ значить „видѣніе мира“ и въ то же время представляетъ собою городъ, означаетъ и Іерусалимъ вѣчный—наше отечество на небесахъ, вмѣстѣ-ли съ тѣми, которые спасены надеждою и съ терпѣніемъ ожидаютъ, надѣясь на то, чего не видятъ (Рим. VIII, 24, 25), въ смыслѣ воиухъ *многа чада пустыя паче нежели имущія мужа* (Гал. IV, 27), или же чрезъ Церковь многообразной премудрости Божіей (Еф. IV, 10) вмѣстѣ съ святыи Ангелами, съ которыми послѣ настоящаго странствованія предстоитъ созерцать ее безъ труда и конца.

ГЛАВА XXIX.

Существуютъ-ли въ духовномъ и разумномъ зрѣніи многія степени, какъ существуютъ многія небеса.

Но если третье небо, куда былъ восхищенъ Апостоль, принять въ такомъ смыслѣ, что выше него существуетъ, какъ думаютъ, четвертое и даже еще нѣсколько небесъ, въ числѣ воиухъ третье занимаетъ низшее мѣсто (одни насчитываютъ ихъ семь, другіе восемь, третьи девять, а нѣкоторые даже десять, утверждая съ другой стороны, что и въ томъ небѣ, которое называется твердью, существуютъ послѣдовательно многія, а потому умозаключаютъ или полагаютъ, что всѣ они тѣлесны, о какомъ умозаключеніи или мнѣніи ихъ было бы долго разсуждать въ настоящемъ случаѣ): то возможно, что кто-нибудь станетъ настаивать или, пожалуй, доказывать, что существуетъ много степеней и въ духовномъ и разумномъ родѣ зрѣнія, и притомъ степеней различныхъ, смотря по большей или меньшей ясности откровеній. Но какъ бы каждый ни принималъ и ни представлялъ себѣ этотъ

предметъ, одинъ такъ, другой иначе, я, кромѣ указанныхъ трехъ родовъ зрѣнія—тѣломъ, духомъ и умомъ, доселѣ и не знаю, и не могу говорить. Признаюсь, не знаю и того, сколько существуетъ различій въ каждомъ изъ этихъ родовъ, такъ чтобы въ каждомъ изъ нихъ, взятомъ въ отдѣльности, одно постепенно было выше другого.

ГЛАВА XXX.

Въ духовномъ зрѣніи одни видѣнія какъ бы божественныя, а другія человѣческія.

Но какъ въ тѣлесномъ свѣтѣ есть небо, которое мы видимъ выше земли, съ котораго блещутъ свѣтила и звѣзды, представляющія собою тѣла гораздо лучшія земныхъ, такъ и въ духовномъ родѣ зрѣнія, въ коемъ созерцаются подобія тѣлъ при помощи безтѣлеснаго и свойственнаго имъ свѣта, бывають нѣкоторыя чрезвычайныя и поистинѣ божественныя видѣнія, которыя удивительнымъ образомъ открываютъ Ангелы, дѣлан-ли свои собственные видѣнія нашими путемъ какого-либо мощнаго, для нихъ удобнаго, привмѣшенія или соединенія, или же какимъ-нибудь неизвѣстнымъ образомъ умѣя образовать въ нашемъ духѣ наше собственное видѣніе, — трудно понять и еще труднѣе выразить словами. Бываютъ и обыкновенныя, человѣческія видѣнія, которыя или возникаютъ многоразличнымъ образомъ изъ нашего духа, или же какимъ-нибудь образомъ возбуждаются въ духѣ со стороны тѣла. Ибо люди не только въ бодрственномъ состояніи обращаютъ вниманіе своей мысли на тѣлесныя подобія, но и въ сонномъ состояніи грезятъ о томъ, чего недостаетъ имъ; своими дѣлами они занимаются, движимые душевнымъ желаніемъ, а если засыпають голодными и жаждущими, упорно грезятъ о яствахъ и питіяхъ. Все это въ сравненіи съ ангельскими откровеніями, полагаю, надобно разсматривать такъ, какъ если бы въ видимой природѣ мы стали сравнивать земныя тѣла съ небесными.

ГЛАВА XXXI.

Въ разумномъ зрѣнїи—одно, что созерцается въ душѣ, а другое—свѣтъ, которымъ оно созерцается.—Свѣтъ души—Богъ.

Такъ точно и въ разумномъ родѣ зрѣнїя одно—то, что созерцается въ душѣ, какъ напр. добродѣтели съ противоположными имъ пороками, останутся-ли онѣ и на будущее время, какъ напр. благочестіе, или же только полезны въ настоящей жизни, а потомъ ихъ не будетъ; какъ напр. вѣра, при помощи которой мы вѣримъ тому, чего еще не видимъ, надежда, при помощи которой мы съ терпѣніемъ надѣемся на будущее, и самое терпѣніе, при помощи котораго мы переносимъ несчастія, доколѣ не приходимъ туда, куда хотимъ. Этихъ и подобныхъ имъ добродѣтелей, весьма необходимыхъ въ настоящей жизни по нуждамъ совершаемаго нами странствованія, не будетъ въ будущей жизни, для полученія которой онѣ необходимы, и однако онѣ созерцаются разумнымъ образомъ, ибо не суть ни тѣла, ни подобные тѣламъ образы. Иное же—самый свѣтъ, которымъ освѣщается душа, чтобы все, разумно мыслимое, она могла созерцать въ себѣ-ли, или въ немъ: то—уже Самъ Богъ, а эта—хотя и разумная, созданная по образу Его, но все же тварь, которая, когда стремится созерцать этотъ свѣтъ, борется съ своей слабостью и тѣмъ мѣьше успѣваетъ. Отсюда, впрочемъ, и все разумѣть она такъ, какъ можетъ. Поэтому, когда она восхищается къ созерцанію того свѣта, и, отрѣшившись отъ тѣлесныхъ чувствъ, живѣе уносится къ этому видѣнію, конечно, не чрезъ пространственныя разстоянія, а своимъ особеннымъ образомъ, то даже и тамъ, на верху всего, если видитъ наконецъ то, при помощи чего все видитъ, она видитъ такъ, какъ сама въ себя разумѣть.

ГЛАВА XXXII.

Куда уносится душа, разлучившись отъ тѣла.

Если теперь спросить меня, въ тѣлесныя-ли какія-нибудь мѣста переносится душа, когда она выходитъ изъ тѣла,

или въ безтѣлесныя, но подобныя тѣлеснымъ, или даже и не сюда, а туда, что превосходитѣе я тѣль и тѣлесныхъ подобій, то я вкратцѣ отвѣчу такъ, что въ тѣлесныя мѣста она или переносится только съ какимъ-либо тѣломъ, или же не переносится. А имѣеть-ли она какое-нибудь тѣло, когда выходитъ изъ своего тѣла, это пусть доказываетъ, кто можетъ, а я такъ не думаю: я считаю ее духовною, а не тѣсною. Въ духовныя же мѣста она переносится смотря по заслугамъ, т. е. или въ подобныя тѣлеснымъ мѣста наказанія, на какія часто ссылаются люди, которые были восхищаемы отъ тѣлесныхъ чувствъ и, оставаясь подобными мертвымъ, видѣли адскія наказанія, такъ какъ и они имѣли на себѣ подобіе своего тѣла, благодаря которому могли переноситься въ тѣ мѣста и подобіями чувствъ испытывать мученія. А я не вижу основанія, почему бы душа, имѣя подобіе своего тѣла, когда тѣло ея лежитъ безъ чувствъ, хотя и не совершенно мертво, между тѣмъ какъ сама видитъ вещи, о какихъ рассказываютъ люди, находившіеся въ состояніи подобнаго восхищенія, не имѣла этого подобія тогда, когда въ минуту совершенной смерти выходитъ совсѣмъ изъ тѣла. И такъ, она переносится или въ эти мѣста мученій, или въ подобныя же тѣлеснымъ мѣста покоя и радостей.

Между тѣмъ, не вѣрно будетъ назвать ни эти наказанія, ни этотъ покой и радость ложными: они ложны тогда, когда, по ошибочному мнѣнію, принимаются за нѣчто другое. Такъ, Петръ ошибался не только тогда, когда видѣлъ сосудъ и принималъ его содержимое не за подобія тѣль, а за самыя тѣла, но и тогда, когда, освобожденный Ангеломъ отъ оковъ, онъ шелъ за нимъ тѣлеснымъ образомъ и, поставленный лицомъ къ лицу съ тѣлесными формами, *мнѣше видѣніе зрѣти*. Ибо какъ въ сосудѣ находились духовные, подобные тѣламъ, образы, такъ и тѣлесное изведеніе освобожденнаго отъ оковъ по причинѣ чуда было подобно духовному. Но душа его ошибалась только потому, что принимала то и

другое за нѣчто иное. Отсюда, хотя то, что души, разлучившись отъ тѣлѣ, испытываютъ хорошаго или дурного, не тѣлесно, а подобно тѣлесному, такъ какъ и сами души представляются самимъ себѣ подобными своимъ тѣламъ, однако и радость эта и это томленіе истинны, происходя отъ духовной субстанціи. Такъ и въ снахъ дѣло весьма не безразличное, видимъ-ли мы себя въ радостномъ, или тягостномъ состояніи. Нѣкоторые жалѣютъ, что просыпаются на такихъ вещахъ, которыхъ они желали, и, наоборотъ, напуганные и потрясенные ужасами и муками, проснувшись, боятся заснуть, чтобы не привидѣлись имъ снова тѣ же самые страхи. А само собою понятно, что адскіе ужасы гораздо разительнѣе, а потому и чувствуются они гораздо сильнѣе. И дѣйствительно, люди, которые находились въ отрѣшеніи отъ тѣлесныхъ чувствъ, хотя и не такомъ, какое бываетъ при дѣйствительной смерти, однако болѣе глубоко, чѣмъ во снѣ, рассказываютъ, что видѣли вещи болѣе разительныя, чѣмъ какія видятся во снѣ. И такъ, адъ существуетъ несомнѣнно, но сущность его, думаю, не тѣлесная, а духовная.

ГЛАВА XXXIII.

Вопросъ объ адѣ.— Душа безтѣлесна.— Доно Авраама.

Не слѣдуетъ слушать и тѣхъ, которые утверждаютъ, будто адъ имѣетъ мѣсто въ настоящей жизни, и нѣтъ его послѣ смерти. Пусть такіе представляютъ его себѣ такъ, какъ толкуютъ его поэтическія измышленія, — мы не должны отступать отъ авторитета божественныхъ Писаній, которымъ только и надобно вѣрить относительно этого предмета. Впрочемъ, мы могли бы показать, что и ихъ мудрецы нисколько не сомнѣвались относительно сущности ада, который принимаетъ души умершихъ послѣ этой жизни. Между тѣмъ, умѣстно спросить, почему говорятъ, что адъ находится подъ землей, если онъ не представляетъ собою тѣлеснаго мѣста,

или почему онъ называется преисподней, если нѣтъ его подъ землей. Смѣю сознаться, что не только думаю, а и положительно знаю, что душа безтѣлесна; однако, если кто можетъ отрицать, что душа имѣетъ подобіе тѣла и всѣхъ тѣлесныхъ чувствъ, то можетъ отрицать и то, что душа во снѣ видитъ, или ходить, или сидитъ, или туда и сюда движется и переносится посредствомъ хожденія или летанія, чего не можетъ происходить безъ нѣкотораго подобія тѣла. А если это подобіе она носить на себѣ и въ адѣ, то и онъ не тѣлесенъ, а подобенъ тѣлу, а равно и сама она, мнѣ кажется, находится не въ тѣлесныхъ, а подобныхъ тѣлеснымъ мѣстахъ, въ покоѣ-ли, или скорбяхъ.

Сознаюсь, впрочемъ, я еще не встрѣтилъ случая, чтобы мѣсто, гдѣ почіють души праведниковъ, называлось адомъ. Правда, и душа Христа сходила до самыхъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ грѣшники претерпѣваютъ муки (Дѣян. II, 24), чтобы освободить отъ этихъ мукъ тѣхъ, спасти которыхъ, какъ мы вѣруемъ, судилъ Онъ по Своей, сокрытой для насъ, правдѣ. Но я не знаю, какъ иначе понимать изреченіе: *Въоже Богъ воскреси, разръшивъ болѣзни смертныя, якоже не бѣше мощно держиму быти Ему отъ нея*, если не такъ, что Онъ властію, по которой Господь есть, *Емуже всяко колѣно поклонится небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ* (Фил. II, 10), разръшилъ скорби нѣкоторыхъ въ адѣ, но Самъ по сей же власти не могъ подлежать этимъ скорбямъ. Этимъ скорбямъ не подлежали также Авраамъ и онъ, на ловѣ его, т. е. въ тайнѣ его покоя, бѣднѣ, между покоемъ которыхъ и адскими муками, какъ читаемъ, *пропасть велика утвердися* (Лук. XVI, 23), и не сказано, чтобы они были въ адѣ. *Бысть же, говорить, умрети нищему и несену быти Ангелы на лоно Авраамле, умре же и богатый и погребоша его. И во адъ возведъ очи свои, сый въ мукахъ*, и проч. Отсюда видно, что упоминаніе объ адѣ сдѣлано въ приложеніи не къ покою нищаго, а къ наказанію богатаго.

Даже и слова, сказанныя Иаковомъ сыновьямъ: *сведете старость мою съ печалію во адъ* (Быт. XLV, 30) сказаны имъ, мнѣ кажется, скорѣе изъ боязни, какъ бы не впасть ему въ такую чрезмѣрную печаль, чтобы отойти не въ покой блаженныхъ, а въ муки грѣшныхъ. Ибо печаль представляетъ собою не малое зло для души, если и Апостоль съ такою великою заботливостію опасался за вѣкоего, *да не многую скорбію пожрениъ будетъ* (2 Кор. II, 7). Но, какъ замѣчено выше, я еще не вашель, досель еще ищу, но не встрѣчаю случая, чтобы каноническое Писаніе употребило гдѣ-нибудь слово адъ въ добрую сторону; не знаю, слыхалъ-ли кто-нибудь, чтобы лоно Авраамово и тотъ покой, куда отнесенъ былъ Ангелами ницій, надобно было принимать не въ добрую сторону, а потому не понимаю, какъ можно думать, что этотъ покой находится въ адѣ.

ГЛАВА XXXIV.

О раѣ и третьемъ небѣ, куда былъ восхищенъ Павелъ.

Но въ то время, какъ мы это ищемъ и пока найдемъ или не найдемъ, длиннота настоящей книги требуетъ отъ насъ, чтобы мы когда-нибудь ее закончили. Поэтому, такъ какъ мы завели рѣчь о раѣ по поводу словъ Апостола, что онъ знаетъ челоувѣка, восхищеннаго до третьяго неба, но не знаетъ, въ тѣлѣ-ли или внѣ тѣла восхищеннаго, и такъ какъ челоувѣкъ тотъ восхищенъ былъ въ рай и слышалъ тамъ неизреченны глаголы, *ихже не мтъ есть челоувкомъ глаголати*, то мы не утверждаемъ съ дерзостію, находится-ли рай на третьемъ небѣ, или же челоувѣкъ тотъ восхищенъ былъ на третье небо, а оттуда уже потомъ въ рай. Ибо если раемъ называется въ собственномъ смыслѣ тѣнистое мѣсто, а въ переносномъ и всякая духовная страна, гдѣ душа благополучна, то раемъ будетъ не только великое, безспорно высоко-прекрасное, третье небо, что бы оно ни было такое, но

и нѣкоторая въ самомъ человѣкѣ радость, пристекающая отъ чистой совѣсти. Отсюда и Церковь святыхъ, умѣренно, праведно и благочестиво живущихъ, правильно называется раемъ, исполненнымъ благословеній и чистыхъ удовольствій (Сир. XL, 28), ибо и въ самыхъ скорбяхъ она прославляется терпѣніемъ, радуясь наипаче тому, что по множеству болѣзней въ сердцѣ ея утѣшенія Божіи веселятъ душу ея (ис. 93, 19). Не тѣмъ-ли больше можно назвать раемъ послѣ сей жизни доно Авраамово, гдѣ нѣтъ уже никакихъ испытаній и гдѣ наступаетъ покой послѣ всѣхъ скорбей настоящей жизни? Есть тамъ и свой особенный свѣтъ, свѣтъ великій, который богачъ тотъ хотя и изъ тьмы ада и, конечно, издали, такъ какъ его отдѣляла отъ этого свѣта великая пропасть, однако видѣлъ настолько, чтобы разглядѣть нищаго.

Если все это такъ, то потому, какъ думаютъ, адъ находится подъ землей, что такъ именно представляется онъ нашему духу по указанію подобій тѣлесныхъ вещей: души умершихъ, достойныя ада, грѣшили плотскою любовью, а потому, руководясь подобіемъ тѣлесному, онѣ представляютъ и адъ тѣмъ же, что обычно самой мертвой плоти, т. е. нисхожденіемъ подъ землю. Затѣмъ, по-латыни преисподняя (*infergi*) называется отъ того, что находится внизу (*infra*); отсюда, какъ по отношенію къ тѣламъ, если держаться порядка ихъ тяжести, ниже лежатъ тѣ, которыя тяжелѣе, такъ и по отношенію въ духу ниже тѣ, которыя наиболѣе удручены печалію. Поэтому и на греческомъ языкѣ слово, которымъ называется адъ (*αἰδης*), происходитъ, какъ утверждаютъ, отъ того, что не имѣетъ ничего пріятнаго. Однако, Спаситель нашъ, за насъ умершій, не возгнушался посѣтить и эту область вещей, дабы освободить отсюда тѣхъ, которые, какъ Онъ не могъ не знать, должны были быть спасены по божественному и современному правосудію. Поэтому, душѣ разбойника, которому Имъ было сказано: *днесъ будешь со Мною въ раю* (Лув. XXIII, 43), Онъ предугото-

виль не адъ конечно, гдѣ происходятъ наказанія грѣшниковъ, а или покой на лонѣ Авраама, ибо Христосъ—всюду, такъ какъ Онъ—сама Премудрость Божія, *пропущающая сквозь всяческую ради своей чистоты* (Прем. VII, 24), или рай на третьемъ-ли небѣ, или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, куда послѣ третьяго неба былъ восхищенъ Апостоль, если, впрочемъ, это—не одно и то же, только различными именами называемое, мѣсто, гдѣ находятся души блаженныхъ.

Итакъ, если подъ первымъ небомъ разумѣть все то тѣлесное, что только находится выше воды и земли, а подъ вторымъ то, что созерцается духомъ въ тѣлесномъ подобіи, какъ и то небо, откуда спускалась къ Петру въ экстазѣ корзина полная животныхъ, наконецъ подъ третьимъ то, что зрится умомъ настолько сосредоточеннымъ и углубленнымъ, отрѣшеннымъ и очищеннымъ отъ всѣхъ тѣлесныхъ чувствъ, что все тамъ сущее, самую субстанцію Божію и Слово Божіе, Которымъ сотворено все (Іоан. I, 3), въ любви Духа Святаго онъ можетъ неизреченнымъ образомъ видѣть и слышать: то не неприлично думать, что сюда именно и былъ восхищенъ Апостоль и здѣсь находится и рай наилучшій изъ всѣхъ и, если такъ можно выразиться, рай раевъ. Ибо если добродѣтельной душѣ радость открывается во всякой доброй твари, то что можетъ быть для нея выше той радости, которая заключается въ Словѣ Божіемъ, Которымъ сотворено все?

ГЛАВА XXXV.

Почему для полнаго блаженства души необходимо воскресеніе тѣлъ.

А если кого интересуетъ вопросъ, какая надобность для умершихъ принимать на себя свои тѣла въ воскресеніи, если для нихъ возможно высшее блаженство и безъ тѣлъ, то хотя вопросъ этотъ по своей трудности и не можетъ быть раскрытъ полнымъ образомъ въ настоящей рѣчи, однако ни

ВЪ какомъ случаѣ не слѣдуетъ сомнѣваться, что умъ чело-
вѣка, отрѣшенный отъ плотскихъ чувствъ и послѣ смерти
сложившій съ себя самую плоть, даже перешедши и за чер-
ту подобій тѣлесному, не можетъ видѣть непреложную Суб-
станцію такъ, какъ видятъ ее святые Ангелы, по иной-ли
болѣе сокровенной причинѣ, или потому, что ему присуще нѣ-
которое естественное желаніе управлять тѣломъ, каковое же-
ланіе до извѣстной степени мѣшаетъ ему съ полнымъ на-
пряженіемъ проходить къ высшему небу, доколѣ не соеди-
ненъ онъ съ тѣломъ, управленіе коимъ даетъ удовлетвореніе
этому желанію. Но если это тѣло таково, что управлять имъ
трудно и тяжело, какъ наше настоящее тѣло, которое, полу-
чая свое бытіе отъ преступнаго начала, повреждается и бре-
менитъ душу, то тѣмъ болѣе умъ отвращается отъ со-
зерцанія этого неба: необходимо, потому, отрѣшиться ему
отъ чувствъ плоти, чтобы получить указаніе, какъ мо-
жетъ достигать онъ зрѣнія неба. Вотъ почему, когда умъ
вашъ получить тѣло не душевное, а вслѣдствіе будуща-
го измѣненія духовное, то, ставши равнымъ съ Ангелами,
онъ достигнетъ полного равновѣсія своей природы, по-
винувся и повелѣвая, оживляясь и оживляя, съ такою не-
изреченною легкостью, что для него будетъ славою то, что
раньше было бременемъ.

ГЛАВА XXXVI.

Въ какомъ видѣ останутся три рода зрѣнія.

Ибо и тогда останутся, безъ сомнѣнія, тѣ же три рода
зрѣнія, но они будутъ показывать одно вмѣсто другого безъ
всякой ошибки и въ тѣлесныхъ и въ духовныхъ видѣніяхъ,
а тѣмъ болѣе въ видѣніяхъ разумныхъ, которыя будутъ на-
столько ясны и очевидны, что въ настоящее время съ гораз-
до меньшею очевидностью представляются намъ самыя, под-

лежащія нашимъ тѣлеснымъ чувствамъ, тѣлесныя формы, которыми многіе преданы такъ, что ихъ только и считаютъ существующими, а все, что не таково, совершенно не существующимъ. Мудрецы же стоятъ въ тѣлеснымъ видѣніямъ въ такомъ отношеніи, что хотя и считаютъ ихъ болѣе очевидными, однако болѣе увѣрены въ томъ, что такъ или иначе мысленно представляютъ себѣ дальше тѣлесной формы и тѣлеснаго подобія, хотя, впрочемъ, не могутъ созерцать этого умомъ такъ, какъ созерцаютъ тѣ тѣлеснымъ чувствомъ. Между тѣмъ, святыя Ангелы завѣдуютъ судомъ и управленіемъ въ области тѣлеснаго, но не склоняются къ ней, какъ къ болѣе очевидной, а представляютъ въ своемъ умѣ ея знаменующія подобія и, такъ сказать, дотрогиваются до нихъ съ такою властью, что могутъ сообщать ихъ въ откровеніи даже и человѣческому духу; наконецъ, и непреложную субстанцію Творца созерцаютъ такъ, что лицезрѣніе Ея и любовь къ Ней предпочитаютъ всему, сообразно съ Ней судятъ о всемъ, къ Ней направляются въ своей дѣятельности и изъ Ней почерпаютъ все, что ни дѣлаютъ. Словомъ, у Апостола, хотя и восхищеннаго отъ тѣлесныхъ чувствъ на третье небо и въ рай, для полнаго и совершеннаго познанія вещей, которое присуще Ангеламъ, то именно и оказалось недостаткомъ, что онъ не зналъ, въ тѣлѣ ли онъ былъ, или внѣ тѣла. Этого недостатка, конечно, уже не будетъ, когда, по полученіи тѣлъ въ воскресеніи мертвыхъ, тлѣнное сіе облечется въ нетлѣнное и мертвенное сіе облечется въ безсмертіе (1 Кор. XV, 53). Тогда все будетъ очевидно безъ всякой ошибки, безъ всякаго незнанія, тѣлесное, духовное и разумное будетъ разграничено по своимъ порядкамъ въ чистой природѣ и совершенномъ блаженствѣ.

ГЛАВА XXXVII.

Мнѣніе нѣкоторыхъ о третьемъ небѣ.

Знаю, что нѣкоторые, которые славятся своими, до насъ бывшими въ католической вѣрѣ, занятіями священнымъ Писаніемъ,

изъясняли слова Апостола о третьемъ небѣ такъ, что въ этомъ-де случаѣ разумѣются различія тѣлеснаго, душевнаго и духовнаго человѣка и что Апостоль восхищенъ былъ въ соединенному съ преимущественною очевидностью созерцанію порядка безтѣлесныхъ предметовъ, каковой порядокъ и въ настоящей жизни духовные люди предпочитаютъ всѣмъ другимъ и желаютъ имъ наслаждаться. Но въ первой половинѣ настоящей книги я достаточно показалъ, почему предпочелъ названія „духовный“ и „разумный“, которыя они, можетъ быть, назвали бы „душевнымъ“ и „духовнымъ“, такъ что я далъ только другія названія тѣмъ же самымъ предметамъ. — Если мы по мѣрѣ силъ обсудили этотъ предметъ правильно, то или читатель подтвердитъ насъ, если онъ духовный, или же при помощи Духа Святаго воспользуется чѣмъ-нибудь изъ этого чтенія, чтобы быть духовнымъ. На этомъ мы и закончимъ совсѣмъ настоящее свое, въ двѣнадцати томахъ заключающееся, сочиненіе.

Просимъ сдѣлать исправленіе слѣдующихъ замѣченныхъ погрѣшностей:

Стрц. 220, стрк. 13 сверху:

вм. не предвидѣлъ — предвидѣлъ...

стрц. 235, стрк. 8 сверху:

вм. который толкуютъ съ многоразличнымъ знаніемъ — который въ переводѣ означаетъ „многоразличное знаніе“.
